

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Ч. II, 11

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ,

изданный похъ редакціою оуди. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Часть официальная:	
Протоколы засѣданій совѣта съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.	121—152
Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго ново-россійскаго университета въ 1872/73 академическомъ году	153
Часть ученая:	
Братья-подоби и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. <i>А. Кочубинская</i>	1
Отвѣтъ на статью г. Умова: „Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы“ <i>В. Дина</i>	347
Объявленіе.	
Объ изданіи журнала „Школьная жизнь“.	
Опечатки.	

Часть ученая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая сужденію книга есть общій очеркъ послѣдней религіозной борьбы чеховъ съ бранителями официальной церкви въ началѣ XVII столѣтія, — борьбы «братской общины» и чешскихъ лютеранъ съ іезуитами.

Свобода религіозной мысли были искони для чеховъ желаннымъ идеаломъ, за который онъ шелъ свободно и на костеръ: «Христосъ воззрѣлъ на него въ то время, когда другіе люди принимали только просвѣщеніе» — сказалъ знаменитый педагогъ XVII вѣка, Янъ Амосъ Коменскій, и мы можемъ повторить эти правдивыя слова чешскаго изгнанника. Не надо намъ ссылаться на Гуса: исторія можетъ указать въ религіозной жизни этого народа на явленіе, болѣе близкое къ намъ и болѣе мощное, чѣмъ реформа Гуса — это «братская община». Пошедши отъ горсти людей, послѣднихъ читателей Гуса, во второй половинѣ XV вѣка, община незамѣтно захватываетъ въ себя лучшія силы народа, переходитъ границы своей земли и чрезъ сто лѣтъ является могущественною нравственною силою, уничтоженію которой посвящаютъ себя іезуиты. Сила общины заключалась въ ней самой — въ отношеніи людскія она вносила вездѣ одно начало — гуманность: «у всѣхъ людей одна и та же цѣль — быть людьми, созданьемъ разумнымъ» (Коменскій въ «Дидактикѣ»). Этой цѣли іезуиты противопоставили иную, прямо противоположную, и открыли борьбу. Борьба протянулась долгая. Сначала іезуиты потеряли кампанію: 9 іюля 1609 г. былъ подписанъ

императоромъ Рудольфомъ II маестать на свободу «подобойскаго вѣроисповѣданія». Но скоро іезуиты нашли брешь въ этомъ мирномъ земскомъ договорѣ и чрезъ нея открыли рядъ новыхъ нападеній; стоявшіе за маестатомъ подобой поднялись на защиту свою, но не смогли отстоять себя: сословія-подобой были безъ народа-подобоя. Старое королевство погибло, какъ жертва искупленія другихъ.

Составляя настоящій очеркъ о послѣднихъ свободныхъ годахъ чешскаго народа, я главнымъ образомъ пользовался чешскими современными извѣстіями, официальными и частными.

Самый богатый матеріалъ мнѣ представили «*Monumenta historiae bohemiae, edita auxilio illustrium amicorum patriae historiae ab Antonio Gindely*», въ пяти отдѣленіяхъ, Прага, 1865—1868 г. Ученый издатель — профессоръ пражскаго университета и извѣстный историкъ чешскій времени габсбурговъ, т. е. того времени, до котораго довелъ свои «*Dějiny národu českého*» маститый историографъ Палацкій. Сотрудниками Гиндели были не менѣе извѣстные ученые: Тифтрунекъ, Іосифъ и Герменегильдъ Иречки и Климентъ Боровый. Къ сожалѣнію, «*Monumenta*» остановились на не законченномъ второмъ томѣ V отдѣленія, а между тѣмъ, по мысли издателя, они должны были обнять всю массу матеріаловъ старочешской исторіи, состоя изъ слѣдующихъ статей: 1) сочиненія братской общины, 2) хронисты и историки, 3) сеймовыя рѣшенія, 4) остатки старыхъ досокъ, 5) чешскій дипломатарій, 6) переписка консисторій утравкистской и католической.

I отдѣленіе «Памятниковъ» заключаетъ въ себѣ «*Decreta jednoty bratrské*», одинъ томъ, XII + 320. Подъ декретами общины разумѣлись постановленія или протоколы братскихъ церковныхъ сеймовъ — синодовъ, собиравшихся не менѣе одного разу въ году. Протоколы эти велись особыми писарями общины и имѣли официальный характеръ. Отъ декретовъ должно отличать «анналы», лѣтописи (Мол. I. стр. 279). Въ 1617 году община постановила — всѣ свои

протоколы привести въ систему и написать въ трехъ экземплярахъ: для Чехіи, Моравіи и Польши, и работа эта была поручена одному изъ братьевъ, вѣроятно, писарю. По мысли этого неизвѣстнаго намъ кодификатора, весь сводъ братскихъ постановленій долженъ былъ состоять изъ четырехъ раздѣловъ: I—обнимаетъ время возникновенія общины; II—расширенія и преслѣдованія ея отъ Фердинанда I; III—широкаго распространенія общины и первыхъ попытокъ къ достиженію свободы вѣроисповѣданія; IV—объявленія религиозной свободы. Но сохранились только I и II раздѣлы свода—по 1574 годъ (стр. 1—243), при чемъ декреты до 1529 года расположены не въ временномъ порядкѣ, а по содержанію: ученіе о вѣрѣ, дисциплина и т. д. Отъ III и IV раздѣловъ дошли одни отрывки. Древнѣйшій декретъ—отъ 1488, позднѣйшій—отъ 1636 года. Изданіе сдѣлано по 2 рукописямъ: одна заключаетъ декреты по 1574 годъ, другая—отрывочные декреты съ 1591 года. Понятно само собой, какое значеніе имѣютъ эти официальные данныя общины для пониманія ея.

II-е отдѣленіе «Памятниковъ»—«Historie česká od r. 1602 do r. 1623» Павла Скалы изъ Згоры, въ пяти томахъ: 1-й томъ обнимаетъ 1602—1616 г. XI+384; 2-ой—1617, 1618 г. XI+572; 3-й—1619 до марта 1620. XII+488; 4-й—отъ марта 1620 до конца года. VIII+440. 5-й—1621—1623 г. XII+401. «Чешская исторія» Скалы есть только окончаніе гигантскаго труда того же автора—«Церковной исторіи отъ временъ апостольскихъ».

Отецъ Павла Скалы, Адамъ, первый сталъ поддсываться «ze Zhoře», получивъ рыцарское достоинство отъ Фердинанда I, тогда какъ родъ его былъ мѣщанскій, изъ Воднянъ. Адамъ, бакалавръ пражскаго университета, былъ сначала бурмистромъ въ Воднянахъ, но потомъ переселился въ Прагу и получилъ мѣсто «регистратора при доскахъ земскихъ королевства чешскаго». Въ Прагѣ, около 1580, родился у него сынъ Павелъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстной приходской школѣ при церкви.

св. Мартына, высшее — за границей, въ виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1604 году Скала былъ принятъ въ число мѣщанъ города Жатца, гдѣ и женился на родственницѣ примаса Гоштылка, извѣстнаго своею дѣятельностью въ возстаніи 1618 года и потомъ казненнаго послѣ бѣлогорской катастрофы. Старикъ Скала постоянно извѣщалъ сына о событіяхъ въ Прагѣ и даже посылалъ ему копіи съ важнѣйшихъ сеймовыхъ постановленій. Такъ подъ 1609 годомъ, рассказывая о полученіи подобными маестата и о внесеніи его въ доски, Павелъ говоритъ: «достоверную копію маестата прислалъ мнѣ въ Жатецъ мой милый отецъ Адамъ, регистраторъ досокъ земскихъ, подъ печатами Захарія Кабы, втораго судьи, и Богуслава Михаловица, втораго писаря корол. чешскаго» (I. 243). Самъ старикъ Скала вносилъ маестать въ доски, какъ регистраторъ (ib). Изъ Жатца сынъ не рѣдко навѣщалъ отца въ Прагѣ, иногда съ официальными порученіями отъ своего города. Такъ въ 1609 году, когда высшія сословія, добывая маестать, пригласили на совѣщаніе въ Прагу депутатовъ отъ третьяго, городского сословія, Скала-сынъ былъ посланъ въ столицу отъ Жатца съ тайнымъ порученіемъ: «города — рассказываетъ Скала — холодно приняли предложеніе, и потому жатчане послали писаря Розація и меня въ Прагу, подъ предлогомъ навѣщенія — я своего отца, Розаціи брата своей жены, чтобы видѣть, какъ много депутатовъ отъ городовъ будетъ участвовать въ сѣздѣ и что будутъ говорить о немъ» (ib. 182). Въ 1610 г. умеръ старикъ Скала, и сынъ снова былъ въ Прагѣ для устройства судьбы своихъ 4 младшихъ братьевъ и 2 сестеръ, въ качествѣ опекуна.

Въ началѣ возстанія 1618 года, при объявленіи директоріи, Скала, благодаря протекціи своего родственника, Гоштылка, попавшаго въ число директоровъ, получилъ мѣсто въ директорской канцеляріи и такимъ образомъ, переселившись въ Прагу, сдѣлался участникомъ событий послѣднихъ годовъ чешскаго королевства. Симпатизируя болѣе всего интересамъ городского сословія, онъ возму-

щался, что высшія сословія не прочь были обращаться съ мѣщанами, какъ со своими «холопами», и въ отношеніяхъ директоріи къ Вѣнѣ былъ болѣе на сторонѣ мирныхъ средствъ, какъ и вообще все третіе сословіе. Въ отвѣтъ на предложеніе Матвѣя о мирѣ Скала написалъ проектъ мирныхъ условій «для наученія своихъ милыхъ земляковъ» (Ш. 6—8; Скала прямо не говоритъ, что онъ ихъ авторъ, но въ другомъ мѣстѣ признается, см. предисловіе издателя, I. 13). Съ видимымъ неудовольствіемъ Скала замѣчаетъ, что «вопросъ о мирѣ кануль, какъ въ воду» (Ш. 92). При антикоролѣ Фридрихѣ Скала занимался въ придворной канцеляріи и былъ очень близокъ къ первымъ дѣятелямъ того времени. Подъ 21 дек. 1619 г. онъ пишетъ: «въ субботу, съ воли и вѣдома Фридриха, равно какъ и по горячему желанію нѣкоторыхъ первыхъ пановъ чешскихъ изъ братской общины — бургграфа Берки, канцлера Роупова и другихъ чиновниковъ и судей земскихъ, была совершена реформація образовъ и статуй въ храмѣ св. Вита, не ночью, а послѣ полудня, когда вышепомянутыя лица вышли изъ канцеляріи, въ присутствіи короля и этихъ лицъ; хотя я вмѣстѣ съ иными присяжными оставался еще въ канцеляріи для рѣшенія нѣкоторыхъ безотлагательныхъ дѣлъ, но мы ничего не знали о реформаціи» (Ш. 416). Въ іюлѣ 1620 Скала изготавляетъ инструкцію для посольства, отправлявшагося въ Константинополь (IV. 217). Послѣ бѣлгорскаго пораженія онъ бѣжалъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Фридрихомъ и въ изгнаніи былъ вѣрнымъ слугою своего короля, исполняя различныя порученія въ Берлинѣ, Виртембергѣ и даже Прагѣ. Въ 1622 г. мы видимъ Скалу во Франціи при дворѣ Фридриха, а затѣмъ въ Голландіи. Въ концѣ 1622 года Фридрихъ распустилъ войска и простился съ своими чехами: Скала вмѣстѣ съ отпущенными солдатами Мансфельда чрезъ Лотарингію, Страсбургъ, Ульмъ, Нюренбергъ уѣхалъ въ Саксонію, въ Фрейбергъ, гдѣ жилъ, по его собственнымъ словамъ, не мало лѣтъ со многими чешскими эмигрантами (IV. 38).

Здѣсь онъ нашелъ свою семью и родственниковъ казеннаго Гошляка, поселился и свой досугъ посвятилъ занятіямъ исторіей. Громадный свой трудъ — «Церковную исторію», десять томовъ, in folio, въ 1500 стр. каждый, Скала окончилъ около 1640 года, въ которомъ году онъ, вѣроятно, и умеръ въ Фрейбергѣ, 60 лѣтъ.

Итакъ, «Чешская исторія» — часть VIII тома, томы IX и X «Церковной исторіи», есть трудъ человѣка, стоявшаго близко къ событіямъ, о которыхъ онъ ведетъ свой рассказъ, непосредственного участника и очевидца событій послѣднихъ трехъ лѣтъ чешскаго королевства: оттого исторія этихъ годовъ рассказана очень подробно; на долю ихъ выпадаетъ четыре тома изъ пяти печатнаго изданія. Скала въ своемъ изгнаніи собралъ все, что только можно было найти печатаннаго или писаннаго изъ исторіи его времени — трактаты, дипломатическую переписку, протоколы сеймовъ, сеймовыя постановленія, реляціи, правительственныя распоряженія, декреты, сочиненія полемическія, историческія, рѣчи и т. д., и изъ этой массы матеріала, въ чешскомъ переводѣ, если это не былъ чешскій оригиналъ, онъ составилъ свою лѣтопись, разбивши ее по годамъ. Личныя воспоминанія, рассказы товарищей-эмигрантовъ, старыя записки о прежнихъ годахъ дополнили недостававшее. Мы видѣли, наприм., что Адамъ Скала доставлялъ сыну свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ 1608—1610 г., копіи съ государственныхъ актовъ; послѣ смерти отца Скала получалъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ брата Яна: «далъ мнѣ — говоритъ онъ — о вторженіи пассовцевъ въ 1611 году въ Прагу обстоятельную записку мой братъ Янъ Скала, который въ то время, юноша, учился малярному искусству у Яна Фельда, жившаго на влашской улицѣ» (I. 282). Исторія Скалы — источникъ антигатолическій, но достовѣрный: авторъ довольствуется приведеніемъ документовъ или изложеніемъ событій и заботится объ одномъ — избѣгать невѣрныхъ сообщеній: «какъ и въ какомъ порядкѣ была совершена казнь надъ ними — говоритъ Скала, начиная

описаніе печальнаго дня 21 іюня 1621 года,— все это я изложу не своими словами, но другихъ, которые видѣли и, какъ можно ожидать, правдиво записали, изложу слово въ слово, чтобы не сказали, что я писалъ измышляя изъ своей головы и пристрастно, подъ диктовку пріязни или ненависти» (V. 8). Но на связь событій онъ не обращалъ вниманія, оттого у него событія только *juxtaposita*, а вся исторія — конгломератъ данныхъ. Авторъ обычно скрытъ за рассказомъ и видѣнъ лишь чаще всего въ суевѣрныхъ замѣткахъ о небесныхъ явленіяхъ (кометахъ etc.), особыхъ случаяхъ, и въ нихъ онъ прозрѣваетъ знаменія событій, — слабость, нерѣдкая у членовъ братской общины, къ которой принадлежалъ Скала. Что онъ не былъ лютеранинъ, это видно изъ особенно сочувственнаго вездѣ разказа объ общинѣ.

Скала извѣстенъ еще какъ авторъ хронологическаго сжопсиса событій всемірной исторіи — «*Chronologie cirkevni*» и «Дополненій» (*Prilipomena*) къ «Церковной исторіи», но все это потеряно для насъ.

III отдѣленіе — «*Paměti nejvyššho kancelje kralovství českého, Viléma hraběte Slavaty od l. 1608 do l. 1619*», въ двухъ томахъ: I-ый — 1608—1609, 1618—1619 г. IX + 432; II-й — 1611, 1615, 1617—1619 г. XII + 352. Авторъ — извѣстный своею католическою, крайне враждебною подобоямъ и особенно общинѣ дѣятельностью намѣстникъ императора Матвѣя, жизнью своею имѣвшій заплатить за свою горячую приверженность къ Риму въ роковой день 23 мая 1618 года. 1 декабря 1572 года у Діонисія Славаты, богатаго пана Индрихова Градца и другихъ помѣстій, горячаго защитника братской общины при Максимилианѣ, родился сынъ Вильгельмъ. Первое воспитаніе Вильгельмъ получилъ въ общинѣ, но затѣмъ уѣхалъ за границу, путешествовалъ по Италіи, Франціи и во время путешествія юный членъ общины перешелъ въ католичество. Узнавъ о ренегатствѣ сына, отецъ отказался отъ него, и Вильгельмъ, одинокій, порвавшій связи съ прис-

ными себѣ, оставшимися вѣрными вѣрѣ отцовъ своихъ, съ удвоенной ревностью неопита отдался весь, фанатически интересамъ своей новой церкви — уничтоженію родной общины. 23 мая 1618 года — въ день осужденія своего на смерть, онъ видѣлъ въ числѣ осудителей своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ. Съ 1602 по 1618 годъ Вильгельмъ неустанно работаетъ противъ общины, и биографъ его за это время, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей въ борьбѣ чеховъ съ іезуитами, входитъ, какъ интегральная часть, въ исторію этихъ годовъ. Послѣ полета изъ намѣстническаго окна, Славата, раненный въ голову, по неволѣ оставляетъ публичную дѣятельность, занимается возстановленіемъ своего здоровья, а черезъ годъ бѣжитъ изъ землѣ, забывъ свое честное слово. Когда же старое королевство погибло, онъ за всѣ услуги, оказанныя родной землѣ, получаетъ отъ Фердинанда графское достоинство, проходитъ рядъ высшихъ должностей и умираетъ канцлеромъ чешскимъ, 80 лѣтъ, въ 1652 году, среди грубаго суевѣрія католическаго мистицизма, среди іезуитовъ-препроводителей душъ изъ чистилища въ рай.

Свои «Воспоминанія» Славата началъ писать случайно и уже подъ конецъ жизни. Не смотря на всѣ уговоры друзей, особенно, Мартиница — оставить на память потомству рассказъ о событіяхъ, которыхъ ему было суждено быть непосредственнымъ участникомъ, и тѣмъ отвѣтить печатнымъ обвиненіямъ своихъ враговъ — подобоевъ, Славата отпѣкивался недосугомъ. Наконецъ, въ 1636 году ему попала въ руки книжка Матвѣя Турна, перваго виновника чешскаго возстанія и измыслителя оконной казни, въ которой тотъ оправдывалъ поступокъ чеховъ съ Славатой и Мартиницемъ, что они поступили съ ними со всей справедливостью, — Славата, который никогда не могъ равнодушно слышать о полетѣ изъ окна, былъ возмущенъ книжкой Турна и рѣшился отвѣчать ему. Это былъ поводъ къ составленію «Воспоминаній». Черезъ четыре года, въ 1640 г., была готова «защита противъ Турна».

Не смотря на свои преклонныя лѣта, Славата писалъ легко «Воспоминанія»: ему стоило только привести въ порядокъ тѣ замѣтки, которыя онъ велъ уже давно, почти съ первыхъ дней своего выступленія на политическое поприще, о главнѣйшихъ событіяхъ своего времени, сеймовыхъ прѣвнїяхъ и т. д. По вылетѣ изъ окна онъ не переставалъ вести записки и сообщалъ ихъ въ Вѣну. Наконецъ, ему, какъ канцлеру королевства, не трудно было собрать всѣ недостававшіе документы. Впрочемъ, Славата не ограничился приведеніемъ въ порядокъ своего наличнаго матеріала: онъ собиралъ тщательно свѣдѣнія отовсюду, списывался, перечитывалъ сочиненія за и противъ общины и дѣлалъ извлеченія. Давая послѣднюю редакцію своимъ мемуарамъ, Славата не довѣрялъ своей памяти и по мѣрѣ изготовленія отвѣта Турну посылалъ рукопись на просмотръ своимъ друзьямъ — участникамъ описываемыхъ событій: Мартиницу, Тальмберку, Коловрату и др. Съ особеннымъ тщаніемъ держалъ корректуру «Воспоминаній» Славаты его боевой сотоварищъ — Мартиницъ, заботясь о слогѣ: «панъ съ великою охотою просматриваетъ рукопись — извѣщаетъ Славата патера Фера, aby žádně české slovo nefogemně nebylo» (I. 8). Исправленный такимъ образомъ текстъ переводился по-нѣмецки и разсылался за границу.

Эта осторожность въ сообщеніи и изложеніи фактовъ изъ самой интересной эпохи чешской исторіи, дѣлая честь критическому уму автора, даетъ тѣмъ большую цѣну самимъ «Воспоминаніямъ»: записки Славаты правдивы, хотя не безъ пристрастія, особенно, гдѣ онъ касается общины. Многочисленные документы воспроизводятся съ точностью, «что касается существенныхъ частей, но съ выпускомъ формальныхъ вещей» (II. 320). Изложеніе полно, но безъ излишнихъ выписокъ и приведенія цѣлыхъ трактатовъ, какъ это мы видимъ у Скалы. Само собою разумѣется, авторъ смотритъ на все съ узко-католической и строго-габсбургской точки зрѣнія, и потому у него во всемъ виноваты одни «коно-

воды чешскаго мятежа». Къ сожалѣнiю, «Воспоминанiя», какъ отвѣтъ Турну, имѣють полемическiй характеръ: авторъ возражаетъ противъ каждаго въ отдѣльности положенiя Турна, и потому событiя идутъ у него не въ временномъ порядкѣ, а каждый разъ подбираются въ доказательство извѣстной мысли, въ оправданiе дѣйствiй своихъ и въ обвиненiе дѣйствiй противниковъ; но эту затруднительность въ пользованiи «Воспоминанiями» облегчаетъ хронологическiй указатель событiй, составленный ученымъ издателемъ, г. Иос. Иречкомъ.

IV отдѣленiе — «Codex juris bohemicí tomus primus, aetatem Přemyslidarum continens, opera Hermen. Jiriček». 447 + XII. Документальное приложенiе къ извѣстному сочиненiю того же автора — «Slovanské právo v Čechach a na Moravě», I т.

V отдѣленiе — «Jednání a dopisy konsistoře katolické i utrakvistské». Изданы подъ редакцiей профес. богословiя пражск. унив. Климента Бороваго, 2 тома: I-й — VII + 396, дѣла консисторiи уtrakвистской, II-ой — 368, дѣла консисторiи католической. Къ сожалѣнiю, второй томъ оставился на пятомъ выпускѣ. Въ I-мъ томѣ помѣщены 546 дѣлъ, отъ 1525 по 1562 годъ; во II-мъ — 321 дѣло (№ 547—868), отъ 1528 по 1563 годъ. Въ обоихъ томахъ масса драгоцѣннаго матеріала, на чешскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, для исторiи религiознаго броженiя народа въ XVI вѣкѣ, для церковной статистики, характеристики внутренней жизни официалнаго духовенства — католическаго и уtrakвистскаго. Всѣ эти документы извлечены главнымъ образомъ изъ архивовъ архіепископа пражскаго и капитула церкви св. Вита.

Кромѣ «Monumenta historiae bohemicae», прекраснiй матеріалъ для исторiи общины и чешской религiозной борьбы XVI—XVII вѣвовъ доставили: сочиненiя членовъ братской общины — «Исторiя о происхожденiи и дѣянiяхъ братьевъ чешскихъ» поляка Ласытскаго, осьмая книга, въ переводѣ Коменскаго; «Исторiя о тяжкихъ испытанiяхъ чешской

церкви» Коменскаго (официальное издание общины и дополнение къ книгѣ Ласытскаго, написанной по документамъ общины⁽¹⁾), «Дидактика» и другія произведенія того же автора; издание директоріи 1618 года—«Aprologie druhá», съ многочисленными приложеніями, въ числѣ 134 нумеровъ; статьи въ журналѣ музея королевства чешскаго — «Časopis», за разные годы; отрывки изъ братскихъ рукописей, помѣщенные г. Палацкимъ въ «Dějínach národu českého», (тома четвертаго первая часть) и г. Гиндели въ «Geschichte der böhmischen Brüder», въ приложеніяхъ.

Какъ пособіями, я пользовался, кромѣ только что указанныхъ книгъ гг. Палацкаго и Гиндели, сочиненіями— Гиндели «Dějiny českého povstání léta 1618», Пешака «Geschichte der Gegenreformation in Böhmen» и другихъ.

(¹) Принадлежность «Исторіи о тяжелыхъ испытаніяхъ» Коменскому утверждается декретомъ братскаго синода въ Лашнѣ, 6 окт. 1632 года: «Historia o původu Jednoty české aby byla přehlednuta, a k ní čtvrtý díl přidán o přibezích Jednoty hned od počátku až posavad. To' aby ex annalibus vyhledáno bylo zsumovně, obšírněji však než in synopsi latina proto, aby všichni v Jednotě zůstávající, nýbrž i jiní o Jednotě a věcech jejích místnou zprávu mítí mohli. Poručena ta práce B. Janovi Komenskému a kohožbykoli sobě ku pomoci přivzítí potřebu znal». («Monumenta». I. отд. 1. стр. 279). Ясно, декретъ имѣетъ въ виду два сочиненія: «Исторію о происхожденіи общины» и «Исторію о жизни общины». Судя по заглавію, первое сочиненіе есть не что иное, какъ книга Ласытскаго «Historia o původu», только трудъ Ласытскаго декретъ требуетъ просмотрѣть; второе-же сочиненіе, дополненіе къ первому, должно быть еще написано на основаніи «лѣтописей» общины и написано Коменскимъ, въ сотрудничествѣ другихъ лицъ по его указанію. Дѣйствительно, «книга о рѣбѣзích Jednoty по 1632 годъ» была написана и издана на латинскомъ (1648) и чешскомъ (1655) языкахъ подъ заглавіемъ—«Historie o těžkých protivěnstvích», ибо другой подобной книги мы не знаемъ. Если Коменскій не подписалъ своего имени, то по тому, что книга имѣла официальное происхожденіе. Если «сочинители этой книги» обозначили: «datum v exilium našem, leta 1632», то этииъ они указывали на время декрета о составленіи «Исторіи». Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, просвѣщается та темнота, которую видятъ Нанушъ («Quellenkunde und Bibliographie», Prag. 1868. 54) и Zoubek («Život J. A. Komenského» 113) въ судьбѣ книги «О тяжелыхъ испытаніяхъ».

Въ заключеніе приношу мою глубокую благодарность высокоуважаемому В. И. Григоровичу и А. И. Шатеру ассистенту музея королевства чешскаго въ Прагѣ, за сообщенія, указанія и совѣты.

А. Кочубинскій.

Одесса.

17 сентября 1873 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Братская община и земскій мирный договоръ 9 іюля 1609 года между братьями-подобоями и католиками, стр. 1—208:

Исканіе религіознаго идеала старыми чехами. Гусъ и Петръ Хельчицкій. Ученіе послѣдняго о вѣрѣ и обществѣ. Мистръ Рокицана и пленникъ Григорій. Чтеніе сочиненій Хельчицкаго и желаніе Григорія ввести въ жизнь ученіе его. Колонія Еувальдъ и основаніе Григоріемъ общины чешскихъ братьевъ. Первые епископы. Преслѣдованіе общины Рокицаной. † Григорія. Бакалавры: Лука, Лаврентій и Прокопъ. Развѣтіе ученія общины и расколъ на снходѣ 1490 года: болеславцы и амосовцы. Конечная организація общины. Римъ и община. Лобковиць и «кровавый» мандатъ Владислава 1508 г. Сожженія братьевъ. Епископъ Лука и Лютеръ. Лютеранствъ среди чешскихъ утравистовъ и Кагера противъ. Фердинандъ I. Пріостановка преслѣдованій общины. Новые паны въ общинѣ. Янъ Августа и Лютеръ: попытки слить оба вѣроученія. Сильнѣйшее расширеніе лютеранства между утравистовъ и чешскіе лютеране съ братьями затѣваютъ восстаніе 1547 года. Послѣдствія восстанія для общины: мандатъ 1547 г. и повсемѣстное закрытіе братскихъ церквей; мандатъ 1548 года и арестованіе братскихъ священниковъ, въ томъ числѣ епископа Августы, изгнаніе братьевъ изъ Чехіи, основаніе братскихъ колоній въ Польшѣ. Повторительный мандатъ 1554 г. Толки о Максимилианѣ и послышки дьякона Яна Благослава въ Вѣну. Смерть Фердинанда и мягкій взглядъ Максимилиана на общину. Лютеранскія «пожеланія» Августы и противудѣйствіе Яна Благослава. Сеймъ 1567 года и уничтоженіе компататовъ. Сеймъ 1571 г. и недоразумѣнія между братьями и лютеранами. Развѣтіе педагогическаго дѣла въ общинѣ при мирномъ управленіи Максимилиана, кралицкая библия, конеессія. Сеймъ 1575 года. Трудное соединеніе братьевъ и лютеранъ на сеймѣ и выработка въ комитетѣ «чешской конеессіи». Споры о предисловіи. Подача конеессіи Максимилиану, неутвержденіе ея и мандатъ 1575 г. противъ «цикардовъ», по настоянію оециальной церкви. Сравнительныя силы братьевъ и католиковъ въ половинѣ XVI вѣка. Прибытіе на подмогу церкви іезуитовъ. Политика іезуитовъ въ Чехіи: Collegium Clementinum и заботы ихъ объ образованіи духовенства; вліяніе на представителей церкви и

высшія сословія при посредствѣ школъ. Усиленіе вліянія іезуитовъ при Рудольфѣ. Сеймы 1583 и 1584 г. и попытки бургграва Розенберка разрознить лютеранъ и братьевъ. Новый мандатъ противъ общины 1584 г. — начало «спасительной реформаціи» іезуитовъ. Шатаніе въ общинѣ, ослабленіе дисциплины. Смена старыхъ руководителей «реформаціи» новыми: Лобковицеиъ, Мартиницеиъ, Славатой, и мандатъ 1602 года. Бессиліе правительства дать силу мандату. Общее раздраженіе противъ правительства и протестующаго петидія на сеймѣ 1603 г. отъ пановъ и рыцарей, «принимающихъ подъ обонии видами». Мѣры правительства противъ городовъ и крестьянъ. Аббатъ Селендеръ брумовскій. Вышательство эрцгерцога Матвѣя въ религіозныя вѣруядицы въ Чехіи. Генеральный сеймъ 19 мая 1608 года въ Прагѣ. Требованія маестата подобоими. Уклончивый отвѣтъ Рудольфа. Миръ съ Матвѣемъ и объявленіе его преемникомъ. Сеймъ 29 янв. 1609 г. Повтореніе прошлогоднихъ требованій подобоими и отвѣтъ на это Рудольфа. Бумажная война между сеймомъ и королемъ: представленія сейма отъ 14, 26 февраля, 14, 24 марта и отвѣты на нихъ короля отъ 21 февраля, 3, 23, 31 марта. Протестъ подобоевъ на сеймѣ 1 апрѣля и назначеніе земскаго съѣзда на 1 мая въ новомиетской ратушѣ. Первое рушеніе земли. Собраніе 1-го и 2-го мая подъ открытымъ небомъ и объясненія у короля. Собраніе 3 мая въ ратушѣ. Уступка короля — общаніе сейма. Условія съѣзда. Сеймъ 25 мая. Предложеніе короля и меморіаль сейма. Угроза подобоевъ при мѣшканѣ отвѣтомъ. Неожиданный отвѣтъ Рудольфа и дѣйствію его на сеймъ. Засѣданіе 13 іюня и объясненіе подобоевъ королю. Концептъ маестата на столѣ. Оборонительный союзъ съ силезскими лютеранами. Отвѣтъ Рудольфа на концептъ, отъ 20 іюня. Засѣданіе 22 іюня и комитетъ изъ 60. Засѣданіе 24 іюня: избраніе генераловъ и членовъ временнаго правительства; проектъ налоговъ. Рудольфъ уступилъ: примирительная революція 26 іюня, и отклоненіе ея сеймомъ въ засѣданіи того же числа. Чтеніе протеста и записки о «дееенвіи» Турна тогда же. Взаимныя присяги директоровъ и сословія 27 іюня. Дѣйствія директоріи. Совѣщанія въ домѣ бургграва Штернберка. Угроза Штернберка Рудольфу и подписаніе маестата, 9-го іюля. Передача его директоріи. Съѣздъ подобоевъ 21 іюля. Внесеніе въ земскія доски маестата и «соглашенія между католиками и подобоими». Содержаніе обонихъ государственныхъ актовъ и ихъ взаимное отношеніе. Продолженіе сейма. Соглашеніе 28 сентября между коннеессіонистами и подобоими. Амнистія. Объявленіе Славаты и Мартиница земскими врагами. Мѣры къ реализаціи маестата: выборъ дееенворовъ (10 октября), организація нижней консисторіи (11 окт.) и реорганизованіе университета. Попытка Рудольфа уничтожить маестатъ: вторженіе пассивскаго войска въ Австрію и Чехію. Съѣздъ 25 января 1611 года. Пассивцы въ Прагѣ. Переговоры Рудольфа съ създомъ о примиреніи съ пассивцами. Обращеніе съѣзда къ Матвѣю. Прибытіе Матвѣя въ Прагу и отступленіе пассивцевъ къ Будеевицамъ. Переговоры его съ създомъ. Сеймъ 12 апрѣля и вынужденное отреченіе Рудольфа. Коронаваніе Матвѣя и † Рудольфа.

II. Обманутыя надежды земли и гибель братьевъ-подобоевъ а съ ними стараго королевства послѣ бѣлогорской битвы, стр. 209—346:

Начало недовѣрія новаго короля къ землѣ. Первое нарушеніе земснаго мира іезуитами и католическимъ духовенствомъ въ проповѣдяхъ и печати. Нарушеніе земснаго мира дѣломъ — католическое толкованіе маетата и соглашенія. Столкновенія въ Брумовѣ, въ Новыхъ Страшецахъ и Гробѣ. Претестъ дессензоровъ противъ католическаго насилія въ сентябрь 1614 года. Сеймъ въ Вудевничахъ въ 1614 году. Генеральный сеймъ въ Прагѣ въ 1615 году. Переговоры сословій и пословъ Моравіи, Силезіи и Луциць о статьяхъ сейма 1611 года: конфедерации и дессензіи. Переговоры о томъ же съ косяками Австріи. Постановленія сейма о сѣздахъ и старыхъ договорахъ. Претестъ сейма противъ нарушеній земскихъ законовъ 1609 года и его безсудность. Рѣшеніе страшецкаго дѣла и аудіенція Турна, Гершторезъ и Когоуте у Матвѣя въ Брандисѣ въ апрѣлѣ 1616 года. Репозъ земли и надежды на скорую смерть короля. Объявленіе сейма на 5 іюня 1617 года для принятія Фердинанда штирійскаго. Мѣры правительства. Прѣнія въ канцеляріи утромъ 5 іюня. Предложеніе Матвѣя и обсужденіе его подобоими. Голосованіе. Сеймовое постановленіе. Записки и коронованіе Фердинанда. Усиленные дѣйствія католиковъ противъ подобоевъ. Наказаніе противниковъ «принятія». Инструкція въ городе. Цензурный декретъ. Крайнее раздраженіе сторонъ. Снесеніе подобоевской церкви въ Гробѣ и коммиссія въ Брумовѣ. Подобоевскій сѣздъ 6 марта 1618 г. Засѣданія 7 и 8 марта. Просьба къ намістникамъ, королю и въ соединенныя земли. Отвѣтъ короля отъ 21 марта. Сѣздъ 21 мая. Засѣданіе 22 мая. Собраніе на замковой площади 23 мая. Подобой въ канцеляріи. Запросъ. Обвиненія Славаты и Мартинида. Оконная казнь. Образованіе директоріи изъ 30 и мѣры обороны 24 и 25 мая. Записка Матвѣю и въ земли отъ 26 мая. Директорія одна. Декретъ объ изгнаніи іезуитовъ отъ 1 іюня и другія мѣры директоріи. Выступленіе Турна къ австрійской границѣ. Отвѣтъ Матвѣя отъ 18 іюня и патентъ. Сеймъ 25 іюня. Отвѣтъ Матвѣю. Война. Отношенія сосѣдей къ Чехіи: Австріи, Венгії, Моравіи, Силезіи, Германіи и Польши. Первые военныя дѣйствія. Сеймъ 27 августа и его миролюбіе. Попытка Вальдштейна къ реакціи въ пользу Вѣны. Земское рушеніе. Тайный побѣгъ подобоевъ изъ сейма. Отступленіе Букуа на югъ. Моравскіе посредники въ Прагѣ. Обсужденіе и отвѣтъ на ихъ предложенія. Извинительное посланіе директоровъ Матвѣю и отвѣтъ послѣднего. Силесскій сеймъ 1 октября. Онъ принимаетъ сторону чеховъ. Военныя дѣйствія въ ноябрѣ. Пораженіе Букуа у Веселаго 9 ноября. Дампьеръ откинутъ въ Моравію. Штурмъ Пильзны 21 ноября. Турнъ на Вѣну. Сочувственный пріемъ его въ Австріи. Сеймъ въ Бернѣ 15 декабря и политика австрійцевъ. Возобновленіе мирныхъ переговоровъ. Посольство Вальдштейна въ Прагу и Дрезденъ. Гринталъ въ Прагѣ. Неохота къ не-

реговорамъ директорія и отложеніе ихъ на 14 апрѣля 1619 года. Сеймъ 18 марта въ Прагѣ. Новое рушеніе земли, условія переговоровъ. Споры о поставкѣ зерна. Извѣщеніе сейма Фердинандомъ о смерти Матвія и утверженіе имъ земскаго устава. Директорія оставляетъ все это безъ вниманія. Сеймъ въ Лициѣ объявляетъ себя на сторонѣ чеховъ. Вторженіе Турна въ Моравію, бѣгство Вальдштейна и Находа. Сеймъ въ Вернѣ учреждаетъ временное правительство и принимаетъ чешскій союзъ. Турнь возвращается въ Австрію и осаждаетъ Вѣну. De Maggadas. Пораженіе Мансоельда у Заблатъя 9 іюня 1619 года и Турнь спѣшитъ въ Чехію. Генеральный сеймъ 8 іюля. Предложенія директоровъ. Занятія пословъ земель и чешскаго сейма. Ссоры сословій. Засѣданіе 31-іюля и утвержденіе коннедерациі. Сеймъ отероченъ. Принятіе коннедерациі съ Австріями, 15 августа. Отвѣтъ Фердинанду. Мнѣніе директоровъ. Низложеніе Фердинанда. Избраніе Фридриха пфальцскаго, 26 августа. Посольство въ Вальдсауъ. Прибытіе Фридриха въ Прагу и коронованіе. Союзъ съ Ветленомъ трансильванскимъ. Отступленіе Букуа изъ Чехіи и Турнь у Вѣны (въ октябрѣ). Дѣйствія подъ Вѣной. Голодъ въ чешскомъ лагерѣ. Переговоры Ветлена съ Фердинандомъ. Гогенлоу въ Пресбургѣ, переговоры съ венгерскими сословіями. Перемиріе Ветлена съ Фердинандомъ и коннедерациія чешскихъ земель, Венгріи и Трансильваніи. De Maggadas. Пораженія чеховъ въ есвралѣ. Последний сеймъ въ Прагѣ, съ 26 марта. Королевское предложеніе. Новые налоги и избраніе въ наслѣдники сына Фридриха, Генриха. Дѣйствія въ Австріи. Пораженія Букуа у Эгенбургъ, Фельзескаго у Сницелдореа и Мансоельда у Герста. Казаки. Помощь отъ Ветлена. Переговоры чеховъ съ Портой. Максимилианъ баварскій въ Чехіи. Взятіе Прахатицъ, Писка и и пр. Фридрихъ въ арміи. Двусмысленное поведеніе Мансоельда. Раковницъ. Бѣлая гора. Пораженіе чеховъ 10 ноября. Слѣдствія. Заключеніе

БРАТЯ — ПОДОВОИ И ЧЕШСКІЕ КАТОЛИКИ

въ началѣ XVII вѣка.

«...Туž osoby (т. е. директора 1609 года изъ общины братской) рѣдні вѣдцовѣ тежъ následující rebellie v království českémъ byli....»

Slavata «Paměti.» I. 343.

«...Vždycky, obzvláštně od těch let, jak dotčená tvárnobožná řehola jezuitská do království tohoto uvedena byla, lidé mezi nimi (католиками) se nacházeli, kteříž po-ředě se školy též řeholy, a hnedъ počátky literního umění tímъ jedovatýmъ a všemъ královstvímъ, zemímъ a obcímъ vysoce škodlivýmъ jejichъ učenímъ opojeni byvše, násilí práva, zřízení zemskému, smlouvámъ a svědomímъ lidskýmъ činili....»

«Apologie druhá stavůvъ království českého roku 1618.»

Въ средѣ славянскихъ народовъ есть одно племя, минувшая жизнь котораго, тѣсно связанная съ судьбами европейскаго чело-вѣка, всегда имѣла высокій интересъ для науки, это — племя чешское. Правда, кровавыми словами отмѣчено его вмѣшательство въ исторію Европы; но сѣмена, посѣянные на кровью орошенной нивѣ, дали добрый плодъ, если не для самого сѣятеля, то для другихъ.

Глубокое религіозное чувство, разумное, уничтожающее слѣпой религіозной фанатизмъ стремленіе къ достиженію вѣры, вотъ та особенность, которую исторія можетъ указать, какъ

наиболѣе выпуклую черту характера, въ старыхъ чехахъ. Отъ перваго еще неяснаго движенія ихъ зарождающейся исторической жизни въ IX вѣкѣ и до послѣдняго проявленія ея въ XVII — вся исторія этого многоиспытаннаго племени есть одинъ лишь въ немногихъ мѣстахъ прерывающійся разговоръ объ исканіи народомъ религіознаго идеала (1).

Первая страница чешской лѣтописи говоритъ о религіозномъ посольствѣ стараго князя IX вѣка въ Константинополь. Князь приказываетъ сказать императору: «соуть во нь (къ намъ) вѣшли оучители мнози христiane, оучаще ны различь. а мы, словени, проста чадь, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истинноу и разоумъ сказалъ; послѣ такъ моужь, иже ны исправитъ всякоу правду» (2). Не византійскій риторъ заносилъ эти слова на память людямъ, а близкій безхитростный современникъ, и правду словъ его подтвердила дальнѣйшая жизнь. Среди чешскаго племени естественно былъ основанъ и первой славянской церкви. Если церковь Кирилла и Меѳодія не успѣла сказать «всяку правду», была застигнута тяжелыми историческими обстоятельствами, то она тѣмъ не менѣе указала народу путь какъ приблизиться къ правдѣ, завѣщавши ему, что каждый народъ имѣетъ право на свою народную церковь. Исчезла церковь св. Кирилла и Меѳодія на чешской землѣ, но никогда не исчезала память о великихъ учителяхъ посреди ихъ первыхъ, чешскихъ учениковъ: она являлась въ никогда неумолкавшихъ порываніяхъ народа исполнить полученный завѣтъ.

Князь Вратиславъ ищетъ предъ нами Григоріемъ VII разрѣшенія славянской церкви, но получаетъ выговоръ за это неразумное предстательство о томъ, «quod simpliciter populus quaerit» (чего въ простотѣ своей требуетъ народъ) (3). Сазав-

---

(1) «Von jeher — начинаетъ Пешекъ свою исторію антиреформаціи въ Чехіи — war Böhmen für reineres Christenthum empfänglicher, als andere Länder.» P e s e c h e k. (českého národu potomek). «Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.» Leipzig 1850. I. 3.

(2) Паннонское житіе св. Меѳодія.

(3) «Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum Slavonicam linguam apud vos divinum celebrari annueremus officium scias, non huic

скій монастырь съ св. Прокосіемъ, «*dědicem* (патрономъ) *slovanským*», былъ дорогъ народу, но онъ былъ плодъ запретный и, не имѣя канонической основы, подвергался всевозможнымъ случайностямъ, пока не палъ окончательно въ исходѣ XI вѣка: тѣмъ не менѣе память о немъ поддерживала въ народѣ путемъ легенды его старое стремленіе къ христіанству въ понятной формѣ. — Сонмъ чертей возстаетъ на «чешскаго человѣка», соборъ латинскихъ священниковъ клеветаетъ на его славянскихъ учениковъ, но всѣ эти темныя силы падаютъ предъ св. Прокосіемъ «патрономъ славянскимъ»: зане онъ избранникъ Божій; таковъ смыслъ знаменитой старочешской легенды⁽¹⁾. Слова Бозьмы о чешскомъ язычествѣ XI вѣка есть тоже свидѣтельство о неудовлетворявшемся официальной религіей религиозномъ чувствѣ народа. Феодалная борьба XII—XIII столѣтій князей и шляхты, уничтожившая старый княжеско-общинный строй земли, прижала народъ, и мы за это время не встрѣчаемъ указаній того, *quod simpliciter populus quaerit*; но что «неразумное» исканіе разумной религіи не заглохло и въ эту темную эпоху феодальнаго гнета, свидѣтельствуетъ ходатайство Карла IV (1346 г.) предъ папой Климентомъ VI о дозволеніи основать славянскія обители въ Чехіи: «много въ народѣ схизматиковъ и невѣрныхъ — говоритъ Карлъ; — они не хотятъ понимать ни латинскаго пи-

---

petitioni tuae nequaquam posse favere... Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerunt, sed incorrectum dimiserunt. Отвѣтъ Григорія VII отъ 2 января 1080. Н. Jireček. «*Codex juris Bohemici*». 21.

(1) Легенда о св. Прокосіи (+ 1055), по горячей защитѣ славянскаго языка въ чешской церкви равная только Далмиловой хроникѣ, отставившей народный элементъ въ жизни, составлена въ XIII—XIV вѣковъ. Šafařík. «*Výbor z literatury české*». I. 182. Jungmann. «*Historie literatury české*». II. 34. Латинскіе священники-завистники одно только говорятъ князю Спитигиѣву противъ сазавцовъ: «есть тутъ какіе-то слова, съ какимъ-то новымъ письмомъ. Князь! не дозволяй имъ этого — служить славянскимъ глаголомъ, стоя предъ алтаремъ; знай, что они поступаютъ поеретически». «*Výbor*». I. 207.

санія, ни проповѣди.» (1) Папа снизошелъ на просьбу своего ученика, дозволивъ славянскій монастырь въ Прагѣ; но извѣстные «Эмшаусы», стоя особнякомъ, были безъ значенія въ чешскомъ религиозномъ движеніи. Чѣмъ же инымъ, если не всегда живымъ стремленіемъ къ разумному христіанству объясняется раннее появленіе у Чеховъ священнаго писанія въ переводѣ на народный языкъ? Если къ послѣдней четверти XIV вѣка относится появленіе первой полной чешской библіи, то, нѣтъ сомнѣнія, частями библія въ переводѣ была извѣстна много раньше народу (2). Что чешскій переводъ священныхъ книгъ былъ вызванъ потребностью народа, можно для подтвержденія этого сослаться на таборитовъ, у которыхъ, по свидѣтельству Эннія Сильвія, не было почти ни одной женщины, которая не была бы знакома съ библіей (3): нельзя же допустить, чтобы разомъ, какииъ-то чудеснымъ образомъ распространилось въ массѣ знакомство съ священнымъ писаніемъ, при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, если бы къ этому не подготовила народъ вся его предшествовавшая жизнь.

---

(1) «Sunt multi schismatici et infideles, qui cum eis sacra scriptura latine dicitur, vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christianam possunt converti.» Pelzel. «Geschichte des Kaisers Karls des Vierten». Документальныя приложенія въ I-му тому. Перепечатано Гильердингомъ: «Гусъ, его отношенія къ православной церкви». Петербургъ, 1871. 32, 33.

(2) Dobrowsky. «Über den ersten Text der Böhm. Bibelübersetzung» въ журналѣ «Neuere Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften. Prag. 1798. III. 240—266. I. Иречекъ утверждаетъ тотъ фактъ, что библія переводилась частями, въ теченіе трехъ вѣковъ, и древнѣйшая часть ея ранѣе XIII вѣка. «Časopis». 1864. 378. Что хотѣлъ сказать Я. Гусъ въ началѣ своей послѣды: «такъ какъ вообще нѣтъ евангельскихъ чтеній, писанныхъ по-чешски...» (M. J. Husi «Spisy». Praha, 1866, II. 2) непонятно.

(3) Известно классическое свидѣтельство будущаго папы: «Pudat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidam novam legem constat legisse: apud taberitas vix mulierculam inventas, quae de novo testamento et veteri respondere nesciat». Отъ XV вѣка считается болѣе 20 чешскихъ библій. Šembera. «Dějiny řeči a literatury česko-slovenské». Viden. 1859, 1866. I. 122—124. II. 61—64.

Только принявъ во вниманіе эти порыванія, эти старыя религіозныя исканія, станеть намъ понятенъ тотъ кровавый эптузіазмъ, съ которымъ встрѣтилъ народъ дѣятельность Гуса и его учениковъ: «bíte, zabíte, žádného ne živte!»⁽¹⁾ Какъ разъяренная волна, онъ хлынулъ на преграды, стоявшія такъ долго ему на пути; онѣ оказались ветхими, и онъ ихъ смялъ подъ собой. Какъ бы ни былъ увлекателенъ виедемскій проповѣдникъ, но проповѣдь его не нашла бы сочувственнаго отзыва въ массѣ, если бы почва не была приготовлена заранѣе къ воспріятію религіозныхъ вопросовъ. О дѣйствительной связи стародавнихъ исканій народа съ стремленіями Гуса — основать чистое христіанство свидѣлствуютъ и преданія первыхъ гуситовъ, записанныя въ XVII вѣкѣ⁽²⁾, и убѣжденія современныхъ намъ ихъ послѣдователей — гернгутеровъ⁽³⁾.

По видимому, базельскіе компактаты умирили совершенно религіозное чувство народа. Такъ, по меньшей мѣрѣ, надѣялись отцы собора. Но было бы грустно думать, что Гусъ выходилъ на костеръ, народъ проливалъ кровь для того, чтобы въ концѣ концовъ выпросить у Рима разрѣшеніе на калихъ — на приобщеніе подъ обоими видами, — и, дѣйствительно, исторія указываетъ иное: калихъ съ базельскими компактатами не удовлетворилъ никого, въ комъ еще не угасло исканіе «правды»; религіозная мысль народа замираетъ на самое короткое время и являетъ себя снова въ ученіи сначала ничтожной и тяжело преслѣдуемой, подъ конецъ торжествующей повсюду въ землѣ *общины чешскихъ братьевъ* «jednoty bratrské.» Братская община воскресила стародавнія народныя стремленія и обновила умолкшую гуситскую войну, съ той только разницей, что новая

---

(1) «Байте, убивайте, никого не щадите» — конецъ известной гуситской пѣсни. Ег б е п. «Výbor z literatury». II. 283.

(2) P. Str an s k y. «Respublica Bohemiae». Lugd. Batavorum. 1634. cap. VI — «de religionis mutationibus et regimine Ecclesiastico in Bojemia», 253, 254, 256—260.

(3) См. напр. учебникъ церковной исторіи, употребляемый въ гернгутерскихъ школахъ въ Германіи, «Kurzgefasste Geschichte der alten und neuen Brüder-Unität» von J. W. Ver be e k. Gnadau. 1857. § 1.

религіозная борьба была безъ громкихъ сценъ, безъ молотовъ и цѣповъ, шла медленно, тянулась безъ малаго полтора вѣка, повела не одного, а десятки людей на вольное страданіе — костеръ и плаху, но закончилась не калихомъ и компагтатами, а полнѣмъ, хотя вынужденнымъ признаніемъ за народомъ свободы его совѣсти. Послѣ этой второй гуситской борьбы, тянувшейся со второй половины XV по начало XVII вѣка, чехи имѣли право дать положительную форму словамъ своего стараго князя: «мы, словени, простая чадь, имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ сказалъ», — братская община была удовлетворительнымъ отвѣтомъ на старыя исканія народомъ религіозной истины.

Но не много дней спокойствія было отмѣрено знаменитой общинѣ: едва добилась своего признанія, едва успѣла усѣться на землѣ, какъ вынуждена была принять новый вызовъ отъ своихъ старыхъ враговъ, начать новую и послѣднюю борьбу. Она ея не выдержала; «пришли на насъ — говорить знаменитый современникъ изъ общины — головы, носящія умъ, перемудрили насъ, придавили насъ, разогнали насъ, расплѣнили насъ, ибо мы были, какъ въ оно время Іерусалимъ, наги и лишены опоръ своихъ — храбрыхъ героевъ и мужественныхъ людей, разумныхъ и краснорѣчивыхъ судей и пророковъ, мудрецовъ и совѣтниковъ» (1). Библейское изреченіе, взятое Амосомъ Коменскимъ изъ Исаяи, указывало причину гибели знаменитой общины, а вмѣстѣ съ ней и старыхъ историческихъ чеховъ. На Бѣлой горѣ 8 ноября 1620 года народъ похоронилъ свои старыя идеальныя стремленія; съ этого дня онъ сходитъ съ исторической сцены, но, уступая свое мѣсто другимъ, онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память своей минувшей жизни, результаты которой, выраженные въ философскомъ ученіи брата Коменскаго, чувствуются и до днесь. На Бѣлой горѣ долгая и тяжелая религіозная борьба чеховъ изъ-за религіозной истины закончилась, и трагически для нихъ. Народъ былъ разнесенъ врагами, убитъ нравственно и

---

(1) Jan Amos Komenský. «Didaktika». Praha. 1872. 197.

материально (1), преданъ на уничтоженіе чернымъ жандармамъ; онъ потерялъ все свое историческое достояніе, но за нимъ осталось то, что не въ силахъ была отнять у него злоба іезуитовъ, признательность со стороны потомства, признаніе, что «его долгая религіозная борьба представляетъ одну изъ разительнѣйшихъ трагедій, какую только можно найти въ исторіи человечества» (2). Послѣднее дѣйствіе этой трагедіи составитъ содержаніе настоящей книги. Въ немъ будутъ дѣйствующими лицами: съ одной стороны братская община съ чешскими лютеранами, съ другой католики или, точнѣе, дѣйствовавшіе внѣ сцены, за кулисами іезуиты.

Но для пониманія послѣдняго акта намъ необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ нѣсколькихъ предшествовавшихъ дѣйствій многоактной чешской религіозной драмы.

Въ то самое время, когда римская церковь занималась улаживаньемъ тяжбы съ своими чешскими противниками путемъ несущественныхъ формальныхъ уступокъ на базельскомъ соборѣ съ калишниками или утравквистами, когда радикальнѣйшая часть послѣдователей Гуса, такъ называемые табориты, были уничтожены самими же чехами, въ деревенской глуши, вдалекѣ отъ центра споровъ, появляется скромный писатель, который воскресилъ замиравшіе религіозные интересы и далъ дальнѣйшій ходъ.

Это былъ Петръ Хельчицкій, свободный хлѣбопашецъ (zeman). Съ гордостью патриота могъ сказать Палацкій, что Хельчицкій вышелъ изъ того сословія, которому народъ чешскій того времени обязанъ благодарностью за энергичнѣйшихъ и храбрѣйшихъ мужей своихъ — изъ нижней или бѣдной шляхты — «vladyctvi» (3).

(1) «Die Schlacht am Weissen Berge 1620 lähmte und entkräftigte die ganze Böhmisches Nation an Leib und Seele» говорятъ Добровскии, заканчивая пятый періодъ исторіи чешской литературы. «Geschichte der Böhmisches Sprache» въ «Neuere Abhandlungen etc.» Prag 1791. I. 359.

(2) Talvy. «Historical view of the languages and literature of the slavie nations». New-York. 1850. 148.

(3) «Dějiny narodu českého». IV. I. 409. Вопросъ о личности Хельчицкаго, его значенія до сихъ поръ мало опредѣленъ. Лучшія характери-

Это былъ писатель — самоучка. Въ молодости, въ разгаръ дѣятельности Гуса, онъ самое короткое время учился въ пражскомъ университетѣ, гдѣ даже не успѣлъ одолѣть латини: «слабое или легкое свидѣтельство я могу дать о латини» — говоритъ онъ самъ о себѣ (1). Оставивши столицу, онъ поселился какъ частный человѣкъ въ Хельчицахъ (Chelčici) у Воднянъ, въ югозападномъ уголкѣ Чехіи, гдѣ, вѣроятно, онъ и родился около 1390 года, и здѣсь въ одиночныхъ размышленіяхъ доваичивая свою науку. Въ его деревенскихъ занятіяхъ у него былъ одинъ учитель — Евангеліе. Одаренный отъ природы блестящими способностями, глубокимъ своеобразнымъ умомъ, онъ не разбросался надъ изученіемъ многого и всѣ свои мысли сосредоточилъ на одномъ — на начальной христіанской церкви, на возсозданіи ея въ дѣйствительной жизни. Этотъ вопросъ неминуемо влекъ за собой другой вопросъ о ненормальности существующихъ общественныхъ отношеній, и такимъ образомъ воскрешеніе первобытной христіанской церкви — общины среди потерявшихся людей стало предметомъ его мыслей, цѣлью его жизни. Вопросы теоретическіе были не по сердцу ему: онъ сосредоточился на практической сторонѣ евангельскаго ученія и дошелъ къ своеобразнымъ заключеніямъ.

Исходная точка ученія Хельчицкаго была заповѣдь Христа — любить Бога выше всего и ближняго, какъ самого себя. Любовь Бога не требуетъ, какъ необходимаго условія, внѣшней церкви, съ ея служителями, обрядами, и есть непосредственное чувство, исключающее всякое насиліе или принужденіе; любовь ближняго, какъ самого себя, исключаетъ необходимость зако-

---

стия его и его ученія — у Палацкаго въ 1-ой части 4-го тома «Исторія чешскаго народа» и у Гиндели (Gindely) «Geschichte der Böhmischen Brüder.» Знаменитѣйшія его сочиненія до сихъ поръ въ рукописи — въ Парижѣ, Оломуцѣ (Olmütz) и другихъ мѣстахъ. См. Гиндели. «Gesch.» I. 489. и слѣд. У Сабини «Dějepis literatury československé». Прага. 1866. 734—738 приведены тѣ мѣста изъ «Сѣти вѣры» Хельчицкаго, которыя наиболѣе опредѣляютъ его ученіе. Тамъ-же 742—745 заяя критика іезуита XVI в. III тура этого ученія.

(1) Palascku. «Dějiny». IV. I. 408, примѣч. 380. Гиндели думаетъ иначе. «Geschichte». I. 13.

новъ, государства, ибо все это предполагаетъ законное наслѣдіе, зло.

Христіанство — говорить онъ въ «Сѣти вѣры» — есть элементъ духа, есть царство свободы, гдѣ человѣкъ добровольно и природно стремится къ добруму, гдѣ нѣтъ сопротивленія или непорядка, т. е. принужденія или насилія, нѣтъ непокою или бури... Богъ не желаетъ принуждать никого противъ его воли къ своей добротѣ, да и та добродѣтель не имѣетъ цѣны для него, что пошла отъ принужденія (1). Чистое и истинное христіанство — объясняетъ онъ въ другомъ сочиненіи — господствовало только въ первоначальной церкви до Константина; когда же Сильвестръ допустилъ императора къ вѣрѣ, безъ измѣненія жизни, со всѣмъ царствомъ, со всѣми правами языческими, христіанство быстро обязычилось насковозъ. Папа сдѣлалъ языческаго цезаря причастнымъ Христа, цезарь папу причастнымъ міра и благъ его. Съ этой поры обѣ власти поддерживаютъ одна другую, обращая все въ церкви и христіанствѣ на свои эгоистическія, противныя Богу цѣли (2). Въ другомъ сочиненіи «O želme a obrazu jejimъ» довольно ясно указываетъ, что антихристъ — римская церковь, а образъ его — папа (3). Отсюда понятно — онъ требуетъ разрушенія всей существующей церкви

(1) Palaskey. «Dějiny». IV. I. 416.

(2) ib. 417. Этотъ взглядъ на свѣтскую власть папы Хельничій заимствовалъ у Гуса. «Власть эта — говоритъ Гусъ — существуетъ на позоръ и посяганію съ той минуты, какъ Константинъ Великій далъ ее папѣ. Въ этомъ дарѣ слышится голосъ: «нмѣ влѣтъ ядъ въ церковь божию». Но они (папешники) говорятъ, что это дьяволъ сказалъ; а я скажу — будь это ангелъ, будь это дьяволъ, все же онъ сказалъ правду». Mistrá Husi «Sebrané Spisy». II. 81.

(3) Gindely. I. 16. Заглавный листъ перваго изданія (1521 г.) сочиненія Хельничіаго «объ антихриствѣ», имѣлъ слѣдующія 2 картинки: на одной — апостолаи тянуть къ берегу сѣть, въ то время какъ монахи уже разодрали ее; на другой — чертъ влечетъ за собой въ адъ папу, цезаря, кардиналовъ и епископовъ. Kopia ѡ. «Index bohemicorum librorum prohibitorum». Praga. 1770. 65. Сѣть вѣры (sit' víry), по мысли автора, означаетъ истинное христіанство, которое должно вытянуть человека изъ глубокаго моря этого міра и его золь. Sabina «Dějiny». 735.

со всіма ея историческими наращёніями и обращеніи ея въ первоначальную.

Также строго относился Хельчицкій и къ существующей организаціи общества. Для него всякая свѣтская власть идетъ отъ грѣха, есть зло, хотя и нужна противъ злыхъ, есть остатокъ язычества. Язычество — говорить онъ въ той же «Сѣти вѣри» — идетъ отъ тѣла, полно злобы и безпокойства, и потому требуетъ принужденія; къ нему относится исключительно (vuhgadně) власть свѣтская. Отъ грѣха пошла необходимость должностей (uřaduov) королевскихъ и ихъ законовъ для покаянія грѣха; и чѣмъ болѣе поколѣніе людское удалется отъ Бога и его закона, тѣмъ необходимѣе потребность ихъ. Я не говорю, чтобы, благодаря имъ, люди сдѣлались хорошими (prave), но они подпираются ими, чтобы не пасть совсѣмъ. Будьте христіанами — и вамъ не будетъ надобности ни въ короляхъ, ни въ господахъ, по обычаю языческому (1).

При этомъ взглядѣ на власть мірскую, какъ на незаконное наслѣдіе язычества, Хельчицкій, очевидно, видитъ въ отрицаніи ея необходимое условіе для возвращенія въ жизнь идеальнаго христіанства первыхъ вѣковъ. Но это отрицаніе должно быть пассивное, т. е. не должно соединяться ни съ какою актомъ насилія, поэтому заповѣдь его «терпѣть, но не преслѣдовать; повиноваться, но не повелѣвать» (2). Отрицавъ государство, онъ этимъ самымъ отвергалъ и всѣ элементы его: сословія, судъ, право войны, смертной казни, присягу, даже мірскую мудрость. Хельчицкій былъ такъ строгъ въ своемъ ученіи, что, вооружаясь противъ войны, отъ не пощадилъ даже самого Гуса (3). Понятно, какъ мало могъ онъ сочувствовать гуситскимъ войнамъ, предпринятымъ для христіанства.

(1) Palascku. «Dějiny» IV. I. 416. прим. 386.

(2) Gindely. «Gesch.» I. 15. Ср. Palascku. ib. 420.

(3) «Všichni, kdož to (всякое насиліе) činili, nevynimaje ani M. Husa, pili z vína kurvy veliké, jímž jest zarojila všesku národy, tak že ve tráveninách jejich bloudí všickni.» Отрывокъ у Палацкаго «Děj. IV. I. 418. О современныхъ ему юристахъ онъ выразился такъ: «смердятъ мудростью судейской, словно чеснокомъ изъ приготовленнаго желудка.» ib. 420. прим. 388.

Послѣдователей у Хельчицкаго было немного, благодаря его уединенной и безвѣстной жизни. Но помимо того, ученіе его было не безопасно: его основныя сочиненія падаютъ въ десятилѣтіе между 1433—1443 годами, въ разгаръ торга официальныхъ гуситовъ съ отцами базельскаго собора; но уже первымъ сеймомъ королевства послѣ учиненной сдѣлки на Кутной горѣ (1444) Хельчицкій былъ призванъ къ отвѣту за свои смѣлыя мысли. Его ученіе, быть можетъ, осталось бы надолго, если не навсегда, извѣстнымъ только немногимъ испытателямъ вѣры, еслибы случайное обстоятельство не подало повода къ быстрому распространенію и скорой реализаціи его.

Тотъ самый представитель официального гуситства, или, по выраженію «общины», лжегуситовъ (falešpuch), который принималъ живѣйшее участіе въ добытіи базельскихъ компактатовъ — мистръ Рокицана, скоро разочаровался въ честности своего противника и, обманутый въ ожиданіи архіепископскаго сана, анаемой сталъ грѣшить противъ папы съ церковной кафедрой, объявляя его антихристомъ. «Священники — говорилъ онъ — есть та блудница, о которой сказано въ Откровеніи, что сидитъ на звѣрѣ (šelmě). Народъ осветился и объантихристился (hovadnú a šzelmilý) и столько же похожъ на истинныхъ христіанъ, сколько малеванный на стѣнѣ св. Петръ на апостола Петра въ небѣ.» Обновленіе церкви стало невозможнымъ; Рокицана уподоблялъ ее разоренному и опустѣлому городу, фундаментъ и развалины котораго поросли разнымъ кустарникомъ, а въ томъ кустарникѣ лютый звѣрь расплодился и не пускаетъ никого ни дотронуться до фундамента, ни осмотрѣть его: «мы еще ходимъ поверху — пояснялъ Рокицана — но доберутся же люди и до фундамента и станутъ выводить зданіе хорошее и прочное, встанетъ на нихъ тотъ звѣрь лютый и будетъ препятствовать» (1).

Подобныя уподобленія были очень ясны, и они глубоко западали въ сердце нѣкоторыхъ изъ слушателей Рокицаны: «мы

---

(1) Изъ объясненія, поданнаго позже братьями, въ рукописи гернгутскаго архива. У Палацаго «Děj.» IV. I. 423. примѣчаніе.

нѣсколько лѣтъ слушали только одного Рокицану — объясняли впоследствии брата — и проповѣди его записывали» (1).

Эти рѣзкія проповѣди производили на слушателей потрясающее дѣйствіе, котораго, вѣроятно, не ожидалъ и самъ безхарактерный проповѣдникъ: «ну такъ гремѣлъ антихриста, что люди стали было уже считать его вторымъ Гусомъ и надѣялись на новую реформацію» (2). Однимъ изъ горячихъ слушателей Рокицаны былъ родной его племянникъ — Григорій (Rehoř) (3). Подъ чарующимъ вліяніемъ слова дяди, онъ и его друзья недовольствовались словомъ съ кафедръ и часто навѣщали его дома для благочестивой бесѣды. Дома Рокицана развивалъ тѣже мысли и еще больше возбуждалъ встревоженную совѣсть своихъ посѣтителей. Для большаго же утвержденія ихъ въ справедливости своихъ опасеній онъ указалъ имъ читать сочиненія Хельчицкаго. Это было въ половинѣ пятидесятихъ годовъ XV стол. «Въ это время — писалъ позже съ укоризной племянникъ своему враждебному дядѣ — ты хвалилъ намъ Петра Хельчицкаго, и мы потомъ съ нимъ бесѣдовали и писанія его читали. Изъ него мы узнали много больше злаго о священникахъ и людяхъ» (4). Произведенія Петра явились высшимъ откровеніемъ, чѣмъ проповѣди Рокицаны для восторженныхъ слушателей послѣдняго: они рѣшились осуществить мысли Хельчицкаго и основать новое общество христіанъ. Хотя новые приверженцы ученія Хельчицкаго и охладѣли значительно къ своему первому учителю: «изъ Хельчицкаго мы и о тебѣ усумнились» — писалъ Григорій Рокицанъ (5); но твердо рѣшившись основать новую церковь, вра-

---

(1) Изъ рукописной исторіи братьевъ епископа ихъ Яна Благослава, цитата у Палацкаго ib.

(2) J. A. Komenský «Historia o těžkých protivenstvích cýrkvě české». V Hříberku. 1844. Глава XVIII. 48.

(3) Коменскій въ процитованномъ учебникѣ исторіи братскихъ школъ XVII вѣка прямо говоритъ: «сынъ сестры Рокицановой.» Палацкій «Dej.» IV. I. 424. примѣч. отрицаетъ это, но доводы его незначущи; поэтому и Гиндेलъ держится взгляда братьевъ. «Geschichte» I. 22.

(4) Цитата у Палацкаго «Děj.» IV. 425. въ примѣчаніи.

(5) Ср. P. Šafařík: «Br. J. Blahoslava Historie bratří českých u výtahu». «Časopis». 1862. 102.

жадѣнную какъ духовной, такъ и свѣтской властью, кого же имъ было поставить во главу ея, выбрать вождемъ своимъ, какъ не искушеннаго опытомъ жизни Рокицану, который такъ алкалъ обновленія церкви на землѣ, въ виду уже вѣдущей на апокалипсическомъ звѣрѣ блудницы? Хельчицкій былъ кабинетный реформаторъ, а можетъ быть, онъ въ это время уже умеръ ⁽¹⁾. И племянникъ съ своими друзьями дѣйствительно обратился къ дядѣ съ просьбой стать ихъ вождемъ.

Но Рокицана былъ Гусомъ на слова, но не на дѣло. Онъ могъ въ своихъ слушателяхъ возбудить новое сильное неудовольствие на существующую церковь, пробудить неодолимое стремленіе къ исканію новаго религіознаго идеала, но когда племянникъ съ настойчивостью предложилъ ему «показать на дѣлѣ, чему онъ училъ словомъ», приняться за реформацію церкви, пойти по слѣду Гуса, указывая ему, что почва уже подготовлена, — громозосный, но слабодушный проповѣдникъ отклонилъ опасное предложеніе: «это дѣло — отвѣчалъ Рокицана — требуетъ большаго размышленія; такъ спѣшно ничего не можетъ быть предпринято» ⁽²⁾.

Не смотря на этотъ отвѣтъ, Григорій и его друзья все надѣялись на Рокицану. Семь лѣтъ онъ ихъ водилъ и все твердилъ одинъ совѣтъ — надо отдѣлаться совершенно какъ отъ калишниковъ, такъ и отъ палежниковъ. Но когда они повторили свое предложеніе: «ну, отступимся — мы будемъ тебѣ слѣдовать, признавать, чтить тебя какъ вождя, учителя и отца», онъ далъ прежній отвѣтъ: «пришлось бы скочить на твердую почву, вы слишкомъ смѣлы, — дѣло очень опасное» ⁽³⁾. Въ виду непріятной навязчивости со стороны племянника и его друзей, Рокицана не могъ не хотѣть какъ нибудь отдѣлаться отъ нихъ, а еще лучше удалить ихъ отъ себя: ему все грезились архіепископская каеэдра. Когда же они еще разъ повторили просьбу, Рокицана попросилъ оставить его въ покоѣ и

(1) Gindely. «Geschichte.» I. 25.

(2) «Historia o tezk. protiv.» Глава XVIII. 49.

(3) ib. 50.

вмѣстѣ съ тѣми общалъ выхлопотать у короля (Подѣбрада) гдѣ — нибудь мѣстечко, гдѣ они могли бы свободно служить Богу⁽¹⁾.

Дѣйствительно, Григорій и его друзья получили отъ короны по представленію Рокицаны въ летицкомъ панствѣ село Кунвальдъ, у Силезскихъ горъ, на границѣ, и туда переселились изъ Праги; въ числѣ ихъ были «и благородные и неблагородные, ученые и неученые.»

Такъ заложилась знаменитая впоследствии своею политическою и умственною дѣятельностью *община чешскихъ или моравскихъ братьевъ* (*jednota bratrská*): по обычаю апостольскому, они другъ друга называли братьями и сестрами.

Къ братской общинѣ присоединились вскорѣ и нѣкоторые изъ католическихъ священниковъ. Въ отлечіе отъ позднѣйшихъ протестантовъ, братья признавали таинство священства и необходимость діавоната⁽²⁾, и потому, естественно, рано долженъ былъ возникнуть въ средѣ ихъ вопросъ — откуда брать священниковъ, когда умрутъ нынѣшніе, посвященные отъ католиковъ. Они не допускали, чтобы священникъ ставилъ священника, и требовали ставленія отъ епископа. Откуда же взять епископа? Братья обратились къ сходнымъ съ ними по вѣроученію вальденцамъ, которые ссылались у моравско-австрийской границы, къ ихъ епископу Стефану⁽³⁾, и тотъ имъ посвятилъ трехъ

(1) *ib.* 51.

(2) Gindely. «Geschichte». I. 83.

(3) Любопытно это исканіе епископа братьями. Въ герингутскомъ братскомъ архивѣ Палаціи открытъ интересный трактатъ основателя общины брата Григорія: «Какъ должно относиться къ римской церкви?» «Много лѣтъ — говорятъ Григорій — мы домысливались — есть ли гдѣ-нибудь еще на землѣ апостольская церковь. Нѣкоторые хотѣли итти въ Индію, но потомъ узнали, что не стоитъ туда итти. Говорили съ греками въ Прагѣ, и нѣкоторые были въ Греціи и посвидѣтельствовали, какъ тамъ дѣлается, были у сербовъ, русскихъ, между армянами и въ Молдавіи; но отъ нихъ мы не могли имѣть священства, ибо и молдавскіе священники, да и русскіе повреждены (zkaženi).» «Dějiny» IV. 1. 431. 432. Гиндели отрицаетъ принадлежность этого сочиненія Григорію, основателю общины. «Geschichte» I. 493. прим. 33. 2. Было и второе путешествіе въ Россію въ 1491 г. *ib.* 68.

епископовъ. (1) Эти епископы были напередъ избраны общиной на братскомъ сеймѣ въ Рыхновѣ (Reichenau) въ 1467 году. Тогда же община приняла названіе «jednota bratrská» и учредили у себя центральное управленіе или такъ называемый узкій совѣтъ «ouzká rada». Такимъ образомъ община организовалась.

Но братскую общину, сейчасъ же по ея основаніи, не оставили въ покоѣ ни папешники, ни лжегуситы (калишники) съ своимъ главой Рокицаной. Утраевнистовъ вооружало несогласное съ ними ученіе объ св. евхаристіи (2). Объ общинѣ стали говорить, что она, по примѣру таборитовъ, замышляетъ что-то противъ власти. Еще до посвященія епископовъ глава общины, братъ Григорій, былъ посаженъ въ тюрьму въ Прагѣ, но былъ вскоре выпущенъ. Онъ далъ рѣзкое наставленіе по этому поводу Рокицанѣ: «развѣ дозвоительно призывать на насъ свѣтскую власть? свѣтская власть должна обращаться только противъ тѣхъ, которые преступаютъ законы общественныя; свѣтская власть явилась у языческаго міра; въ христіанствѣ она должна быть совершенно отброшена» (3). Но когда Рокицана узналъ о посвященіи трехъ епископовъ, избраніи совѣта общины, какъ центрального управленія, словомъ когда совершилось формальное

---

(1) Матвѣя Кундвальскаго, Оому Прелоуднаго и Илью Хреновскаго. Дѣйствительно ли вальденскій епископъ Стеванъ посвятилъ братьямъ первыхъ трехъ епископовъ, или они просто по жребію выбрали на собраніи въ Рыхновѣ изъ среды своихъ указанныхъ лицъ, которые имѣли бы власть посвящать, — вопросъ этотъ не разрѣшенъ. Гиндели склоняется болѣе въ пользу послѣдняго мнѣнія: «древнѣйшіе источники — говорятъ онъ — ничего не знаютъ о посвященіи.» «Geschichte» I. 499. прим. 33. 6. стр. ib. 37. Тутъ же у Гиндели приведены всѣ свидѣтельства за и противъ. Впрочемъ, Гиндели вообще склоненъ видѣть въ братьяхъ позднѣйшихъ лютеранъ. Коменскій въ своей Исторіи какъ бы соединяетъ то и другое: сначала выбрали жребіемъ, а потомъ послали къ Стѣвану на посвященіе. «Hist.» гл. XX. Нѣсколько иначе говоритъ о посвященіи Стеваномъ первыхъ трехъ епископовъ другой историкъ братьевъ, Jan Jafet. См. его «Meš Gollášův» въ «Časopis»-ѣ 1861. 141, 142. Позже епископы выбирались бумажками, по большинству голосовъ. «Dekrety jednoty bratrské.» I. 183, 184.

(2) Gindely. «Gesch.» I. 29.

(3) ib. 30.

отдѣленіе общины отъ его утраквистской паствы, гнѣву его не было предѣла и онъ рѣшился лично дѣйствовать противъ братьевъ у короля, а чрезъ священниковъ въ народѣ. Все пошло противъ общины. На сеймѣ въ Бенешовѣ 1468 года опредѣлили: принудить къ возвращенію, въ противномъ случаѣ — наказанію. Братья разсѣялись по лѣсамъ, пещерамъ, ямамъ и такимъ образомъ скрывались отъ кровавыхъ преслѣдованій; но число ихъ не уменьшалось, напротивъ прибывали новые члены — простой людъ, ремесленники, даже земане и священники. Кого успѣвали захватывать, того пытали, мучили, огненной казнью казнили. Григорій молилъ дядю о пощадѣ, но Рокицана не внималъ; тогда братья просили по крайней мѣрѣ выслушать ихъ. «Развѣ мы не принадлежимъ къ sub — utraque? писали они королю; развѣ и мы не принимаемъ причастіе подѣ обоими видами? Но съ римскою церковью мы не желаемъ имѣть никакого дѣла...» (1). Только одновременная смерть короля Юрія Подѣбрада и Рокицаны въ 1471 году прекратила незаслуженныя преслѣдованія тѣхъ, кто прямо требовалъ отъ своихъ членовъ, что кто подѣ какою властью состоитъ, долженъ повиноваться ей, съ покорностью отправлять подати и работы и за нее Богу молиться (2).

(1) ib. 45.

(2) «Ve všech věcech služných, hodných, poctivých máme — говорятъ одно изъ первыхъ постановленій общины (около 1468 г.) — se zachovati a ostříhati, kde jsme kteří pod kterou naší povýšenou, jichž máme poslouchati a pokorně poddáni byti v daněch a robotách, i za ně se pánu bohu modliti.» P a l a s k y. «Dějiny» IV. II. 431. Въ другихъ постановленіяхъ тоже: «Dále sme se svolili, abychom poddané poslušenství měli spolu, jako pisma svědčí Bohem vdechnutá, ve všech věcech.» «Dekrety jednoty bratr.» I. 8. «Učení mají býti (крестьяне, зависимые люди), aby znali řád světa Bohem zřízený sobě k dobrému, a aby znali místo své a slouhy světa k svému dobrému neb pro zachování zlého, a aby jim poddáni byli netoliko pro bázeň, ale i pro svědomí, neb tomu Bůh chce. A aby poslouchali, učení činili, nezřízeně sobě moci nesvěřené nikdy neužívali, ale radče trpěli, k každému skutku dobrému hotovost měli, všelikou krotkost ukazovali, neproklínali ani zlořečili, poplatky i daně platili, dobré a věrné pány aby milovali. Rovnosti s nimi v chodu neb v sedění míti s nimi se stříhli, poctivostí je předcházeli i jich poslané, křivdy trpělivě snášeli, vědouc, že Bůh

Въ эту тяжелую годину для братьевъ только немногіе наны оказывали имъ милость: Краиржи, Костея въ Чехіи, Жеротинны, братья Товачовскіе изъ Цимбурка въ Моравіи.

Со смерти утравнистскаго короля Юрія и со вступленія на престолъ католическаго Владислава, которому было только 16 лѣтъ, начинается лучшая эпоха въ жизни братской общины. «Если чему нибудь — замѣчаетъ Гиндели — то именно мягкому характеру короля Владислава обязана община своимъ прочнымъ развитіемъ» (1). Гоеніе прекратилось, не смотря на происки враговъ, подобоевъ, тогда какъ католики держались въ сторонѣ, что впрочемъ понятно (2); братья вступили даже первый разъ въ публичный споръ съ учеными подобоями университета. Среди этихъ измѣнившихся обстоятельствъ умеръ основатель общины Григорій въ 1474 году (3). Событіе это имѣло рѣшительное значеніе на дальнѣйшую судьбу братьевъ. Григорій, заботившійся прежде всего объ осуществленіи христіанской морали въ жизни, весь вѣкъ свой ратовалъ противъ всякаго вліянія на плебейскую общину ученаго элемента и, умирая, завѣщалъ братьямъ беречься ученыхъ. Быть можетъ, онъ при этомъ имѣлъ въ виду Хель-

---

di, mě pomsta a jít' odplatím. A aby nepomlouvali, ani utrhali, ani potupovali, ale za ně se Bohu modlili.» ib. 98. Эти декреты XV или начала XVI вѣковъ. Постановленія эти были только развитіемъ принципа Хельчицкаго — терпѣть и нигдѣ и никогда не дозволить себѣ насилія. Въ теоріи община была врагомъ всякой власти свѣтской, слѣдов. и тогдашней въ Чехіи, но на практикѣ она требовала безусловнаго подчиненія властямъ придававшимъ. Это одно изъ тѣхъ противурѣчій, среди которыхъ находились постоянно послѣдователи Хельчицкаго. Отрицавъ значеніе государства, они должны были сейчасъ же приняться за организацію своего государства: избрать епископовъ, составить совѣтъ и т. д.

(1) «Geschichte» I. 49.

(2) Борьба однихъ антикатоликовъ съ другими могла быть желательной сторонникамъ Рима. Ср. ib. 50.

(3) Онъ былъ похороненъ въ Брандысѣ надъ Орликомъ. «Одинъ изъ тѣхъ, которые были вачинателями общины, патронъ и патріархъ ея» — сказано въ поминальной книгѣ братскаго духовенства. «Tottenbuch der Geistlichkeit der böhmischen Brüder» въ «Fontes rerum Austriacarum». I. Scriptores. V. 219.

чицкаго и Рокицану. Но это крайнее воззрѣніе, очевидно въ будущемъ долженствовавшее препятствовать расширенію братства среди вліятельныхъ сословій и осуждавшее общину на вѣчное убожество, вскорѣ же послѣ смерти Григорія было отброшено, и чего тотъ боялся — совершилось: во главѣ общества стали ученые мистры и бакалавры пражскаго университета: Лука, Лаврентій и Прокopf.

Послѣ смерти первыхъ гонителей братьевъ — Подѣбрада и Рокицаны, презираемая община пріобрѣла мало по малу вниманіе господъ и городскихъ сословій: изъ пановъ стали особенно покровительствовать братьямъ — Костка изъ Поступиць и Товачовскій изъ Цимбурка; жена послѣдняго была первой женщиной изъ высшаго сословія, сочувствовавшей братьямъ; мало-по-малу убѣдились, что это ни адамиты, ни какіе-либо опасныя сектанты, напротивъ, трудолюбивые и полезные люди, и имъ охотно отводили мѣста для заселенія дворяне на своихъ земляхъ. При этихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствахъ число сектантовъ росло; но за то, если подѣ Григоріемъ община отличалась полнымъ единодушіемъ, такъ какъ членовъ ея было еще немного, то этого уже нельзя было ожидать при расширеніи ея, особенно по вступленіи въ нее ученыхъ мистровъ.

Зерномъ раздора былъ основной принципъ братскаго ученія — отношеніе человѣка къ міру. Образовались двѣ партіи: старовѣры, приверженцы умершаго Григорія, придерживались извѣстнаго воззрѣнія Хельчицкаго на власть и, утверждая совершенную правоту человѣка, не требующую благодати, отвергали подчиненіе государству, тогда какъ противники ихъ доказывали его грѣховность⁽¹⁾ и отсюда законность власти и ея принадлежностей, необходимость благодати. Руководителями новосектантовъ были недавно вступившіе въ общину люди съ университетскимъ образованіемъ — Лука, Лаврентій; за то за партію противную стояла

(1) Споръ этотъ Коменскій формулетъ такъ: «zda li by člověk křesťan v dobrým svědomím vrchnosti býti, meče užívati, přísahati činiti, neb ji od jiných vyhledávati mohl? Odpírali tomu někteří, ale větší částka stavu vrchnosti zastávala.» «Historia o protiv.» гл. XXIII. Ср. Jana Jafeta «Meč Goliasův» въ «Časopis»-ѣ. 1861. 141.

масса — братья изъ простаго званія. Очевидно, старовѣры были настоящими, а не «лжебратьями» (falešníci), какъ ихъ стали называть впоследствии въ средѣ общины, но они не смогли дать побѣду своему мнѣнью. Отъ разрѣшенія этого спора зависѣла вся судьба общины — остаться ли ей при первоначальномъ плебейскомъ характерѣ, безъ общественнаго значенія, или же напротивъ, открыть себѣ доступъ въ разъ отвергнутое общество. Такимъ образомъ, догматическій вопросъ переходилъ на чисто практическую почву. Ясно, новая община переживала критическую минуту. Братъ (бакалавръ) Прокопъ предложилъ третье, примиряющее ученіе: при благодати чловѣку необходима для спасенія добрая воля; эта добрая воля проявляется и въ богатыхъ, и сильныхъ міра, если только они желаютъ вступленія въ общину, и потому нѣтъ необходимости разрѣшать имъ вступленіе подъ условіемъ отказа отъ всего блеска (1).

Борьба мнѣній продолжалась нѣсколько лѣтъ. Вообще это было время, когда выработывалась догматика братскаго ученія въ отличіе отъ положеній римской и другихъ церквей, когда съ одной стороны община освободилась отъ преслѣдованій извнѣ, съ другой — въ составъ ея вошли люди, съ богословскимъ образованіемъ, могшіе приняться за формулованье братскаго ученія. На сеймѣ или синодѣ въ 1488 братья составили первую свою конфессію — краткое изложеніе католическаго символа вѣры; на томъ же сеймѣ было выработано исповѣданіе вѣры о церкви: есть двоякаго рода церкви — общая или вселенская и помѣстная, частныя; только общая имѣетъ право почитаться святой; — о таинствахъ, которыхъ допускали два: крещеніе и причащеніе (2).

Въ 1490 собрался синодъ въ Брандысѣ; на немъ имѣлъ разрѣшиться спорный вопросъ. Представителемъ мѣстной общины

(1) Gindely «Geschichte» I. 64.

(2) «Dekrety jednoty bratrské.» I. 11, 13, 15, 60. На синодѣ 1494 года было опредѣлено, какъ должно понимать таинство евхаристіи: «chleb jest tělo kristovo a vino krev jeho, posvatně totiž, a g u r n ě neb znamenavě.» Ib. 69.

былъ бакалавръ Проконъ. Благодаря вліянію послѣдняго, ученіе образованныхъ членовъ общины одержало перевѣсъ. Богатымъ и ученымъ былъ разрѣшенъ доступъ въ общину: «такъ какъ и при самомъ низкомъ занятіи, напр. при пряжѣ или тканѣ не исключается опасность и встрѣчается и невѣріе, и ложь; у бѣдныхъ проявляется невоздержаніе, гордость, своеволіе, напротивъ у богатыхъ, благородныхъ, ученыхъ — смиреніе и терпѣніе, поэтому справедливо препоручить ангеламъ разбирательство между ними при кончинѣ свѣта, а въ виду этого обстоятельства немощные въ вѣрѣ, особенно немощные въ добродѣтеляхъ должны быть принимаемы» (1). Вопросъ о присягѣ былъ также разрѣшенъ въ пользу новосектантовъ: «если бы кто вынуждался отъ лица, не находящагося въ общинѣ, призваніемъ имени Божьяго подтвердить знаніе свое извѣстнаго дѣла, и сдѣлалъ бы это, то онъ не нарушилъ бы тѣмъ словъ Божиихъ» (2). Наконецъ было дозволено братьямъ заниматься торговлей, промыслами (3).

Какъ и слѣдовало ожидать, приверженцы старинны, ученія Хельчицкаго и Григорія, остались недовольны заключеніями синода 1490 года; вожди ихъ, Амось и Яковъ, начали проповѣдь среди своихъ, что самъ дьяволъ со всеми атрибутами вторгся теперь въ общину, что свѣтская власть вошла къ нимъ, какъ во времена папы Сильвестра, въ церковь, что можно заниматься постыдными промыслами, присягать, свидѣтельствовать и проч. Западныя поселенія Чехіи возстали противъ восточныхъ — умѣренныхъ. Община распадалась.

(1) *ib.* 65. Время этого постановленія не указано, но изъ содержанія видно, что оно должно было имѣть мѣсто на сеймѣ 1490. Ср. тутъ-же: «у насъ, при началѣ нашего общества еще мало людей, однако безъ того (зла) оно не было и не будетъ, такъ какъ люди собираются.» При вступленіи въ общину богатый получаетъ напоминаніе, что его обязанность помогать бѣднымъ. *ib.* 64. Черезъ нѣсколько времени богатые члены общины — изъ пановъ, рыцарей и горожанъ получили оенціальное разрѣшеніе на житейскій комфортъ, въ пищѣ, одеждѣ и т. д. *ib.* 89.

(2) *ib.* 87. Относительно свидѣтельствванія на судѣ вообще препоручалось насколько возможно избѣгать его. *ib.* 96. 97. Быть адвокатомъ по найму воспрещалось. *ib.* 96.

(3) *Gindely. I.* 65, гдѣ вообще о синодѣ 1490 года.

Черезъ четыре года (1494 г.) была сдѣлана попытка уничтожить расколъ на синодѣ въ Рыхновѣ (Reichenau), но она была безуспѣшна: западные округа объявили, что такъ какъ половина общины отдѣляется отъ стараго вѣроученія, то они извергаютъ ее изъ себя и соединяются въ новую общину. Они получили прозваніе «амосовцевъ», по имени ихъ вождя, Амоса, тогда какъ большинство стало называться «Болеславскими братьями», по городу Младоболеславѣ (1).

Болеславскіе братья собрались послѣ этого формальнаго разрыва на новый синодъ въ Рыхновѣ въ 1495 году и опредѣлили свое ученіе. Синодъ торжественно осудилъ значительную часть сочиненій отца общины, брата Григорія (2). Была сдѣлана черезъ годъ еще одна попытка къ соединенію въ Хлумцѣ и такъ-же безуспѣшно. Излишнее говорить, что права была на сторонѣ «меньшей партіи» (menší strana) и большинство покривило душой. Спустя полвѣка амосовцы безвѣстно окончили свою изолированную жизнь; осилившіе же братья не любили даже вспоминать объ этой непріятной исторіи (3).

(1) О расколѣ см. подробно у Гвидеки. I. 64—72. Для умиротворенія братья послали было искать истиной церкви на Востокъ; ходили четыре брата, одинъ былъ между прочимъ въ Россіи: это было въ 1491 году. ib.

(2) «Neb z milosti Boží — сказано въ протоколѣ синода — а z prací skutečných poznali sme, že jsou (у Григорія) nad míru a bez střednosti některé věci položeny, a někteří kusové z příčin tehdejších položeni jsou. A tehdy tak bylo potřebí, ježtoby již jinými příčinami škodu nésti mohli. Посему мы, которые были при началѣ общины, съ тѣми, которые позже присоединились къ намъ, послѣ многого обсужденія положили: не стѣсняться сочиненіями Григорія и не рекомендовать ихъ, какъ руководство, будущимъ членамъ общины. Они могутъ быть принимаемы настолько, насколько согласуются съ священнымъ писаніемъ и служатъ къ полезному образованію. Поэтому гдѣ 1495 во избѣжаніе злаго подоврѣнія относительно того, что мы здѣсь положили съ общаго согласенія, каждый изъ насъ подписался собственноручно.» Михаилъ Старый изъ Жамберка, Матѣй Кузвальдскій, Ома Прелоуцкій, Илья Хрѣновскій, Прокопъ изъ Индрихова Градца, Лука Пражскій, Лаврентій Брасоницкій и др. Всего 18 человекъ. «Dekrety.» I. 2.

(3) У Коменскаго въ «Исторіи тяжелыхъ испытаній чешской церкви» печальный эпизодъ этотъ, столь замѣчательный для дальнѣйшей жизни

По завершеніи раскола, къ началу XVI столѣтія братская община совмѣчала въ себѣ уже болѣе 10% всего чешскаго населенія; хотя съ точностью опредѣлить общее число братьевъ невозможно, но, принимая во вниманіе, что въ началѣ этого столѣтія католики насчитывали ихъ въ Моравіи въ 100 тысячъ, и что въ собственной Чехіи ихъ было гораздо болѣе, Гиндели опредѣляетъ число ихъ отъ 300 до 400 тысячъ (1). Гнѣздомъ ихъ была восточная Чехія, гдѣ имъ покровительствовали знатнѣйшіе паны — Цимбурки, Костки, сами вступившіе въ общину и передавшіе свое уваженіе къ ней своимъ родственникамъ. Въ

братства, преднамѣренно обойденъ: два, три глухихъ слова — и только. Глава XXIII. Для указанія радикальнаго намѣненія, совершившагося въ учени общины въ эпоху раскола, можно привести еще новое постановленіе ея относительно войны. Хельчицкий, Григорій, амосовцы безусловно возбраняли своимъ послѣдователямъ участіе въ войнѣ, новая же община допускала это участіе, но подъ извѣстными, отчасти комическими условіями. «Каждый долженъ по возможности набѣгать войны, особенно если она начинается изъ-за дѣла несправедливаго и неприличнаго: вслѣдствіе гордости, алчности, жестокости, или изъ-за вопроса религіознаго, ради котораго должно страдать. Если же король самъ не возбуждаетъ войны, и терпитъ насиліе онъ или его подданные со стороны кого либо другаго, при чемъ этотъ послѣдній не поддается на уговоръ и стоитъ на своемъ зломъ умыслѣ, такъ что онъ, король, въ силу своего высшаго призванія — защищать справедливость и людей своихъ, берется за оружіе и призываетъ на помощь своихъ подданныхъ, между которыми находятся и вѣрные (т. е. братья), — то въ войнѣ такого рода могутъ принимать участія и братья. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, каждый долженъ быть наставляемъ, чтобы онъ не шелъ на войну изъ-за платы, даже еслибы дѣло было справедливое, и если возможно, чтобы нанималъ за мѣсто себя. Если же этого нельзя сдѣлать, то онъ долженъ стараться быть въ войскѣ тамъ, гдѣ ему было бы удобно, какъ то: при обозѣ, въ гарнизонѣ замка и т. д. Наконецъ, если бы и это было невозможно, то онъ долженъ остерегаться искать славы храбростью или жестокостью, остерегаться грабежа, неправой корысти, идти на войну съ сознаніемъ, что это онъ дѣлаетъ по принужденію, а не по доброй волѣ и просить Господа Бога, чтобы онъ избавилъ отъ всякаго зла.» «Dekrety.» I. 97.

(1) «Geschichte.» I. 94, 96. По Коменскому, около 1500 года братскихъ «сборовъ» въ Чехіи и Моравіи было до 200. «Historia o prot.» гл. XX. Zbor—церковь, приходъ.

Моравіи имъ благоволили: Жеротины, Пернштейны, Штернберки, Восковицы, считавшіеся теперь также членами общины. Такимъ образомъ не прошло и полувѣка отъ появленія этой презираемой сесты, какъ она считала въ средѣ своихъ членовъ богатѣйшія аристократическія фамиліи. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезвычайное увеличеніе числа братьевъ имѣло мѣсто въ послѣдніе годы XV и первые XVI столѣтій вслѣдствіе обнародованія заключеній синодовъ 1490 и 1495 годовъ. Особенную преданность къ себѣ община нашла въ женщинахъ аристократическихъ фамилій⁽¹⁾.

Къ этому же времени возрастанія общины относится и установленіе прочной внутренней организаціи ея. Во главѣ общины стоялъ узкій совѣтъ, *ouzka rada*, сосредоточивавшій въ себѣ

(1) Вальбинъ съ ужасомъ говоритъ объ этомъ живомъ участіи аристократовъ того времени въ жизни общины: «*Omni tamen bonitate evincere non potuit Wladislaus, ne improborum hominum insidie appetere praecipue picardorum, quos oderat pessime et mille decretis confixos extirpare tamen e regno non potuit, nobilitate maxime faeminea virus picarditicum alte in animo fovente.*» «*Miscellaneorum historicorum regni Bohemiae decadis I liber VII.*» Pragaе. 1687. 225. Далѣе: «*Difficilis fuit hoc genus hominum e Bohemia pellere, causae praecipue fuerunt duae: hypocrisis seu dulcedo quaedam loquendi et sub hac dulcedine suum virus cum aliis communicandi; alterum, quod totam fere Bohemiae nobilitatem, maxime faeminae illustres, in partibus habebant et istud quidem educationis merito: nam omnes virgines puellas innocentissime educare solebant, ut praeter unam haeresim nihil esset, quod reprehenderetur.... Sub Vladislao et Ludovico regibus summa picarditarum antistita fuit nobilis faemina Martha, ex illustri Bozkovicorum genere.*» Ib. 229. 230. Здѣсь Вальбинъ цитуетъ Богуслава Лобковица, знаменитаго католическаго дѣятеля конца XV и нач. XVI вѣковъ, который съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что женщина вмѣсто прялки занимается дѣлами общины: «... neque faemina deest hujus dementiae participes: cumque apostolus mulieres tacere in ecclesia jubeat, haec (т. е. Марса Восковицъ) et ad regem scribere et profanos homines suo patrocinio tueri audet. Sed forsitan ita legibus satanae cavetur, ut nulla pene haeresis, sine hoc saxu, coalescere in ecclesia Dei possit... Secuta has (сестра Арія и др.) Martha nostra, quam tamen melius erat... colum lanamque curare, quam virili quadam imprudentia adversus catholicam fidem debacchari.» Ib. 280. Исторія женщины не можетъ оставлять безъ вниманія общину.

вышнюю, центральную власть: «obzvláštní rak neb částky té církve obecne hlava jest jednota ouzké rady». «Узкій совѣтъ — говоритъ постановленіе 1499 года — по отношенію къ управленію церковью имѣеть особенную и первую власть, данную Христомъ церкви, а чрезъ церковь ему, надъ всѣми членами общины — служилыми и обыкновенными, и так. обр. власть церковная есть прежде всего и собственно власть Христова. Затѣмъ идетъ власть епископа и старѣйшаго (staršího) въ краѣ, и наконецъ власть управителя (zpravce) или священника». На сеймѣ 1497 года всѣ обязались полнымъ повиновеніемъ совѣту, и онъ получилъ право измѣнять, постановлять все, что, по его мнѣнію, могло служить на пользу общины, безъ созыванія сейма. Онъ обыкновенно состоялъ изъ 10—12 членовъ; члены избирались пожизненно изъ священниковъ, женатыхъ или холостыхъ, при чемъ наблюдалось, чтобы каждый край имѣлъ своего представителя въ совѣтѣ. Главой совѣта былъ членъ — судья. Кругъ дѣятельности совѣта составляли слѣдующія обязанности: избраніе епископа, судья, контроль надъ дѣйствіями послѣдняго и въ случаѣ негодности отрѣшеніе его отъ мѣста; избраніе членовъ совѣта, священниковъ и дьяконовъ (na jahenství); забота объ общихъ нуждахъ цѣлой общины и наконецъ судъ, при чемъ рѣшеніе совѣта было окончательное.

Изъ посвященныхъ вальденскимъ епископомъ Стефаномъ трехъ братскихъ епископовъ только одинъ Матвѣй имѣлъ собственно власть епископскую: остальные же два, Оома и Илья, были посвящены съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ смерти Матвѣя имѣть право утверждать въ епископскомъ званіи того, кого указалъ бы совѣтъ и сеймъ. Но когда умеръ Матвѣй, сеймъ 1500 года нашелъ неудобнымъ, чтобы во главѣ общины стояло одно лицо «словно папа», и постановилъ — избирать четырехъ епископовъ на мѣсто одного, съ подчиненіемъ ихъ узкому совѣту. Епископъ посвящалъ избранныхъ совѣтомъ лицъ на должность священника или дьякона, подтверждалъ новыхъ членовъ совѣта и новыхъ епископовъ, назначалъ управителей и помощниковъ ихъ въ молитвенные дома (po zborieh), навѣщалъ «отмѣренные»

ему приходы (zboгу), помогать по возможности несостоятельнымъ церковнослужителямъ и заботился о бѣдныхъ своего края.

Что же касается до братскихъ священниковъ и дьяконовъ, то значеніе ихъ въ общинѣ понятно само собой; разница между санами священника и дьякона была таже, что и понынѣ въ православной церкви. Дьяконъ (jáhen) былъ помощникомъ священнику при совершеніи евхаристіи, въ нуждѣ имѣлъ право крестить и пр. До сейма 1498 года священники выбирались изъ неженатыхъ, но этотъ сеймъ уничтожилъ это ограниченіе. Священникъ велъ свое хозяйство, свободно располагалъ деньгами, но если былъ холостъ, то не имѣлъ право завѣщать денегъ никому, кромѣ своихъ сослуживцевъ (spolubratři). Священникъ принималъ пожертвованія на бѣдныхъ⁽¹⁾.

Понятно, съ ростомъ общины росла ненависть къ нимъ какъ подобоевъ, такъ и католиковъ, сначала было безразлично относившихся къ ней.

Первый Римъ обратилъ вниманіе на усиленіе общины «цикардской»; этимъ ненавистнымъ именемъ католики постоянно величали братьевъ. Папа Александръ VI отправилъ въ Моравію двухъ миссіонеровъ для обращенія братьевъ: они должны были между прочимъ разыскивать «еретическія», т. е. братскія книги и ихъ сожигать. Къ этому времени относится особенное распространеніе книги Хельчицкаго — «O želtně a obrázu je-jimъ», т. е. о папѣ, и объ искорененіи этой книги должны были

---

(1) О совѣтѣ — «Dekrety jednoty» I. 21. 25. 32. 33. 34. 35. При утвержденіи новаго члена совѣта, епископъ особой формулой опредѣлялъ его права и обязанности: «Въѣзается и дается власть тебѣ въ томъ краѣ, гдѣ ты будешь, управленіе надъ всеми священниками и помощниками (zpravce), право учить, карать, чинить приличное наказаніе на пользу церкви, прихода, людемъ или лица и улучшать, учреждать все то, что было бы въ интересахъ вѣры и нравственности. Все это дается и въѣзается тебѣ дотоле, пока ты будешь пребывать въ правдѣ и единомысліи съ общиной.» Ib. 42. Объ епископѣ, священникѣ и дьяконѣ — ib. 36. 38. 42. 26; 27. 57. 58; 27. Подробности объ устройствѣ общины см. J a n a L a s u t - s k ů h o «Hystorie o povodu a činech bratří českých kniha osmá.» W Hali. 1766.

особенно позаботиться миссіонеры. Излишне говорить, что миссія папскихъ посланцевъ была безуспѣшна: имъ, вѣроятно, удалось только истребить книгу Хельчицкаго (1).

Но болѣе сильная гроза поднялась противъ братьевъ со стороны домашнихъ католиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный своею литературною дѣятельностью и талантами — Богуславъ Гассенштейнъ Лобковиць (2). Человѣкъ строгой нравственности, Лобковиць, видя съ одной стороны распущенность среди высшего сословія, разбродъ среди народа, раздираемаго религіозными мнѣніями, рѣшился побудить короля, слабохарактернаго

---

(1) Въ настоящее время только одинъ экземпляръ ея сохранился въ Оломуцѣ. Gindely. I. 97.

(2) Лобковиць, «великій Чехъ», былъ человекъ глубокой вѣры въ эпоху язычествовавшаго образованнаго общества. «Quod ad religionem attinet, eo jam ventum est, ut plerique... superos, inferosque esse negent, ... ex nihilo nati sumus et post haec erimus, tanquam nunquam nati fuissetus.» Согр о в а. «Der grosse Böhme (Bohuslaw von Lobkovicz.) Prag. 1808. 190. примѣч. а), и вообще вся IX глава: «Bohuslaws Religionsgesinnungen.» Его взглядъ на братскую общину наивѣстенъ: «Qui meus amor in patriam est, non potui non ingemiscere his, quae ad reipublicae nostrae excidium et ad religionis ruinam omnimodumque exterminium manifestissime spectant. Quando enim unquam maior blasphemia audita est, quam quem Christum, filiumque Dei confitearis, eum adorandum negare? aut quod venenum huic pesti comparari potest?... далее о Маретѣ, см. выше, ib. 193. k). Въ своемъ родномъ государствѣ онъ видѣлъ вездѣ одну пародію: «Neb nemáme — пишетъ онъ намѣстнику Петру Розенберку — zpravného obecného dobrého, nebo řádu zemského: ale toliko stin jeho a podobenství. Neb která obecního řádu strana neduhů jest prázdna? všechno pak jest nakažené a porušené... Náboženství křesťanské klade se jako za nějakou báseň, kteráž... všudy příčinu dává k žertům a k kunštikům; potupují je děti, smějí se mu báby, u barvířstv, v lazni a v krčmách je sárají... Toto já pak velmi hněvivě snáším, že mnozí z tohoto počtu jsou na ouřadech, sedají v soudu, v radách obecních bývají a péče se na ně o obecné dobré vzkládá; ještě ani křesťanského ani kterého jiného náboženství nenásledují... Zimmermann. «B. z Lobkovic list panu P. z Rosenberka.» Praha. 1818. 13. Какъ вѣрный католикъ, Лобковиць не могъ понять, насколько желательна братская община среди общей еяльши западнаго христіанства. Паны пьянствуютъ рыцари жалуются на притѣсненія пановъ, крестьяне бунтуютъ, а «смы и виуки тѣхъ, что были причиной всѣхъ напастей (т. е. гуситовъ) имѣютъ и достатокъ, и честь. Что же будетъ?» спрашиваетъ Лобковиць: ib. 15. 69

Владислава, начать дѣйствовать по религіозному объединенію своего народа. Онъ сошелся въ своихъ мысляхъ съ канцлеромъ Венгріи, епископомъ варадинскимъ Іоанномъ (родомъ моравъ) и нѣкоторыми другими вліятельными лицами, знакомыми съ устройствомъ общины, и они общими силами склонили короля дѣйствовать противъ нея. Этимъ недоброжелателямъ братьевъ помогли какъ нельзя болѣе доносы со стороны не менѣе враждебныхъ амосовцевъ, что братья идутъ по слѣдамъ таборитовъ⁽¹⁾. Владиславъ рѣшился начать преслѣдованія братьевъ со своихъ королевскихъ помѣстій; на всю землю гоненія этого распространить онъ не могъ, ибо для того нужно было согласіе сейма. Онъ отдалъ приказаніе духовенству и чиновникамъ на королевскихъ помѣстьяхъ дѣйствовать всѣми силами противъ «дьявольскаго коварства» братьевъ, которые злѣе турокъ. Чиновники были особенно ревностны: «если братья не присоединяются — доносилъ одинъ изъ нихъ королю — я сожигая ихъ безъ милости, какъ подобаеть еретикамъ»⁽²⁾.

Но, желая временную и мѣстную мѣру возвести въ силу постоянного и общаго государственнаго закона, король позабылся о созваніи сейма. Осенью 1503 года собранъ сеймъ католическихъ сословій въ Пильзнь. Они пригласили пражскихъ подобоевъ соединиться съ ними въ обсужденіи мѣръ противъ братьевъ. Но въ Прагѣ указали, что не справедливо обвинять заочно, не выслушавъ обвиняемыхъ, и потому опредѣлили прежде всего пригласить представителей «пикардовъ» на публичное собесѣдованье съ пражскими мистрами на день новаго года (1504). Братьямъ нельзя было отказатися, и ихъ защитителями были назначены мистръ Лука, теперь старѣйшина общины, и Красно-

(1) Коменскій рассказываетъ, что, выслушанію этого доноса, Владиславъ сказалъ: «Nu, již tedy žižkovati chtějí?» «Historia o prot.» гл. XXIII. 65. Противъ этихъ недоброжелателей Марезъ Восковицъ написала королю защитительное письмо, выветъ съ объясненіемъ, отъ общины. Это то письмо, которое такъ возмущало «великаго Чеха», совѣтовавшаго Марезъ заниматься лучше прялкой, чѣмъ вышиваться въ религіозные вопросы. Оно напечатано въ статьѣ П. Шаарина: «Br. J. Biahoslava Historie bratří českýchъ» въ журналѣ Музея. 1862. 112—113.

(2) Gindely. I. 107.

лицій. Благоволившіе братьямъ паны оказывали всяческую заботу, чтобы обезопасить посланнымъ ихъ рискованное пребываніе въ Прагѣ: «мы сдѣлали все, что можно сдѣлать для вашей безопасности — писалъ братъ панъ Костка Красоницкому; но если Богу угодна будетъ ваша смерть, будьте готовы повторить съ Иовомъ: Богъ жизнь далъ, онъ ее и возьметъ. Пусть будетъ, какъ угодно Господу. Мужайся, братъ мой» (1). Но ожидаемое собесѣдованіе не состоялось, изъ боязни ли предъ народомъ, относительно котораго не извѣстно было, куда онъ болѣе расположенъ, или по какимъ либо инымъ причинамъ; пражскіе мистры удовольствовались краткою бесѣдою съ братскими депутатами и ласково ихъ отпустили домой. Сеймъ 1503 года остался безъ послѣдствій. Такимъ образомъ братьевъ оставили въ покоѣ, и предпринятая противъ нихъ мѣры остались по прежнему съ мѣстнымъ характеромъ. Понятно, не этого желали католическіе совѣтники, впервые направившіе мягкаго Владислава противъ «пикардовъ», и потому они продолжали предъ королемъ свою агитацію. Ихъ фанатизмъ противъ общины дошелъ до крайней степени: «мы не можемъ сомнѣваться — писалъ одинъ изъ совѣтниковъ королю — какого наказанія достойны эти безстыдные и проклятые негодяи; они не достойны, чтобы ихъ пожрало благородное пламя, тѣла ихъ должны растерзать дикіе звѣри, кровь ихъ — вылакать псы» (2). Вторая агитація имѣла тотъ результатъ, что въ 1508 году король подписалъ знаменитый своею жестокостью мандатъ противъ «пикардовъ», который игралъ не послѣднюю роль въ послѣдующей борьбѣ католиковъ съ братьями. Составители мандата ясно предвидѣли будущее значеніе братьевъ, и они это высказали отъ имени короля въ начальныхъ словахъ его: «мы замѣтили — говоритъ король — какъ въ королевствѣ нашемъ усилились заблужденія пикардекія и день ото дня все болѣе усиливаются; еслибы мы далѣе пустили, то эта ересь (blud) не только намъ, наслѣдникамъ нашимъ и этому коро-

(1) «Historia o protiv.» гл. XXIII. 66. 67.

(2) Gindely. I. 130.

ловству, но и всему христіанству могла бы вредить....» (1). Въ силу мандата всѣ сборные дома пивардовъ имѣли быть закрыты, книги ихъ, какъ печатанныя, такъ и писанныя, сожжены; никто, ни изъ какого сословія, не имѣлъ права писать, печатать или продавать братскіе трактаты (2); учителя и наставники (argav-sóve) общины, которые учатъ и распространяютъ еретическія заблужденія, должны были предстать съ отвѣтомъ предъ судъ подо-бойскихъ священниковъ; наконецъ, кто учителя или простаго пиварда, мужскаго или женскаго пола, принималъ къ себѣ и не выдавалъ пану, тотъ препровождался въ земскій судъ для наложенія пени (3). Въ томъ же году канцлеръ Венгріи и Лобковицъ добились послѣ недолгихъ споровъ признанія королевскаго мандата и со стороны чиновъ чешскаго сейма, и такимъ образомъ мандатъ сталъ государствен-нымъ закономъ, будучи внесенъ въ земскія доски. Только моравскій сеймъ, благодаря дѣятельности Жеротина, отклонилъ принятію мандата, а это обстоятельство имѣло тотъ результатъ, что въ то время какъ въ Чехіи «кровавый», по братскому выраженію, законъ 1508 года постоянно вновь издавался въ теченіи XVI столѣвія, и гоненія общины, если не всегда на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, формально не прекращались вплоть до изданія знаменитаго маестата 1609 года, сосѣдняя Моравія представляла легкое убѣжище для братьевъ, ибо на нее Вла-диславовъ мандатъ не простирался, и вообще до 1628 года, до Фердинанда II, не было въ ней спеціальнаго закона противъ общины (4). Начались гоненія, сожженія братьевъ (5). Съ трудомъ они собирались на ночныя сходки для общей молитвы. Но недо-жегіе ихъ нѣсколько облегчилось, когда, съ появленіемъ Лютера,

---

(1) «Apologie druhá stavův království českého roku 1618.» Изданіе Шуберта. Прага. 1862. въ приложеніяхъ, № 13. 85.

(2) Въ началѣ XVI вѣка у братьевъ были 3 типографіи, тогда какъ у католиковъ и подобоевъ ихъ было только двѣ. Gindely. I. 124.

(3) «Apologie druhá.» № 13. 86. 87.

(4) Gindely. I. 137. Ср. о Моравіи Sabina. «Dějepis literatury.» 883. и слѣд.

(5) «Historia o protiv.» XXIV. 70. 71.

его мысли стали проникать между чешских утравкистовъ, особенно между мистровъ университета, возбуждая общую симпатію. Известно, что уже на диспутъ въ Лейпцигъ Лютеръ обвинялся Эккомъ въ чешской ереси. Но самое большое сочувствіе Лютеръ нашелъ среди высшего дворянства, среди молодыхъ людей, воспитывавшихся за границей. Модныя сатиры на папу изъ-за границы привозились на родину, переводились и печатались (1).

Въ 1522 году 16-лѣтній Людвигъ пріѣхалъ въ Прагу, короновалъ жену и предписалъ первый сеймъ. Въ іюнѣ собрались чины королевства. Къ нимъ Лютеръ написалъ посланіе, въ которомъ напоминалъ имъ твердо держаться отъ всякаго единенія съ Римомъ, быть вѣрными «святой памяти Гуса и Иеронима», выражалъ надежду, что скоро между чехами и нѣмцами будетъ миръ и единомысліе (2). Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ графу Шликъ, гдѣ между прочимъ говорилъ, что былъ бы очень радъ побывать въ Чехіи лично (3). Другое письмо было послано Лютеромъ въ пражской городской общинѣ, еще болѣе рѣшительнаго характера, чрезъ учившагося тогда въ Виттенбергѣ чеха, Кагеру (Cahera) Жатецкаго. Онъ предлагалъ пражанамъ сбросить съ себя послѣднія оковы, связывающія ихъ съ Римомъ — посвященіе священниковъ, а если ужъ нужно посвященіе, то выбрать Кагеру, и тотъ будетъ посвящать. Совѣтъ былъ принятъ, и въ августѣ 1523 года Кагера былъ избранъ сословіями въ администраторы утравкистской церкви. Въ новомъ администраторѣ Лютеръ нашелъ лучшаго пропагандатора своего ученія въ самомъ центрѣ Чехіи; открыто, съ каедръ Кагера проповѣдывалъ ученіе Лютера и требовалъ отъ народа молиться о немъ. Подъ вліяніемъ горячихъ проповѣдей Кагеры пражская община сдѣ-

---

(1) Gindely. I. 163—165. Ср. Sabina. «Dějepis.» 855—857.

(2) Съ появленія Лютера значительно ослабла вѣровая ненависть нѣмцовъ противъ чеховъ. См. слова современнаго лѣтописца Бартоша писаря: «...v těch okolních krajinách německých národ ten, od dávnych časův českům a moravanům zlostný a nepřiznivý... s čechy a moravany z daru božho v přiznání a milost uvedl beze všech nesnázi...» Sabina. «Dějepis.» 854.

(3) Palacký. «Dějiny.» V. II. 454. 455.

далась до такой степени нетерпимой къ консервативнымъ утравкистамъ, что приказала всѣмъ подобоимъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ склонности къ Риму, пойти въ изгнаніе. При такихъ обстоятельствахъ старая утравкистская церковь пошла быстро по пути лютеранизации: уже не довольствовались выраженіемъ симпатіи къ Лютеру словомъ, и требовали — провести въ жизнь, насколько возможно, положенія Лютера. Съ этою цѣлью въ 1524 году, съ согласія короля, собрался сеймъ въ Прагѣ. Въ залѣ университета представители утравкистскаго сейма утвердили 20 основныхъ положеній своего новаго вѣроученія и управленія. Эти положенія не были строго лютеранскаго характера: сохранялось священство, обѣдня, почитаніе святыхъ, особенно «національных»; но было отброшено преданіе, церемоніи, и кромѣ того было постановлено, что каждый священникъ, учащій сообразно съ евангеліемъ, пользуется защитой закона; каждый, даже дитя, долженъ прилежно читать библію⁽¹⁾. Составителемъ этого своднаго исповѣданія утравкистовъ былъ Кагера. Понятно, сильное увлеченіе Лютеромъ со стороны калишниковъ, т. е. большинства населенія королевства, уменьшило ихъ религіозную ревность на пользу католицизма, и они перестали видѣть въ братской общинѣ еретиковъ, пикардовъ; напротивъ они должны были скоро замѣтить, что между ними, лютеранствующими, и «пикардами» есть много родственнаго. Послѣднее стало очевиднымъ, когда между братьями съ одной стороны и Лютеромъ съ другой стали укладываться самыя дружескія отношенія.

Дѣйствительно, по своему ученю, и община, и Лютеръ были близки другъ къ другу, хотя это обстоятельство не мѣшало въ первое время Лютеру видѣть въ братьяхъ пикардовъ.

Въ 1522 году община послала Лютеру на разсмотрѣніе свое исповѣданіе вѣры. Ученіе о таинствахъ, безбрачїи священства не понра-

(1) Очевидно, Палацій ошибается, считая это исповѣданіе сейма совершенно лютеранскимъ. «Dějiny. V. II. 457. См. подробно у Гандзла «Geschichte.» I. 187. и слѣд.

вилось Лютеру, и онъ послалъ ей отвѣтъ съ изложеніемъ своихъ недоумѣній. Глава братьевъ, епископъ Лука, рѣзко отвѣчала Лютеру и указалъ разницу между обоими ученіями. Лука, въ противность Лютеру, ставилъ слѣдующее основное положеніе: «разумъ долженъ молчать и должно беречься его тамъ, гдѣ говоритъ священное писаніе», а этого и не допускалъ Лютеръ. Но особенно запальчиво Лука возражалъ Лютеру относительно его ученія объ оправданіи. «Извините, но, кажется, относительно того, что вы (Лютеръ съ своими послѣдователями) одной вѣрѣ безъ дѣлъ приписываете жизнь, мы учимъ далеко мирнѣе и истиннѣе, ближе къ правдѣ священнаго писанія, нежели вы, ибо вы приписываете то вѣрѣ безъ дѣлъ, что, насколько мы понимаемъ, никоимъ образомъ не можетъ быть доказано изъ священнаго писанія. Мы не можемъ даже узнать изъ вашихъ сочиненій, когда вы дошли до вѣры обыкновеннымъ и истиннымъ путемъ изъ употребленія писанія и иныхъ порядковъ закона, и какимъ образомъ вы полагаете пользоваться ею, чтобы быть при помощи ея живы. Ибо мы учимъ, что единая вѣра одинъ только разъ дается святымъ, одинъ разъ она можетъ быть приобрѣтена безъ дѣлъ, но потому ее должно оправдать дѣлами; въ ней надлежитъ, согласно писанію, часто искушать себя, обновлять, оправдывать, утверждать. Но изъ вашего письма видится, что вы, по вашему ученію, достигаете оправданія вѣрой тогда, когда при таинствѣ благой любви вы вѣрите словамъ Господа и принимаете его въ первоначальномъ видѣ. Тутъ вы полагаете и отпущеніе грѣховъ, и избавленіе отъ ада, и кладязь любви, и спасеніе, и животъ вѣчный, ну, словомъ, все писаніе, и остерегаетесь дѣлать добрыя дѣла предъ тѣмъ и при томъ» (1).

(1) Palascku. «Dějiny.» V. II. 456. 457. Gindely. «Bratr Lukaš a sprisové jeho» въ «Savoris»-ѣ. 1861. 287. Отрывки изъ отвѣта Луки Лютеру приводятся также Сабинной «Dějepis.» 765. 766. Епископъ общины, Янъ Влагославъ, въ своей «Исторіи братьевъ чешскихъ» говоритъ о братѣ Луцѣ, что это былъ человѣкъ, подобнаго которому никогда не было въ общинѣ. «Дай-же, Господи Боже, намъ и твоему малому стаду многихъ столь вѣрныхъ, энергическихъ и стойкихъ (nedáoudcŕoh se pŕemoci) людей!» См. цитованную статью Шаарина въ журналѣ чешскаго Музея. 1863. 203.

Оскорбленный Лютеръ прервалъ всякія дальнѣйшія сношенія съ общиной при жизни Луки († 1528). Очевидно, соединеніе обонхъ ученій въ одно въ разсматриваемое время было дѣломъ невозможнымъ; только впоследствии мы встрѣтимся съ рѣшительною попыткою соединить оба ученія, и она пошла отъ братьевъ.

Естественно, если при такомъ порядкѣ вещей гоненія общины, вызванныя кровавымъ мандатомъ 1508 года, сами собой прекратились: братья стали публично проповѣдывать въ церквяхъ въ Прагѣ, встрѣчая сочувствіе въ народѣ и духовенствѣ. Но эта устанавливавшаяся дружеская связь лютеранствовавшихъ утравкистовъ и братьевъ между собой не долго служила на пользу общинѣ. Способный и честолюбивый Кагера былъ еще недоволенъ; ему непріятно было сознаніе своей зависимости отъ расположенія сословій, и онъ рѣшился перейти въ другой лагерь — къ католикамъ и сталъ вести съ ними переговоры. Это былъ человекъ, у котораго ничего не было святаго, какъ именно считали его и католики, у котораго выше всего стояло личное я (¹). Намѣреніямъ Кагеры дѣйствовать противъ лютеранъ въ особенности благопріятствовало то обстоятельство, что при новыѣ выборахъ въ городскую думу Праги большинство членовъ было изъ старыхъ поддоевъ и потому противниковъ лютеранскихъ нововведеній. Уже изъ перваго декрета новой думы видно было, что она начинаетъ борьбу. Новый декретъ прямо противорѣчилъ сеймовымъ постановленіямъ 1524 года: онъ одобрялъ процессіи, церковныя церемоніи, передавалъ цензуру «еретическихъ» сочиненій утравкистской консисторіи; нарушителю этихъ распоряженій угрожало изгнаніе. Священники, сторонники лютеранства, тотчасъ же оставили Прагу, протестуя противъ «vygovědi» ратуши. Но Кагера этимъ не ограничился: вмѣстѣ съ другими онъ рѣшился очистить ратушу отъ всѣхъ лютеранскихъ членовъ. Толпа вооруженныхъ старокаллишниковъ ворвалась въ ратушу, и приверженцы лютеранства были объявлены королевскими плѣнниками. Едва разнесся слухъ о происшедшемъ въ ратушѣ, вся Прага

(¹) См. характеристику Кагеры у Палацкаго. «Дѣйлу.» V. II. 458.

вооружилась, и толпы собрались на площади. «Только благодаря тому, что никто не зналъ, кто былъ за подобоевъ, кто за Лютера, дѣло не дошло ни до битвы, ни до нападенія на дома, ни до малѣйшаго кровопролитія» (1). Послѣ этихъ успѣховъ Кагеры и старыя утравкисты, всѣ священники изъ подобоевъ, сочувствовавшіе братьямъ, были изгнаны, и вслѣдъ за тѣмъ было осуждено всякое ученіе, несогласное съ старымъ подобойствомъ. Каждый перекрещенецъ подлежалъ клеймленію въ лицо и изгнанію. Продажа еретическихъ книгъ была воспрещена подѣ страхомъ смертной казни; малѣйшее отклоненіе въ дѣлѣ вѣры влекло изгнаніе (2). Послѣднее распоряженіе, очевидно, было главнымъ образомъ направлено противъ общины (3). Опять начались захваты, пытки, сожженія «лукавыхъ пикардовъ».

Но торжество староутравкистской партіи въ Прагѣ продолжалось недолго. Фердинандъ, избранный въ чешскіе короли послѣ гибели Людвига у Могача, хотя и воспитанный Испаніи, явился на первое время человѣкомъ терпимымъ. Ознакомившись съ характеромъ пражскихъ безпорядковъ въ послѣдніе годы управленія своего предшественника, онъ приказалъ воротить на родину всѣхъ изгнанныхъ, а администратору Кагеръ, какъ главному виновнику всѣхъ этихъ неурядицъ — оставить Прагу и королевство въ теченіе шести дней. Гоненія братьевъ прекратились. Фердинандъ, поступаая такъ, дѣйствовалъ только какъ умный политикъ, зная силу религіозныхъ партій своей новой страны: ибо въ то же самое время онъ не стѣснялся въ жестокихъ извѣрахъ противъ перекрещенцевъ въ Моравіи и Австріи (4). Ему

(1) Слова Вартоша Писаря — у Палацкаго. «Dějiny.» V. II. 467.

(2) Gindely. I. 177. 178.

(3) Коменскій. «Historia o prot.» гл. XXIX—XXXII. Объ интригахъ Кагеры и его сообщниковъ противъ лютеранъ и общины см. статью прое. Томка «O církevní správě strany pod obojí v Čechách» въ журналѣ музея «Časopis.» 1848. I. 441—447.

(4) См. характеристику Фердинанда у Томка: «Онъ не былъ евангелистъ религіозный, но хладнокровный счетчикъ, для котораго всякое средство было хорошо, если оно служило цѣли абсолютизма, а потому и религія. Пока старыя утравкисты были сильны настолько, что могъ противиться и

не было времени до разбора учений некаатоликовъ, — калишниковъ, братьевъ, лютеранъ — вниманіе его поглощали дѣла съ турками. Фердинанду нужны были деньги, люди на войну, а онъ зналъ, что братья имѣли сильныхъ патроневъ среди чешской знати: представители лучшихъ аристократическихъ фамилій — Краекъ, До-нинъ; Кринецкій, Яновицъ, Илемницкій, торжественно перешли въ общипу, спустя немного времени послѣ вступленія его на престоль.

Благопріятствовавшія политическія обстоятельства, усиленіе общины чрезъ вступленіе въ нее новыхъ чешскихъ пановъ позволили братьямъ успокоиться на нѣкоторое время отъ преслѣдованій; а между тѣмъ внутри общины зарождались стремленія, которыя клонились къ уничтоженію ея самостоятельности. Епископа Луви уже не было въ живыхъ; на мѣстѣ его стоялъ во главѣ управленія Янъ Августа, фанатическій приверженецъ лютеранства, избранный въ епископы синодомъ 1532 года.

Къ этому самому времени относится замѣтное стремленіе и самого Лютера сблизиться съ братьями. Когда по предложенію пана Крайка братья написали анологію своей вѣры для представленія маркграфу брандебургскому и отправили ее въ Виттенбергъ для напечатанія, Лютеръ согласился издать ее подъ личнымъ наблюденіемъ. Къ изданію Лютеръ присоединилъ предисловіе, гдѣ опредѣлялъ отношеніе своего ученія въ ученію братьевъ: «я часто желалъ — писалъ Лютеръ — познакомиться основательно съ ученіемъ братьевъ, но не было удобнаго случая. Только въ немногомъ ихъ способъ рѣчи различествуетъ отъ моего; но они очень близки къ библейскому ученію, и потому я могу смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ братьевъ» (1). Но замѣчательно, что въ этой анологіи было еще много недютеранскаго, нпр. перекрещеніе, ученіе объ евхаристіи, оправданіи,

---

порелю, лютеранство было хорошимъ средствомъ для ослабленія силъ, самостоятельность которыхъ оскорбляла новыя идеи о неограниченной власти монарха. Поэтому въ Прагѣ Фердинандъ принялъ сторону угнетенныхъ.» «O církvéní správé etc.» «Čas.» 1848. 448.

(1) Gindely. I. 323.

словомъ, сохранялась еще догма епископа Луки. Въ это самое время, не смотря на то, что Фердинандъ, освободившись отъ войны съ турками, открылъ мѣстныя гоненія противъ братьевъ, запретивши имъ кнѣть на королевскихъ земляхъ всякія «пикардскія» собранія, община уже чувствовала себя настолько сильной, что тогда же опредѣлила представить королю исповѣданіе своей вѣры, какъ это сдѣлали раньше протестантскія сословія въ Аугсбургѣ. Это братское исповѣданіе составлялъ Августа и насколько возможно приблизилъ его къ аугсбургскому: ученіе объ евхаристіи было изложено преднамѣренно темно, перекрещеніе отброшено. Чтобы придать возможно большій блескъ этой конфессіи, подъ ней подписались всѣ чешскіе паны и рыцари, принадлежавшіе въ общинѣ. Изъ этикъ подписей мы узнаемъ, что въ это время община считала у себя 12 пановъ и 33 рыцаря. Фердинандъ принялъ сначала депутацію сурово. «Чертъ васъ ввелъ въ вашу вѣру» — сказалъ онъ представителю братской депутаціи, пану Крайржу. «Не чертъ, а Христосъ, чрезъ священное писаніе — отвѣчалъ тотъ; если Христосъ былъ пикардомъ, тогда и я пикардъ!» (1). Но потомъ объявилъ ей, что передастъ на разсмотрѣніе представленную конфессію и обѣщалъ общинѣ безопасность.

Августа началъ теперь усиленнѣйшую дѣятельность на слитіе общины съ лютеранствомъ. Съ этой цѣлью Августа съ своими сторонниками рѣшился представить братское исповѣданіе вѣры на разсмотрѣніе Лютеру. Было снаряжено посольство въ Виттенбергъ, и во главѣ его стоялъ Августа. Лютеръ принималъ дружелюбно братьевъ, но по тщательномъ обсужденіи предложенной конфессіи онъ высказалъ порицаніе въ ней двухъ мѣстъ: о безбрачій и оправданіи и отказался принять на себя заботу о печатаніи. Но тѣмъ не менѣе въ отвѣтъ Лютеръ написалъ общинѣ очень любезное письмо.

Понятно, Августа долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы уничтожить ту небольшую разницу, которая еще существовала въ ученіи братьевъ и лютеранъ. Былъ собранъ совѣтъ

(1) G i n d e l y. «Životopis B. Jana Blahoslava.» Časopis., 1856. I, 24.

для обсуждения этикъ несоответственныхъ двухъ пунктовъ, и они получили новую редакцію, противъ которой не могъ бы возразить Лютеръ. Тоже посольство было вторично отправлено въ Виттенбергъ съ просьбой къ Лютеру напечатать новое исповѣданіе общины. На этотъ разъ Лютеръ выразилъ свое согласіе.

Между тѣмъ какъ устанавливались эти близкія отношенія между братской общиной и виттенбергскимъ реформаторомъ, клонившіяся къ полному сліянiю обоихъ вѣроученiй, въ лагерѣ утравкистовъ воскресло прежнее стремленіе къ соединенiю съ лютеранствомъ, воскресло гуманное отношеніе къ братской общинѣ, противъ которой раздавались голоса только изъ среды католическаго духовенства. Когда въ 1537 году былъ созванъ сеймъ, лично открытый Фердинандомъ, для прекращенiя тѣхъ религіозныхъ беспорядковъ, которые, по словамъ короля, существуютъ въ Чехiи, когда нѣкоторые только по виду принадлежатъ къ подобоитъ, на дѣлѣ же ни къ нимъ, ни къ католикамъ, то чины открыто заявили: «ны имѣемъ законъ Божiй: къ чему намъ компакты!» Правда, наны и рыцари, исповѣдовавшіе братское ученіе, были удалены изъ залы сейма — дѣло до нихъ не касается, но это не былъ знакъ презрѣнiя къ нимъ. Враги общины были только среди католическихъ патеровъ: они выпускали нагины клеветы, что братья совѣщаются о перемѣнѣ династiи и готовы поддаться даже туркамъ⁽¹⁾. Они ложно доносили въ Прагу о собранiяхъ пикардовъ и возбуждали народъ. «Если бы этотъ домъ или због, въ который сходятся пикарды — говорилъ одинъ монахъ — стоялъ бы отдѣльно, а не вмѣстѣ съ другими домами, я бы сжегъ его, какъ пастырь душъ, безъ вреда своей совѣсти»⁽²⁾. Уже при подачѣ конфессiи Фердинанду братья жаловались, что католическіе священники трубятъ народу, что пикарда позволительно убить, что въ этомъ меньше грѣха, чѣмъ убить собаку⁽³⁾. Рѣже доносы были на братьевъ со стороны подобойскаго духовенства⁽⁴⁾. Но еще большая, чѣмъ

(1) Gindely. I. 254.

(2) «Jednaní a dopisy.» II. 19.

(3) Komenický. «Historia.» XXXIV. 91.

(4) «Jednaní a dopisy.» I. 119.

у мірянъ, была симпатія въ Лютеру среди подобойскаго духовенства. Нижнее духовенство изъ подобоевъ, не смотря на довольно сильныя мѣры противъ лютеранствовавшихъ священниковъ со стороны администратора, постоянно высказывало свое сочувствіе лютеранизму. Такъ напр. еще въ 1533 году одинъ деревенскій священникъ былъ заключенъ въ тюрьму за то, что въ проповѣди бранилъ порядки церковныя, звонки, свѣчи, а о таинствѣ евхаристіи говорилъ: «что? вы думаете, что тутъ животь вѣчный, какъ папистскіе поны? — здѣсь только одно воспоминаніе». Другой, городской священникъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на поруки только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ носить священническое платье, сапоги, стричь волосы, брить бороду, усы. Были священники, которые просто издѣвались надъ католичествомъ: такъ нѣкій священникъ Флоріанъ былъ наказанъ за то, что «de adoratione Serporis Christi — говоритъ рѣшеніе консисторіи — *nedrží a praví, že jsme modláři* (идолопоклонники)... *In die animarum nešel spívat nešpora do Kostnice a potom pravil, že to nic platno není, než jakoby umrlému koni oves vorpálat* (сипалъ)... *Na kázani mluvil, proč by masa v pátek ne jedli, poněvadž masa ženského v pátek užívají»* (1). Случаи женидьбы священниковъ были нерѣдки (2), дѣла же о незаконномъ сожитіи священниковъ съ кухарками, чужими женами безпрестанно разбирались въ консисторіи (3). Однимъ словомъ, лютеранство сильно расширялось среди подобойскаго духовенства почти съ первыхъ годовъ правленія Фердинанда.

Но прошло лѣтъ десять, и теперь на сторонѣ лютеранства сталъ самъ администраторъ подобойской консисторіи — Мистополь (Mistopol). Его симпатія въ Лютеру сказались на сеймѣ 1543 года. Въ одно время съ общимъ государственнымъ сеймомъ для всѣхъ земель чешской короны собралось, по инициативѣ Мистополя, подобойское духовенство Чехіи и Моравіи. На рѣшеніе собранія были предложены три вопроса, и изъ нихъ уже видно,

(1) «Ječnani a dopisy.» I. 76. 77. 82.

(2) *ib.* I. 85. 111.

(3) *ib.* I. 84. 87. 90.

куда были направлены они: 1) жертвоприношеніе ли обѣдня? 2) должно ли призывать святыхъ? 3) нужны ли добрыя дѣла, или достаточна одна вѣра для оправданія? Хотя сторона староподобійская прямо объявила эти вопросы еретическими, но партія противоположная успѣла перенести эти вопросы на сеймъ. Передъ чинами королевства лютеранствовавшій администраторъ высказалъ свои мысли яснѣе: онъ предложилъ упростить церковныя церемоніи, уничтожить обѣдню, процессіи, молитвы за умершихъ и т. д.

Но на все эти домогательства утравкистскаго духовенства католическій король указывалъ на компактаты и не хотѣлъ ничего знать болѣе.

Возникшее движеніе въ средѣ утравкистовъ на соединеніе съ лютеранствомъ и отсюда явившаяся сеймовая оппозиція чиновъ, естественно, удерживала Фердинанда отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ братской общины, которую онъ ненавидѣлъ, какъ вѣрный католикъ (1). Впрочемъ частныя гоненія противъ братьевъ никогда не прекращались, гдѣ только было можно, напр. на королевскихъ земляхъ, ибо здѣсь только король былъ самовластенъ, въ качествѣ пошѣщика — *vrchnosti*, такъ точно, какъ въ силу того же права *vrchnosti*, паны изъ общины покровительствовали «пикардамъ», паны изъ лютеранъ — лютеранамъ. Вообще должно замѣтить, что лишь благодаря этому крайнему ограниченію власти королевской со стороны феодальныхъ владѣтелей, возможна была и жизнь, и развитіе общины въ Чехіи при существованіи мандата Владислава. Только благодаря такому подѣлу государства между королемъ и *vrchnostemi*, могла развиваться свобода совѣсти, тѣсно соединенная съ свободой политической, и всякое стѣсненіе религіи разсматривалось чинами, какъ умаленіе политическихъ свободъ королевства, т. е. какъ усиленіе абсолютизма.

---

(1) Когда, во время переговоровъ съ королемъ, лютеранскіе члены сейма 1543 года коснулись и братьевъ, Фердинандъ прямо имъ возразилъ, что о нихъ онъ слышать не желаетъ, ибо они уже давно осуждены церковью, какъ еретики. Gindely, I. 265.

Но скоро оппозиція некатолическихъ чиновъ королевства была сломлена, въ ущербъ свободамъ королевства возвысился абсолютизмъ, и тогда только Фердинандъ принялся за общину. Надолго время до 1547 года сдѣлалось какимъ-то политическимъ идеаломъ.

Поздно утраквистскіе чины увидѣли, что они ошиблись въ избраніи Фердинанда: они стремятся къ развитію религіозной свободы, а Фердинандъ все имъ ссылается на компактаты. Въ виду такого положенія дѣлъ чины, по соединеніи съ общиной, рѣшили свергнуть съ престола габсбурга открытой силой. Поводомъ къ возстанію послужила война 1546 года между Карломъ V и шмалькальденскимъ союзомъ. Помогая брату, Фердинандъ потребовалъ отъ сейма всеобщаго вооруженія, назначивши срокъ на 11 ноября; прошелъ срокъ, но войскъ не было, а между тѣмъ саксонцы захватили уже часть Богеміи. Фердинандъ былъ въ стѣсненномъ положеніи; онъ обратился съ воззваніемъ къ чехамъ, но тѣ отвѣчали, что только сеймъ имѣетъ право объявлять всеобщее вооруженіе. Видя такое упорство, Фердинандъ собралъ въ Литомѣрицахъ чины и умолялъ ихъ о помощи; онъ указывалъ чинамъ, что они должны помогать по тому, что Чехія есть ленъ имперіи⁽¹⁾. Католики и староподобои обѣщали. Но между тѣмъ какъ шли эти переговоры, въ столицѣ вспыхнуло возстаніе, руководимое лютеранами и братьями. Изъ восьми лицъ, составившихъ временное правительство, половина принадлежала къ общинѣ.

Это легкомысленное возстаніе 1547 года имѣло самыя несчастныя послѣдствія для благосостоянія братской общины въ Чехіи, и оно было тѣмъ легкомысленнѣе, что далеко не всѣ вліятельные братья сочувствовали возстанію, предпринятому со-обща съ лютеранами; напротивъ, послѣдніе были до такой степени противны нѣкоторымъ панамъ изъ общины, что они, замѣтивши стремленія Августи и другихъ слиться съ лютеранствомъ, выходили изъ общины. Такъ когда Августа, послѣ разбитія возставшихъ, обратился съ просьбой о защитѣ къ гетману

---

(1) Koloušek. «České státní právo.» Praha. 1871. 47.

Моравіи Луданицу, тотъ съ уворомъ отвѣчалъ ему, что благодаря его дѣятельности рухнетъ община: онъ вошелъ въ переговоры съ лютеранами, отбросилъ старое ученіе брата Луки и привелъ его въ презрѣніе, что онъ, гетманъ, надѣялся умереть въ вѣрѣ отца своего — въ общинѣ, но, увидѣвши ея измѣненіе, бросилъ ее (1). Возстаніе сверхъ того нанесло тяжелые удары старому государственному порядку Чехіи.

Разбивши протестантовъ, Фердинандъ двинулся въ Прагъ. Выставленные временнымъ правительствомъ ничтожныя войска разбѣжались, и столица послѣ слабого сопротивленія была взята. Начался судъ. Онъ не былъ слишкомъ кровавый: только четыре челоуѣка изъ возставшихъ положили головы свои на плахѣ, и то не изъ пановъ. Но противъ мятежныхъ пановъ, изъ которыхъ семь челоуѣкъ принадлежало общинѣ, была примѣнена мѣра, пожалуй, милостивая, но которая, какъ нельзя болѣе, соответствовала цѣлямъ католическаго короля. Раскаившіеся паны — лютеране обвиняли братскихъ священниковъ въ возбужденіи народа къ мятежу, и особенно также обвинялся епископъ братьевъ, знакомый намъ по своей ревностной лютеранской пропагандѣ въ общинѣ, Янъ Августи: о немъ говорили, что онъ объѣзжалъ предъ возстаніемъ братскія поселенія и возбуждалъ ихъ (2). Въ виду всего этого судъ опредѣлилъ у обвиняемыхъ въ мятежѣ братскихъ пановъ конфисковать тѣ имѣнія въ восточной Чехіи, которыя съ полнымъ правомъ могли быть разсматриваемы, какъ притоны, гнѣзда сектантовъ. Краекъ долженъ былъ уступить королю Брандысъ на Эльбѣ навсегда, а Младобо-

---

(1) Gindely. I. 309.

(2) Что оговаривавшіе братскихъ священниковъ и Августи предъ Фердинандомъ лютеране были правы, видно изъ словъ знаменитаго братскаго епископа, Яна Благослава, въ его біографіи Августи: «Священники наши и нѣкоторые изъ епископовъ (starších) для усненія себя ихъ (возставшихъ пражанъ) заговора — какія цѣли онъ преслѣдовалъ, вступили въ сеймъ.» Для успѣха дѣла былъ наложенъ возставшими общій постъ и молитва «pro bratsku.» Наложеніе поста и молитвы не могло имѣть мѣста безъ одобренія Августи, какъ епископа общины. J. Vlahoslav. Život Jana Augusty. Vydal Šumavský. Praha. 1837. 4—6.

леславу (Jungbunzlau) и другія свои помѣстья получить отъ него, какъ ленъ, съ обязательствомъ, подъ угрозой смерти, не допускать у себя никакихъ «пикардскихъ» сходокъ. У Костки изъ Постуницъ былъ сконфискованъ городъ Литомышль съ округомъ — главное мѣстопребываніе общины въ послѣднее время. Впрочемъ отъ тяжелаго наказанія не увернулись и лютеранскіе паны, сложившіе всю вину на общину. Но не важенъ судъ и его послѣдствія — конфискаціи: важна перемѣна, происшедшая отсюда. Чины — не католики, объѣдѣвшіе, были урѣзаны въ своихъ феодальныхъ правахъ: ихъ земли были возвращены имъ уже какъ королевскій ленъ. Они должны были исполнять королевскія распоряженія у себя на дому, распоряженія, вышедшія помимо сейма, что прежде было не мыслимо. Чему прежде они покровительствовали, теперь должны были гнать. Побѣдивши оппозиціонные чины, Фердинандъ принялся теперь, въ силу побѣдителя, свободно распоряжаться лютеранствомъ, но, главное, общиною. Начались изгнанія не католическихъ священниковъ съ владѣльческихъ приходовъ, требованія возвращенія въ лоно старой церкви. Прежде всего принялись за это администраторы пражской архіепископіи, требуя удаленія женатыхъ священниковъ, введенія католическихъ обрядовъ въ церковную службу и т. д. «Вы — писали они мѣстному совѣту лютеранствовавшего города Тахова — все тѣ, которые уклонились отъ древней христіанской вѣры и вступили въ секту, должны возвратиться къ вашей старой вѣрѣ, въ которой вы родились и вскормились» (1). Но ихъ увѣщаній мало слушались, и они передали это дѣло въ вѣдѣніе свѣтской власти (2), такъ какъ администраторы были безъ силы (3).

Дѣйствительно, по указанію администраторовъ правительство требовало повсюду изгнанія лютеранскихъ «unordentlichen» священниковъ; рядъ указовъ былъ изданъ въ этомъ смыслѣ какъ частныхъ, такъ и общихъ, «damit solcher Greul nicht gestattet, sondern der ordentlichen Satzung Gottes gemäss getilgt und

---

(1) «Jednaní a dopisy.» II. 69.

(2) ib. 31.

(3) Ib. 34.

anangerottet werde» (1). Въ 1554 году Фердинандъ-король издастъ общее распоряженіе для всѣхъ сословій и подданныхъ чешской короны, какого бы званія они ни были: «dass ihr alle und jede solche ungeweihte unordinirte Kirchendiener, die neue, verführerische Lehren zu allerlei Unrat, Uneinigkeit und Widerwillen einführen, auch ihr, die in den Neuigkeiten wider die Landesordnung fůrgenommen habet, denselbigen alsbald abschaffet, die Seelsorgen, Pfarren, Canzeln und geistliche Beneficien mit tauglichen, -geschickten, geweihten und geordinierten geistlichen Personen... besetzt und erstattet, damit die vermessenen untauglichen Leute, die in den Dienst Gottes, die heilwertigen Sacramente zu reichen sich eindringen, nicht zugelassen, sondern gántzlich hinweggethan, die Ehre und die Zier Gottes erhalten...» (2). Хотя подъ «ungeweihte, unordinirte Kirchendiener» могли разумѣться и братья, но противъ нихъ, какъ противъ пивардовъ, былъ изданъ дѣльный рядъ специальныхъ мандатовъ. Онъ начался новымъ изданіемъ мандата короля Владислава въ 1547 году. Мандатъ исполнялся строго: собранія братьевъ повсюду закрывались; даже бывший патронъ Краекъ, самъ же братъ, долженъ былъ дѣйствовать теперь согласно волѣ короля (3).

Въ виду этой грозы, братья рѣшились обратиться къ императору и просить о милости: просьба, гдѣ они жаловались на только что изданный мандатъ, была передана императоромъ эригерцогу намѣстнику; тотъ нашелъ, «dass solch der Pikharten oftgemelt Schreiben mit geschmückten Worten erdichtet, listig» (4). Въ слѣдующемъ 1548 году былъ повторенъ прошло-

(1) Изъ предписанія въ комору, отъ 5 сентября 1533 года. Ib. 154. Ср. ib. 152.

(2) Ib. 155. 156

(3) ib. 84. 85.

(4) «Gutdüncken Erzherzogs Ferdinaad an den König Ferdinand betreffe der von den Pikharten an den König an gefertigten Bittschrift», отъ 13 января 1548 года. ib. 82—84. Эригерцогъ обращалъ вниманіе отца на проповѣдниковъ общины, какъ на коноводовъ (Rüdführer); послѣ этого уже можно будетъ приняться за утравнистовъ и заставить ихъ обратиться въ католичество.

годній мандатъ, при чемъ не забыли обратить особенное вниманіе на братскихъ проповѣдниковъ: «если бы — гласилъ этотъ новый мандатъ — гдѣ либо былъ найденъ сборный домъ (zbor) пикардовъ, то должно тотчасъ же приказать закрыть его и забить досками (kolím zabítí); никто не долженъ допускать пикардскихъ проповѣдей или сходовъ ни въ домахъ, ни на какомъ-либо иномъ мѣстѣ; а если бы который проповѣдникъ, коноводъ (vudce) или учитель осмѣлился на это, то его немедленно схватить и подъ хорошимъ конвоемъ доставить къ любезному сыну нашему Фердинанду въ замокъ пражскій» (1).

Возвратились старыя времена, когда нужно было представителямъ общины всѣми силами поддерживать упадающій духъ братьевъ.

Пражская подобойская консисторія сдѣлала распоряженіе по всѣмъ деканствамъ о сообщеніи ей свѣдѣній относительно выполненія мандата — всѣ-ли закрыты сборища; гдѣ живутъ пикарды, и кто проповѣдникъ (2). Понятно, что братья озлоблены были въ особенности противъ утравистскаго духовенства. «Ни королевскіе канитаны, ни католическіе иппы не поступали съ нами такъ зло, такъ тирански, не ругались, не клеветали такъ на общину, какъ безстыдные подобойскіе священники» — записалъ одинъ изъ братьевъ (3).

Проповѣдники общины были хватаемы и доставлены въ пражскую тюрьму; сквачень былъ наконецъ хитростью самъ Августа въ лѣсу около Литомышля: его ожидали страшныя пытки, истязанія (4). На королевскихъ помѣстьяхъ братьямъ объявлено

---

(1) Чешскій подлинникъ — у Гиндели въ примѣчаніяхъ къ «Geschichte.» I. 511.

(2) «Jednaní a dopisy.» I. 215. 216.

(3) Gindely. I. 513. примѣч. 16. Одинъ священникъ изъ Табора доноситъ: «мнѣ нечего вѣсть, ибо все усиливается пикардъ; когда имъ напоминаешь о власти, они говорятъ: что это за власть! власть есть на небѣ, съ нею мы должны сообразоваться.» «Jednaní.» I. 238.

(4) Съ своимъ ученикомъ Влакомъ Августа провелъ въ заключеніи около 16 лѣтъ, то въ Прагѣ, то въ Кризклавѣ. Это заключеніе подробно описано въ книгѣ Яна Благовѣста: «Janůf Augusty.» Съ трудомъ вѣрится, какія страшныя пытки должны были вносить оба страдальца.

была воля наместника, эрцгерцога Фердинанда, оставить въ шесть недѣль королевство и наследственные земли, и несчастные братья, не успѣвши продать ни домовъ, ни земель, пошли въ изгнаніе (1). Они отправились чрезъ Силезію въ Познань, а оттуда въ Пруссію и положили тамъ начало братскимъ колоніямъ; отсюда братское ученіе раскинулось далеко въ глубь Польши, и здѣсь переселенцы приготовили для своихъ послѣдователей пристанище отъ невзгодъ далекаго будущаго.

Наконецъ черезъ шесть лѣтъ, въ 1554 году, былъ изданъ третій разъ мандатъ противъ пикардовъ. «Мы получили извѣстіе — говоритъ Фердинандъ — отъ администраторовъ, яко бы опять въ нашемъ королевствѣ чешскомъ, не обращая вниманія на приказы и прежніе мандаты наши, одни собираются въ домахъ и на иныхъ мѣстахъ для проповѣди, другіе даже открываютъ запрещенные сборные дома и въ нихъ отправляютъ свои службы, разглашая въ народѣ, будто они то дѣлаютъ съ согласія и дозволенія нашего, о чемъ мы не только ничего не знали, но и всегда были противъ... Поэтому мы еще разъ снисходимъ милостиво напомнить вамъ (панамъ, рыцарямъ и прочимъ обывателямъ земли), что вы не должны давать вѣры тому, яко бы наша воля была — отрывать сборные дома пикардовъ и допускать службы въ нихъ; напротивъ, гдѣ бы вы нашли это, вы имѣете право немедленно закрыть тѣ дома и вообще поступать согласно нашему предыдущему мандату. Буде же кто изъ васъ потерпитъ чтонибудь подобное, не удалять непосвященныхъ проповѣдниковъ, допустить сходки и собранія, нами и вообще воспрещенныя, то мы вынуждены будемъ казнить того смертию, а имѣнья его конфисковать (*již bychom... na hrdle i na statku trestati museli*) (2).

Въ одной Моравіи, положеніе братьевъ было сноснѣе: они имѣли тамъ свои синоды и отсюда производили визитаціи братскихъ эмигрантовъ въ Польшу.

---

(1) О варварскихъ поступкахъ королевскихъ чиновниковъ при изгнаніи братьевъ см. «Jednání» II. 101.

(2) *ib.*, 159—160.

Фердинандъ страшно ненавидѣлъ братьевъ: даже просьбы нѣкоторыхъ высшихъ католическихъ сановниковъ (епископа оломуцкаго на сеймѣ 1552 года) объ нихъ не дѣйствовали. Для Фердинанда лютеранство и братское ученіе являлись въ одномъ образѣ страшныхъ пикардовъ: обновля осенью 1562 года, незадолго предъ своею смертію, подобойскую консисторію, онъ вновь назначаемымъ администраторамъ строго приказалъ смотрѣть, чтобы подобойское духовенство одинаково учило народъ святой вѣрѣ христіанской, по стародавнему способу и компактатамъ, отъ сентъ иныхъ пикардскихъ и блудныхъ, которые скрываются въ подобояхъ, остерегало и отклоняло, мимо стародавнихъ, церковныхъ порядковъ никакихъ новыхъ не вводило ⁽¹⁾. Но неожиданно для братьевъ, они нашли доброе расположеніе къ себѣ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было объ этомъ думать — въ будущемъ наслѣдникѣ Фердинанда, тогда уже избранномъ королѣ чешскомъ, Максимилианѣ.

Сынъ не былъ похожъ на отца: насколько Фердинандъ былъ католикъ, настолько Максимилианъ протестантъ. Въ Вѣнѣ онъ не посѣщалъ католическихъ церквей и слушалъ только своего придворнаго протестантскаго проповѣдника. Еще при жизни Фердинанда онъ сталъ въ оппозицію съ нимъ. Уже очень рано римскій дворъ обвинялъ сына предъ отцемъ въ его протестантскихъ симпатіяхъ, и отецъ былъ въ ужасѣ отъ сына за его некатолическій образъ мыслей.

Слухъ о вѣротерпимомъ наслѣдникѣ престола, естественно, скоро дошелъ и до братьевъ, и они рѣшились попытать чрезъ него облегчить свою участь. На собраніи старѣйшихъ въ Болеславѣ въ 1555 году было положено просить «молодого Максимилиана» о защитѣ ⁽²⁾.

Трудъ попытки палъ на молодаго дьякона общины, намятнаго дѣятеля и въ исторіи братьевъ, и въ исторіи чешской

(1) «Jednaní a dopisy.» I. 387. 388.

(2) «Dekrety jednoty.» I. 178. О четырехъ вѣнскихъ посольствахъ Влагослава. См. А. Gindely. «Životopis B. J. Blahoslava.» «Čas.» 1856. I. 27 и слѣд. II. 4. и слѣд. Егомѣ. «Geschichte der B. Brüder.» I. 329. и слѣд.

литературы, епископа Яна Благослава. Предварительно приобритши расположение Максимилиана проповѣдника, Пфаузера, онъ успѣлъ тайно передать Максимилиану общую просьбу братьевъ о милости: «ваше величество — писали братья — склонны къ чистому священному писанію и не придерживаетесь болѣе измышленій людскихъ» (1). Какъ сообщалъ потомъ одинъ вѣнскій пріятель Благославу, Максимилианъ прочелъ съ удовольствіемъ просьбу и обѣщалъ свою защиту въ будущемъ (2). Очевидно, на Максимилиана можно было рассчитывать только по смерти Фердинанда, тѣмъ болѣе, что отношенія отца къ сыну становились натянутѣе и натянутѣе, благодаря наускиваньямъ іезуитскимъ. Частныя странствованія Благослава къ своему другу въ Вѣну оканчивались ничѣмъ.

Въ 1562 году стали ходить слухи, что старый король дряхлѣетъ все болѣе и болѣе, а новый открыто приметъ аугсбургское исповѣданіе, лишь только взойдетъ на престолъ (3). Что Фердинандъ дряхлѣлъ, было несомнѣнно; что же до Максимилиана, то это были естественно преувеличенные толки недоброжелательныхъ старымъ порядкомъ. Но предусмотрительные братья сейчасъ же задали себѣ вопросъ: какъ имъ поставить себя на случай, если бы эти толки оправдались, и рѣшили — ни подъ какимъ условіемъ не покидать своего ученія (4), а чтобы быть готовымъ къ защитѣ, поручено было нѣсколькимъ братьямъ изслѣдовать аугсбургское исповѣданіе, указать его ошибки и разниці.

Въ такомъ выжидательномъ положеніи находилась община, когда взомелъ на престолъ Максимилианъ: толки оказались преувеличенными, надежды преждевременными.

При полученіи извѣстія о смерти стараго Фердинанда въ Вѣгѣ, значительная часть дворянства, принадлежавшаго къ об-

---

(1) Gindely. «Životopis B. J. Blahaalava.» «Čas.» 1856. I. 31.

(2) ib. II. 7. «Geschichte.» I. 391.

(3) «Dekrety jednoty.» I. 214. Отъ 1562 года.

(4) «Аугсбургская конессія — говорили братья — не полна и не совершенна въ многихъ мѣстахъ; она особенно не достаточна по вопросамъ о духовномъ управленіи и наказаніи; наша конессія принята уже многими.» ib. 184.

щинѣ, собралась въ залахъ университета, чтобы выѣсть съ сословіями городовъ просить новаго императора о свободѣ совѣсти. Понятно, это былъ толчекъ для братьевъ. Старѣйшіе общины не замедлили составить прошеніе въ томъ же духѣ: они жаловались на продолжительныя притѣсненія братьевъ и просили о защитѣ противъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, такъ какъ ихъ ученіе во всѣхъ главнѣйшихъ мунетахъ одинаково съ аугсбургскимъ исповѣданіемъ. Депутаціи, посланной въ Вѣну съ этимъ прошеніемъ, былъ врученъ экземпляръ братскаго исповѣданія, но отличный отъ той конфессіи, которую братья представляли Фердинанду въ 1535 году — т. е. безъ лютеранскихъ новшествъ Августы: ее редактировалъ Благословъ, врагъ терпящаго уже кредитъ среди братьевъ Августы, сторонникъ стараго ученія брата Луки. Депутація была принята, но отвѣта не дано никакого. Но одинъ ласковый приѣмъ, оказанный Максимилианомъ депутаціи, поднялъ духъ общины. Когда и послѣ этого стали преслѣдовать братьевъ на королевскихъ помѣстьяхъ, Максимилианъ приказалъ прекратить всякое притѣсненіе (1). Разъ ободренные братья не прекратили своихъ искательствъ у двора. Согласно завѣщанію, Фердинандъ имѣлъ быть погребенъ въ Прагѣ, и потому было назначено торжественное перенесеніе праха стараго короля изъ Вѣны въ столицу Чехіи. Братья увидѣли въ этомъ удобный случай для повторенія своего ходатайства. Одинъ только опытный Благославъ протестовалъ противъ нековкости подобнаго образа дѣйствій и не ошибся: депутація братская, состоявшая изъ дворянъ, была допущена къ слушанію, но въ отвѣтъ на ея просьбу о возвращеніи того порядка вещей, какой былъ до пражскаго возстанія 1547 года, ей было указано на мандатъ Фердинанда противъ «пизардовъ.» Отвѣтъ былъ настолько не ожиданъ, что поразилъ всѣхъ. Когда наконецъ, не смотря на первыя двѣ неудачи, послѣ незначительнаго промежутка времени, по инициативѣ Августы, нѣкоторыя изъ братскихъ общинъ отправили третье посольство въ Максимилиану

---

(1) Gindely. II. 26.

съ просьбою о признаніи за ними свободы совѣсти, имъ данъ былъ тотъ же строгій отвѣтъ: король не можетъ снисзойти на ихъ просьбу, имъ достаточно тѣхъ церквей, что имѣютъ; ихъ они могутъ посвѣщать (1).

Братья наконецъ увидѣли, что дѣйствовать имъ прямымъ путемъ нельзя, что надо ждать благоприятныхъ условій, чтобъ инициатива пошла не отъ нихъ, такъ какъ ясно было, что лично король не предубѣжденъ противъ общины. Братья имѣли частіи свѣдѣнія изъ Вѣны о милостивомъ расположеніи къ нимъ Максимилиана. У Благослава былъ пріятель при дворѣ — придворный врачъ Крато (чехъ изъ Силезіи). Онъ былъ лучшимъ ходатаемъ за братьевъ. Когда однажды въ бесѣдѣ Крато хвалилъ братьевъ за ихъ миролюбіе и ученость, Максимилианъ замѣтилъ: «свальденскіе братья могутъ отправлять свою религію, какъ это они дѣлали прежде. Лишь только мы одно доведемъ до конца, все будетъ хорошо, съ божьей помощью.» Въ другой разъ, когда на вопросъ Максимилиана — который, по его мнѣнію, изъ многочисленныхъ религіозныхъ толковъ болѣе всего приближается къ простотѣ апостольской, Крато указалъ на братьевъ, императоръ замѣтилъ: «и я такъ полагаю» (2).

Между тѣмъ какъ шли эти пересылки у братьевъ съ Вѣной, тайныя и явныя, и братья все болѣе и болѣе укрѣплялись въ надеждѣ получить отъ Максимилиана признаніе за собой права на законное существованіе, въ средѣ самой общины возникли недоразумѣнія, которыя могли легко привести ее къ разложенію. Виновникомъ ихъ былъ старій епископъ общины, Августа.

Намъ извѣстны давнишнія стремленія Августа къ слитію братскаго ученія съ лютеранствомъ, отъ чего такъ ревностно оберегала себя община въ послѣднее время; теперь выпущенный по смерти Фердинанда изъ тюрьмы Августа, семидесятилѣтній, но тотъ же властолюбивый старикъ, принялся за свое любимое дѣло снова.

(1) ib. 39.

(2) ib. 48. 124. Komenský. «Historia o prot.» га. XXXIX. 101.

Мы видѣли, что въ силу королевскихъ мандатовъ значительная часть братьевъ должна была выселиться въ Польшу и Пруссію; тѣ же, что остались дома, съ трудомъ скрывались по лѣсамъ, въ горахъ. На сеймѣ 1553 года въ Преровѣ, въ Моравіи, братья крайне жаловались на свое обезсиленіе: «община — говорили они — пришла къ страшному оскудѣнію; всѣ наши епископы отняты у насъ — три похищены смертью, а четвертый упрятанъ въ тюрьму; число наличныхъ членовъ совѣта слишкомъ незначительно.» Поэтому синодъ посмѣшилъ избрать двухъ новыхъ епископовъ и пополнить совѣтъ, и не обратилъ вниманіе на запретъ Августы (1). Но сидѣвшій въ тюрьмѣ епископъ былъ очень огорченъ этимъ своевольнымъ, по его мнѣнію, поступкомъ общины и въ особомъ письмѣ выговаривалъ ей это. Община отвѣчала, что на избраніе новыхъ епископовъ и членовъ совѣта была воля всѣхъ, что они держались того, что Господь Богъ установилъ между ними, а его, Августу, ничѣмъ не оскорбили и просятъ только Господа о его возвращеніи. Августъ не успокоился этимъ отвѣтомъ и написалъ новое «рѣзкое посланіе (důtklivé psaní)». Тогда старѣйшины общины положили отвѣтить старому епископу яснѣе, почему братья считаютъ невозможнымъ безпрекословно повиноваться его желаніямъ. «Старыя установленія отцовъ нашихъ о томъ, чтобы четыре особы занимали первое мѣсто, подѣливши между собой труды, а не одна, по подобію папскому, да еще отсутствующая, мы считаемъ святыми, любезными Богу и полезными общинѣ. Власть править общиной принадлежитъ не одному человѣку, но цѣлому совѣту, и ему эта власть дана отъ сейма.» Затѣмъ они извиняли Августѣ его брань, но укоряли его за непризнаніе своей принадлежности «къ той севтѣ, которую римская и подобойская церкви объявляютъ еретической. Ясно, вы вышли изъ общины, не состоите въ управленіи и не желаете стать предъ судъ совѣта, подобно остальнымъ членамъ общины, приписывая себѣ какое-то начальничество (starství)» (2). Очевидно, когда

(1) Dekrety jednoty. I. 123. 172.

(2) ib. 201--208. Отвѣтъ изъ Прерова, отъ 1561 года.

Августа вышелъ изъ тюрьмы въ 1564 году, онъ не могъ имѣть прежняго значенія въ общинѣ.

Главой общины былъ теперь знаменитый переводчикъ новаго завѣта на чешскій языкъ, Янъ Благославъ, хотя Августа считался по прежнему епископомъ. Благославъ превосходилъ властолюбиваго старика и громадною ученостью, и проницательнымъ дипломатическимъ умомъ. Мы его уже видѣли, какъ братскаго дипломата, въ сношеніяхъ съ Вѣной. Дипломатомъ для общины онъ остался и до конца своей жизни († 1571).

Въ 1567 году было собраніе братьевъ въ Преровѣ. Здѣсь былъ поднятъ вопросъ о характерѣ воскресныхъ проповѣдей: должно ли держаться стараго обычая католической церкви — брать содержаніе для проповѣди изъ читаемаго евангелія, какъ это требовалъ и первый богословъ братьевъ, епископъ Лука? Вопросъ этотъ былъ поставленъ Августомъ: онъ желалъ, чтобы въ проповѣдяхъ объяснялись отдѣльныя истины вѣры въ установленномъ порядкѣ чрезъ весь годъ; «bratr Johannes — сказано въ протоколѣ собранія — způsob a formu toho pohotově ma» (1). Но въ защиту стараго обычая, противъ предлагаемой новизны возсталъ Благославъ, сторонникъ католическаго ученія, и успѣлъ убѣдить собраніе остаться при старомъ. Собраніе положило: «намъ кажется наилучшимъ, чтобы службы совершались на основаніи годовичныхъ чтеній, ибо таково было установленіе первой церкви, а что въ ней хорошо, то братья опредѣлили сохранить и у себя, и оно, дѣйствительно, принято было общиной уже при ея основаніи; обычай этотъ похвалили и первые благочестивые люди общины, какъ братъ Лука.» Приведено было еще нѣсколько догматическихъ соображеній противъ лютеранскаго предложенія Августи (2). Между тѣмъ у Августи была уже изготовлена цѣлая книга проповѣдей въ его духъ «Sustovník.» Не смотря на отклоненіе предложенія, Августа рѣшилъ издать свою книгу. По правиламъ общины книга эта

---

(1) ib. 223.

(2) ib.

должна была быть подвергнута цензурѣ узлага совѣта (1), но Августа не захотѣлъ подчиниться этому установленію и рѣшился напечатать ее отъ себя, помимо совѣта, и не въ братской типографіи. Августа указалъ этия соблазнительныя примѣры непослушанія, первый въ жизни общины, и объявилъ тѣмъ самымъ разрывъ. Въ виду такого серьезнаго скандала со стороны епископа, въ концѣ 1570 года собрались представители общины для обсужденія его. Они рѣшили написать увѣщаніе мятежному епископу — просить прекратить печатаніе сумовника. Увѣщаніе было написано (несомнѣнно, его составлялъ Благославъ) въ сдержанномъ тонѣ: они убѣждали Августу что и до сихъ поръ братья чтутъ его, какъ отца не желаютъ причинять ему никакой несправедливости и умоляли объ одномъ — остановить печатаніе книги: «въ ней—писали они — нѣкоторыя вещи весьма противны намъ, мы ихъ по совѣсти нашей никакъ не можемъ признать и принять; но если вы не захотите услышать и исполнить нашей настоящей просьбы и презрите нашу вѣрность и преданность, то вы насъ извините: мы твердо положили оставаться при непоколебимой вѣрѣ въ Бога, въ общину и нашу совѣсть и должны поступать такъ, какъ это надлежитъ въ нашемъ положеніи» (2).

Къ счастью, это единственно въ исторіи общины столкновение ея съ своимъ епископомъ не имѣло для нея никакихъ дурныхъ послѣдствій: въ слѣдующемъ 1571 году умеръ противникъ Августы, Благославъ, а нѣсколько времени спустя и самъ неуживчивый старикъ, похоронившій съ собою и свои «монархическія пожеланія» (3), и свои лютеранскія стремленія.

Мы выдѣли выше, что инициатива общины добыть у правительства признанія за собою свободы совѣсти три раза оканчивалась неуспѣхомъ; начинъ долженъ былъ пойти отъ учре-

---

(1) На собраніи 1557 года было одобрено старое установленіе общины о цензурованіи всѣхъ сочиненій и пѣсней, которыя имѣли бы издаваться членами общины «od starších do mladších». ib. 183.

(2) ib. I. 229. 230.

(3) По выраженію братьевъ. Gindely. II. 56.

жденія официально признаннаго — сейма. Дѣйствительно, какъ только почувствовалась слабая рука мягкаго короля, чины не замедлили начать дѣйствовать за установленіе свободы религіи.

Прежде всего на сеймѣ 1567 года чины добились важной уступки: компактаты были уничтожены изъ земскихъ десокъ, т. е. потеряли силу государственнаго закона. Компактаты, надъ которыми присягали короли, были всегда удобнымъ орудіемъ въ рукахъ католическаго правительства тѣснить некаатоликовъ; такъ поступалъ Фердинандъ I до 1547 года, и когда некаатолик хотѣли было съ оружіемъ въ рукахъ добиться признанія своей религіи, помимо компактатовъ, то проиграли дѣло. Уничтожить компактаты — значило отнять у враждебнаго правительства удобное средство къ преслѣдованію братьевъ и лютеранъ. Понятно, сеймѣ 1567 года сдѣлалъ много для уриванья габсбургскаго абсолютизма. Подъ стариннѣмъ выраженіемъ «*rod oboj*» стали разумѣть теперь не утраивизмъ, опиравшійся на компактаты, а вѣроученіе, основывавшееся на словѣ божіемъ⁽¹⁾, т. е. eo ipso и братьевъ, и лютеранъ.

Въ апрѣлѣ 1571 года собрался новый сеймъ. На немъ была составлена просьба отъ господъ, рыцарей и городовъ о свободѣ аугсбургскаго исповѣданія; о братьяхъ не было упоминанія. Изъ братской общины было одно лицо на сеймѣ, панъ Марквартъ изъ Гродни, и онъ заговорилъ объ общинѣ. Онъ прежде всего спросилъ лицъ, имѣвшихъ подать просьбу — считаютъ ли они общину сектой, и прибавилъ, что, пока этотъ вопросъ не будетъ уясненъ, онъ отказывается отъ подписанія просьбы. Въ виду этого вопроса, лютеране увидѣли, что онасно выключать ту партію въ странѣ, которая обладаетъ силой, и отвѣчали любезно Маркварту, что болеславскихъ братьевъ они не считаютъ сектой, но своими милыми братьями, что они надѣются на ихъ содѣйствіе и что, когда король согласится на просьбу, ихъ, лютеранъ, они сообща займутся рассмотрѣніемъ разницъ въ своихъ ученіяхъ. Панъ — братъ удовлетверился

---

(1) Колюшеекъ. «*České státní právo*». 273, гдѣ начата и точка этого сеймоваго постановленія.

отвѣтомъ, но все таки не подписался по совѣту одного вліятельнаго брата (1). Подъ просьбой не подписались также три лица, вѣрные старому утраквизму: они представили особое ходатайство о реформѣ нижней консисторіи.

Максимилианъ принялъ прошеніе лютеранъ и обѣщалъ дать отвѣтъ. Сеймъ между тѣмъ занялся предложеніями королевскими, главнымъ образомъ, требованіемъ денегъ на войну съ турками; когда же онъ представилъ свои заключенія на усмотрѣніе короля, то получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ на поданную просьбу, что онъ, король, присягалъ хранить старыя обычая и порядки, не вводитъ новизнъ, и потому испрашиваемая чинами свобода исповѣданія не можетъ быть допущена. Въ томъ же смыслѣ было отвѣчено и тремъ утраквистамъ.

Максимилианъ откладывалъ трудное дѣло реформы религиозныхъ отношеній въ землѣ до будущаго, что такъ въ натурѣ чловѣка.

Неучастіе братьевъ въ просьбѣ поразило всѣхъ, какъ католиковъ, такъ и приверженцевъ лютеранства. Явно было, что братья остались вѣрны ученію своего богослова Луки, не признававшего единенія общины съ лютеранствомъ, и потому отказались идти вмѣстѣ съ лютеранами.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ неудачной попытки сейма 1571 года. Дѣла шли по прежнему. При видимо ослабѣвшей абсолютной власти короля, послѣ того какъ не стало Фердинанда, нарушенное государственное равновѣсіе событіями 1547 года снова устанавливалось на долѣ; свобода вѣроисповѣданія, а съ ней и свобода политическая пановъ и рыцарей, уже существовала какъ фактъ. Эта свобода отзывалась даже иногда на католикахъ насиліемъ. Такъ какъ на господскихъ имѣніяхъ

---

(1) До какой степени нѣкоторымъ изъ братьевъ было не по сердцу всякая мысль объ единеніи съ чешскими лютеранами, видно изъ слѣдующей записи синода 1571 года: «Панъ канцлеръ (Периштейнъ), особенно жалуетъ на нѣкоторыхъ пановъ изъ нашихъ, спрашивалъ: что это дѣлается? Почему братья, такъ твердо стоявшіе въ былые времена за свою вѣру, немало перенесшіе изъ-за нея, вдругъ отступились и отступаются отъ нея? Поступаютъ-ли они такъ съ вѣдомъ и совѣта своихъ управителей? Почему же съ ними о томъ не посоветываются?» «Dekrety». I. 334.

право назначенія священниковъ, такъ называемая *collatura*, принадлежало владѣльцу, то теперь обыкновенно у некаатолическаго помѣщика католическiй или старонодобойскiй священникъ изгонялся силою, и открывшаяся вакансiя замѣщалась, по официальномъ выраженiю, «*nesvĕsenými, neřadnými, bludnými a žepatými osobami*». Впрочемъ обычай этотъ встрѣчается еще при Фердинандѣ, не смотря на всѣ его грозные мандаты (1).

Всѣ помыслы лютеранъ сосредоточились на одномъ — на полученiи признанiя аугсбургскаго исповѣданiя, между тѣмъ какъ община занялась пока укрѣпленiемъ своихъ силъ, точнѣйшимъ опредѣленiемъ себя, какъ отдѣльной религiозной единицы. Уже очень рано община обратила вниманiе на образованiе своихъ мальчиковъ. На собранiи 1555 года старшины опредѣлили, чтобы мальчики, «способные къ латинскому и нѣмецкому языкамъ», были освобождаемы отъ работы и отдаваемы на попеченiе тѣмъ братьямъ, которые въ состоянiи взять на себя дѣло обученiя (2). Собранiе слѣдующаго года подтвердило это опредѣленiе, при чемъ указало, что было бы полезно посылать нѣкоторыхъ учениковъ въ Германiю (3). На собранiи въ Болеславѣ въ 1558 году была изготовлена инструкция священникамъ, какъ обучать дѣтей, въ которой нельзя не видѣть въ извѣстномъ смыслѣ предтечу знаменитой педагогической системы брата Амоса Коменскаго. «Особенное искусство, остроумiе, мирный отцовскiй духъ надлежитъ имѣть священникамъ при образованiи тѣхъ юношей, которые находятся при нихъ, чтобы они могли ихъ воспитать для Бога и общины. Весьма грустно бываетъ епископамъ, когда многiе священники просятъ себѣ помощниковъ, а церкви явно нуждаются въ нихъ; учениковъ нѣтъ, а которые есть, тѣ никакъ не желаютъ итти къ управителямъ (*zpravcům*), но охотнѣй идутъ странствовать; если и остаются, то не надолго. И выходитъ въ концѣ, что это вредно и ученикамъ, и ихъ руководителямъ. Поэтому священники должны заботиться при вос-

(1) «*Jednaní a dopisy*». II. 206 и др.

(2) «*Dekrety jednoty*». I. 178.

(3) *ib.* 179. 180.

питаніи о слѣдующемъ: 1) прилежно наблюдать за наклонностями своихъ учениковъ: настрѣненіями, рвеніемъ къ церкви и т. д. и испытывать ихъ. Но при этомъ они должны обращать вниманіе и на природныя способности ихъ къ наукѣ, краснорѣчію, эти способности, какъ основы, не *удушивать*, но *развивать*, (a tĕsch jako zakladŭ aby neudušovali, ale roznĕsovali), быть помощниками ихъ, служить имъ къ возвращенію этихъ добрыхъ задатковъ. 2) Смотря по обстоятельствамъ, приучать учениковъ болѣе или менѣе къ работѣ и поручать имъ что — нибудь изъ повседневныхъ или духовныхъ дѣлъ, дома и въ церквяхъ, а равнымъ образомъ бывать съ ними при разбирательствахъ (při soudcich) для наученія суду божьему и миру. 3) Юноши нуждаются въ руководствѣ, поэтому указывать имъ, какъ надо учиться, что читать, писать, чтобы они не путались, въ головѣ ихъ не было бы хаоса, и, главное, не портили бы себя, хватаясь за то, что имъ еще не подъ силу и не прилично (aby se nepletli, nemĕskali, ovšem nekažili, toho se chárajíc, co jim ještě neslouží a nesluží)» (1).

Согласно съ этими заботами общины объ образованіи своего юношества, старѣйшины посылаютъ братскихъ стипендіатовъ въ Гейдельбергъ для науки, гдѣ ихъ было въ разсматриваемое нами время около 14 человекъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ является мысль основать у себя на родинѣ высшее училище, въ особенности для дѣтей братскаго дворянства, съ цѣлью противодѣйствовать обезнароженію послѣднихъ, при ихъ обычныхъ страствованіяхъ за границей (2). Дѣйствительно, въ 1574 году былъ

---

(1) «Dekrety». I. 187. Пеломенія Коменскаго были: школа должна готовить къ полезной жизни; все способности человека должно развивать, и не одну въ ущербъ другой; при преподаваніи наблюдать строгую систему, не сообщать ничего преждевременно, отъ известнаго переходить къ неизвѣстному и т. д. Ср. Коменскій. «Didaktika». глава XVIII, fund. I. IV. V. гл. XVI, fund. I. и др. Кажется, знаменитый изслѣдователь братской общины ошибается, отрицая всякую связь между школами братьевъ и позднѣйшей системой Коменскаго. См. Gindely. «Geschichte der Böhm. Brüder». II. 103.

(2) За высшее образованіе въ общинѣ особенно дѣйствовалъ Благославъ. См. его возраженіе «proti misonusím» въ статьѣ Н. Шафарика:

вызванъ одинъ изъ лучшихъ стипендіатовъ гейдельбергскихъ, братъ Ридигеръ, и ему было поручено основаніе высшей школы въ Eibenschütz-ѣ. Знатнѣйшіе паны Моравіи — Момницъ, Янъ Жеротинъ старшій и другіе, обѣщали щедрые взносы на поддержаніе школы. Наконецъ при основаніи школы не могло не итѣться въ виду поставить противувѣсъ іезуитскимъ коллегіямъ, тогда начинавшимъ входить въ силу⁽¹⁾. Въмѣстѣ съ развитіемъ школы община готовилась къ своему знаменитому труду — къ знаменитому изданію кралицкой библии въ чешскомъ образцовомъ переводѣ прямо съ еврейскаго, начало которому положилъ Янъ Благославъ своимъ переводомъ съ греческаго новаго завѣта, изданнымъ въ 1565 году⁽²⁾.

Точнѣйшая выработка братскаго ученія, возможно большее ознакомленіе съ нимъ другихъ были также одной изъ серьезныхъ заботъ общины въ это время. Мы видѣли уже выше, съ какими

«Blahoslavova filipika proti nepřátelům vzdělání ušlechto v jednotě bratrské». «Časopis». 1861. 372. О жизни Благослава (1523 — 1571), см. Gindely. «Životopis V. Jana Blahoslava». «Časopis». 1856. I. 20—44, II. 3—23.

(1) О школахъ см. Prochaska. «De saecularibus liberalium artium in Bohemia». Pragaе. 1782. 356.

(2) О дѣйствіяхъ католиковъ противъ перевода Благослава см. статью Герм. Иречка «Bibli Kralická» въ журналѣ: «Roopravy z oboru historie, filologie a literatury». Вѣна. 1860. 9. Въ настоящее время кралицкой библии перваго изданія (1579—1593) сохранилось не болѣе 20 экземпляровъ. Šembera «Dějiny». II. 77. прим. 3. Коменскій въ своемъ пастырскомъ посланіи: «Kšast umirající matky jednoty bratrské» отказывасть въ наслѣдіе своимъ ученикамъ одну кралицкую библию: «odkazuji tobě za dědictví knihu Božíi, bibli svatou, kterou synové moji z původních jazyků do češtiny s pilností velikou (do patnácti let na té práci strávilš několik učeníých y věrných mužů) uvedli, a Pán Bůh tomu tak požehnal, že málo ještě jest národů, kteřížby tak pravdivě vlastně y jasně svatě proroky a apostoły v svém jazyku mluvící slyšeli. Přijmiž to tedy za svůj vlastní klenot, vlasti milá!» изданіе берлянскаго 1757 года. 24. Католики въ тридцатилѣтнюю войну немилостиво жгли попадавшіеся имъ подъ руки экземпляры кралицкой библии. ib Извѣстна пѣсня чешскихъ эмигрантовъ послѣ 1628 года:

«Nevzali jsme s sebou
nie, po všem věta,
Jen bibli kralickou,
Labirint světa!»

вниманіемъ отнесли братья къ слуху, ходившему еще при жизни Фердинанда, о явной склонности наследника къ лютеранству, видѣли, что они твердо положили не смѣшиваться съ лютеранами. Когда пріятель Благослава Крато, послѣ неудачной попытки чиновъ сейма 1571 года, написалъ сочиненіе о необходимости пристать всеѣмъ, несогласнымъ съ господствующею церковью, къ аугсбургскому исповѣданію, Благославъ отвѣтилъ ему энергическимъ протестомъ. Была признана необходимость латинскаго перевода исповѣданія 1564 года, которое было представлено Максимилиану. Конфессія 1535 года, какъ лютеранская, была забыта. Съ необыкновенною осторожностью братья приступили къ этому дѣлу. Латинскій переводъ, въ которомъ болѣе всего участвовалъ директоръ братской школы Ридигеръ, долженъ былъ быть напечатанъ въ Виттенбергѣ, гдѣ предварительно онъ подлежалъ обсужденію мѣстныхъ богослововъ. Вопросъ о крещеніи дѣтей возбудилъ недоумѣніе. Братья учили, что таинство крещенія можетъ совершаться только при полной, сознательной вѣрѣ, поэтому оно не имѣетъ мѣста по отношенію къ дѣтямъ. Противъ этого протестовали виттенбергскіе богословы, и братья согласились измѣнить свое ученіе въ томъ смыслѣ, что по возможности и въ дѣтяхъ есть вѣра, и потому и дѣти могутъ быть окрещиваемо въ силу ея настоящей, а не будущей вѣры⁽¹⁾. Сообразно этому опредѣленію была измѣнена и конфессія. Въ мартѣ 1573 года печатанье было кончено; въ предисловіи говорилось объ отличіи братьевъ отъ утраквистовъ. Кальвинисты отнесли къ изданному исповѣданію съ одобреніемъ⁽²⁾.

Четыре года прошло послѣ дачи Максимилианомъ отрицательнаго отвѣта на просьбу сейма о свободѣ лютеранскаго исповѣданія, когда въ мартѣ 1575 года былъ назначенъ новый сеймъ, знаменитый въ исторіи чешскаго религіознаго движенія.

Король самъ открылъ его. Чины были собраны для выслушанія королевскихъ предложеній о деньгахъ на безконечную

(¹) Таково было заключеніе преровскаго сейма въ 1572 году. «*De křety*» I. 237.

(²) *Gindely*. II. 95. и слѣд.

войну съ турками въ Венгрии и для собственной кассы короля; въ нихъ не было и помину о дѣлахъ вѣры. Но сословія положили не притупать ни къ чему, прежде чѣмъ не будетъ рѣшено въ вопросѣ релігіозный. Во главѣ оппозиціи лютеранскихъ членовъ сейма стоялъ Богуславъ Гассенштейнъ Лобковицъ, рѣшительный врагъ какъ утравизма, такъ и католичества, старый лютеранинъ. На своихъ помѣстьяхъ онъ ставилъ, не смотря на грозныя запрещенія правительства, еще при Фердинандѣ лютеранскихъ, не посвященныхъ (негадлу) поповъ, изгоняя католическихъ и утравистскихъ, и на всѣ запросы отвѣчалъ одно — «žadného takového kněze nerožadného ani jiného nemá» (1). На предварительномъ собраніи лютеранъ, по предложенію Лобковица, было рѣшено повторить королю просьбу о свободѣ аугсбургскаго исповѣданія. Къ панамъ и рыцарямъ присоединились депутаты отъ городовъ, руководимые Сикстомъ Оттерсдорфомъ.

Когда узнали объ этомъ рѣшеніи католическіе члены сейма, Янъ Вальдштейнъ, единственный представитель въ средѣ пановъ стараго утравизма, протестовалъ; онъ исходилъ изъ національной точки зрѣнія: намъ надо не нѣмецкой вѣры желать — говорилъ онъ, а оставаться при своей старой подобойской и просить о расширеніи круга дѣятельности нижней консисторіи, и о выборѣ къ ней дефензоровъ (2). Но старый утравизмъ въ эту эпоху почти что не существовалъ, и это ясно понимали католики, отказавшись отъ всякой поддержки требованій Вальдштейна (3).

---

(1) «Jednaní a dopisy.» II. 206. Ср. также 296.

(2) Нижняя консисторія вѣдала утравистское духовенство.

(3) Какъ только Римъ получалъ усиліе въ іезуитахъ, онъ сталъ нетерпимъ даже къ такому невинному отступленію отъ старой церкви, какъ утравизмъ. Еще въ 1560 году канцлеръ чешскій долженъ былъ выступить съ протестомъ прѣтивъ придирчивыхъ нападокъ куріи. На обвиненіе Римомъ правительства, что оно терпитъ гуситовъ и утравистовъ въ чешскомъ королевствѣ, канцлеръ въ запискѣ, представленной Фердинанду I, прямо указалъ, что его величество обязанъ такъ поступать въ силу базельскихъ компактатовъ и привилегій покойнаго Сигизмунда (... dass E. Mt. leiden und gedulden die Hussiten und die Sub utraque in Königreich

Члены сейма изъ общины не принимали участія въ совѣщаніяхъ лютеранъ и выжидали.

Послѣ нѣсколькихъ дней совѣщаній чиновъ по конфессіямъ, взаимныхъ пререканій и сильныхъ споровъ, главнымъ образомъ, между католиками и лютеранами, вызвавшихъ крайнее неудовольствіе въ королѣ, который въ разговорѣ съ архіепископомъ прямо объявилъ, что онъ желаетъ дружескаго согласенія сословій, и выразилъ надежду, что они сообщатъ что-нибудь нанишутъ, и тогда все будетъ покойно, члены сейма явились къ королю на слушанье. Лютеране выразили свои желанія, но король только на слѣдующій день отвѣтилъ имъ согласіемъ на совѣщаніе ихъ между собой объ устройствѣ своихъ религіозныхъ дѣлъ.

Beheim, das sein E. Mt. in Kraft des Basilien — Concilii und Kron Beheim Compactata, auch weiland Kaiser Sigmunds Privilegii zu thun schuldig...). Изъ этой же записки видно, что замѣщеніе пражской катедръ въ послѣднее время, не смотря на всѣ ходатайства Фердинанда обуславливалось желаніемъ курій окончить счеты съ утраквизмомъ: подобострашіе священники посвящались въ Венеціи, что было крайне неудобно, католическіе же въ сосѣднихъ епархіяхъ, слѣд. замѣщеніе катедръ было въ интересахъ утраквизма. Римъ обвинялъ императора въ небреженіи о замѣщеніи катедръ; канцлеръ на это возражаетъ, что императоръ и чрезъ папскихъ нунціевъ и чрезъ своихъ агентовъ просилъ, много разъ писалъ и proprio muta, и по ходатайству сословій о назначеніи епископа, «der sub una und sub utraque zu ordiniren Macht hätte... Doch hat solches E. K. Mt. Sollicitiren bei den vorigen Päpsten kein Ansehen gehabt, sondern ist alle diese Handlung bis auf jetzo unerörtert und unerledigt verblieben. Aus welchem so etwa eine Unordnung erfolget, ist dieselbe mehr ihrer Heiligkeit Vorfahren, als E. Mt. zuzumessen.» Очевидно, императоръ желалъ имѣть архіепископа общаго для обѣихъ церквей, но въ этомъ отношеніи онъ расходился съ возрѣніями Рима, который слышать не хотѣлъ объ утраквизмѣ. «Если дѣти умираютъ безъ крещенія — пишетъ канцлеръ, если люди умираютъ безъ причастія святымъ тайнамъ, подобно скоту, то за эти страшныя дѣйствія и безпорядки противъ Бога Всемогущаго отвѣтъ лежитъ много болѣе на папѣхъ, чѣмъ на его величествахъ, dieweil E. Mt. auf vielfältiges Anhalten, Sollicitiren und Schreiben dessofalls nichts erhalten hat mögen, wie sich dann jetzo auch dafür ansehen lässt, wo E. K. Mt. bei jetziger Päpstlicher Heiligkeit angehalten, dass E. Mt. bei derselben von wegen ihres täglichen unerhörten seltsamen Fürnehmens noch weniger, als bei den vorigen erhalten hätte.» «Jednanis. II. 288—284.

На слушаньѣ у короля присутствовали и наны изъ общины, но не принимали никакого участія. Но послѣ полученія благопріятнаго отвѣта лютеранами закопошились и они. Представителемъ отъ узскаго совѣта въ Прагѣ былъ Шварцъ. Братья, какъ при Благославѣ, такъ и теперь не прерывали сношеній съ своимъ покровителемъ при дворѣ, докторомъ Крато. Еще при выходѣ чиновъ изъ аудіенціи Шварцъ улучилъ минуту и свидѣлся съ Крато. Когда на вопросъ — присоединяются ли и братья къ лютеранамъ, Крато получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Шварца, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что это не годится, что братская конфессія выше аугсбургскаго исповѣданія, и онъ совѣтуетъ ее не покидать. вмѣстѣ съ тѣмъ Крато не упустилъ удостовѣрить Шварца въ добромъ расположеніи къ общинѣ Максимилиана и потому указывалъ на необходимость подачи со стороны братьевъ отдѣльной просьбы королю о свободѣ ихъ исповѣданія. Не въ то время въ Прагѣ не было ни одного изъ старѣйшинъ общины; поэтому собравшіеся на совѣщаніе братья положили пока ничего не предпринимать отъ себя и выбрали нава Карла Крайва своимъ представителемъ на собраніяхъ лютеранскихъ чиновъ сейма.

Въ первомъ же собраніи лютеранъ Богуславъ Лобковицъ указалъ чинамъ на необходимость принятія аугсбургскаго исповѣданія, чтобы положить, по его словамъ, конецъ всѣмъ другимъ сектамъ. Здѣсь присутствовалъ и выборный общины, Краевъ, и внесъ свое предложеніе: «я представляю братское исповѣданіе — сказалъ онъ; оно много старѣе аугсбургскаго; я желаю, чтобы оно было прочтено и обсуждено. Его я исповѣдую и стою на немъ.» Попятно, это внесеніе не могло найти одобренія у Лобковица, и онъ прямо заявилъ о недопущеніи къ чтенію чего либо помимо аугсбургскаго исповѣданія. Послѣ продолжительнаго волненія конфессія Лютера была прочтена. По окончаніи чтенія поднялся нава Славата, дьякъ общины, отецъ знаменитаго впоследствии врага братьевъ, и возобновилъ требованіе Крайва. «Мы набожъ — сказалъ онъ — свой уставъ и законныхъ священниковъ, мы не отдѣляемся отъ нихъ.» Но оппозиція все таки не допустила чтенія братской конфессіи. Тогда рѣшили избрать особый ком-

тѣтъ и ему поручить составленіе отдѣльнаго *чешскаго* исповѣданія, которое положило бы конецъ всѣмъ ересямъ. Братья были недовольны, ибо опасались, что подъ послѣднимъ выраженіемъ могутъ разумѣться и они. Ихъ опасенія были еще больше, когда они узнали, что католики не прочь выгнать всѣхъ ихъ изъ страны. Волѣ другихъ ужаснулись паны, припоминая событія 1547 года.

Въ ближайшемъ засѣданіи сейма въ проектированный комитетъ избрано было по шести чловѣкъ отъ каждаго изъ трехъ сословій; изъ общины пошло въ комитетъ одно лицо — рыцарь Камейскій. Такимъ образомъ вопросъ религіозный былъ перенесенъ теперь изъ сейма въ спеціальный комитетъ, и такъ какъ послѣдній состоялъ изъ людей свѣтскихъ, математиковъ, астрономовъ и ни одного богослова, то членамъ комитета указано было приготовить себя къ этому важному дѣлу частыми совѣщаніями, бесѣдами съ лицами духовными. 21 марта религіозный комитетъ имѣлъ свое первое засѣданіе. Оно началось было чтеніемъ отдѣльныхъ параграфовъ аугсбургскаго исповѣданія, при чемъ каждый членъ дѣлалъ свои замѣчанія, а членъ отъ общины указывалъ на соответствующія мѣста братской конфессіи; но потому, благодаря настоятельному требованію рыцаря Камейскаго, большинство членовъ положило начинать чтеніе съ братскаго исповѣданія. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ комитетъ уже имѣлъ готовый текстъ новаго исповѣданія, которое, въ отличіе отъ нѣмецкаго аугсбургскаго и братскаго сектаторскаго, было названо *чешскимъ*, что не мало льстило національному чувству его составителей. Уже напередъ можно было видѣть, что изготовляемое національное исповѣданіе будетъ спивкомъ изъ аугсбургской и братской конфессій, какой-то средней величиной. Дѣйствительно, въ ученіи объ оправданіи составители придержались лютеранскаго пониманія, что достаточно одной вѣры; въ ученіи же объ ехаристіи усвоили толкованіе братьевъ: принимаютъ истинное тѣло и кровь, но должно это понимать духовно⁽¹⁾. Въ допол-

(1) Чешская конфессія отличалась кротостью, на что обратили вниманіе виттенбергскіе богословы и за что ее похваляли. Этотъ отзывъ у

неніе въ конфессіи былъ изготовленъ духовный уставъ, вполне сходный съ дѣйствовавшимъ утраввистскимъ, съ той только отиѣной, что право замѣщенія и охраны консисторіи присвоивали себѣ сословія и отымали его у короля. Охрана же должна состоять изъ нѣсколькихъ лицъ, выбираемыхъ сеймомъ, съ титуломъ *defensores* (1).

Въ началѣ мая возобновились засѣданія комитета, послѣ нѣкотораго перерыва, послѣдовавшаго за временнымъ закрытіемъ сейма, для обсужденія во всѣхъ подробностяхъ текста новой чешской конфессіи. Самая догма ея не возбуждала пререканій; за то предисловіе, въ которомъ подобно желали опредѣлить свое отношеніе ко всякимъ другимъ религіознымъ толкамъ, встрѣчено было съ неудовольствіемъ братьями. Лютеране предлагали написать: «этимъ исповѣданіемъ нашимъ мы осуждаемъ и отдѣляемъ себя отъ арианъ, цвингліанъ, кальвинистовъ, анабаптистовъ и всѣхъ прочихъ сектъ.» Осужденіе Кальвина частный представитель братьевъ въ комитетѣ, *Strejc*, не согласился допустить ни за что, ибо Кальвинъ былъ очень близокъ къ общинѣ; противники уступили, и была принята такая редакція: «осуждаются всѣ тѣ, которые не слѣдуютъ слову божьему». Но этимъ некончились пререканія между лютеранами и братьями. Дѣло въ томъ, что лютеране желали теперь соединенія обѣихъ религіозныхъ общинъ путемъ нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ; братья

Коменскаго. «*Historia o prot.* XXXIX; у Пешка «*Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.*» I. 105. Тамъ же (107—108) полный перечень содержанія конфессіи по главамъ, съ выдержками главнѣйшихъ мѣстъ. Конфессія была издана тогда же земскимъ писаремъ Шпановскимъ, позже братьями. Въ 1610 явился нѣмецкій переводъ ея въ Прагѣ, съ нѣсколькими приложеніями: маестатомъ, соглашеніемъ, соединеніемъ, уставомъ консисторіи. Въ 1619 г. былъ напечатанъ въ Прагѣ латинскій переводъ конфессіи для представленія ея новозбранному королю Фридриху. Ср. К о т е л я к у. «*Historia.*» XXXIX.

(1) У Коменскаго въ «*Historia.*» неточно изложена исторія составленія текста чешской конфессіи; но онъ съ удовольствіемъ говоритъ, что «писали артикулы такими словами, чтобы каждая сторона могла и желала подписаться.» XXXIX. 104.

были не противъ сѣдиненія, но съ условіемъ — остаться имъ при своемъ исповѣданіи, т. е. были противъ слитія съ лютеранами. И вотъ, когда въ торжественномъ засѣданіи комитета была прочтена новая конфессія, когда братскіе представители спросили — что сдѣлаю, чтобы и братья были защищаемы при ихъ исповѣданіи, и комитетъ указалъ на предисловіе къ новой конфессіи, гдѣ говорилось, что такъ какъ они, лютеране, соединились въ главнѣйшихъ пунктахъ съ братьями, поэтому передаютъ это новое исповѣданіе императору по общему соглашенію между собой (*sropešně v té jednomyslnosti*), другими словами, что братья оставляютъ свою и принимаютъ эту новую конфессію, — представители общины высказали свое неодобреніе, а на другой день объявили, что должны будутъ просить особо короля.

Такимъ образомъ, соглашеніе лютеранъ и братьевъ приняло такой оборотъ, что вмѣсто соглашенія можно было скорѣе ожидать полнаго разрыва; но лютеране этого опасались болѣе всего, ибо понимали, что братья превосходятъ ихъ своею численностью, а при разрывѣ съ ними они не добьются ни до чего у католиковъ, и Лобковицъ умолялъ братьевъ, Бога ради, не отдѣляться отъ нихъ, лютеранъ. Предложена была новая редакція спорнаго мѣста въ предисловіи «*sropešně je (конфессію) ted' robdavame*», но и она не была принята братьями. Братья взяли сами измѣнить это мѣсто, но предложенная ими редакція крайне испугала Лобковица и его друзей, ибо она просила о защитѣ двухъ самостоятельныхъ, хотя близкихъ конфессій, слѣдовательно желаемого единства не было.

Итакъ, подобно — лютеране и братья, согласиться не могли, и братья рѣшили теперь составить свою просьбу къ императору, поддерживаемые въ этомъ намѣреніи Жеротиномъ, который въ это время пріѣхалъ изъ Моравіи и имѣлъ благопріятный разговоръ о братьяхъ съ Максимилианомъ.

Просьба была изготовлена, и подъ ней подписались 17 пановъ (въ томъ числѣ и самъ Жеротинъ) и 141 рыцарь (1).

(1) Списокъ ихъ у Gindely. II. 154—153.

Ясно, какъ сильны были братья и какъ мало они, въ сущности, нуждались въ единеніи съ лютеранами, которые требовали отъ нихъ пожертвовать тѣмъ, что было для нихъ дороже всего — самостоятельностью.

Лишь только узнали объ этомъ опасномъ для лютеранъ шагѣ общины Лобковицъ и его друзья, они рѣшились сдѣлать еще одну попытку соглашения съ братьями, и эта попытка была не напрасна. Удалось наконецъ придумать такую редакцію, которая удовлетворила и братьевъ. Въ ней говорилось отдѣльно о каждой конфессіи — лютеранской и братской, но просьба о дарованіи свободы была отъ общаго имени: «Мы всѣ вмѣстѣ, въ единомысліи — гласило предисловіе — просимъ ваше величество держать надъ нами всѣми свою милостивую и охранную руку и милостиво дозволить намъ вольно и свободно служить Господу Богу въ вѣрѣ нашей христіанской» (1).

Изложенное въ такомъ смыслѣ предисловіе, чешская конфессія и духовный уставъ были наконецъ представлены императору чинами. Отвѣтъ былъ обѣщанъ чрезъ нѣсколько времени, такъ какъ дѣло требовало зрѣлаго обсуждения.

Для этого зрѣлаго обсуждения новая чешская конфессія, считая изъ двухъ некатолическихъ, была послана напѣ, курфирсту саксонскому, утраввистской консисторіи и пану Вальдштейну, послѣднему защитнику стараго подобойства.

Новая конфессія возбуждала общее вниманіе, особенно католиковъ и утраввистовъ. Если до этого времени возможно было послѣднимъ требовать безнаказанно отъ правительства великихъ репрессивныхъ мѣръ противъ «нивардовъ», если до сихъ моръ выслушивалась еще какъ вопли объ изгнаніяхъ католическихъ патеровъ и замѣщеніи ихъ «kněžimi neřadnými, bludnými a žepatými» — т. е. некатолическими, то теперь съ утвержденія новой конфессіи всѣ эти несправедливыя въ глазахъ католиковъ и утраввистовъ поступки пановъ и рыцарей становились явленіями законными. Поднялась агитація въ церквяхъ, съ церков-

(1) Gindely. II. 481. примѣч. 51.

нихъ каедръ возбуждался народъ; особенно злобно говорили противъ «пикардовъ», ибо они были сила, значительнѣе лютеранъ.

Прага объявила себя за сословія сейма.

Въ этомъ взаимномъ раздраженіи прошло все время до открытія новаго сейма въ августѣ, ибо паны и рыцари въ концѣ іюня разѣхались по деревнямъ для полевыхъ работъ.

Максимилианъ лично объявилъ свое желаніе сейму заняться избраніемъ его сына Рудольфа и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени дать отвѣтъ на поданную конфессію, предупреждая чины, что если онъ и не будетъ всѣмъ по сердцу, по крайней мѣрѣ, всѣ справедливыя желанія будутъ удовлетворительны.

Изъ послѣдняго заявленія ясно было, что отвѣтъ будетъ такого рода, что мало удовлетворить кого: императоръ самъ это понималъ и былъ крайне медлителенъ и нервшителенъ въ объявленіи своего отвѣта. Положеніе Максимилиана было тяжелое — въ немъ происходила тяжелая внутренняя борьба. Наканунѣ официальнаго сообщенія онъ пригласилъ Лобковица и сказалъ ему: «*Pane Sudí, nebudete mítí dobré odpovědi a nebudete se stavům líbiti, ale tím sobě nedejte překažeti, buďte stálí a nepřestávejte na ní, nebo já musím tak učiniti, aby se tak Římanům dostí mohlo státi. Potom pak když na této nepřestanete, zvíte, co chci učiniti*» (1).

Эти слова драгоцѣнны для пониманія дѣятельности Максимилиана: онъ долженъ былъ уступать требованію Рима и дать чинамъ отвѣтъ, не согласный съ его собственнымъ желаніемъ: «но вы — говорилъ онъ Лобковицу — не останавливайтесь на немъ и идите далѣе».

На другой день послѣ памятнаго разговора явились, по приглашенію императора, шесть человекъ отъ сейма изъ лютеранъ, во главѣ которыхъ былъ Лобковицъ, для выслушанія отвѣта. Максимилианъ объявилъ имъ, что такъ какъ братья и

---

(1) Gindely. II. въ примѣч. стр. 487.

лютеране не согласились вполнѣ, а братья сверхъ того, какъ секта, преслѣдуются закономъ, поэтому онъ не можетъ ничего сдѣлать въ пользу ихъ, не католиковъ; но какъ до сего времени никто еще не встрѣчалъ со стороны его притѣсненія въ дѣлѣ вѣры, такъ это будетъ и потомъ. Сословія сами могутъ найти средство какъ жить въ мирѣ, безъ раздора, и онъ имъ будетъ за то благодаренъ. Смыслъ былъ ясенъ: живите, какъ жилось, но законной санкціи дать нельзя вашимъ религіознымъ требованіямъ.

Отвѣтъ былъ особенно тяжелъ для братьевъ: онъ говорилъ о нихъ, какъ о воспрещенной сектѣ.

Черезъ два дня послѣ этого неожиданнаго отвѣта, Максимилианъ приказалъ уяснить Лобковницу и его друзьямъ, въ частной бесѣдѣ, причины, заставившія его такъ отвѣчать ⁽¹⁾, а выѣстъ съ тѣмъ поручилъ увѣрить ихъ, что лично онъ не только согласенъ на все требованія сословія, но ихъ утвердить своей *собственной грамотой* (v majestatu), которая будетъ обязательна и для его наследниковъ, лишь бы только это было сдѣлано безъ огласки за границей.

На другой день онъ повторилъ чинамъ свое обѣщаніе не дозволить никакого притѣсненія въ дѣлѣ религіи и указалъ лютеранамъ избрать изъ своей среды дефензоровъ, которые будутъ передавать ему жалобы отъ ихъ духовенства. Что же касается до обѣщаннаго вчера маестата, то Максимилианъ умолчалъ о немъ и замѣтилъ только, что онъ позаботится, что и его наследникъ будетъ далекъ отъ всякихъ притѣсненій въ дѣлѣ вѣры. Послѣ этого императоръ имѣлъ случай повторять еще нѣсколько разъ тѣ же успокоительныя слова, сословія подожились на нихъ, и лютеране и братья въ особой аудіенціи принесли Максимилиану свою сердечную благодарность ⁽²⁾.

---

(1) Что ради себя и своей семьи онъ долженъ былъ такъ поступить; что ему угрожало прогнаніе папы, если бы онъ уступилъ сословіямъ; что его удержали испанскій король и курьереты, обѣщавшіе позаботиться о судьбѣ его сыновей. Gindely. II. 186.

(2) Замѣчательна его рѣчь къ сословіямъ 2 сентября. «Если бы — сказалъ Максимилианъ въ заключеніе — а иначе думалъ, иначе поступалъ,

Теперь сеймъ приступилъ къ избранію Рудольфа: онъ былъ избранъ свободно, и сынъ въ присутствіи отца, предъ лютеранскими чинами далъ слово блюсти обѣщанія и распоряженія стараго короля. Но Рудольфъ, говоря это, обращался къ однимъ лютеранамъ, ибо изъ общины никто не былъ приглашенъ во дворецъ. Максимилианъ видимо избѣгалъ официальнаго участія братьевъ въ чемъ бы то ни было, чтобы такимъ образомъ быть въ состояніи маскировать свои дѣйствія предъ тѣми, кого онъ боялся — папой, Испаніей, имперскими князьями. Но подъ лютеранами подразумѣвались сами собой братья, ибо и тѣ исповѣдывали не аугсбургско-лютеранскую, а чешскую конфессію, слѣдовательно при торжественномъ ручательствѣ сына — наследника итти по слѣду отцовскому — блюсти религіозную свободу, всѣ, и лютеране, и братья могли быть одинаково покойны за будущее (1).

Къ сожалѣнію, не такъ оказалось на дѣлѣ. Отецъ потребовалъ ручательства отъ сына на время послѣ своей смерти, а между тѣмъ самъ былъ не въ состояніи ручаться за себя на завтра. Слабохарактерность императора, соединенная съ боязнью предъ каждымъ смѣльнымъ шагомъ, была знакома каждому, но она дошла до крайней степени, когда Максимилианъ, уѣхавши изъ Праги по закрытіи сейма 1575 года, приказалъ издать старшій злополучный мандатъ Владислава противъ «швардовъ». Разстояніе между торжественными обѣщаніями свободы и изданіемъ мандата было всего нѣсколько дней.

Когда пораженные чины выразили свое крайнее недоумѣніе, что только что торжественно была обѣщана свобода исповѣданія всѣмъ, отъ имени которыхъ была подана чешская конфессія, и

нежели какъ говорю, я долженъ былъ бы всегда стыдиться себя и дозволить говорить, что я словъ своихъ и обѣщаній не держу, и себя самого считать человекомъ легкомысленнымъ и ничтожнымъ (*sebe samého za lehkého a ničamného člověka odsouditi*). Gindely. II. 200. Slavata «Paměti.» I. 34. Изъ всего предыдущаго ясно, что всѣ уступки, обѣщанія императора вышли изъ доброй воли его и не были вынужденны чинами, какъ это селятся объяснить католики, напр. Slavata. ib. 33.

(1) Событія сейма 1575 года изложены по Гинделю. II. 109—210.

между тѣмъ противъ послѣдователей ея — братьевъ, сейчасъ же издаются крутыя мѣры и имъ же, королямъ, Максимилианъ въ извиненіе говорилъ: «мы знаемъ только, что въ нашемъ совѣтѣ, состоящемъ изъ высшихъ чиновниковъ Чехіи, частью католическомъ, частью утравкистскомъ, было рѣшено возобновить мандатъ Фердинанда I, воспреещающій всякія стороннія собранія, проповѣди и совѣты» (1).

Но, очевидно, всѣ эти совѣтники, на которыхъ Максимилианъ слагалъ всю вину, были лишь истолкователями воли церкви, которая рѣшила не позволять никакихъ уступокъ въ пользу некатоликовъ. Она указала императору оставить безъ вниманія сеймовую конфессію 1575 года и вмѣсто обѣщанной свободы пожаловать братьевъ новымъ изданіемъ «кроваваго» мандата.

Здѣсь для уясненія той роли, которую приняла теперь, съ послѣднихъ годовъ правленія Максимилиана, католическая церковь въ Чехіи по отношенію къ некатоликамъ, мы считаемъ излишнимъ войти въ нѣкоторыя историческія подробности, которыя укажутъ намъ относительныя силы обоихъ противниковъ, замѣтивъ напередъ, что только что составленную «чешскую» конфессію исповѣдывали немногіе изъ высшихъ сословій да мѣстности съ нѣмецкимъ населеніемъ, такъ что подъ некаатоликами разумѣется прежде всего община.

Было упомянуто, что подъ братской конфессіей 1535 г. подписались 12 пановъ и 33 рыцаря, но чрезъ сорокъ лѣтъ подъ просьбой, которую имѣли подать братья Максимилиану, были подписи 17 пановъ и 141 рыцаря. Но сила общины далеко не выражалась въ представителяхъ привилегированныхъ сословій: насколько лютеранство было религіей по преимуществу аристократической, настолько братское ученіе было прежде всего религіей простонародной, плебейской. Это вѣрно а priori, изъ основнаго начала братскаго ученія, требовавшаго равенства людей, столь желательнаго простому человѣку; это вѣрно изъ фактовъ

тяжелой жизни знаменитой общины. Я укажу на одинъ примѣръ. Въ разгаръ гоненія пикардовъ при Фердинандѣ I въ спискахъ заподозрѣнныхъ и затѣмъ изгнанныхъ лицъ мы встречаемъ людей всевозможныхъ занятій: писарей, канторовъ, мельниковъ, суконниковъ, ножовщиковъ, пекарей, винокуровъ, замочниковъ, бочаровъ, гончаровъ, портныхъ, козюшниковъ, и т. д., не говоря уже о простыхъ земледѣльцахъ (1). Очевидно, люди простаго класса давали главнымъ образомъ контингентъ для общины; паны были дороги, какъ защитники предъ властью и покровители поселившихся на ихъ земляхъ братьевъ. Наконецъ, извѣстные мученики общины, которіе глубоко чтились братьями, были изъ простаго народа (2). Сила общины была въ народѣ.

Если паны и рыцари изгоняли на своихъ земляхъ католическихъ или подобойскихъ поповъ, пользуясь правомъ коллатуры (3), то это, въ большинствѣ случаевъ, было весьма естественно, такъ какъ для изгоняемыхъ пастырей не было паствы. Какъ только правительственная власть переставала руководиться мандатомъ Владислава, какъ только чувствовалось со стороны ея послабленіе, община сильно росла. Этотъ ростъ ея шелъ въ извѣстномъ смыслѣ періодически. Понятно, быстрого потока усиленія общины не могли остановить никакія отчаянные вопли и жалобы духовенства какъ на народъ, такъ и на пановъ (4).

(1) «Jednaní.» II. 98. 103.

(2) Коменскý. «Historia o prof.» гл. XIX—XXXII.

(3) Списокъ такихъ отнятыхъ приходовъ въ 1562 г. см. «Jednaní.» II. 320.

(4) «Obnixissime efflagitamus supplicamusque sacrae M. V. et per viscera misericordiae Dei obtestantes, tanquam unico christianae religionis zelatori et defensori, ad quem post Deum ut confugiamus, habemus neminem» — писалъ администраторъ пражской архіепископіи Фердинанду I. «Supplicamusque humillime, Picardos, quod genus hominum obnixissimum in inclito hoc regno existit, et summi mali autores, juxta compactata et regni decreta tabulis terrae multoties affirmata, gratiose restringere ac conventicula eorum, quibus conveniunt, prohibere ac demoliri dignetur, ne deteriora in futurum exinde effluere valeant. («Jednaní.» II. 66). Жалуются капитулъ на пановъ, что одинъ «primum pugno, deinde

Мы видѣли, что воплэмъ своего католическаго духовенства внималъ ревностно Фердинандъ, издавалъ грозные указы противъ пикардовъ, изгонялъ ихъ изъ страны, разорялъ, сажалъ по тюрьмамъ, а буде кто, взятый на поруки и осужденный на изгнаніе, попадался вторично въ руки правосудія, топилъ и рубилъ голову⁽¹⁾, — пикарды стихали, но не уменьшались. При вступленіи на престолъ Максимилиана, братья были слабѣе католиковъ приблизительно только на одну треть⁽²⁾. Въ вѣртерпимое царствованіе мирнаго короля число ихъ значительно возросло.

bombarda usque ad profusionem sanguinis percusserit . . . parochum . . . senem sine ulla causa aut occasione data, eique multum insultaverit, in equo existens; другой «decaturum . . . nostrum, cum visitaret fratres jussu nostro, et jam . . . dormiret, noctu veniens, maledictis et convitiis incessit, percutere eum sine ulla causa volens...», что наконецъ просто «parochias nostras . . . lutherani occupant et tenent impune contra decretum Vladislai regis et alias ordinationes statuum. Id videntes plerique sub utraque nostra territoria invadunt, plus lutherizantes quam veterem rationem antiquorum sub utraque [sequentes . . . populum ab unitate ecclesiae ad varias opiniones et in perplexitatem animorum eos inducentes, ut postea nesciant certo quid et cui credere debeant». «Jednaní». II. 311—313. Ср. также ib. 320. Братья позволяли себѣ иногда неприличныя издѣванія надъ духовными званіями католиковъ. Сохранилось нпр. слѣдующее судебное разбирательство отъ 1546 года. Гетманъ криволадскій узналъ, что есть два пикарда — колесники въ Раковникѣ (недалеко отъ Праги); одинъ изъ нихъ нѣлгъ пса и въ насмѣшку надъ деканомъ раковническимъ, почтеннымъ старымъ человекомъ, приказалъ пробрить ему гуменцо (pleš) и называлъ его «dĕkan». Послалъ гетманъ людей своихъ узнать — такъ ли это, и оказалось, что правда. Посовѣтовавшись съ другими панями, онъ опредѣлилъ изгнать обоихъ колесниковъ оттуда: «pan dĕkan takovu vĕs — прибавлялъ въ своемъ доносѣнн гетманъ — sobĕ velmi stĕžuje» (весьма жалуется на то). ib. 24. Какъ ни мелоченъ этотъ случай, но и онъ не можетъ не посвидѣтельствовать о силѣ сектантовъ.

(¹) Въ 1551 году Фердинандъ пишетъ сыну своему эрцгерцогу Фердинанду въ Прагѣ: «So viel aber die zwo Personen, die, wie obbemeit, zuvor auch derowegen gefänglich besessen, der eine auf Bürgschaft ausgelassen und der andere des Landts verwiesen betrifft, erkennen wir für Recht und billig, dass dieselben entweder ertränkt oder mit dem Schwert gerichtet werden sollen». ib. стр. 147.

(²) Gindely. II. 23.

Глава исчезавшаго утравизма, Вальдштейнъ, для убѣжденія немногихъ своихъ остаться вѣрными старому ученію страшилъ ихъ, что ихъ поглотятъ братья. «Ale, milí páni, prosím vás — говорилъ онъ, držme se té starobylé české víry a pořádků dobrých. Neb já se bojím, že nás ti bratři sežerou. Vidíte, že již více než tři díly bratři jsou v tomto království a z vláště v Hradišti (Königgrätz), neb všickni téměř jsou bratřími, jedině Hradec se trochu ještě drží. A zprávu toho jistou mám, že ted' těchto dnu minulých více než na pět set lidu přijato jest, a k nim přistoupilo» (1). Если въ словахъ Вальдштейна и есть преувеличеніе, тѣмъ не менѣе слова врага братьевъ утверждаютъ фактъ сильнаго умноженія общины за послѣдніе годы.

Но братская община крѣпка была и своими нравственными силами; съ этимъ мы знакомы уже изъ предыдущаго. Если о всѣмъ презиравшейся сектѣ переверженцевъ (Wiedertäufer) безпристрастные современники могли только отзываться съ похвалою: чины напр. сейма 1567 года просили Максимилиана не наказывать ихъ, какъ трудолюбивыхъ и полезныхъ работниковъ въ землѣ (2), то они съ тѣмъ болѣе правомъ должны были говорить одобрительно о братьяхъ. Отъ послѣдняго брата и до епископа, братская община строго держалась нравственныхъ правилъ въ своей частной и общественной жизни. Въ противоположность католическому и утравистскому духовенству, члены котораго часто получали напоминанія отъ консисторій не таскаться по кабакамъ (šenkovati), братья немилостиво преслѣдовали цѣлство, и когда одинъ изъ любившихъ пить братьевъ былъ избранъ въ члены узкаго совѣта, его немедленно отрѣшили отъ должности. Въ то время какъ священники привилегированныхъ конфессій отличались крайней разнузданностью, неповиновеніемъ своимъ властямъ (3), въ общинѣ господствовала строгоразумная дисциплина.

(1) ib. 483. прим. 100. Сказано послѣ мандата 1575 года.

(2) ib. 20. Переверженцы были въ своей частной жизни коммунисты.

(3) Напр. въ 1537 году священника Вейтцля былъ выпущенъ изъ тюрьмы, съ напоминаніемъ, что если бы онъ снова «mel ze stí pana administratora, pány místru aneb někteří z konsistoré (утравистской) lupiti a plundrovati», то будетъ ему худо. «Jednaní». I. 121.

Примѣръ Августи былъ исключительный. Враги ни въ чемъ не могли упрекнуть общину и повторяли только избитыя фразы о нивардетвѣ⁽¹⁾. Община, какъ мы видѣли изъ ученія Хельчицкаго, поставила себѣ прежде всего задачей — осуществитъ въ жизни нравственныя требованія евангелія; вопросы догматическіе были у нея на второмъ планѣ, и въ нихъ она не разъ отступалась отъ своего ученія. Если и можно упрекнуть общину, то это въ излишнемъ пуританизмѣ. Наконецъ, община была сильна своей наукой. Янъ Благославъ былъ извѣстенъ своею ученостью. Благославовъ переводъ новаго завѣта, кралицкая библія были лучшимъ свидѣтельствомъ богословскаго и филологическаго знанія въ общинѣ. Братьямъ принадлежитъ первая обработка чешскаго языка въ грамматическихъ трудахъ Опцата, Благослава, а въ многочисленныхъ школахъ общины обращалось глубокое вниманіе на изученіе его, наравнѣ съ языками латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ. Посылка стипендіатовъ въ заграничныя университеты, горячая забота о школахъ, собраніе библіотекъ — извѣстна на примѣръ кралицкая библіотека, принадлежавшая епископамъ общины⁽²⁾, распространенность печатнаго дѣла — все это давало братьямъ силу въ борьбѣ съ противниками.

Иную картину представляла оффиціальная церковь.

Почти полтора вѣка пражская архіепископская кафедра была вакантна. Священники католическіе посвящались обыкновенно въ сосѣднихъ епархіяхъ, подобойскіе въ Венеціи, что сопряжено было

---

(1) Изъ вышеприведенной цитаты Бальбина ясно, что католики готовы были укорять братьевъ даже въ томъ, за что ихъ можно было только одобрять, напр. въ строгомъ воспитаніи женщинъ. Укоризны Бальбина, которыя мы упустили, болѣе чѣмъ сильны.

(2) Объ этой библіотекѣ см. запись знаменитаго изгнанника, Карла Жеротина, отъ 7 апрѣля 1633, въ Вратиславѣ, что «*libraria*», находившаяся вѣсегда въ его Намѣстѣ въ Моравіи и спасенная имъ при изгнаніи въ Силезію, принадлежитъ именно общинѣ, а не ему. «*Basorie*». 1866. 203—204. Въ настоящее время отъ этой кралицкой библіотеки нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдствъ.

съ массой неудобствъ (1). При отсутвіи главы паствы, при безпорочно́мъ постановленіи священниковъ, жизнь духовенства, какъ католическаго, такъ и утравкистскаго (послѣднее старалось брать изъ лютеранства то, что поблажало ихъ страстямъ), представляла рядъ крайнихъ безобразій (2). Строгий епископъ братской общины Янъ Благославъ иначе не называлъ священниковъ обонхъ исповѣданій, какъ развратниками. Въ бумагахъ пражской утравкистской консисторіи XVI вѣка находится богатый матеріалъ для характеристики жизни духовенства того времени: здѣсь можно найти дѣла священниковъ по всевозможнымъ преступленіямъ, какъ духовнаго, такъ и недуховаго свойства. Я ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ. 1540 года 30 апрѣля консисторія постановила: священникъ Вацлавъ изъ церкви св. Генриха заключенъ въ тюрьму за то, что «в ѣакѹмі osobami se toulal ženskými; potom když jest od nich šel k večeru a...se po něm honili, a on sotva (едва) ušel k svatému Mikulaši na faru». 1541 года 1 апрѣля Янъ Мышка, капеланъ изъ одного села, былъ призванъ въ консисторію и получилъ отъ нея предостереженіе прекратить излишнее шатање по кабакамъ (po domích šenkovních), въ противномъ случаѣ будетъ сильно наказанъ (3).

(1) «...Vědomé jest, kterak těchto časův všech z království českého a zvláště strana pod obojí, kteříž do Benátek s velikou těžkostí a znamenitým dokladem i nebezpečstvím tam poslati musejí, a takového pořádného svěcení dosahovati, ještě dvacátý z nich pro takový veliký náklad, nebezpečství a chudobu od toho, chtějíce rad sice knězem býti, prustiti musí». Докладная записка Фердинанду I эрцгерцога Фердинанда отъ 1556 года о причинахъ распространения секты. «Jednaní». I. 333—334.

(2) Въ противоположность братскому пуританизму лютеранство смотрѣло сквозь пальцы на нравственныя недостатки человека, отсюда оно легко находило своихъ прозелитовъ, особенно среди духовенства; въ общину вступалъ только тотъ, кто не притворно, а дѣйствительно возмущался безобразіемъ господствующей церкви. Ср. Томла «O církvovní zprávě etc.» въ «Časopis»-ѣ. 1848. I. 442. 450.

(3) «Jednaní». I. 154. 172. 1540 года 9 апрѣля консисторія слушала жалобу отъ одного сельчанина на приходскаго попа такого содержания: «...mladý kněz nekřesťansky, ale máž se řeci lotrovaky, dítěti mému je učinil ohavnost v kostele, kteráž nenáleží na knězi ale ani na světské. Př

Священники не стѣснялись въ церкви проповѣдывать крайнія антихристіанскія мысли, напр. о рожденіи Іисуса Христа (¹), при чемъ особенно незастѣнчивы были лютеранствовавшіе патеры, къ которымъ безошадно относился Благославъ (²).

Разнузданность была всеобщая, какъ среди сельскаго, такъ и среди городскаго духовенства. Въ 1548 году Фердинандъ — сынъ объявляетъ сеймовымъ сословіямъ, что онъ получилъ жалобу отъ администраторовъ архіепископіи, что священники ведутъ жизнь развратную, на приказанія высшихъ прелатовъ не обращаютъ никакого вниманія, людямъ дѣлаютъ пакости и потому просилъ чины сейма лично представлять своихъ приходскихъ священниковъ администратору во время его объѣзда епархіи и наблюдать, чтобы они прилично держали себя (³).

Католическая консисторія, въ теченіе 140 лѣтъ вѣдавшая дѣла церкви, привыкла къ самоуправству. Когда въ 1561 году назначенъ былъ архіепископъ пражскій, каноникамъ это было крайне не по сердцу, и на первое время они вступили въ пререканіе съ нимъ и не слушались (⁴).

Но помимо этой распущенности духовенства, католическая церковь въ Чехіи чувствовала постоянный недостатокъ въ людяхъ. Дѣло дошло до того, что, гдѣ прежде бывало четыре, пять священниковъ, теперь былъ одинъ (⁵). Правительство въ этомъ недостаткѣ духовенства видѣло одну изъ главныхъ причинъ

---

volav dítě mé, mluvč k ní: «pod' sem, dámt' na preclíky», ujav jí řekl: «mám čisté zrcadlo, okazav ji... Potom ji do stolice vzal, tu jest jí nekřesťanský přibobil...až jest i krev se okazala; v tom porušena Я спросилъ ее — «отчего же ты не врчала»? она отвѣтила: «не могла — онъ мнѣ рукамъ зажалъ ротъ, говоря: молчи, ничего не будетъ. замолеть». Это происходило въ церкви, предъ обѣдней. ib. 151.

(¹) «...o Panně Mariji...kterak by samotna byla mladice a k ní samotné přišel krásný mládenec, užívajíc k tomu i hnutí života svého neslušně». ib. I. 255.

(²) Gindely. II. 16.

(³) «Jednaní». II. 94.

(⁴) Gindely. II. 12.

(⁵) ib. 9. 92.

распространенія сектантовъ. «Укорененіе сектъ въ этомъ королевствѣ — пишеть эрцгерцогъ Фердинандъ отцу своему въ 1556 году — происходитъ болѣе всего вслѣдствіе недостатка въ священствѣ» (1). Конечно, это причина, но не главная, и свѣтская власть ошибалась, когда самое дѣйствительное средство къ уврачеванію зла видѣла въ скорѣйшемъ замѣщеніи пражской архіепископской кафедрѣ (2). Мѣстная духовная власть понимала дѣло вѣрнѣе; въ своемъ прозетѣ, поданномъ королю, она усматривала корень зла въ неправственности и невѣжествѣ клира (3), и потому для исправленія нравовъ священниковъ предлагала учреждать школы съ преимущественною цѣлью образованія духовенства. До призванія іезуитовъ въ Чехіи не было семинаріи; будущіе священники учились гдѣ-нибудь и какъ-нибудь (4).

Изъ этихъ данныхъ видно, что официальная церковь въ Чехіи пережила крайне тяжелое время. Но вотъ къ ней явилась подмога изъ Рима въ лицѣ іезуитовъ, и дѣла приняли иной оборотъ.

Основывая орденъ, чтобы поднять церковь, Лойола видѣлъ, что монашескаго аскетизма мало, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ степени вымуштрованія формируемаго Іисусова войска, и солдатскую субординацію онъ поставилъ, какъ краеугольный камень, въ основу ордена: «*Quisque sibi persuadeat — гласилъ статуть — quod qui sub obedientia vivunt, se ferri ac regi a divina providentia per superiores suos sinere debent perinde, ac si cadaver. essent, quod quodquoversus ferri ac quacumque ratione tractari se sinit: vel similiter atque senis*

(1) «Jednaní». I. 333.

(2) *ib.*

(3) См. «*Artikulové o napravení mravův kněžských, o desátech, o navrácení kostelů a zřízení škol zvláště pro vzdělání kněžstva (1550—60?)*», т. е. статьи объ исправленіи нравовъ священническихъ, десятинахъ, возвращеніи костеловъ и объ основаніи школъ, особенно для образованія священства». «*Jednaní*». II. 137—139.

(4) *Gindely*. II. 9.

baculus, qui ubicumque et quascumque in re velit eo uti, qui eum manu tenet, ei inservit» (1).

Но и солдатской дисциплины было недостаточно. Когда столкнувшись в Парижѣ основатели — авантюристы еще только задумывали свое дѣло, то четвертымъ обѣтомъ они поставили — обучать дѣтей закону божію (2). Орденъ долженъ былъ быть прежде всего педагогомъ. Одинъ изъ искусовъ вступающаго въ орденъ заключался въ узнаніи его преподавательской способности, безъ чего онъ не могъ быть принятъ (3). Сильная задача — пересоздать нравственно человѣчество для единого служенія папской церкви требовала отъ будущихъ педагоговъ всѣхъ условий для успѣшности ихъ дѣятельности, а потому орденъ такъ строго исполнялъ при приѣмѣ своихъ рекрутъ правило основателя: «Necessarium visum est, ut qui in societatem sunt ingressuri, viri sint vitae probitate et literarum eruditione ad id officium (въ педагогія) idonei» (4). Ставя себя въ исключительное положеніе въ массѣ монашествующихъ орденовъ, освобождая себя отъ церковной службы и предназначивъ для себя службу въ церкви педагогическую, іезуитскій орденъ былъ крайне остороженъ въ знанію и остановился на такой педагогической системѣ, которая была прежде всего полезна ему. Серьезной науки

---

(1) § 35. «Der Jesuitismus getreu nach der Natur gezeichnet von einem bekehrten Jesuiten». Leipzig 1872. 19 прим. Въ основательной буллѣ говорилось: «in illo (генералѣ ордена) Christum quasi praesentem agnoscant et quasi praesentem venerentur». (Булла Павла III «Regimini militantis Ecclesiae» отъ 27 сентября 1540 года. E. Zierngiebl. «Studien über das Institut der Gesellschaft Jesu mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Wirksamkeit dieses Ordens in Deutschland». Leipzig. 1870. 16). Тоже повторено въ буллѣ Юлія III. 1550. ib. 22.

(2) Fr. Huber «Jesuitenmoral, aus den Quellen dargestellt». Bern. 1870. 2. Тотъ же обѣтъ Игнатій повторилъ и въ своей просьбѣ къ папѣ объ основаніи ордена. «Преимущественно они (члены) должны трудиться надъ обученіемъ дѣтей и невѣдущихъ христіанской вѣрѣ, десяти заповѣдямъ и другимъ тому подобнымъ началамъ, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени». ib. 6. 7.

(3) Zierngiebl «Studien». 29.

(4) ib. 84. прим. 148.

онъ боялся: «духомъ святымъ преподаана, апостоломъ высказана истина — говорить іезуитскій учебный планъ — что наука очень опасна для души, ибо она дѣлаетъ гордымъ чловѣка и отклоняетъ отъ Бога» (1), и потому она не допускалась; но за то съ тѣмъ большимъ вниманіемъ дѣлалось въ школахъ все то, что способно импонировать массу: умѣнье красиво говорить, ловко вести споръ, бойко писать. Въ виду этого іезуитская педагогика требовала: изъ всѣхъ способностей чловѣка въ школахъ должна развиваться одна память и учитель имѣть цѣлью — всѣми средствами противудѣйствовать развитію сознательной и самостоятельной мысли.

Едва только основался орденъ, а уже въ Римѣ Лойола открылъ Collegium Romanum (1550), — образцовый экзерцисгаусъ, гдѣ главнымъ образомъ дрессировались орденскіе члены; вслѣдъ за нимъ былъ открытъ второй подобный институтъ, специально для страны, гдѣ вырабатывалась «ересь» — Collegium Germanicum, «для изблечения скрытаго яда ереси» (2).

Выдрессированный іезуитскій педагогъ пускался изъ школы въ жизнь, шелъ, куда былъ вызовъ, чтобы повторить съ другими ту укственную дрессировку, которую вынесъ онъ, и такимъ путемъ собрать заблудившихся овецъ къ ихъ прежнему пастырю.

Такой вызовъ скоро вышелъ изъ Чехіи.

Мы видѣли выше, что въ статьяхъ, составленныхъ въ Прагѣ относительно исправленія нравовъ духовенства въ половинѣ XVI столѣтія, указывалось на необходимость школъ, «особенно для образованія клериковъ». «Чтобы церкви наши — говорилъ проектъ — имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе священниковъ, необходимо озаботиться о томъ, чтобы богатые монастыри основали у себя школы и воспитывали учениковъ по меньшей мѣрѣ на одинъ столъ, гдѣ мальчики учились бы и привыкали пѣть въ церкви; монастыри же менѣе состоятельные

(1) Ziergiebl. «Studien». 57.

(2) Основательная булла. ib. 200.

могли бы давать опредѣленную сумму денегъ или прямо въ школу или на руки известнымъ лицамъ, назначеннымъ отъ короля, а тѣ уже будутъ выдавать эти деньги молодымъ людямъ, которые пожелали бы быть священниками или управителями (spravcové) школь» (1). Но, очевидно, плодовъ отъ этихъ школь можно было ждать только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени, но нужда въ порядочныхъ и свѣдущихъ сельскихъ священникахъ была крайняя; поэтому пражскій проектъ останавливается на іезуитахъ. Въ предположеніи, что возможно безъ особенной трудности возвратитъ нѣкоторую часть лютеранъ къ католической церкви, лишь бы только оказать имъ доброе расположеніе и братскую любовь, составители проекта находили затрудненіе въ замѣщеніи возвращенныхъ приходоу: «не легко будетъ замѣстить приходы, но и это можно бы было съ божьею помощію одолѣть, если бы королевское величество заблагоразсудило послать нѣсколькихъ нѣмецкихъ священниковъ или іезуитовъ на эти мѣста, извращенныя ложнымъ ученіемъ» (2).

Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ Фердинандъ ввелъ іезуитовъ въ Вѣну, гдѣ они основали свою коллегію. Введши у себя, въ австрійскихъ земляхъ, іезуитовъ для борьбы съ протестантами, Фердинандъ не могъ не одобрить представленій пражскаго проекта, и въ письмѣ отъ 7 марта 1555 года къ сыну Фердинанду въ Прагу онъ выражаетъ одобреніе проекта и обѣщаетъ снабдить епархію священниками изъ Германіи и призвать членовъ ордена (3). Черезъ двѣ недѣли Фердинандъ извѣ-

(1) «Jednaní», II. 138.

(2) ib.

(3) Es suppliciren abermals an uns Probat, Dechant und Capitel unsers Stifts zu Prag mit unterthänigsten Anzeigen, dass sie grossen Mangel an Priestern haben sollen, und sonderlich denen, so deutsch predigen und die Sacramente versehen möchten. Nun weiss sich D. L. zu erinnern, dass wir zuvor auch auf ihr unterthänigst Bitten es gnädigst bewilligt, haben kein Fleiss unterlassen, damit nicht allein deutsche Prädicanten und Priester; sondern auch Jesuiten in unser Kron Behem möchten gebracht werden zu Erhaltung der wahren katholischen alten christischen Religion...» ib. 201.

щаль сына, что онъ уже нѣсколько времени какъ вонелъ въ переговоры съ иезуитами, что они соглашаются поселиться въ Чехіи и озаботиться о годныхъ священникахъ, не щадя никакого труда⁽¹⁾. Переговоры начались зимой 1554 года, а въ апрѣлѣ иезуиты уже были въ Прагѣ и начали свое дѣло⁽²⁾.

Прибывшіе въ числѣ двѣнадцати человекъ въ Прагу иезуиты были изъ Германіи и Бельгій; способнѣйшіе изъ нихъ были: Генрихъ Blyssenius, Корнелій Brogelman и Урсмаръ Goissonius, назначенный еще въ Римѣ ректоромъ будущей коллегіи пражской. Посылая этотъ отрядъ «войска Іисусова» на чешскихъ еретиковъ, ни папа, ни Лойола не скрывали отъ него трудности предстоявшаго дѣла. Когда уходившіе явились за напутственнымъ благословеніемъ къ папѣ, тотъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «вотъ, я посылаю васъ, какъ овцы среди волковъ, чтобы вы шли и принесли плодъ, и плодъ вашъ чтобы остался. Времена опасныя и злыя; много вы будете терпѣть преслѣдованій отъ еретиковъ и отщепенцевъ за католическую правду, но мужайтесь: Христосъ, превозмогшій міръ, будетъ съ вами. Дѣйствуйте бодро, и укрѣплено будетъ сердце ваше въ Господѣ; служите ему вѣрно и смѣло идите въ бой. Да будетъ сказано это вамъ и потомкамъ вашимъ». Предъ самымъ отходомъ они побывали и у Лойолы, чтобы проститься съ своимъ больнымъ, уже умиравшимъ генераломъ. Когда они обступили его ложе, онъ далъ имъ послѣднее увѣщаніе: «благочестивая жизнь заключается едино въ прилежаніи къ добродѣтелямъ; къ нимъ вы должны льнуть, на сколько силъ хватить, но между всѣми ими прежде всего почитать простоту послушанія. Если устроитесь такъ, я уже нынѣ предвижу, вы будете добрыя

---

(1) «...Derhalben wir dann allbereit mit den Jesuiten gehandelt hatten, dass wir sie in unser Kron Behem brächten, welch darein bewilligt, auch uns um andere taugliche Priester wollten bewerben, doch dass sie für ihre Personen auch kein Fleiss spareten...» ib. 204.

(2) «Tomu ohni -- говорить Коменскій, kterýmž nyní vlast sehl-cena jest, podněty zakládali». «Historia o prot. XXXVIII. 99.

работники на нивѣ господней, съ обильными плодами, радостью и пляской вы возвратитесь изъ земли чешской» (1).

Кафедральный храмъ св. Вита на градѣ пражскомъ былъ мѣстомъ, гдѣ іезуиты гремѣли своимъ краснорѣчіемъ. На ихъ проповѣди сходилось не только духовенство, но и аристократія. Своимъ ораторскимъ искусствомъ выдавался предъ другими Салиссій, и онъ въ особенности часто держалъ рѣчи въ соборѣ св. Вита (2). Блиссемій каждое воскресенье и праздники предъ обѣдомъ поучалъ эрцгерцога и дворъ. Кромѣ того онъ имѣлъ специальный курсъ проповѣдей для евреевъ: «всеъ еврей, жившій тогда въ Прагѣ — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ неизвѣстный іезуитъ — обязанъ былъ, по приказанію намѣстника, посѣщать одинъ разъ въ недѣлю нашу церковь; имъ говорилъ Блиссемій» (3). Содержаніе іезуитскихъ проповѣдей было многообразное: въ нихъ ораторы говорили и о вопросахъ общей нравственности, и объ обязанностяхъ христианина, но главнѣйшее вниманіе ихъ, естественно, было обращено на объясненіе въ духѣ католическомъ спорныхъ вопросовъ религіи (*controversia religionis carita*).

Не могли они быть проповѣдниками христіанской нравственности, любви къ ближнему, имѣя свой особенный нравственный кодексъ, свои 10 заповѣдей (4): но тѣмъ не менѣе своею го-

---

(1) Подробности объ отправленіи іезуитовъ изъ Рима въ Прагу взяты изъ воспоминаній одного чешскаго іезуита конца XVI вѣка въ переводѣ Томка: «Z paměti kolleje Jesuitské u sv. Klimenta v Praze». «Časopis». 1844. 182 — 184. 189 — 192. Изъ этихъ воспоминаній видно, что прибывшихъ въ Прагу іезуитовъ было 12. Тутъ же списокъ ихъ, съ указаніемъ мѣстопроисхожденія и занятій каждаго. 193. 194.

(2) Procházka. «De saecularibus liberalium artium in Bohemia». 300. «Z paměti kolleje». «Časopis». 1844. 184. 194. О Баниссии чехи, играя словами, говорили: «hinc procul esto Canis! pro nobis excubat Anser!» ib.

(3) «Časopis». 1844. 202. 404.

(4) Іезуитская мораль обстоятельно и остроумно разобрана въ указанномъ уже замѣчательномъ изслѣдованіи др. Франца Губера: «Jesuitenmoral aus den Quellen dargestellt». Знаменитое ученіе о монархоубіеніи принадлежитъ другу Игнатія и второму генералу, Suarez'у, но наиболѣе

рачей приверженностью интересамъ религіи они являлись истинными апостолами церкви, и живое слово ихъ возбуждало всеобщій энтузіазмъ. Но чтобы возвысить, поднять церковь изъ ея распущенности и невѣжества одного слова съ кафедръ было мало: нужно было приняться за средство болѣе сильное, за средство, хотя медленно, но вѣрно ведущее къ цѣли — за школу.

Старога университета іезуиты не могли касаться, такъ какъ онъ лютеранствовалъ: когда Фердинандъ выразилъ желаніе, чтобы доступъ въ университетъ былъ открытъ и для католиковъ, профессора не согласились и отвергли даже предлагаемое правительствомъ пособіе за просимую уступку⁽¹⁾. Іезуиты помѣстидись въ полуразвалившемся доминиканскомъ монастырѣ св. Климента, въ старомъ городѣ у карлова моста, и здѣсь открыли свои лекціи. Только чрезъ шесть лѣтъ, въ 1562 году, іезуитская школа получила официальное утвержденіе съ титуломъ «Collegium Clementinum». Тогда же Фердинандъ обязался выдавать новой коллегіи на содержаніе двѣ съ небольшимъ тысячи копѣ мишенскихъ грошей въ годъ. Чтобы сравняться вполне съ университетомъ, іезуитская академія приобрѣла право давать ученныя степени. Въ академіи существовали два факультета: богословскій и философскій, и этимъ она превосходила подобойскій университетъ, который имѣлъ всего одинъ философскій факультетъ, да и то еле-еле державшійся 8—10 профессорами, при очень скромномъ числѣ студентовъ — не болѣе пятидесяти⁽²⁾.

Насколько высоко стояла пражская коллегія въ разсчетахъ ордена, видно уже изъ того, что первыми профессорами ея были первые доктора, возведенные въ эту степень въ римской коллегіи: Блиссемій и Іоаннъ Tilanus, изъ которыхъ одинъ

развито у іезуита Маріана въ книгѣ: «De rege et regis institutione». Это ученіе, какъ извѣстно, нашло скорое примѣненіе во Франціи въ концѣ XVI вѣка. Объ этомъ см. у Губера — 296. 297. 307. 310. и соотвѣтствующія примѣчанія, 277. 278; ср. Ziegniebl. «Studien». 37. и примѣч. 88. У Губера см. разборъ іезуитскихъ десяти заповѣдей.

(1) V. Tomek. «O počtu študentů university Pražské». «Čas». 1848. 125

(2) ib. 185.

читалъ богословіе, другой философію. Расчетъ ордена былъ вѣренъ: хотя въ началѣ число учениковъ было невелико — не свыше 50, но въ концѣ XVI столѣтія оно возросло до 700 и болѣе (1).

При своихъ пражскихъ школахъ іезуиты имѣли уже рано, въ началѣ 60 годовъ, новиціатъ (2). Раньше новиціатъ, да и академія не могли вполне организоватьсѣ и потому, что пражскихъ іезуитовъ иногда тревожили въ провинціи (3).

Еще до приглашенія іезуитовъ въ Чехію, въ 1552 году, тотчасъ же по основаніи Collegium Germanicum, Лойола писалъ въ Кельнъ, Прагу и Вѣну, прося прислать способныхъ юношей въ Римъ для помѣщенія въ только что основанную академію; но изъ Праги не было желанной присылки. Когда чрезъ три года Фердинандъ рѣшился ввести іезуитовъ въ Чехію, онъ посѣдѣшилъ исполнить просьбу Лойолы. Еще только шли переговоры, а императоръ уже писалъ сыну Фердинанду въ Прагу

---

(1) Въ увлеченіи іезуитами Прохаска говоритъ между прочимъ объ іезуитской коллегіи: «eratque tum tantus in adolescentulis graecae litterae discendi ardor, ut brevi attice perinde ac latine loquerentur». «De saecularibus». 301. Онъ не принялъ во вниманіе, что далѣе евангелія отъ Іоанна, при чемъ разбиралось не болѣе двухъ главъ, знакомство учениковъ съ греческимъ языкомъ въ іезуитскихъ академіяхъ не простиралось. Таково предписаніе знаменитаго «Ratio studiorum». Ziegngiebl. «Studien». 134. 151. Въ точности число учениковъ въ пражской коллегіи въ первое время неизвѣстно. Іезуитъ, авторъ «Воспоминаній», говоритъ, что учениковъ особенно много было въ низшихъ классахъ, но самъ тутъ-же замѣчаетъ, что отдѣленія философіи и риторики были закрыты за неимѣніемъ учащихся. «Саvoris». 1844. 195. По Томку, въ 1569 году было въ коллегіи 40 учениковъ. «Geschichte der Prager Universität». Prag. 1849. 168.

(2) Bohuslav Valbini. «Bohemis docta», изд. Ungar'омъ. Pragae. Pars II. 1778. 403: «Pragae enim eo tempore (1564) novitiatum in Collegio habent nostr⁴».

(3) Такъ въ 1558 году императорскіе комиссары, посланные для знакомства съ положеніемъ религиозныхъ дѣлъ въ Силезію, просятъ Фердинанда для поправленія католической церкви прислать туда іезуитовъ изъ Вѣны и изъ Праги; черезъ нѣсколько недѣль король приказываетъ сыну — намѣстнику отправить въ Гладъ троихъ изъ пражскихъ іезуитовъ. «Jednaná». II. 231. 237.

отъ 5 мая 1555 года: «съ посланникомъ папскаго святѣйшества мы уговорились, чтобы изъ нашей короны чешской, изъ Моравіи, изъ верхней и нижней Силезіи были отправлены въ Римъ по 12 мальчиковъ благочестивыхъ и честныхъ родителей (все равно, если они не изъ знати и не богаты), при чемъ эти мальчики должны быть старше 18 лѣтъ и имѣть хорошее начало *in studiis et politioribus litteris*». При этомъ императоръ совѣтуетъ сыну для избѣжанія ошибки, обсудить это дѣло съ администраторомъ *sub ipsa* и другими католическими священниками, чтобы посылаемые мальчики были чисты отъ всякаго подозрительнаго и соблазнительнаго ученія или секты (1). 28 мая эрцгерцогъ отвѣчалъ, что онъ это дѣло приказалъ администратору *sub ipsa* и другимъ католическимъ священникамъ, и, какъ только мальчики будутъ представлены, онъ ихъ отправитъ въ Аугсбургъ (2). До какой степени императоръ былъ занятъ вербовкой мальчиковъ въ Римъ, видно изъ того, что тотчасъ же по полученіи отвѣта отъ сына, онъ успѣшилъ повторить ему свое приказаніе (3). Изъ посланныхъ въ Римъ 12 чешскихъ юношей многіе оказались дѣйствительно весьма полезными для ордена людьми (4); кромѣ двухъ, всѣ вступили въ орденъ (5).

Такимъ образомъ, іезуиты еще не успѣли осѣсться въ Прагѣ, а ихъ попеченіе о чешской церкви было уже очевидно: пока пражская коллегія приготовила бы и выпустила своихъ питомцевъ, опаснѣйшія мѣста Чехіи могли быть заняты воспитанниками изъ Рима (6).

По видимому, на первое время іезуиты занимались одною проповѣдью да школою, и ни во что другое не вмѣшивались.

---

(1) «... die nicht mit argwöhnischen, verführerischen Lehren oder Secten befleckt sein». «Jednaní». II, 212.

(2) *ib.* 213.

(3) *ib.* 214.

(4) Имена ихъ у Прохаски «*De saecularibus*». 302.

(5) «*Z paměti*». «*Časopis*». 1844. 188.

(6) Прохаска говоритъ: «*At ubi hi ex Italia venire, non modum Pragae amplexi, sed eunctam etiam Bohemiam magno laborum suorum fructu peragrare coeperunt*». «*De saecularibus*». 302. Ср. «*Časopis*». 1844. 188.

Но дружба съ администраторомъ sub ipsa, который даже самъ читалъ лекціи въ коллегіи⁽¹⁾, близкія отношенія къ намѣстнику — эрцгерцогу и самому императору, все это заставляетъ предполагать, что іезуитскому вліянію обязаны выходомъ въ свѣтъ грозныя распоряженія противъ пикардовъ : мандатъ 1559 и патентъ 1560 годовъ⁽²⁾. Мало-по-малу скромные педагоги выползаютъ на публичную дѣятельность. Когда Фердинандъ незадолго до своей смерти затруднился, какъ поступить съ упорнымъ братскимъ епископомъ, Августой; который уже болѣе десяти лѣтъ вмѣстѣ съ Билекомъ содержался въ тюрьмѣ, іезуиты предложили прислать обоихъ узниковъ къ нимъ въ академію, а они займутся ихъ обращеніемъ. Это чуть ли не первый примѣръ попытки обратить братскаго сектанта; но іезуиты оказались просты. Самъ ректоръ академіи, Генрихъ Блисемій, взялъ на себя дѣло обращенія. 51 день тянулось это комическое обращеніе; но Августа уже на третій вопросъ ректора отказался отвѣчать. Іезуиты удовольствовались сообщеніемъ объ этомъ необыкновенномъ упрямствѣ Августы правительству и посоветовали втораго узника, Билека, освободить⁽³⁾.

Фердинандъ вскорѣ умеръ. Если еще при жизни отца всежь было извѣстно о сильной склонности къ протестанству Максимилиана, что онъ ждетъ только вступленія на престолъ, чтобы прямо объявить себя лютераниномъ, то понятно, какъ сильно должны были встрепенуться пражскіе іезуиты, когда наконецъ заблудшійся сынъ вступилъ на престолъ. При погребеніи въ Прагѣ стараго императора они не упустили случая высказать все свое глубокое соболѣзнованіе о потерѣ, постигшей ихъ: стѣны академіи были обиты трауромъ, гробъ былъ внесенъ въ академическую церковь, и отсюда уже печальныйъ кортежъ двинулся на Градчаны. Это прощаніе съ усопшимъ императоромъ было вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніемъ сыну⁽⁴⁾.

(1) Prochaska. «De saecularibus». 301.

(2) «Jednaní». II. 288. 294.

(3) J. Vlahoslav. «Život J. Augusty». 77—95. Это было въ 1561 году. Ср. Gindely. I. 443.

(4) Объ этомъ погребеніи см. «Z paměti». «Čas. 1844. 560.

Но потеря старого короля, столь много печаловавшагося съ іезуитами «о поддержаніи старой, истинной католической религіи», вознаграждалась расширеніемъ вліянія, черныхъ педагоговъ за стѣнами дворца. Еще при жизни своей Фердинандъ успѣлъ замѣстить пражскую касседу. Понятно, въ новомъ архіепископѣ они нашли только поддержку. Въ то же самое время (1565) молодой и энергическій епископъ оломуцкій, Прушиновскій, вводитъ ихъ въ Моравію, и они становятся здѣсь тѣмъ же, чѣмъ были въ Прагѣ: основываютъ коллегіи въ Оломуцѣ и Бернѣ и руководятъ епископомъ, который весь отдался имъ (1).

Примѣру высшаго духовенства слѣдуетъ католическая часть шляхты, вниманіе которой пражскіе іезуиты приобрѣли сначала проповѣдью, потомъ школой. Уже въ годъ основанія коллегіи, при ней былъ открытъ аристократическій конвиктъ «contubernium nobilium» для дѣтей пановъ и рыцарей, а черезъ два года семинарія для бѣдняковъ «domus pauperum», вскорѣ потомъ закрытая на время. Благородный пансіонъ привлекалъ къ себѣ аристократію своимъ порядкомъ, удобствами жизни. Старая школа носила средневѣковой характеръ; іезуитскій конвиктъ приближается къ закрытымъ заведеніямъ нашего времени. При всѣхъ своихъ внутреннихъ недостаткахъ іезуитская педагогія сдѣлала тотъ шагъ впередъ, что обращала серьезное вниманіе на матеріальную обстановку школы: хорошая пища, одежда, удобное помѣщеніе, прогулки, дачная жизнь лѣтомъ — все это было предметомъ вниманія іезуитовъ. Весьма естественно, если бле-

---

(1) Братко, но ясно выражается объ этомъ Прохаска: «Quod in Bohemia Ferdinandus, id non ita multo post in Moravia Guilielmus Prussinovsky, Olomucensis antistes, praestitit.» «De saecularibus». 303. Надо имѣть еще въ виду, что въ это же самое время іезуитскій орденъ одерживаетъ блестящую побѣду на тридентскомъ соборѣ, гдѣ Суагезъ съ товарищи успѣваетъ отклонить всѣ реформаторскія желанія собравшихся отцовъ и отстоять statu quo католической церкви, не смотря на то, что даже такой вѣрный католикъ, какъ старый Фердинандъ, потребовалъ отъ собора уничтоженія безбрачія духовенства и приобщенія мирянъ подъ обоими видами — т. е. внесъ лютеранское и утравистское требованіе.

стяція ви́шнія условія іезуитской школы дѣйствовали выгодно на общество, и число учениковъ въ пражскихъ пансіонахъ годъ отъ году росло: въ 1560 году въ обоихъ конвиктахъ считалось 18 учениковъ, въ 1568 — 30, а въ 1576 — 70 въ одномъ аристократическомъ конвиктѣ. Чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ чешское дворянство іезуиты выхлопотали у папы Григорія XIII для благороднаго пансіона 12 стипендій, которыя имѣли бытъ предоставляемы дѣтямъ обѣдѣвшихъ дворянъ; право назначенія стипендій папа передалъ двумъ богатѣйшимъ панамъ — Розенберку и Пернштейну (1).

Такимъ образомъ, къ семидесятымъ годамъ XVI столѣтія католическая церковь въ Чехіи переходитъ въ руки іезуитовъ и поднятая ими, она не стѣснилась сказать «нѣтъ» на все справедливныя исканія некаатолической земли и выступить смѣло противъ согласной воли короля и его народа на сеймѣ 1575 г.

Черезъ годъ послѣ сейма 1575 года умеръ Максимилианъ, земскій миритель. Умирая, онъ оставлялъ своему сыну въ наслѣдство землю, разбитую на двѣ ненавидящія другъ друга стороны, готовая на все, только не на взаимныя уступки. Еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ Максимилиана на конфессію, но ходила молва, что въ оппозиціи говаривали: «ну, негодяи — іезуиты, будете мы васъ гнать изъ Чехіи, какъ собакъ, и вуняться въ вашей крови!» (2).

Столкновеніе противниковъ становилось неизбѣжнымъ, воль скоро власть фактически станетъ на сторону одного и пойдетъ противъ другаго.

Это и случилось при Рудольфѣ.

Неутвержденіе конфессіи 1575 года, новый мандатъ противъ некаатоликовъ, смерть «одареннаго знаніемъ правды божьей» (3) Максимилиана, вступленіе слабого Рудольфа — все это

(1) Подробнѣе объ пражскихъ пансіонахъ см. Томек. «Geschichte der Prager Universität». 165—168. Объ іезуитской школѣ Zierngiebl. «Studien». 168. Prochaska. «De saecularibus». 302. 303. 343.

(2) Gindely. II. 174.

(3) Выраженіе братьевъ. Коменскы. «Historia». XXXIX. 100.

утверждало церковную анархію въ землѣ. Новый король не забылъ еще обѣщаній, данныхъ подобоямъ въ присутствіи отца — не тѣснить несогласныхъ съ католической церковью и не тѣснить никого; но не католиковъ тѣснили, помимо его, гдѣ только было можно. Съ другой стороны и подобои не сидѣли молча, гнали католиковъ на своихъ земляхъ и не переставали исъять у правительства утвержденія конфессіи (1).

Въ 1579 году собрался первый сеймъ. Чины-подобои потребовали у Рудольфа возвращенія нижней консисторіи. Но только что узнали объ этомъ домогательствѣ администраторъ и одряхлѣвшіе члены консисторіи, они обратились къ королю съ отчаяннымъ письмомъ — не выдавать ихъ. «Именемъ Господа Бога мы всепокорнѣйше просимъ ваше величество не допускать ничего новаго въ вѣрѣ. Бога ради, не передавайте консисторіи тѣмъ волкамъ» (2). Рудольфъ дряхлую консисторію старыхъ утраквистовъ обновилъ свѣжими силами и этимъ отвѣчалъ на домогательства подобоевъ.

Церковная неурядица продолжалась въ землѣ. Если слабому королю были малодоступны интересы земли, то католическія лица, руководившія правленіемъ, не могли быть равнодушны къ нимъ: продолжительная церковная неурядица легко влекла за собой земскую анархію. Во главѣ правительства находились: Вильгельмъ Розенберкъ, высшій бургграфъ, и Пернштейнъ, высшій канцлеръ, — оба строгіе католики. Предъ ними и ихъ друзьями, католиками, стоялъ многочисленный врагъ — подобои, но онъ представлялъ два отдѣльные лагеря — лютеранъ и братьевъ, которые не вполнѣ сочувствовали другъ другу и соединялись

---

(1) Максимилианъ разрѣшилъ, какъ извѣстно, сословіямъ избрать деєензоровъ, но конфессію не утвердилъ. Избраны были: Богуславъ Лобковицъ, Михайлъ Шпановскій, Генрихъ Вальдштейнъ, Вацлавъ Врезовецъ и др. Но деєензоры тотчасъ-же отказались отъ своей должности, когда былъ изданъ мандатъ въ 1575 году. Прося объ отставкѣ, они говорили, что имъ «невозможно далѣе нести этого тяжелаго бремени». «Apologie drahá». прилож. № 129. 420--424.

(2) Gindely. II. 490. прим. 51; 278.

лишь въ минуту опасности. Нельзя-ли воспользоваться этой разнью противниковъ, сдѣлать уступки и соединиться съ однимъ, менѣе опаснымъ, и уничтожить уже общими силами другаго? Вотъ мысль, которую рѣшился осуществить бургграфъ.

Въ концѣ 1583 года собрался сеймъ. По обычаю, подобойскія сословія заговорили о передачѣ консисторіи. Имъ отвѣчали стороною, что консисторію они могутъ получить, но подѣ однимъ условіемъ, если лютеране выключатъ изъ консисторіи братьевъ: она должна состоять изъ лютеранъ и католиковъ — іезуитовъ. Не смотря на то, что было сейчасъ же видно, что подобои — лютеране не пойдутъ на подобную сдѣлку, Розенберкъ не оставилъ своей мысли. Съ цѣлымъ сеймомъ переговариваться трудно, но удобнѣй вести дѣло въ особомъ комитетѣ, и потому, по представленію бургграфа, Рудольфъ приказалъ сейму избрать по четыре депутата отъ cadaго сословія, которыя по окончаніи сейма могли бы заняться религіознымъ вопросамъ. Сеймъ выбралъ 12 человекъ, въ томъ числѣ двухъ изъ общины; императоръ съ своей стороны назначилъ 12 католиковъ, и этотъ религіозный комитетъ, по окончаніи сейма, началъ свои совѣщанія. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстенъ результатъ этихъ совѣщаній. Говорили, что комитетъ порѣшилъ на томъ, что нижняя консисторія должна состоять изъ четырехъ католиковъ, четырехъ лютеранъ и четырехъ братьевъ. Невыключеніе братьевъ противорѣчило цѣлямъ Розенберка, и уже по этому одному рѣшенію комитета необходимо должно было остаться безъ послѣдствій.

Но бургграфъ не остановился на первой не удавшейся попыткѣ.

Въ сеймѣ іюнь года былъ созванъ новый сеймъ, и опять былъ поднятъ вопросъ о консисторіи. Бургграфъ снова предложилъ императору передать разсмотрѣніе этого вопроса въ сеймовый комитетъ. Сеймъ выбралъ 12 представителей, по 4 отъ сословія, въ томъ числѣ двухъ изъ общины: рыцаря Камейскаго и Винклера, примаса Малой Страны. Комитетъ получилъ порученіе отъ Рудольфа опредѣлить, кому по праву принадлежитъ консисторія — ему или сословіямъ. На этотъ разъ въ комитетѣ

не было представителей отъ власти, т. е. отъ католиковъ: бургграфъ и нѣкоторые католическіе паны принимали участіе въ совѣщаніяхъ комитета, какъ частные люди. Какъ и слѣдовало ожидать, подобойскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что право замѣщенія консисторіи принадлежитъ не королю, а сословіямъ. Свое заключеніе комитетъ передалъ бургграфу для представленія Рудольфу. Розенбергу отвѣчалъ комитету, что онъ соглашается съ доводами и заключеніемъ комитета, готовъ въ этомъ смыслѣ говорить и предъ императоромъ, но за свое содѣйствіе онъ требовалъ отъ комитета одной уступки: лютеране должны отказаться отъ поддержки общины. «Мы все, какъ одинъ человекъ, примемся за искореніе сектъ и главнымъ образомъ за истребленіе негодяевъ — пикардовъ, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Неповиновеніе властямъ есть нарушеніе заповѣди господней. Сколько ни угрожали имъ мандатами, — ничего не помогаетъ: они дерзко размножаются повсюду и даже въ самой Прагѣ. Мы знаемъ хорошо, что вы въ этомъ не виноваты и потому мы ничего не имѣемъ противъ васъ. Но на тѣхъ мерзавцевъ, которые выдаютъ себя у нихъ за священниковъ, нельзя долѣе глядѣть равнодушно. Кто больше ихъ вноситъ смуты въ имперію? кто причина всѣхъ раздоровъ? Если вы согласитесь съ нами, мы охотно будемъ говорить въ вашу пользу предъ императоромъ». Въ заключеніе своей рѣчи Розенбергъ просилъ комитетъ сообщить ему — какое управленіе имѣетъ быть введено въ консисторію, и къмъ она замѣтится.

Для лютеранскихъ членовъ комитета предложеніе бургграфа было въ высшей степени соблазнительно: своя консисторія, но пожертвованіе союзникомъ — общиной. Комитетъ удалился для совѣщанія. Мы знаемъ, что въ числѣ членовъ комитета были два брата: очевидно, они должны были употребить всю силу убѣжденія, чтобы отклонить своихъ товарищей отъ предложенія бургграфа. Но, помимо ихъ, въ эту рѣшительную минуту на сторонѣ общины сталъ человекъ, принимавшій самое живое участіе въ работахъ комитета — земскій писарь Шпановскій. Онъ не долбилъ братьевъ, и, какъ дѣятель сейма 1575 года, хорошо помнилъ несговорчивость общины во время составленія

чешской конфессіи: тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился пойти на соблазнительную сдѣлку съ католиками. Нѣтъ сомнѣній, Шпановскій не вполне довѣрялъ искренности, чистотѣ побуждений бургграфа, предусматривалъ въ предложеніи заднюю мысль ⁽¹⁾ и уговорилъ комитетъ отвѣчать отрицательно. «Мы полагаемъ — сказалъ онъ Розенберку, что поводомъ къ распространенію всѣхъ этихъ сектъ служило то обстоятельство, что императоръ все присвоиваетъ себѣ консисторію, отнялъ ее отъ вліянія сословій и замѣщаетъ такими лицами, которымъ не каждый охотно можетъ повиноваться. Каждый обязанъ защищать свою религію, по мѣрѣ силъ своихъ, и въ этомъ нельзя видѣть ничего дурнаго. Остался консисторія во власти сословій, быть можетъ ничего не было; возвратись она въ наши руки, возможно, что покончились бы всѣ несогласія. На вашъ вопросъ — какъ мы полагаемъ устроить консисторію, отвѣчаемъ, что не иначе, какъ на основаніи конфессіи 1575 года».

Отвѣтъ этотъ крайне не понравился Розенберку, и онъ прервалъ разговоръ.

На слѣдующій день члены комитета были на аудіенціи у Рудольфа. Шпановскій отъ имени товарищей благодарилъ императора за оказанное довѣріе. «Нашу обязанность — сказалъ онъ — мы исполнили съ возможнымъ раченіемъ. Нѣкоторыя доказательства были уже вручены однажды канцлеру и немаловажныя ⁽²⁾. Мы просили тогда ваше величество изслѣдовать эти документы, и насъ не мало удивляетъ, что мы даже не могли получить ихъ обратно. Теперь мы обследовали все, что относилось къ нашему порученію, и все, даже по мнѣнію католиковъ, говорить въ нашу пользу; мы передаемъ вамъ наши работы и просимъ о милостивомъ отвѣтѣ. При этомъ мы желаемъ одного — умноженія чести божіей и истребленія всѣхъ ненавистныхъ и

⁽¹⁾ Нѣсколько странно, что Гиндели серьезно полагаетъ, что принятіе лютеранами предложенія Розенберка могло бы предупредить событія 1609 и несчастную революцію 1618 годовъ. «Geschichte». II. 283.

⁽²⁾ Очевидно, невнятные намъ заключенія прошлагодняго комитета.

умножающихся все болѣе и болѣе въ Прагѣ и ея окрестностяхъ сектъ».

Послѣдняя прибавка была перифразой словъ Розенберга, она метила въ общину. Ораторъ рассчитывалъ, что эта приписка для католика фраза сможетъ обезпечить подобоимъ исполненіемъ ихъ просьбы, не смотря на вчерашній отвѣтъ бургграфу, но отвѣтъ. Черезъ два дня Рудольфъ отвѣчалъ членамъ комитета, что онъ не можетъ передать консисторіи сословіямъ-подобоимъ, такъ какъ они, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, склонны къ новинкамъ, а потому онъ не видитъ, какими бы образомъ консисторія могла замѣщаться, даже помимо того, что онъ даже бы былъ отказаться отъ своего наследственнаго права.

Это была послѣдняя попытка Розенберга и его друзей путемъ разрозненія противниковъ уничтожить одного при помощи другого, и такимъ образомъ водворить земскій миръ. Попытка не удалась, а черезъ мѣсяць, 31 іюня, былъ изданъ старымъ владиславовъ мандатъ противъ некатоликовъ въ королевскихъ городахъ и на свободныхъ земляхъ дворянъ (1).

Новымъ изданіемъ еще свѣжаго въ памяти мандата мѣстныя власти показали, что политика уступокъ оставлена, что они должны были дѣйствовать рѣшительно. Это измѣненіе политики связано въ тѣсной связи съ одолѣвшимъ въ послѣднее время иезуитство, и землю влияніемъ іезуитовъ.

Сословіе пановъ было первою политическою силой въ чехословацкихъ въ его рукахъ была власть; среди его еще крѣпко держалась старая религія: мы видѣли, что подъ братской конфессіей въ 1577 года подписался 141 рыцарь и только 16 пановъ (2); набожные паны были самые богатые земельные собственники, на помѣстьяхъ которыхъ жила спокойно даже сектанты-братья. Все это весьма естественно заставляло іезуитовъ остановиться прежде всего своимъ вниманіемъ на панахъ. Мы видѣли первыя шаги іезуитовъ объ аристократическомъ пансіонѣ; мы видѣли, что

(1) О сеймѣ 1583 и 1584 годовъ по Гиндзели. II. 280—287.

(2) 17-ый панъ былъ Жеротинъ изъ Моравіи.

уже очень рано они приобретают друзей среди советниковъ короля, а чрезъ нихъ вліяютъ на дѣла: неутвержденіе конфессіи, мандатъ 1575 года были работой ихъ рукъ. Но если при Максимилианѣ стремленія іезуитовъ сталкивались съ гуманными воззрѣніями короля, то дѣла приняли иной оборотъ, когда вступилъ беззаботный Рудольфъ.

Могущественнѣйшіе паны становятся послушными слугами іезуитовъ.

Канцлеръ Пернштейнъ былъ сынъ братскаго отца, покровителя общины. Получивъ отъ отца громадныя земли, онъ въ то же самое время унаследовалъ многочисленныя поселенія братьевъ: болѣе одной трети чешскихъ членовъ общины жило на земляхъ Пернштейна. Оставивъ братское ученіе, сынъ въ первое время былъ вѣренъ памяти своего отца и не тѣснилъ братьевъ; но вотъ онъ женится на испанкѣ; при помощи жены съ нимъ сходятся іезуиты и открываютъ жестокія гоненія противъ общины на земляхъ канцлера. Богатѣйшимъ помѣстьемъ Пернштейна былъ городъ Литомышль, заселенный главнымъ образомъ братьями; сюда были отправлены два іезуита-чеха: Штурмъ и Гостовить на миссіонерство⁽¹⁾. Штурмъ былъ знатокъ братскаго ученія; онъ прочелъ всѣ сочиненія общины и зналъ хорошо ея слабую сторону — невѣрность старому ученію⁽²⁾. Пробывши въ Литомышль, миссіонеры начали съ проповѣди, съ разбора братскаго ученія; проповѣдь дала имъ нѣсколькихъ учениковъ; но существеннѣйшій результатъ принесли для миссіи тѣ мѣры, которыя присовѣтовали посланные противъ общины. Пернштейнъ закрылъ всѣ сборныя дома братьевъ, какъ въ Литомышлѣ, такъ и на остальныхъ своихъ помѣстьяхъ, воспретилъ всякія сходби

---

(1) Въ разсматриваемое время іезуитовъ въ Прагѣ было около 40 человекъ, и они свободно разсматривали миссіонерскія команды — въ два, три человека, по цѣлой Чехіи, начавши съ ближайшихъ къ столицѣ селъ, гдѣ они встрѣчали «угровъ» и гдѣ ихъ обывали іудами. Въ городахъ ихъ принимали ласковѣе. «Z paměti». «Časopis». 1844. 198.

(2) Штурмъ былъ одинъ изъ тѣхъ 12 юношей, которые были отправлены Фердинандомъ въ Римъ въ коллегію.

и выгналъ учителей. «Намъ, служителямъ — говорить одинъ братъ — не дозволяютъ отправлять службъ, но гонятъ напередъ къ іезуитамъ и по совѣту послѣднихъ вытолкали священниковъ изъ общинъ. Въ Ланскронъ, съ дикимъ крикомъ, гамомъ, ревомъ, визгомъ, такъ что едва слово можно было разслышать, разрушили до основанія сборный домъ—только подвалъ остался, и много всякаго вреда надѣлали. Въ Устьѣ домъ пощадилъ, но приказали всѣмъ выселиться; съ трудомъ братья упростили оставить ихъ хоть на три недѣли, чтобы могли они снять жатву и кое-что взять съ собой. Такъ съ этого времени мы страдаемъ» (1).

Это было въ 1582 году.

На помѣстьяхъ Пернштейна въ Моравіи шли тѣже гоненія братьевъ. Епископъ оломуцкій Павловскій съ іезуитами особенно ревностно преслѣдовалъ общину. Одинъ изъ моравскихъ пановъ, пригрозилъ ему: «совѣтую не присылать на мои земли за священниками; кто бы ни пришелъ, даже самъ іезуитъ, я приказалъ крестьянамъ вѣшать того на первомъ деревѣ» (2).

Другимъ вѣрнымъ другомъ іезуитовъ въ рассматриваемое время былъ высшій бургграфъ Розенберкъ. Подобно Пернштейну, онъ вначалѣ былъ терпимъ къ общинѣ и на своихъ обширныхъ помѣстьяхъ не тѣснилъ братьевъ. Но уже при Максимилианѣ Розенберкъ сближается съ іезуитами и на сеймѣ 1575 года сильно дѣйствуетъ противъ конфессіи; со вступленія Рудольфа онъ всецѣло отдается ордену. Въ Крумловѣ основывается богатая іезуитская коллегія; на другихъ помѣстьяхъ преслѣдуются братья, а когда вышелъ мандатъ 1584 года, гоненія общины главнымъ образомъ сосредоточиваются на земляхъ бургграфа (3).

Нейгаузы, Лобковицы, Мартиницы — все это ближніе люди Рудольфа и сильные паны, и все это теперь покровители іезуитовъ

---

(1) Gindely. II. 488. пр. 41.

(2) ib. 489. пр. 47. О неутомимой дѣятельности Павловскаго см. Ревская. «Geschichte der Gegenreformation». I. 115.

(3) Сближенію Розенберка съ іезуитами способствуютъ также женщины: бургграфъ былъ четыре разъ женатъ, и первые три брака его были съ иностранками — католичками.

Съ помощью пановъ іезуиты переносятъ свое могущественное вліяніе на землю. На панскія деньги орденъ открываетъ мелкія школы по городамъ, куда посылались воспитанники академіи пражской и врумловской. Ученье въ іезуитскихъ школахъ было бесплатное, и потому онѣ легко привлекали къ себѣ бѣдное населеніе. Но, помимо того, помѣщики иногда силой отбиралъ дѣтей у крестьянъ-подданныхъ и отдавалъ іезуитамъ на выучку (1). При содѣйствіи пановъ и церкви іезуиты стараются закрывать по возможности подобойскія школы или захватывать ихъ въ свои руки. Епископъ Павловскій съ іезуитами пытался было закрыть братскую академію въ Еванчицахъ (Eibenschütz), гдѣ моравская знать изъ общины получала свое образованіе, но сословія отстояли. На земляхъ Шернштейна, Розенберка учителя были изгнаны. Такъ какъ всѣ городскія школы находились въ вѣдѣніи ректора университета, то паны-католики дѣлали вѣщескія помѣхи ректору при назначеніи учителей въ свои города и передавали школы іезуитамъ. Также поступали и богатые монастыри и спорили съ ректоромъ о правѣ опредѣленія мистровъ на своихъ помѣстьяхъ (2). Правительство поддерживало домогательства іезуитовъ, тѣмъ болѣе, что отъ утравкистской консисторіи шли жалобы на ректора, что изъ его школъ распространяется ересь: «въ школахъ — пишетъ консисторія императору — страшно усиливаются заблужденія, юношество учатъ еретичеству, а паны ректоръ, вмѣсто того чтобы все это остановить, такъ какъ на это жалуются приходскіе паны, ничего не говорятъ (3).

1) «Apoloġie druhá». 21. говорятъ о подобныхъ дѣйствіяхъ господъ послѣ наестата; но, очевидно, они имѣли мѣсто и раньше. О школахъ въ Чехіи въ концѣ XVI вѣка см. P g o c h a z k a. «De saecularibus...» 337. «...Scholaŝtici — говорятъ Прохаска — ...expetitis praemiis atque ornamentis affecti, ab rectore Academiae in universam Bohemiam et Moraviam dimittantur, et cujusque civitatis sobolem quum litterarum, tum religionis elementis, in celebrioribus vero gymnasiis humanioribus etiam disciplinis erudiebant. ib. 340. Также — T o m e k. «Geschichte der Prag. Univers...» 186—189.

(1) См. T o m e k. «Paměti o ŝkolach českých». «Časopis». 1845. 619.

(2) Gindely. II. 491. прим. 55. Въ городскихъ школахъ и законъ божій преподавали университетскіе учителя. См. только что цитованную статью о школахъ пр. Томка.

Наконецъ иезуиты помимо сейма ввели въ страну капуциновъ и другихъ монаховъ, и все это работало на возвращеніе земли въ лоно старой церкви. (1).

Планъ дѣйствій, которому иезуиты дали имя «спасительной реформаци», былъ уже готовъ: церковь, правительство, могущественнѣйшіе земскіе люди, школа были въ ихъ рукахъ, и они рѣшили путемъ стараго насилія обратитъ землю.

Началомъ спасительной реформаци былъ мандатъ 1584 года.

Когда въ слѣдующемъ году собрался новый сеймъ, правительство уже не искало примиренія съ подобоями-лютеранами.

Король предложилъ сейму рассмотреть вопросъ о податяхъ. Паны согласились на подати, но рыцари объявили, что они не дадутъ согласія, если король не исполнитъ ихъ требованій о вѣрѣ. Правительство въ отвѣтъ на это заявленіе не заводило рѣчи о религіи и длило сеймъ, пока не вынудило у рыцарей согласія на подати.

Такимъ образомъ, иезуиты вручили правительству свою спасительную реформацию и повели землю къ тому, что уже на послѣднемъ сеймѣ рыцари изъ общины назвали словомъ — «гражданская война» (2).

(1) На сеймѣ 1609 подобоя выговаривали панамъ-католикамъ, что oni vyzdvihli kolleji jezuitickou bez dotázky jich milosti, uvedli kapuciny a jiné mnichy do země bez rady jich и однако подобоя не вмѣшивались въ это. Slava I. 292. Особенно полезны иезуитамъ были капуцины. Въ пошлой проповѣди миссирита Яна Кюблеха: «Stoletá památka pomoci užitečné pomocníků věrných kapucínů, kterak někdy okolo 1630 ku pomoci kaukole kasířského... k vykořepění povolani byli» (Praha 1733), въ которой выхваляется Фердинандъ II и его помощники, между прочимъ капуцины, что уничтожили въ землѣ сѣмя, посянное Гусомъ и его пріятелями, очевидно, ошибка въ указаніи года.

(2) «Мы опасаемся — говоритъ рыцарь Маловець, изъ общины, что какъ скоро послѣдуетъ согласіе на подати, религіозныя затрудненія еще болѣе возрастутъ, и со сторбны католиковъ, особенно отъ иезуитовъ, мы будемъ встрѣчать постоянно новыя и новыя препятствія. Не смотря на запрещеніе сейма, противъ насъ проповѣдываютъ въ церквяхъ, да и прямо на улицахъ, противъ насъ пишутъ. Должно опасаться, что лишь только король хоть на минуту оставитъ землю, дѣло дойдетъ до открытой гражданской войны. Но теперь есть еще пока время затушить искру.» Gindely II. 291.

Между тѣмъ какъ іезуиты начинали дѣло католической антиреформаціи, братья переживали минуты, свойственныя каждому гонимому обществу, оправляющемуся отъ испытаній минувшихъ дней: въ общинѣ забывался старый, строгій пуританизмъ, въ нее постепенно вкрадывалась та язва, которая, по убѣжденію чешскаго іереміи, погубила чеховъ—распущенность (1).

Эта распущенность сказалась въ людяхъ, руководившихъ общиной; масса же была, какъ и встарь, воздержана и трудолюбива (2).

Мы видѣли, какое громадное значеніе имѣлъ узкій совѣтъ въ общинѣ; но къ концу XVI столѣтія авторитетъ его значительно слабѣетъ. На синодѣ 1591 года въ Лишнѣ члены совѣта обсуждали поступки брата Луки Гелича, одного изъ дѣятельнѣйшихъ переводчиковъ кралицкой библіи (3). Отпущенъ былъ въ Познань для навѣщенія матери и общалъ воротиться

---

(1) «Prostorašnost českům zhabau byla, řekl onen moudrý král půlnoční, vší rozprátilostí odrognů». Предсмертное завѣщаніе А. Коменскаго: «Poslední Jana Amosa Komenského vůle aneb křást», второе приложение къ чешскому переводу Ласытскаго исторіи чешскихъ братьевъ, сдѣланному знаменитымъ педагогомъ: «Hystorie o původu a čínech bratří českých kniha osmá»: V HÁÍÍ. 1765. 38. Известная книга Коменскаго: «Labirint světa» есть въ значительной степени изображение жизни братской общины въ послѣдніе годы: «není báseň, čtenaři, говорятъ самъ авторъ въ предисловіи, což čísti budeš, ačkoli básně podobu má: než jsou věcy pravé, jimž vyrozuměje, sám poznáš, zvláště kdoby mého života a příběhů něco povědom byl. Práto že sem tu na větším díle své vlastní příhody, s nimiž jsem se v nepnohých těch letech života svého již potkal, některé rak při jiných spráčil, aneb o nich sobě návěští dané měl, vymaloval». Berlin. 1757. 7. Книга написана въ 1623 году. Отъ той же язвы Коменскій предрекаетъ гибель и Польшѣ: «то же скоро скажутъ и о тебѣ, земля польская, если во время ты не образумишься и не обратишься къ умѣренности и воздержанію, полюбивъ это — единое же на потребу». «Posl. vůle». 38. Экземпляръ исторіи Ласытскаго, находящійся въ библиотекѣ Императорскаго Новороссійскаго университета и бывшій въ пользованіи у насъ, имѣетъ слѣдующую любознательную запись на переплетномъ листѣ: «staršímu v cirkví Páně bratru Janovi Zygmondovi tuto svazanau knížku užitečnau darem dáva cirkvev Páně česká bratrská berlinská léta Páně 1766. k novému létu.

(2) См. сочувственный отзывъ о порядкѣ и трудолюбіи братьевъ въ Младобогославѣ іезуита Александра, отъ 1588 года. Gindely. II. 492. пр. 96.

(3) Лука былъ изъ евреевъ познанскихъ и знатокъ древнееврейскаго языка; оттого имъ весьма дорожили въ общинѣ.

въ шесть недѣль. Но обѣщаніе не исполнилъ: вмѣсто того чтобы итти прямо въ Познань, отправился въ Браковъ, оттуда въ Варшаву, Гданскъ, Торунь и тогда только въ Познань, гдѣ гризся съ лютеранами, воевалъ словомъ и на письмѣ, не повиновался священнику мѣстной церкви и польскому епископу, осмѣивалъ ихъ, поносилъ ихъ и былъ виновникомъ разныхъ иныхъ безобразій. Не давъ знать никому, отправился оттуда въ Виттенбергъ, у пастора и у иныхъ вмѣшивался въ наши дѣла, подговаривалъ юношей нашихъ итти туда въ услуженіе, отпечаталъ проповѣди свои, не мало денегъ истратилъ понапрасну, своею безалаберностью былъ не въ моготу хозяину, котораго часто ругалъ. Опредѣлили: преслѣдовать Луку за всѣ эти проступки, приказать извиниться предъ тѣми, кого онъ оскорбилъ изъ нашихъ, воспретить ему писать безъ согласія старшихъ; въ проповѣдяхъ и въ иныхъ дѣлахъ руководиться ему желаніемъ того, у кого онъ живетъ, а на свой рискъ не дѣлать ничего, но знать свою службу. Если бы онъ не пожелалъ такъ поступать, то объяснить ему, что его уже болѣе не будутъ щадить и, какъ своевольнаго, извергнуть изъ числа служителей⁽¹⁾. Впрочемъ Геличъ былъ обыкновенный служитель церкви, къ тому же знавшій, что община имъ дорожить; но дѣло иного рода, когда сами члены узкаго совѣта позволяли себѣ своеволие, неповиновеніе высшей власти общины. Тотъ же липницкій синодъ обсуждалъ дѣйствія Стрейца, члена совѣта, участника еще сейма 1575 года. Стрейць обвинялся въ томъ, что своевольно женился, не спросясь совѣта тамъ, гдѣ надлежало, посвѣтски — на особъ иного образа мыслей; что много разъ поступалъ противъ и безъ совѣта; въ ученіи и обрядахъ общины не согласовался съ другими; на тѣхъ, которыхъ подозревалъ, что они доносятъ старѣйшимъ о его поступкахъ, зло-

---

(1) «Dekrety». 246. Синодъ 1592 года занимался вопросомъ объ уплатѣ долговъ Гелича. ib. 253; перевелъ безпокойнаго брата изъ Познани на Мораву, такъ какъ поведеніе его тамъ было весьма заворно. ib. 259. Синодъ 1594 года снова разбиралъ дѣло о Геличѣ: «братья полади» привели его на Мораву и просили, чтобы его приняли здѣсь, но имъ было отказано, такъ какъ его уже два раза принимали. ib. 264. Синодъ 1598 года также рассуждалъ о Геличѣ. ib. 267. 268.

бился, поносилъ и явно мстилъ; угрозой заставилъ одного чело-
вѣка продать себѣ домъ; при допросахъ отпирался, бранился,
называя все клеветой, ложью, «такъ что больно было видѣть
его безстыдство». Синодъ опредѣлилъ сдѣлать ему предосте-
реженіе, что въ случаѣ повторенія подобныхъ со стороны его
дѣйствій онъ будетъ устраненъ изъ совѣта (1). На синодѣ въ
1598 году старѣйшіе слушали прошенія трехъ членовъ совѣта:
Попела, Албина и Алфея о дозволеніи вступить въ бракъ.
«Всѣ отцы — сказано въ протоколѣ — сдѣлали имъ напоминаніе,
чтобы они серьезно поразмыслили, что хотятъ дѣлать, такъ какъ
одному свыше пятидесяти лѣтъ, и другіе немногимъ моложе: лучше
бы они цѣнили даръ божій — свободу состоянія, да думали о церк-
вахъ братьевъ. Но они не унимались и стояли на своемъ» (2).

Въ слѣдъ за ослабленіемъ дисциплины на верху въ жизни
братскаго духовенства исчезаетъ старая воздержанность. Синодъ
1592 долго занимался разбирательствомъ дѣлъ о священникахъ
пьяницахъ и развратникахъ. Петръ Бурьянокъ былъ призванъ
къ допросу — какъ онъ исправляется послѣ неоднократнаго на-
казанія, и особенно въ пьянствѣ. Отвѣчалъ, что, какъ ему ка-
жется, онъ не мало исправляется, о какомъ-то особенномъ пьян-
ствѣ ничего не знаетъ, но не отказывается, чтобы когда нибудь
не подпилъ. Предъявлено было ему нѣсколько уликъ въ дока-
зательство противнаго, но онъ отпирался. Тогда братья объя-
вили Петру, что они не дадутъ вѣры его словамъ, такъ какъ
онъ уже много разъ надувалъ, но тѣмъ не менѣе на время еще
его потерпятъ. Другой священникъ, Крижекъ, обвинялся также
въ пьянствѣ да въ добавокъ — въ крайней неуживчивости:
«ѣдучи изъ Жеравицъ, онъ останавливался въ каждомъ селѣ и
корчмѣ, пилъ и напивался». Обвиняемый просилъ о прощеніи, и ему
престили. Было еще нѣсколько обвиненій въ томъ же родѣ (3).

Вмѣстѣ съ разгульной жизнью священники позволяли себѣ
и много рода излишества. О братскихъ священникахъ начи-

(1) ib. 247. 248.

(2) ib. 271.

(3) ib. 253. 254. 257. На синодѣ 1594 года тѣже дѣла о пьянствѣ. ib.
263. 264.

нають говорить то же, что нѣкогда при Благославѣ община говорила о духовенствѣ католическомъ, что они негодны да развратники (1). Какъ ни оскорбительны были для представителей общины подобныя отзывы (2), но жизнь оправдывала ихъ. Синодъ 1592 года обвинялъ Николая Когоута, «презрѣнаго священника», среди массы разнаго рода преступленій, между прочимъ въ томъ, что въ проповѣдяхъ о женскихъ вещахъ говорилъ такъ гнусно, что многіе уходили изъ церкви (3). Еще пакостнѣе было дѣло священника Рокитаны на томъ же синодѣ (4). Послѣдній извѣстный намъ синодъ братьевъ до ихъ изгнанія изъ Чехіи и Моравіи въ Младоболеславѣ, 1601 года, разсматривалъ съ канонической точки зрѣнія вопросъ: могутъ ли священники, осужденные за прелюбодѣяніе, послѣ принесенія покаянія быть возвращены на свои мѣста,—и рѣшилъ отрицательно (5).

Наконецъ, въ учащейся братской молодежи — въ кандидатахъ на церковныя мѣста, замѣчается неудержимое стремленіе заранѣе выходить изъ общины, подъ вліяніемъ приманокъ мирской, виѣбратской жизни (6).

Въ такомъ шатающемся положеніи находилась община въ концѣ XVI столѣтія, когда открытая противъ нея мандатомъ 1584 года «реформація» была на время приостановлена: въ теченіе немногихъ лѣтъ іезуиты теряютъ лучшихъ исполнителей своего дѣла, одного въ слѣдъ за другимъ.

Сейчасъ же послѣ мандата умеръ ванцлеръ Пернштейнъ; въ 1592 году умираетъ Розенберъ, богатя имѣнья котораго переходятъ къ брату Вокъ Петру, по полученіи наслѣдства вступившему въ общину и начавшему гнать іезуитовъ изъ Крумлова; въ 1597—послѣдній Пернштейнъ, еще чрезъ нѣсколько лѣтъ—послѣдній Нейгаузъ. Первое іезуитствовавшее поколѣніе сошло со сцены, сдѣлавъ для своихъ руководителей все, что только могло: для веденія далѣе дѣла антиреформаціи требо-

(1) «Lotři a cizoložníci.» ib. 253.

(2) См. рѣшеніе синода 1592 года. ib. 8.

(3) ib.

(4) ib. 256.

(5) ib. 275.

(6) Рѣшенія синодовъ 1594 и 1598 годовъ. ib. 264. 270.

вадись теперь новыя силы, и онъ явился въ томъ молодомъ поколѣннн аристократовъ, которое воспиталось въ школахъ ордена. Это были: канцлеръ Здѣнекъ Войтъхъ Лобковиць, королевскій совѣтникъ Ярославъ Борита Мартиниць Смечанскій и бургграфъ карлштейнскій Вильгельмъ Славата; первые два вышли изъ пражскаго академическаго пансіона, послѣдній — изъ общины, но юношей отступился отъ отца и отдался иезуитамъ (1). Съ первымъ годомъ новаго столѣтія лица эти приняли на себя дѣло антиреформаціи и повели землю къ событіямъ 1609 и 1618 годовъ, приготовившимъ гибель старому королевству. Прерванное на время дѣло возобновилось.

«Въ 1600 году — начинается исторію своего времени Вильгельмъ Славата — Здѣнекъ Лобковиць былъ назначенъ императоромъ Рудольфомъ высшимъ канцлеромъ королевства чешскаго. Какъ человекъ въ высшей степени преданный католической вѣрѣ, онъ употреблялъ все свои усилія, чтобы подвинуть впередъ святую вѣру католическую въ королевствѣ; высокой памяти достойное начало этому онъ положилъ новымъ изданіемъ владиславова мандата о пикардахъ, которые именуютъ себя братьями» (2).

31 августа 1602 года послѣдовало изданіе этого мандата. Раздражительный, подверженный припадкамъ тяжелой душевной болѣзни Рудольфъ подъ вліяніемъ окружающей среды становился враждебнѣе и враждебнѣе къ некаатоликамъ и наконецъ въ августѣ 1602 года подписалъ мандатъ, который уже два года какъ былъ изготовленъ Лобковицемъ и папскимъ нунціемъ.

Обвиняя многихъ лицъ изъ высшихъ и городского сословія въ принадлежности къ сектѣ «пикардовъ», въ покровительствѣ этой сектѣ, въ посѣщеніи ея сборищъ, «гдѣ бывають и женщины, и мужчины», король напоминалъ «всѣмъ зараженнымъ ядомъ пикардскимъ» возвратиться къ стародавней отечественной вѣрѣ своихъ дорогихъ предковъ и уравниваться въ религіи съ

---

(1) Лобковиць † 1626. Мартиниць род. 1582 † 1649. Славата род. 1572 † 1652.

(2) «Paměti». I. 40.

вѣрными и послушными апостолической церкви сынами, такъ какъ въ силу земскаго устава послѣдователи пикардской секты, какъ отщепенцы, состоятъ внѣ политическихъ и гражданскихъ правъ. «Я — говоритъ Рудольфъ — не желаю, чтобы зло ереси усиливалось и росло. Поэтому приказываю чинамъ отречься отъ своихъ заблужденій, воспретить всякія сборища, тайныя и явныя, молитвенныя пѣнія у себя на земляхъ, забыть церкви братьямъ, изъ приходовъ, гдѣ разглашались братскія и иныя вводящія въ соблазнъ ученія, удалить еретическихъ проповѣдниковъ, просить священниковъ отъ архіепископа пражскаго или администратора подобойской церкви и посовѣтовать своимъ крестьянамъ отстать отъ братской секты и не навѣщать сборовъ». Всякій ослушникъ настоящаго мандата разсматривался, какъ врагъ общественнаго благосостоянія, и строго наказывался (1).

Къ новому мандату былъ присоединенъ текстъ перваго владиславова мандата. Съ особенною торжественностью былъ обнародованъ новый законъ въ столицѣ: «при звукѣ трубъ и бубенъ объявляли его бирючи, сначала на Градчанахъ, затѣмъ на Малой Странѣ, Старомъ и Новомъ Городѣ» (2).

Изъ текста новаго мандата видно, что законъ главнымъ образомъ преслѣдовалъ членовъ общины, «которая день ото дня все болѣе и болѣе растетъ и благоденствуетъ, на соблазнъ простому народу.» Но такъ какъ король приказывалъ, чтобы въ церкви, гдѣ доселѣ проповѣдывались братскія или иныя вводящія въ соблазнъ ученія, были приглашены священники отъ архіепископа или администратора, о лютеранскихъ же проповѣдникахъ не упоминалъ, то ясно, что и послѣдніе были помѣщены въ число тѣхъ, которые разглашали «bratrská neb jiná zmatečná učení», т. е. должны преслѣдоваться закономъ. Однимъ словомъ, новый законъ простирался на всѣхъ подобоевъ, несогласныхъ съ католической церковью — на братьевъ и конфессіонистовъ 1575 года. Но дѣйствіе его не оправдало надеждъ правительства.

Въ Прагѣ мандатъ остался безъ всякаго примѣненія: такъ

---

(1) «Apologie druhá». Прилож. № 13. 81—84. Skala. I. 30 — 31.

(2) Skala. I. 31.

много было въ столицѣ «пикардовъ». Когда канцлеръ, расчитывавшій на скорые и блестящія результаты своего мандата, чрезъ недѣлю послѣ изданія потребовалъ къ себѣ чиновниковъ со всѣхъ трехъ частей Праги къ отвѣту — почему не исполняется мандатъ, они отвѣчали, что никто не признаетъ себя пикардомъ, а тѣ, кто изъ братьевъ принадлежитъ къ панскому и рыцарскому сословіямъ, дома свои имѣютъ въ Прагѣ, а многие на коронной службѣ и въ почетѣ у жителей, и братьямъ не отказывали въ судебныхъ искахъ (1). Въ Праги только въ двухъ городахъ мандатъ имѣлъ тяжелыя слѣдствія для общины — въ Младоболеславѣ и Тынѣ надъ Велтавой. Болеслава, какъ извѣстно, была главнымъ гнѣздомъ братьевъ, «Іерусалимомъ общины», по злостному выраженію Богуслава Лобковича; здѣсь они сидѣли спокойно уже болѣе ста лѣтъ; здѣсь была святыня общины — гробница епископа Луки. Въ это гнѣздо братьевъ Рудольфъ послалъ особыхъ комиссаровъ. Братская школа и церковь въ Болеславѣ были запечатаны и забыты; нѣкоторые изъ братьевъ были брошены въ тюрьму въ Прагѣ, а чрезъ нѣсколько времени на все недвижимое имущество общины было наложено королевское запрещеніе. Такія же преслѣдованія братьевъ имѣли мѣсто и въ Тынѣ надъ Велтавой (2).

На всю землю распространить дѣйствіе мандата правительство было не въ состояніи.

Но безсиліе правительства справиться съ братьями ярче всего оказалось въ появленіи двухъ антимандатовъ: одинъ былъ отъ имени Бога-отца, другой отъ Бога-сына. Первый скрѣпленъ былъ «канцлеромъ королевства небеснаго» Іоанномъ евангелистомъ, апостолами Петромъ и Павломъ и «служителями божьими» Гусомъ и Лютеромъ; второй подписанъ Христомъ и «канцлеромъ» Іоанномъ. «Мнѣ, Богу вашему — говоритъ Богъ — отецъ — вѣдомо, что вчерашняго дня отъ сына моего Рудольфа вышелъ мандатъ, по наговору людей непокойныхъ, завидующихъ милости моей и истинному ученію моему, данному

(1) ib. 32.

(2) ib. I. 33. Gindely. II. 332.

вамъ отъ меня, непріятелей церкви, изъ злобы и ненависти по-
нубающихъ дьявольскія власти противъ избранныхъ — противъ
братьевъ, которыхъ они называютъ пивардами и сектантами;
имъ воспрещаются всякія собранія, службы божіи, молитвы и
пользованіе правами. Хотя мнѣ извѣстно, что вы держитесь, по
заповѣди сына моего и апостоловъ, истинной службы и почи-
танія, остерегаетесь всѣхъ соблазновъ антихристовыхъ и выду-
моу людскихъ, но я знаю, что мандатъ этотъ непріятели мои
и ваши, съ указанія жены, сидящей на престолѣ между водами
на семи верхахъ, желаютъ направить противъ васъ, якобы вы
были пиварды, чрезъ то уничтожить все ваше состояніе и
навести на васъ всякое зло, лгуще на васъ имени моего
ради». Братьямъ препоручалось съ радостью принять и са-
мую смерть. «Дорога — говорить Богъ далѣе — предъ очами
моими смерть святыхъ моихъ. Эти преслѣдованія имѣли и имѣ-
ютъ быть искони міра, я ихъ попустилъ для испытанія моихъ
вѣрныхъ. Могъ ли я забыть васъ, мое крохотное стадо, кото-
раго я пастыръ?.... Будетъ моя месть имъ и отплата; только
будьте терпѣливы и не отчаявайтесь въ моей заботѣ. Дано 3
сентября лѣта отъ рожденія сына моего 1602» (1).

Второй памфлетъ былъ перепечатка стараго, сдѣланная у
пражскаго печатника Сикста Мочидланскаго (2).

(1) Skala. I. 33—36, гдѣ текстъ цѣликомъ.

(2) Онъ приведенъ также цѣликомъ у Скалы. ib. 37 — 44. Тотъ же
Сикстъ былъ авторомъ и зажигательной пѣсни, направленной противъ ка-
толиковъ и быстро распространившейся въ городъ: «Къ мистру Яну Гусу».
Повѣтъ приглашаетъ соотечественниковъ къ открытому возстанію:

«Nuže milí Čechové! nedejte se svěsti,
Byťpak vás měli z města na popravu vésti;
Bud'te stáli a zmužili, ne svolujte d'áblu k vůli,
Udatně bojujte, majíc svého hejtmana,
Ježlše Krista pana, ont' vaše obrana»

и казнить папу за его неправы дѣла:

«O papeži! jestli že pravdě místa nedaš,
Vstříc tě Bůh do pekla, to ty shledati máš,
Zatopit' satan světnici, posadí te na svrchnici,
Jak sirou, tak smolou zmýje hlavu tvou holou;
Dát' též ohnivý polštář za tvůj mníšský zaltář».

(ib. 45—46). Здѣсь приводится только отрывокъ, хотя довольно значитель-
ный, этой пѣсни.

Одинъ результатъ имѣло обновленіе владиславова мандата — мандатъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе въ землѣ, которая едва не цѣликомъ подлежала карѣ закона. Съ особеннымъ негодованіемъ отнеслись къ мандату рыцари, самое численное сословіе въ землѣ, которые, какъ мы видѣли на сеймѣ 1585 года, были теперь горячими бранителями религіозной свободы, почти всей своей массой принадлежа къ «*odřezancům od přijatého v zemi české náboženství*». Свое неодобреніе дѣйствіямъ правительства рыцари не замедлили высказать, когда въ началѣ января 1603 года Рудольфъ собралъ сеймъ для полученія согласія на подати.

Въ субботу 11 января былъ открытъ сеймъ. Въ предложеніи къ сейму король просилъ разрѣшенія на новыя подати для войны съ турками. Рыцари, собравшись въ зеленой залѣ сейма, громко жаловались, что ихъ, имѣющихъ ординаванныхъ въ имперіи священниковъ, объявляютъ отщепенцами, лишенными вслѣдствіе правъ, что считаютъ пикардями тѣхъ, кто держится конфессіи 1575 года, тяжкими наказаніями грозятъ тому, кто бы не согласовался съ компактами, тогда какъ рѣдкіе обращаютъ вниманіе на послѣдніе, ибо они уничтожены сеймомъ 1567 года. «Рѣдко кого можно было бы найти изъ вышнихъ сословій — говорили рыцари, кто бы не подлежалъ преслѣдованію новаго закона. Максимилианъ на сеймѣ 1575 года освободилъ насъ отъ подчиненія архіепископу и администратору пражскому и оставилъ насъ при поданной тогда конфессіи и при нашихъ свободныхъ наследственныхъ коллатурахъ; а теперь архіепископъ думаетъ вмѣшиваться въ наши свободныя коллатуры». Было рѣшено — вмѣстѣ съ панами подобными обратиться съ просьбой къ королю.

Изъ этихъ нареканій можно было предвидѣть, что предложеніе королевское встрѣтитъ оппозицію въ рыцаряхъ. Дѣйствительно, паны легко согласились на затребованныя правительствомъ новыя подати; но когда земскіе судьи и совѣтники явились изъ панской залы къ рыцарямъ за полученіемъ отвѣта, они отошли къ камину и долго совѣщались. Большинство предлагало отвѣтить въ томъ смыслѣ, что рыцари не прежде согла-

сятся на подати, пока не будетъ разсмотрѣнъ вопросъ религіозный; но выбранный рыцарями въ сеймовые ораторы Вацлавъ Будовець, изъ общины, отказывался говорить въ такомъ смыслѣ на сеймѣ и совѣтовалъ согласиться на подати и тогда уже завести рѣчь о вѣрѣ. Началось новое совѣщаніе, но и оно привело къ прежнему рѣшенію. Будовець снова возражалъ, и только послѣ третьяго совѣщанія рыцари согласились съ мнѣніемъ оратора и поручили ему тотчасъ же коснуться вопроса о вѣрѣ, какъ будетъ выражено ихъ согласіе на подати.

Согласно полученнымъ указаніямъ отъ рыцарей, Будовець держалъ рѣчь къ представителямъ короля на сеймѣ — высшимъ чиновникамъ. «Хотя — началъ ораторъ — рыцари были того мнѣнія, что прежде чѣмъ дать согласіе на новыя подати для войны съ туркомъ, надлежало бы познакомить высшихъ чиновниковъ съ тѣмъ, какія прижимки начинаютъ позволять себѣ католики по отношенію къ нимъ, подобоимъ, и какой гарантіи для своей совѣсти они желали бы получить отъ его величества, — но, желая показать свою подданныческую готовность, они присоединяются къ тому рѣшенію, къ которому пришли паны. Но такъ какъ они готовы не только имуществомъ, но и жизнью служить королю, поэтому именемъ Бога они просятъ дать имъ возможность безпрепятственно исповѣдывать ихъ подобойскую вѣру на ихъ свободныхъ наслѣдственныхъ коллатурахъ, а на тѣхъ изъ католиковъ, которые чинятъ притѣсненіе ихъ совѣсти, представить жалобу королю, прося его, чтобы онъ свою милостивую и охранную руку держалъ и надъ ними, подобоими, и надъ ихъ свободами, сеймовыми рѣшеніями и земскимъ уставомъ, какъ это было доселѣ».

Высшій писарь отъ имени своихъ сотоварищей поблагодарилъ рыцарей за выраженное согласіе на подати, но на жалобу ихъ о притѣсненіяхъ со стороны католиковъ возразилъ, что мандатомъ, изданнымъ въ прошломъ году, король милостиво защищаетъ свободу исповѣданій, какъ католическаго, такъ и подобойскаго. Мы замѣтили выше, что по уничтоженіи компактовъ подъ подобоими разумѣлись братья и конфессіонисты, но католики обыкновенно упорствовали и продолжали понимать

подъ этимъ именемъ все еще старыхъ калишниковъ, которые теперь не существовали.

Въ возраженіи вышаго писаря рыцари увидѣли издѣвку надъ собой: претяжко и горько жаловались они другъ другу, что вотъ должны были выслушать, будто тѣми мандатами они, подобои, защищены. Опять былъ вызванъ Будовець, чтобы отвѣчать вышему писарю, что прошлогоднимъ мандатомъ они не только не защищены, напротивъ, объявлены «за rikarty a za zimatešné». Въ этомъ смыслѣ держалъ отвѣтъ Будовець. Онъ прежде всего выгородилъ лицо короля, говоря, что его величество никогда не посягалъ на совѣсть подобоевъ: всѣ, которые не согласовались съ компактатами и нижней консисторіей, свободно исповѣдовали свою вѣру, и въ прошлогоднемъ мандатѣ не виновенъ король. Затѣмъ ораторъ перешелъ къ указанію тѣхъ мѣстъ мандата, которыя касаются подобоевъ, не признающихъ компактаты, «а подобои, признающіе ихъ — замѣтилъ Будовець. — очень рѣдки, особенно изъ высшихъ сословій», и доказывалъ несостоятельность всякихъ требованій, основанныхъ на компактатахъ, такъ какъ послѣдніе уничтожены сеймомъ 1567 года и потому давно уже не существуютъ, какъ законъ, въ земской конституціи. «Компактаты — говорилъ Будовець — требуютъ, чтобы подобои вѣдались администраторомъ и консисторіей, и это одна изъ главнѣйшихъ статей; но компактаты уничтожены, слѣдов. теряетъ силу и эта статья. Подобои, подавши конфессію на сеймѣ 1575 года, были оставлены Максимилианомъ при ней и при ихъ соглашеніи, и его величество изволилъ сказать тогда «ро dobročesku a пѣшески», что онъ даетъ слово, что не позволитъ дѣлать ни архіепископу, ни консисторіи никакихъ притѣсеній подобоимъ». Приведа на память тѣхъ подобоевъ, которые не признавали компактаты и вѣрно и храбро служили королю въ войнѣ съ турками, Будовець выразилъ отъ имени рыцарей желаніе, чтобы и во время мира всѣ также дружно жили между собой, какъ въ походахъ противъ турокъ, когда одинъ не обвинялъ другаго въ еретичествѣ. Рѣчь свою ораторъ заключилъ просьбой, что такъ какъ рыцари намѣрены представить королю петицію съ правдивымъ изложеніемъ всего

дѣла, то онъ проситъ представителей правительства сообщить объ этомъ панамъ-подобоямъ, чтобы петиція могла быть подана съ общаго согласія.

Послѣ этого рыцари положили изготвить петицію къ понедѣльнику и просили Будовца составить ее; «никто такъ хорошо не напишетъ петиціи — говорили рыцари, какъ тотъ, который сѣумѣлъ высказать всѣ наши желанія».

Въ засѣданіяхъ 13 и 14 января петиція была прочтена панамъ и рыцарямъ, переведена на нѣмецкій языкъ и направлена. Представители городовъ требовали, чтобы петиція была сообщена и имъ, но получили отказъ. Въ среду 15 января была избрана депутація отъ пановъ и рыцарей для передачи ее Рудольфу. Петиція была отъ имени «вѣрныхъ подданныхъ изъ сословія пановъ и рыцарей, принимающихъ подъ обоими видами».

Указывая свою постоянно-вѣрную службу въ войнѣ противъ «главнаго непріятели христіанства — турокъ», подобои именемъ Бога просили Рудольфа не простираť прошлогодняго мандата, вышедшаго противъ пикардовъ и иныхъ, не признающихъ уже давно уничтоженные компактаты, на нихъ, подобоевъ, не согласныхъ съ нынѣшней консисторіей и имѣющихъ свои свободныя коллатуры. «Прежде всего — писали они — компактаты прошли безповоротно (shinouli) на сеймѣ 1575 года, и въ земской конституціи о нихъ нѣтъ и помину. Помимо того, въ бозѣ почившій отецъ вашъ своими высокими императорскими словами оставилъ сословія при ихъ вѣрѣ и при ихъ свободныхъ коллатурахъ (что можно видѣть изъ конфессіи), а когда ваше величество были коронованы и изволили давать сословіямъ обязательство, что вы ихъ оставляете при ихъ свободахъ и земской конституціи, сеймовая статья та объ уничтоженіи компактатовъ составляла уже тогда часть земской конституціи». Къ петиціи прилагался экземпляръ чешской конфессіи 1575 года, въ которой подобои обращали вниманіе Рудольфа на «соглашеніе въ вѣрѣ» ихъ, сословія — подобоевъ, устное утвержденіе конфессіи покойнымъ королемъ и на чѣмецкое извлеченіе изъ земскихъ досокъ объ уничтоженіи компактатовъ. «Въ силу всего этого—

заканчивали чины петицію — мы просимъ ваше величество милостиво оти́ннить тѣ наказанія, которыя положены мандатомъ противъ всѣхъ, не признающихъ компактаты и консисторію, такъ какъ мандатъ обязанъ своимъ выходомъ невѣрнымъ свѣдѣніямъ о компактатахъ, защитить насъ и священниковъ нашихъ на нашихъ коллатурахъ отъ притѣсненія и насилія и такимъ образомъ оставить насъ при нашей евангелической вѣрѣ». Вѣсть съ этимъ, подобои выражали желаніе имѣть «милостивый и скорый отвѣтъ», до распущенія сейма. Подобои желали свою петицію прочесть въ засѣданіи 15 же января высшему канцлеру и другимъ представителямъ власти, но было уже слишкомъ поздно, и канцлеръ объявилъ сословіямъ, что онъ и его товарищи выслушанье петиціи откладываютъ до завтрашняго дня. Въ тотъ же самый день прибыли на сеймъ посланцы отъ братской общины изъ Младоболеславы и желали подать отъ братьевъ особую жалобу «всѣмъ тремъ сословіямъ-подобоямъ»; но когда одинъ изъ членовъ сейма поднялся было и заикнулся объ общинѣ, онъ тотчасъ же былъ остановленъ гофмистромъ Кристофомъ Лобковицемъ: «не перебивайте сеймовыхъ занятій!» По окончаніи засѣданія гофмистръ посоветовалъ ему не вѣшпывать братьевъ, если у него нѣтъ охоты понасть въ далиборку (1).

На слѣдующій день собрались рыцари и послали четырехъ депутатовъ къ панамъ въ залу, чтобы тамъ прочесть петицію; но лишь только замѣтилъ депутатовъ гофмистръ, тотчасъ же оставилъ залу и вѣсть съ другими королевскими чиновниками отправился въ погребъ, гдѣ хранились земскія доски, для внесенія якобы сеймоваго рѣшенія о новыхъ панахъ. Здѣсь они заперлись и пробыли до самыхъ сумерекъ, — депутаты все ждали; когда же при наступленіи вечера рыцари наконецъ вышли изъ залы, явился гофмистръ съ товарищами, поспѣшно прочелъ только что сдѣланную запись и объявилъ сеймъ закрытымъ.

Петиція не могла быть подана королю, а ораторъ рыцарей, Вацлавъ Вудовець, былъ призванъ къ отвѣту въ кан-

---

(1) Тюрьма для политическихъ преступниковъ на Градчаныхъ.

целярїю за свои смѣлыя рѣчи и за изготовленіе петиціи, и онъ вынужденъ былъ дать письменное извиненіе (1).

Такимъ образомъ, вмѣсто «милостиваго отвѣта» сеймъ былъ распущенъ, и правительство дало ясно понять, что оно не обращаетъ вниманія на возбужденіе земли противъ себя и не отступится ни на шагъ отъ своихъ воззрѣній на релігіозный вопросъ. Новыя мѣры противъ подобоевъ сейчасъ же послѣ январскаго сейма показали твердую рѣшимость его идти безповоротно по пути задуманной антиреформаціи въ землѣ.

«Когда — говоритъ Скала — первые папешники въ королевствѣ: Берка, архіепископъ пражскій, Клезль, епископъ вѣнскій, канцлеръ Лобковицъ, Мартиницъ и другіе, вмѣстѣ съ іезуитами, руководителями своими (direktory), не могли ничего сдѣлать по своему желанію высшимъ сословіямъ евангелическимъ ни мандатомъ, ни судомъ земскимъ, тогда обратили злость свою на сословіе третье — на королевскіе города, зная, что высшія сословія по издавней зависти своей не допустили его въ петиціи, и на обывателей-евангеликовъ, находящихся подъ властью духовныхъ и мірянъ папешской вѣры».

Дѣйствительно, прошло немного времени, послѣ того какъ попытки дать силу только что изданному «кровавому» мандату по отношенію къ высшимъ сословіямъ оказались безуспѣшными, католики рѣшили приняться пока за третье сословіе, наиболѣе слабое, и за крестьянъ. Въ концѣ марта іезуитствующій канцлеръ даетъ предписаніе подьоморію королевства, Точнику, въ такомъ смыслѣ: Императоръ замѣчаетъ, что во многихъ городахъ значительно усиливаются братская и кальвинская секты и разныя ины новшества и главнымъ образомъ вслѣдствіе замѣщенія еретиками коншельскихъ и другихъ должностей, послѣ чего эти послѣдніе, полагаясь на свое званіе, позволяютъ себѣ и вмѣшиваться въ дѣла католическаго духовенства, указывая ему, что и какъ дѣлать въ церкви, что говорить, когда праздновать установленные церковью праздники, и назначать по своему усмотрѣнію учителей, ректоровъ, а на фары (приходы) бѣглыхъ и

---

(1) Объ январскомъ сеймѣ 1603 года — Skala. I. 51—68.

не ординарныхъ священниковъ. Все это дѣлается въ противность мандату короля Владислава, земскому уставу, запрещеніямъ прежнихъ королей и только что вышедшему императорскому распоряженію. Не желая, чтобы подобныя заблужденія и секты росли, императоръ милостиво приказываетъ подкоморію смотрѣть со всеѣмъ вниманіемъ, чтобы при обновленіи ратушъ въ городахъ были допускаемы только лица католической или подобойской «стародавней» вѣры, достаточно напомнить жителямъ оставить свои заблужденія и сравняться въ вѣрѣ съ остальными вѣрными христіанами, не дозволять никакихъ сходовъ или покаянныхъ проповѣдей, озаботиться о примѣненіи въ городахъ мандата и помогать подобойскому администратору во всеѣхъ его распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по высочайшему повелѣнію, относительно реформациіи церкви.

Отъ городовъ правительство перешло къ крестьянамъ на земляхъ католиковъ. Аббатъ бенедиктинскаго монастыря и господинъ города Брумова (Brumau), Вольфангъ Селендеръ, воспитанникъ пражскаго іезуитскаго пансіона, приказалъ въ томъ же 1603 году крестьянамъ брумовскаго аббатства явиться на праздникъ пасхи къ исповѣди и причастію въ монастырь или въ иную церковь, съ угрозой, что всякій ослушникъ настоящаго распоряженія отлучается изъ общества вѣрующихъ, смѣщается съ должности, удаляется изъ цеха, подлежитъ клятвѣ и лишается крещенія, брака и христіанскаго погребенія. Въ то же самое время по всеѣмъ церквямъ аббатства съ каеодръ было объявлено народу, что аббатъ получилъ устное и письменное приказаніе отъ его величества уничтожить у себя въ городахъ и селахъ всякія еретичества и особливо вредныя пикардскія сборища, всеѣхъ привести къ истинному богопочитанію — къ католической вѣрѣ, а нарушившаго волю императора представлять въ Прагу, въ придворную канцелярію, для примѣрнаго наказанія. «А такъ какъ — гласило объявленіе — до настоящаго времени никто не являлся къ исповѣди и причастію, напротивъ, многіе смѣялись надъ этимъ, поэтому именемъ короля римскаго, которому подчинены всеѣ имперіи, курфирсты и князья, приказывается всеѣмъ — богатымъ и бѣднымъ, моло-

дымъ и старымъ, немедленно же явиться къ католической исповѣди и причастию».

Въ томъ же направленіи, какъ Селендеръ, дѣйствовали и иные католическіе господа: архіепископъ пражскій, аббаты страховскій, збраславскій и другія духовныя лица, каждый у себя на своихъ земляхъ (1). За ними слѣдовали міряне-католики. Само собой разумѣется, что помощниками и руководителями гонителей братьевъ-поддобоевъ были іезуиты (2).

---

(1) Объ антиреформациі 1603 г.— «Apologie druhá» прилож. № 14. 33 — 37. стр. 97—101. Skala. I. 71—72.

(2) «Apol. dr.» 97. Мы видѣли выше, что право назначать мистровъ въ школы принадлежало ректору университета и что оно всячески оспаривалось іезуитствовавшими католиками, которые по своимъ помѣстьямъ старались опредѣлять отъ себя учителей. Но изъ предписанія канцлера подкоморію королевскихъ городовъ видно, что притязанія католиковъ въ школьномъ вопросѣ шли далѣе: они желали теперь захватить въ свои руки и школы свободныхъ королевскихъ городовъ. Въ этомъ случаѣ они исполняли требованія іезуитовъ. «Было бы не только справедливо, но и очень полезно для удержанія мира — писалъ іезуитъ Лануа (Lanoua) Рудольфу — прежде всего имѣть надзоръ за тѣми, которые несутъ общественныя должности въ городской думѣ или гдѣ-либо индѣ. Поэтому архіепископъ или его комиссаръ долженъ смотрѣть за приходскими священниками и особенно внимательно слѣдить за школьными учителями (školníistry), чему и какъ они въ церкви или въ школахъ учатъ, какія имѣютъ и читаютъ книги — богословскія или свѣтскія; книги нездороваго ученія должны бы быть отняты. Еретики учитель долженъ быть устраненъ, а на его мѣсто посаженъ католикъ; такимъ же образомъ и священники» (Skala. I. 74). Но такъ какъ «крохотное стадо католиковъ» (katolických malické stáde — по выраженію Лануа, «Apol. dr.» № 113. 378. 379) не могло имѣть излишка въ учительскихъ силахъ, поэтому имперскій канцлеръ Клевалъ, епископъ вѣнскій, обвиняя въ свою очередь «мистровъ и лживыхъ проповѣдниковъ» университета въ разнесеніи ереси по городамъ и мѣстечкамъ, рекомендуетъ архіепископу пражскому іезуитовъ. «Весьма было бы пригодно — пишетъ онъ въ наставленіе своему брату, если бы вы благоволили расположить къ себѣ достоуважаемыхъ отцовъ общества Іисусова: подпираешь ихъ здравымъ совѣтомъ, особенной проицательностью (opatřností), удивительнымъ умомъ (rozšafností), что день то новою опытностью (temeř každodenní zkušeností), вы будете воевать общими силами противъ непріятелей имени божьяго и приведете спасительную реформацию къ желанному концу. (Skala. I. 77).

Такимъ образомъ, антиреформація шла, гдѣ только было можно — въ королевскихъ городахъ, на земляхъ духовенства и мирянъ-католиковъ, развивалась свободно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ едва не приготовила Рудольфу почетной ссылки. «Лишь только — говорятъ неизвѣстный современникъ — нѣкоторые фанатическіе совѣтники объявили войну евангеликамъ въ Чехіи и Венгріи въ 1602 году изданіемъ мандата и другихъ распоряженій, при звукахъ трубъ и тимпановъ, и стали ихъ тѣснить, всѣ прежнія побѣды противъ турокъ разомъ исчезли. И самъ Господь Богъ, желая произвести эту перемиѣну, далъ знаменіе: въ 1604 году явилась комета» (1). Неизвѣстному современнику, вѣроятно же всего, изъ братьевъ, склонныхъ вообще къ мистицизму, пораженія имперскихъ войскъ въ Венгріи, дѣйствительно, могли казаться божьимъ возмездіемъ, разразившимся надъ головой Рудольфа за его релігиозную нетерпимость. Трансильванія, сѣверная, еще принадлежавшая имперіи Венгрія были въ рукахъ возставшаго Бочкая; толпы гайдуковъ мадыарскаго магната громили сосѣднюю Моравію, которая съ трудомъ сдерживалась и готова была подняться противъ интриговавшаго правительства Рудольфа. «Неладно у насъ — пишутъ глава моравскихъ братьевъ, Карлъ Жеротинъ, въ маѣ 1605 года своему родственнику, Каспару Жеротину, — ведемъ войну въ землѣ, а съ кѣмъ, и сами не знаемъ»; «Редей Ференсъ, генералъ Бочкай — извѣщаетъ онъ черезъ мѣсяць того-же Каспара — требуетъ у гетмана моравскаго, чтобы тотъ уступилъ ему землю, иначе онъ навѣститъ насъ въ нашихъ замкахъ» (2). Рудольфъ вынужденъ былъ искать мира съ турками и ихъ союзникомъ, Бочкаемъ, и уполномочилъ брата своего, эрцгерцога Матвѣя, заключить мирный договоръ. Весной 1606 года былъ заключенъ вѣнскій миръ.

---

(1) «*Diarium anonimi*» (кажется, Вацл. Будовца) у Добнера въ «*Monumenta historica Bohemiae*». II. 302. 303. Добнеръ именно приписываетъ этотъ дневникъ Будовцу. *ib.* 301.

(2) «*Spisy Karla staršího z Zerotína*». Oddělení druhé. Listove. 2. Vydal V. Brandl. Brno, 1871. письма подъ № 490, 528. О громленіи Моравіи гайдуками Бочкай см. *ib.* № 485, 489, 494, 495, 511, 512, 517, 518, 521, 522, 528, 543, 544, 547, 578, 584, 591, 593, 597, 625, 626, 631, 722, 723, 774.

«Злые совѣтники, которымъ нечего было терять въ этихъ земляхъ (Венгрии и пр.) и которые алкали только войны — говорить анонимный авторъ дневника, чрезмѣрно порицали вѣнскій миръ, утверждая, что онъ заключенъ на великое посрамленіе римской церкви» (1). Дѣйствительно, вѣнскій миръ былъ крайне оскорбителенъ для чести императора: Рудольфъ имъ призналъ Бочкая пожизненнымъ независимымъ княземъ Трансильваніи и сѣверной Венгрии, оставлялъ за турками отнятые ими въ послѣднюю войну нѣкоторые города западной Венгрии и обязывался уплатить контрибуцію въ 200 тысячъ талеровъ. Уже это одно обстоятельство не могло торопить императора съ утверженіемъ мирнаго договора. Но, помимо этого, скорая смерть Бочкая — въ декабрѣ 1606 года, послѣдовавшая затѣмъ путаница въ дѣлахъ Трансильваніи, гдѣ разомъ явились четыре претендента на несуществующій престолъ: старикъ Ракочи, избранный чинами, Гомоннай, получившій княжество въ силу завѣщанія умершаго Бочкая и поддерживаемый турками, братъ покойника, Николай, и наконецъ Гавриилъ Баторій, все это, естественно, заставляло Рудольфа медлить и не утверждать непріятный договоръ, такъ какъ вмѣшательство турокъ въ дѣла Трансильваніи прямо шло противъ договора. Порта напоминала, напоминала неоднократно Матвѣй спѣшить съ подтверженіемъ трактата, указывая, что ни войскъ, ни денегъ нѣтъ, о новой войнѣ съ турками нельзя и помышлять, — но Рудольфъ не убѣждался.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякая новая война имперіи съ Портой была одинаково непріятна въ Венгрии, какъ евангелическимъ, такъ и католическимъ чинамъ: у всѣхъ свѣжи въ памяти были разбои и грабежи гайдуковъ, которые теперь съ трудомъ усмирились. Но это была бы не бѣда, если бы въ становившіяся натянутыми отношенія Рудольфа къ Турціи не вмѣшался Матвѣй, который прямо объявилъ себя противъ всякой новой войны и рѣшился воспользоваться проволочкой императора, чтобы лишить его престола.

Пожилой, но честолюбивый эрцгерцогъ давно уже лелѣялъ

---

(1) Dobneri «Monumenta». II. 303.

мысль объ императорской коронѣ. Рано уже вѣнскіе совѣтники Матвѣя, и во главѣ ихъ Клезль, обсуждали средства, какъ вѣрнѣй доставить своему эрцгерцогу корону: путемъ-ли мирнымъ — при помощи Венгріи и Чехіи, которыя должны потребовать преемника престола, или же войти въ соглашеніе съ остальными эрцгерцогами, папой, испанскимъ королемъ, курфирстами имперіи, искать у нихъ денегъ и войска и тогда дѣйствовать противъ немощнаго Рудольфа. Въ Прагѣ хорошо знали о затѣяхъ въ Вѣнѣ, отношенія между братьями становились хуже и хуже, и наконецъ они привели ихъ послѣ вѣнскаго мира къ открытой враждѣ. Рудольфъ не утверждалъ договора, турки вооружались, и Матвѣй увидѣлъ удобную минуту, чтобы подняться противъ брата.

Весъ 1607 годъ прошелъ въ возстаніи бочкаевскихъ гайдуковъ въ сѣверной Венгріи. Приверженцы императора едва держались противъ этихъ нестройныхъ толпъ, подрывляемыхъ турками и татарами. Подъ предлогомъ усмиренія гайдуковъ Матвѣй самовольно созвалъ въ началѣ января 1608 года съѣздъ чиновъ обѣихъ Австрій, не смотря на запретъ императора. Онъ жаловался чинамъ, что гайдуки желаютъ избрать короля изъ своего народа, а императоръ все помышляетъ о новой войнѣ, для которой нѣтъ никакихъ шансовъ, отсюда опасность прежде всего для ихъ земель, — что-же дѣлать? Чины отвѣчали — пусть самъ эрцгерцогъ займется дѣлами Венгріи и обезпечить, а они готовы на помощь. вмѣстѣ съ тѣмъ Матвѣй просилъ чины выслать депутацію въ Пресбургъ, гдѣ вскорѣ имѣли собраться сословія Венгріи, для обсуждения общаго дѣла. 21 января открылся съѣздъ венгерскій. Матвѣй представилъ ему всю опасность настоящаго положенія дѣлъ, особенно въ виду удачныхъ дѣйствиій гайдуковъ. Чины отвѣчали, что посоветуются съ австрійцами. На вопросъ, предложенный венгерскими чинами австрійской депутаціи — желаютъ ли ихъ сословія стоять за одно съ венгерскими, жить и умереть вмѣстѣ, такъ какъ и они подписались подъ вѣнскимъ договоромъ, послѣдняя отвѣчала болѣе или менѣе утвердительно. Тогда въ особомъ комитетѣ было положено: 1) хранить миръ съ турками, 2) венгры и австрійцы

взаимно обязываются дѣйствовать сообща противъ всякаго ругателя мира; 3) извѣстить пашу будимскаго о сохраненіи мира, а императора о рѣшеніяхъ съѣзда; 4) дать знать чинамъ остальныхъ земель и просить присоединиться къ конфедераціи. Матвѣй сталъ собирать войска. Николай Бочкай, который теперь овладѣлъ Трансильваніей при помощи гайдуковъ, вступилъ въ союзъ. Рудольфъ потребовалъ у австрійцевъ отреченія отъ конфедераціи, но тѣ не послушались. Моравія, руководимая Жеротиномъ, легко пристала къ конфедераціи. Старые пріятели Жеротина, Розенбергъ и Будовець, изъ общины, звали теперь Матвѣя въ Прагу. Когда Рудольфъ приказалъ моравскимъ чинамъ явиться на сеймъ въ Прагу, они отказались и, съѣхавшись въ Славковѣ, около Берна, стали собирать войска. Въ виду этого обстоятельства Матвѣй назначилъ моравскій сеймъ на 13 апрѣля въ Еванчицы. 19 апрѣля самъ Матвѣй былъ уже въ Еванчицахъ, гдѣ собрались чины Моравіи, Венгріи и Австріи. По предложенію эрцгерцога моравскіе чины подписали пресбургскую конфедерацію и дозволили свободный проходъ войскамъ союза чрезъ свою землю до границы чешской⁽¹⁾.

Готовился и Рудольфъ. 10 марта онъ созвалъ сеймъ чинновъ королевства чешскаго и объявилъ имъ, что, не сомнѣваясь въ ихъ вѣрности, онъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы отвратить опасность отъ земли, что, сверхъ своего ожиданія, онъ принужденъ будетъ собирать сеймы чаще, чѣмъ это было доселѣ, и такъ какъ опасность грозитъ всѣмъ землямъ короны, то онъ назначаетъ общій, или генеральный, сеймъ на 10 апрѣля: «на этомъ сеймѣ — говорилъ Рудольфъ — я предложу королевству и землямъ всѣ важнѣйшіе вопросы, обсудимъ вмѣстѣ и съ божьею помощію положимъ то, что могло бы быть полезно всѣмъ намъ».

Чины поблагодарили короля за его отцовское попеченіе о землѣ, а для отвращенія опасности указали на земскую кон-

---

⁽¹⁾ О вѣнскомъ мирѣ и конфедераціи 1608 года см. ст. Томка «О перокопѣхъ ставовскých. Rozepře mezi Rudolfem a Matějem». III. «Časopis». 1856. II. 94—100. III. 18—57. IV. 122.

ституцію, требующую въ такомъ случаѣ всеобщаго вооруженія—рушенія земли, заботы о которомъ имѣютъ взять на себя высшіе королевскіе чиновники и земскіе судьи. Затѣмъ чины развѣхались.

Но Рудольфъ еще не терялъ надежды на мирный исходъ дѣла. 1-го апрѣля пріѣхалъ въ Вѣну кардиналъ Дитрихштейнъ съ подписаннымъ вѣнскимъ договоромъ. Матвѣй встрѣтилъ посла ласково, но его мирныя предложенія не принялъ. Черезъ нѣсколько дней императоръ вторично отправилъ кардинала къ брату, но и на этотъ разъ эрцгерцогъ отвѣчалъ отказомъ. Между тѣмъ наступилъ срокъ сейма. Чины королевства, согласно объявленію, собрались къ 10 апрѣля въ Прагу. Раннимъ утромъ они сошлись въ судейской залѣ сейма и ждали Рудольфа. Ждали они день — до вечера, но никто къ нимъ не являлся. Только на другой день былъ присланъ къ нимъ канцлеръ Лобковицъ и, поблагодаривъ чины отъ имени короля, объявилъ, что сеймъ откладывается и король проситъ возвратиться домой и быть готову къ защитѣ земли.

Мы видѣли, что 19 апрѣля Матвѣй былъ въ Еванчицахъ. Моравія дала пропускъ войскамъ, и 4 мая эрцгерцогъ былъ уже въ Нѣмецкомъ Бродѣ, въ Чехіи. Новыя попытки Дитрихштейна, пословъ испанскаго и папскаго, посредниковъ саксонскаго и бранденбургскаго отклонить Матвѣя отъ войны съ императоромъ, были безуспѣшны. Рудольфъ сталъ готовиться къ оборонѣ Праги. Войска его, подъ начальствомъ Тили, расположились у Звѣзды, на Бѣлой горѣ. Чтобы задобрить пражанъ, императоръ сталъ любезничать съ ними. Онъ пригласилъ къ себѣ жителей всѣхъ трехъ частей столицы, благодарилъ ихъ за вѣрность, допустилъ ихъ къ ружью и общалъ возвратитъ ворота, которые были отняты Фердинандомъ. Не менѣе искалъ онъ теперь расположенія подобоевъ. Двое изъ подобоевъ: Смирлицей и Трчка, были пожалованы званіемъ императорскихъ коморниковъ, «чего прежде никогда не бывало» — замѣчаетъ Скала, а Владиславъ Лобковицъ, содержавшійся около пятнадцати лѣтъ въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ на свободу.

На 19 мая былъ наконецъ объявленъ общій, или генераль-

ний, сеймъ. Рудольфъ опасался земли, и потому было приказано чинамъ являться въ Прагу безъ людей, но затѣмъ это приказаніе было отиѣнено, когда непріятель показался уже у Чешскаго Брода, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы. 23 мая сеймъ былъ открытъ самимъ королемъ. Теперь-то паны рѣшились отблагодарить Рудольфа за его отцовское попеченіе о землѣ. Король предложилъ сейму избрать Матвѣя въ преемники-короли на случай, если бы онъ умеръ безъ наслѣдника. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, не видѣвъ много лѣтъ короля, плакали, но это было минутное увлеченіе: когда черезъ день подобои сошлись въ зеленой залѣ, они рѣшили не приступать ни къ чему, прежде чѣмъ не будутъ удовлетворены ихъ религіозныя требованія. Во главѣ оппозиціи правительству стали тѣ, «которые были изъ общины братской» (1) и впереди ихъ знакомый намъ Вацлавъ Будовець. Одинъ изъ подобоевъ, Стефанъ Штернберкъ, предложилъ чинамъ просить маестата, даннаго королемъ Владиславомъ на свободу исповѣданія, — чины сейчасъ же обратились за мнѣніемъ къ Будовцу. Тотъ отвѣчалъ — пусть Штернберкъ покажетъ выписъ маестата. Штернберкъ обѣщалъ, но когда на слѣдующій день, 23 мая, чины собрались въ зеленой залѣ и выписъ не была представлена, Будовець держалъ рѣчь прямо противъ предложенія Штернберка. «Я не понимаю, чтобы маестать Владислава могъ бы послужить на пользу подобоимъ: Владиславъ велъ дѣло къ тому, чтобы подобоевъ подчинить компататамъ и консисторіи, которая состоитъ въ вѣдѣніи архіепископа; отъ такой гарантіи избави насъ Богъ. Сословія имѣютъ лучшую гарантію отъ Максимилиана на двухъ сеймахъ: въ 1567 году, когда уничтожены были компататы, и въ 1575, когда подобои въ присутствіи нынѣшняго короля были оставлены Максимилианомъ при написанной тогда конфессіи и соглашеніи, — поэтому сословія въ дѣлѣ вѣры желаютъ гарантіи не Владислава, а Максимилиана. Мадьяры получили свободу исповѣданія въ вѣнскомъ мирѣ, — чехи не менѣе мадьяръ заслужили ее».

Присутствующіе одобрили рѣчь Будовца и просили его

---

(1) Slavata. I. 153.

письменно изложить желанія подобоевъ. На слѣдующій день петиція была готова, и подъ ней подписались 200 пановъ, 300 рыцарей и посланники отъ всѣхъ королевскихъ городовъ, кромѣ Пильзны, Будеевиць и Кадана. Въ то же самое время чины положили между собой, что если бы кто вздумалъ отступить отъ настоящаго общаго соглашенія или его нарушить, тотъ будетъ выброшенъ за окно. Частный уговоръ этотъ былъ подписанъ всѣми присутствующими и врученъ на храненіе Будовцу. Важнѣйшіе пункты петиціи были слѣдующіе: 1) утвержденіе чешской конфессіи 1575 года во всѣхъ ея частяхъ — т. е. предисловія, исповѣданія и устава консисторіи, и внесеніе ея въ земскія доски; 2) свободное отправленіе богослуженія, постройка церквей, кладбищъ и т. д.; 3) равноправность католиковъ и подобоевъ при назначеніи на должности; 4) воспрещеніе іезуитамъ покупать или владѣть земскими имѣніями безъ разрѣшенія короля; общаго сейма и соизволенія всѣхъ трехъ сословій королевства; сверхъ того въ дѣлахъ мірскихъ іезуиты имѣютъ быть отвѣтственны предъ общимъ правомъ королевства. Всѣхъ пунктовъ было 25⁽¹⁾.

Петиція была вручена королю въ особой аудіенціи. Онъ отвѣчалъ, что дастъ свое заключеніе на будущемъ сеймѣ, такъ какъ время теперь для отвѣта неудобное. Понятно, подобный отвѣтъ былъ крайне непріятенъ, и депутаты сейма попросили короля не откладывать дѣла. Король обѣщалъ посоветоваться съ высшими чиновниками и на-завтра дать отвѣтъ, не смотря на настоятельныя требованія подобоевъ отвѣтить сейчасъ же. Дѣйствительно, отвѣтъ былъ данъ на слѣдующій день, 29 мая, но на имя чиновъ-подобоевъ, хотя просьба была отъ всѣхъ трехъ сословій, безъ различія вѣры. Противъ каждаго пункта петиціи король отвѣчалъ въ отдѣльности. Относительно первыхъ двухъ пунктовъ, главнѣйшихъ, Рудольфъ замѣтилъ, что теперь нѣтъ времени для зрѣлаго ихъ обсужденія, такъ какъ «солдаты-чужеземцы вторглись въ королевство, въ полуторѣ милѣ

(¹) «Apologie druhá». № 14. 89 — 101. Slavata. I. 156 — 159. Skala. I. 92—97.

отъ Праги», и потому просилъ чины рассмотреть статьи о вѣрѣ отложить до болѣе свободнаго времени, т. е. до будущаго сейма, при чемъ обѣщаль, что религіозный вопросъ на этомъ сеймѣ пойдетъ прежде другихъ. На другіе пункты соглашался, но объ іезуитахъ прибавилъ, что и иные должны отвѣчать предъ тѣмъ же правомъ въ вопросахъ, касающихся ихъ, іезуитовъ (1).

Изъ отвѣта можно было видѣть, что Рудольфъ желалъ только выиграть время, отложить рѣшеніе, а тамъ опять запѣть старую пѣсню — не согласенъ. Но чины поблагодарили и за этотъ отвѣтъ. Въ засѣданіи сейма, гдѣ слушался королевскій отвѣтъ, чины постановили точнѣе опредѣлить свои религіозныя требованія и выработали слѣдующую ихъ формуловку: подобныя сословія избираютъ изъ среды своей дефенсоровъ; университетъ пражскій переходитъ въ вѣдѣніе ихъ, сословія; даруется свобода совѣсти не только высшимъ сословіямъ и городамъ, но и обывателямъ сельскимъ, чтобы всѣ, которые крещены во имя святой Троицы, какъ католики, такъ и подобныя, пользовались одинаковыми свободами для взаимной любви и согласія (2). Этотъ концентъ будущаго маестата былъ записанъ въ книгу сейма, какъ сеймовое рѣшеніе.

Между тѣмъ какъ шли эти переговоры у сейма съ Рудольфомъ, Матвѣй, стоявшій лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Праги, завелъ сношенія съ чинами о низложеніи брата. Еще до представленія петиціи Рудольфу посланникъ Матвѣя, Карлъ Жеротинъ, убѣждалъ сеймъ отложиться отъ Рудольфа и избрать королемъ эрцгерцога, но сеймъ не отвѣчалъ. Съ наибольшимъ черезъ недѣлю, въ началѣ іюня, прибыло второе посольство отъ эрцгерцога, — но вскорѣ открылись мирныя переговоры между Рудольфомъ и Матвѣемъ, а къ концу іюня былъ заключенъ миръ. По договору Рудольфъ уступалъ брату австрійскія герцогства, Венгрію и кромѣ того передавалъ въ управленіе Моравію; уступить послѣднюю не могъ, такъ какъ она нераз-

(1) Отвѣтъ этотъ у Славаты. I. 162—166, у Скалы. I. 100 — 104.

(2) Slavata. I. 169 — 170.

дѣльно принадлежала коронѣ св. Вячеслава (1). Матвѣй былъ объявленъ преемникомъ Рудольфа. Между уполномоченными Рудольфа при трактаціи мирнаго договора былъ и Будовець.

Опасность миновала, миръ былъ заключенъ, сеймъ распущенъ. По добровольному соглашенію короля и чиновъ-подобоевъ вопросъ о религіозной реформѣ былъ отложенъ до ближайшаго сейма. Не долго пришлось ждать этого ближайшаго сейма: уже въ январѣ 1609 года мы видимъ чины снова въ столицѣ, на сеймѣ. Но инымъ языкомъ заговорило правительство въ 1609 году.

Съѣздъ чиновъ на январскій сеймъ былъ многочислененъ: такого люда, по словамъ Славаты, еще не видывали (2). Это и понятно, такъ какъ земля ждала отъ этого сейма разрѣшенія религіознаго вопроса.

Въ среду, 28 января, чины собрались въ судейской залѣ и ждали королевскихъ предложеній, но вмѣсто предложеній они получили отъ короля приказаніе уничтожить заключенный на сеймѣ прошлаго года уговоръ — стоять другъ за друга: «если бы чины упорствовали въ своемъ незаконномъ нахѣреніи и не пожелали немедленно отказаться отъ того документа, подписей и обязательствъ, то это могло бы помѣшать приступить къ обсужденію статьи о вѣрѣ на настоящемъ сеймѣ, и король былъ бы вынужденъ подумать о средствахъ для защиты своей власти.» Угроза распущенія сейма до такой степени подѣйствовала на присутствующихъ, что они не долго стояли за прошлогодній уговоръ, и многіе изъ пановъ увѣряли, что въ этомъ уговорѣ ничего не было противъ короля: каждый подписалъ свое имя на бумагѣ, для памяти, чтобы знать, кто стоялъ за конфессію. Когда канцлеръ и земскій писарь Клевовый собирались оставить залу, чтобы сообщить королю о рѣшеніи сейма, Будовець подошелъ къ бургтрау Штериберку, сеймовому предсѣдателю отъ правительства, и объявилъ ему, что онъ не только подписался, но и самый документъ хранится

(1) Текстъ договора у Славаты. I. 170 — 177.

(2) ib. I. 183.

у него, что это не обязательство, а простое обозначеніе именъ, онъ готовъ выдать документъ и надѣется, что это обстоятельство не послужитъ поводомъ къ отложенію разсмотрѣнія статьи о вѣрѣ.

На другой день, 29 января, явились на сеймъ канцлеръ и земскій писарь и выразили удовольствіе короля по поводу вчерашняго рѣшенія, съ просьбой — вручить уговоръ бургграфу для уничтоженія, какъ это было обѣщано вчера. Чины переговорили между собой, и Стефанъ Штернберкъ отвѣчалъ бургграфу, что документа выдать они не могутъ, такъ какъ онъ подписанъ для того, чтобы можно было бы указать его величеству, что не одно или два лица представили на прошлогоднемъ сеймѣ требованіе о свободѣ религіи, какъ это говорятъ злые люди, да и вчера очень немногіе были въ засѣданіи. Бургграфъ возражалъ, что дѣла такъ не дѣлаются, не уничтожается завтра то, что рѣшено сегодня. Теперь сталъ говорить Будовець: когда король былъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ, чины были вѣрны ему; они публично объявили, что готовы жертвовать за него всѣмъ — и жизнью, и имуществомъ; если договоръ и былъ написанъ ими, то именно съ цѣлью показать вѣрноподданинческія чувства; выдать документъ для уничтоженія — значило бы зло посмѣяться надъ чешскимъ народомъ, вѣрность котораго извѣстна повсюду — поля венгерскія орошены его кровью; если бы было на то согласіе сословій, документъ могъ бы быть врученъ лично королю.

Мысль Будовца была принята, и чины просили бургграфа выхлопотать имъ аудіенцію для врученія королю документа, который его величество имѣлъ бы хранить, какъ драгоценность, вида изъ него, что не мало вѣрноподданныхъ стояло у его трона въ минуту опасности.

Въ пятницу, 30 января, раннимъ утромъ собрались чины въ зеленой залѣ. Было предложено, чтобы тѣ, которые желаютъ стоять заодно съ подобоими, снова объявили себя за петицію, поданную его величеству на прошлomorphicъ сеймѣ; предложеніе было принято, при чемъ явились новыя лица, пожелавшія подписаться подъ просьбой. Теперь чины получили разрѣшеніе отъ короля — быть у него на аудіенціи, послѣ чего сеймъ избралъ 12 чело-

вѣкъ. Депутація вручила Рудольфу подписи, просила ихъ не уничтожать, но хранить, какъ память о вѣрности подданныхъ, и получила въ отвѣтъ, что онъ исполнитъ ея желаніе.

На слѣдующій день, 31 января, были заслушаны наконецъ сеймомъ давножеланныя королевскія предложенія. Разрѣшая сейму заняться вопросомъ о религіи прежде всего, король объявлялъ, что на чемъ всѣ три сословія согласно порѣшать, все это онъ приметъ во вниманіе и дастъ свой отвѣтъ. Затѣмъ засѣданіе сейма было отложено на вторникъ, 3-го февраля.

Засѣданіе 3-го февраля еще не начиналось, когда высшіе чиновники изъ католиковъ, собравшись въ домѣ бургграфа Штернберка, потребовали къ себѣ пражанъ и представителей городовъ на сеймъ и именемъ короля приказали имъ, чтобы они, какъ представители королевской коморы, при обсужденіи статьи о религіи повоздержались отъ всего такого, что могло бы оскорбить его величество, если они желаютъ остаться при прежней королевской защитѣ. Примасы Стараго и Новаго Мѣста отвѣчали, что города въ вопросѣ о вѣрѣ ничего новаго не будутъ искать. Когда городскіе депутаты пришли на сеймъ, тамъ были въ сборѣ чины-подобой; они не замедлили сообщить послѣднимъ о разговорѣ у бургграфа и просили ихъ держать надъ ними свою охранную руку.

Послѣ этого католики и подобой собрались въ судейской залѣ, и Стефанъ Штернберкъ объявилъ бургграфу, что такъ какъ вопросъ о религіи не могъ быть порѣшенъ на минувшемъ сеймѣ за неимѣніемъ времени, то сословія желаютъ возобновить свою петицію и избрать для того 24 человѣка къ аудіенціи. Бургграфъ отвѣтилъ, что онъ доложитъ королю, но просилъ сообщить ему, чего сословія будутъ искать. «Ничего новаго — отвѣчалъ Штернберкъ; сословія будутъ искать только того, что имъ обѣщано было еще Максимилианомъ».

Аудіенція была разрѣшена; сеймъ избралъ 24 депутата, и Стефанъ Штернберкъ держалъ рѣчь къ Рудольфу. Въ ней онъ напомнилъ королю, что еще на минувшемъ сеймѣ желанія сословій выражены въ обширной запискѣ объ «утвержденіи чешской кон-

фессіи, которую нѣкоторые называютъ аугсбургскою», но король тогда не отвѣчалъ и съ обоюднаго согласія отложилъ отвѣтъ до будущаго сейма, предоставивъ сословіямъ право—до окончательнаго рѣшенія вопроса о вѣрѣ не входить въ разсмотрѣніе никакихъ иныхъ вопросовъ; поэтому чины просятъ дать «милостивый, христіанскій и отцовскій» отвѣтъ на предложенную въ то обширномъ прошеніи статью о религіи, милостиво утвердить конфессію.

Рудольфъ обѣщалъ принять во вниманіе просьбу подобную, когда депутаты выходили, потребовалъ у нихъ чрезъ булграфа копію прошлагодняго прошенія, такъ какъ онъ его куда-зачелъ. На слѣдующій день онъ потребовалъ у сейма экземпляръ чешской конфессіи, которая и была ему представлена съ нѣмкимъ переводомъ.

Мы видѣли, что уже при самомъ началѣ сейма правительство пригрозило городамъ, сословію наиболѣе слабо. Депутаты жалуются высшимъ сословіямъ, что стѣняется свобода сейма, просятъ ихъ не оставлять, но правительство продолжаетъ страдать, надѣясь оторвать третье сословіе отъ союза съ панами и рыцарями и такимъ путемъ ослабить оппозицію.

7-го февраля, по требованію короля, представители городовъ собрались въ старомѣстской ратушѣ, и примасъ ратуши, Юлиусъ Гейделіусъ, креатура католиковъ, объявилъ имъ, что на высшіе земскіе чиновники пришли къ доброй мысли: ученые юноши и мужи посвящаются въ священники при верховной консисторіи, т. е. отъ архіепископа, чтобы такимъ образомъ всѣ согласовались съ стародавней чешской вѣрой на основаніи компактатовъ, а не съ какою-то конфессіей. Тогда всталъ бухгалтеръ Криштофъ Коберъ, изъ общины, еще наканунѣ спрашивавшій совѣта у высшихъ сословій — итти ли имъ, депутатамъ городовъ, въ ратушу, и отвѣчалъ примасу, что пражанскіе посланники отъ королевскихъ городовъ — всѣ объявляютъ себя за чешскую конфессію и купно съ высшими сословіями просятъ и теперь просятъ короля объ оставленіи ихъ при ней, и что одному третьему сословію не гоже вступать въ какія то обязательства статьи о вѣрѣ. Примасъ потребовалъ подписи отъ тѣхъ

что были согласны съ Кобромъ, и, когда увидѣлъ, что подписались все, онъ только замѣтилъ: «время укажетъ, что вамъ принесетъ въ будущемъ ваше упорство» (1).

Прошло болѣе недѣли послѣ подачи петиціи о вѣрѣ, отвѣта не было. Терпѣніе стало оставлять сеймъ: чины жаловались бургграфу, что крайне израсходовались и уѣдутъ изъ столицы. Штернберкъ утѣшалъ, что статья о вѣрѣ очень важная и требуетъ не малаго обсуждения.

Дѣйствительно, сознавая всю серьезность отвѣта на представленную просьбу о вѣрѣ Рудольфъ обсуждалъ его долго, много совѣщался и съ духовными, и съ свѣтскими лицами. Рудольфъ обратился за мнѣніемъ къ нижней консисторіи: понятно, та взялась на конфессію. «Конфессія исключительно основывается на аусбургскомъ исповѣданіи, а послѣднее, какъ противное болѣею частью католической вѣрѣ и ученію нашей стороны, подобоувъ, стародавнему и истинному, давно уже признано еретическимъ. Кромѣ того, конфессія одобряетъ исповѣданіе и вѣру братьевъ, пикардской секты: они объявляются въ ней добрыми пріятелями и истинными христіанами, а потому нижеподписавшіеся сословія не думаютъ тѣснить ихъ; но всемъ извѣстно, что секта эта не разъ уже осуждена и воспрещена подѣ страхомъ смертной казни». Нѣтъ сомнѣнія, что и архіепископъ пражской Ламбергъ высказался противъ признанія требованій сейма. Что же касается до свѣтскихъ совѣтниковъ короля, то мнѣнія ихъ двойлись. Умѣренные католики предлагали уступить подобойскимъ чинамъ въ нѣкоторыхъ ихъ требованіяхъ: въ поставленіи священниковъ помимо архіепископа, въ безпрепятственности погребенія, церковнаго звона, въ дарованіи свободы совѣсти и крестьянамъ. «Но нѣкоторые паны католическіе — говоритъ Славата, особенно же Лобковицъ, Мартиницъ и я, возражали, что если его величество согласится съ умѣренными, то это будетъ въ ущербъ святой католической церкви. Къ тому же они не полагаютъ, чтобы сторона подобойская пожелала удо-

---

(1) Коберъ былъ казненъ послѣ бѣлогорской битвы.

вольствоваться этимъ немногимъ: напротивъ, такъ какъ она приняла въ среду свою послѣдователей братской общины, то будетъ стремиться добыть иныхъ уступокъ, еще болѣе вредныхъ для католической церкви, чтобы тѣмъ свободнѣе исповѣдывать свою истинную религію. Вѣдь очень хорошо извѣстно о братьяхъ, что у нихъ нѣтъ посвященныхъ пастырей, а сами приказываютъ своимъ старѣйшимъ посвящать дьяконовъ и священниковъ. Если такимъ образомъ страна подобойская замѣтитъ, что его величество склоненъ въ уступкамъ, она будетъ домогаться далѣе и далѣе».

Изъ этого любопытнаго свидѣтельства врага общины и дѣятельнаго участника въ разсматриваемыхъ событіяхъ ясно, насколько цѣнилась сила братьевъ въ королевскомъ совѣтѣ. Въ виду вышеизложенныхъ соображеній эти три «орудія іезуитскія», въ противность большинству совѣта, предлагали немедленно же отказать «неприличнымъ» желаніямъ чиновъ, а между тѣмъ снестись съ папой. Мнѣніе ихъ подкрѣпилъ архіепископъ, лично оскорбленный подобоими, требовавшими въ поданной петиціи не назначать впредь иностранца на пражскую кафедру. Согласно съ представленіями меньшинства былъ изготовленъ отвѣтъ.

Въ особой аудіенціи былъ врученъ отвѣтъ Рудольфомъ депутатамъ сейма, при чемъ король замѣтилъ, что онъ надѣется, что религіозныя требованія подобоевъ не простираются на пикардовъ, т. е. болеславскихъ братьевъ, какъ пояснилъ канцлеръ, присутствовавшій при этомъ.

«До сихъ поръ — говорилъ Рудольфъ въ своемъ отвѣтѣ — не было ни малѣйшаго притѣсненія свободѣ совѣсти; но такъ какъ земская конституція признаетъ только два вѣроученія — католическое и подобойское, и никакого новаго не допускаетъ, поэтому и король, какъ присягавшій надъ неприкосновенностью всѣхъ старыхъ привилегій, ничего новаго допустить не можетъ. Относительно церковнаго звона, погребенія въ церквяхъ и особенно тамъ, гдѣ имѣются церковныя вклады, чинамъ дается полная свобода, но священники должны быть непременно посвящаемы архіепископомъ пражскимъ. Что же касается тѣхъ, которые именуются членами братской общины, то, такъ какъ

ученіе ихъ послѣ многосторонняго разсмотрѣнія многими манда-
тами, королевскими рѣшеніями и сеймовыми заключеніями всѣхъ
трехъ сословіи съиздавна строго воспрещено, — его величество
остается при предыдущихъ резолюціяхъ римскихъ цесарей и
королей чешскихъ, съ тѣмъ однако присовокупленіемъ, что если
бы который изъ нихъ пожелалъ отступить отъ своей никогда
въ этомъ королевствѣ не признаваемой вѣры и присоединиться
къ католической либо утравкистской церкви, то это онъ мо-
жетъ учинить свободно, при чемъ обязанъ впредь не посѣ-
щать тѣхъ обширныхъ помѣщеній, которыя братья называютъ
собраніями (zborove).

Чины опредѣлили отвѣчать королю, для чего былъ избранъ
комитетъ изъ 91 лица; но резолюція короля, безусловно осуж-
давшая общину, произвела на время разрывъ въ средѣ подо-
боевъ. Члены общины всегда отдѣляли себя отъ конфессіонистовъ,
и потому въ виду королевской резолюціи послѣдніе предложили
братьямъ вопросъ: желаютъ они присоединиться къ конфессіи
1575 года или нѣтъ? Будовець, отъ имени общины, отвѣ-
чалъ, что король говоритъ о такихъ подобояхъ, которые при-
знаютъ пражскаго архіепископа, что врядъ ли онъ дозволитъ
аугсбургское исповѣданіе, но что они, братья, просятъ чины
считать ихъ своими, такъ какъ они всѣ соединились въ кон-
фессіи 1575 г. Другой братъ замѣтилъ, что не удобно требовать
теперь уже отъ общины подчиненія ея священниковъ еще не
существующей подобойской консисторіи, такъ какъ подобой
и сами навѣрно не знаютъ, насколько будутъ исполнены ихъ
желанія, и будетъ ли священство ихъ организовано согласно
конфессіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ завѣрялъ, что коль скоро подобой
получатъ свою консисторію и священство свое устроятъ на осно-
ваніи конфессіи, тогда и братья пожелаютъ съ своимъ священ-
ствомъ поступить подъ управленіе ихъ консисторіи. Но не
смотря на этотъ умный отвѣтъ общины, конфессіонисты, подо-
зрѣвая, что братья желаютъ только «укрыться подъ тѣнью
ихъ», а потомъ опять потянуть врозь, потребовали безусловнаго
соединенія съ ними, «beze všech vuminek»; ежели не хотятъ,
то они, конфессіонисты, будутъ хлопотать о себѣ отдѣльно.

Въ виду такого неожиданнаго заявленія Будовець отвѣчалъ имъ, что если бы иначе быть не могло, и они отдѣлили бы себя отъ братьевъ, примѣняя къ нимъ извѣстные мандаты, то братья охотнѣе положить головы свои и снесутъ всякія преслѣдованія, чѣмъ отступятся отъ своихъ священниковъ и своей вѣры (1).

Такимъ образомъ, въ лагерѣ оппозиціи готовился полный разрывъ; вѣроятно, и отвѣтъ королевскій, употребляя намѣренно двусмысленное выраженіе «подобои», которое имѣло два значенія — у католиковъ оно обозначало старыхъ гуситовъ, у ихъ противниковъ — послѣдователей конфессіи 1575 года, и рѣзко отличая подобоевъ отъ братьевъ, рассчитывалъ на возможное раздвоеніе въ средѣ некатолическихъ чиновъ. Но, къ счастью, менѣе увлекавшіеся отвѣтомъ конфессіонисты, чѣмъ напр. доврчивый панъ Штернберекъ, коноводъ всѣхъ этихъ препирательствъ, и во главѣ ихъ Турниъ, замѣтили, что и они, признающіе чешскую конфессію, не считаются королемъ настоящими подобоями, (za pravé podobojí), на которыхъ простирались бы права и конституція земская: отвѣтъ говоритъ только о тѣхъ, что согласны съ компактатами и нижней консисторіей архіепископа пражскаго, — и потому крайне необходимо имъ всѣмъ держаться вмѣстѣ въ дѣлѣ вѣры, а не разъединяться. Рѣчь Турна просвѣтила умы его сотоварищей; они перестали говорить о сепаратизмѣ братьевъ въ вопросѣ о священствѣ и объявили, что они никогда не были намѣрены отдѣлять отъ себя братьевъ или дѣлать имъ какую нибудь неприятность въ вѣрѣ и весьма радуются, что и они признаютъ конфессію 1575 года; что же касается до устройства духовенства, то они потомъ сообща, пріятельски условятся.

Въ комитетъ, гдѣ имѣлъ быть изготовленъ отвѣтъ вошло равное число братьевъ и конфессіонистовъ. 14 февраля онъ былъ

---

(1) «Kdyby pak jináče býti mohlo, a Jich Milosti je od sebe odlučovali, aneb na ně ty mandáty potahovali, že chtějí raději svá hrdla vynaložiti a všeliká protivensví snášeti, nežli od svých kněží a naboženství svého upustiti». Slavata. I. 207.

готовъ, а 18 врученъ королю. Выразивши свое крайнее недоумѣніе по поводу послѣдней королевской резолюціи, чины просили «вольнаго и свободнаго служенія Господу Богу на основаніи чешской конфессіи», указывали, что не смотря на то, что только внезапная смерть воспрепятствовала Максимилиану внести конфессію въ земскія доски, имъ постоянно чинились преслѣдованія въ дѣлѣ религіи: «палками, тюрьмой, растягиваніемъ ртовъ» нудили ихъ къ католичеству, тогда какъ компактаты давно уже уничтожены изъ земской конституціи.» Что же касается уноинанья о братьяхъ, то предѣи ихъ съ нашими были въ согласіи и конфессію признавали и признаютъ; поэтому мандаты, вышедшіе въ силу компактатовъ и простирающіеся на ученія еретическія, не относятся къ намъ. Когда его величество исполнитъ нашу просьбу, тогда все мы замѣстимъ консисторію ординованными священниками, выберемъ дефензоровъ и все вмѣстѣ будемъ управляться ими». Для большей убѣдительности была приложена къ отвѣту выпись изъ досокъ земскихъ объ уничтоженіи компактатовъ.

Такимъ образомъ, началась бумажная война между сеймомъ и королемъ: четыре раза отвѣчалъ король чинамъ, и три раза чины возражаютъ королю.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія у архіепископа былъ изготовленъ второй королевскій отвѣтъ, отъ 21 февраля. Въ немъ король возражалъ, будто бы Максимилианъ согласенъ былъ внести конфессію въ земскія доски, что онъ собственной своей особой присутствовалъ при тогдашнихъ переговорахъ и помнить все хорошо. Правда, компактаты уничтожены, но отъ этого не потеряли значенія остальные законы конституціи земской, въ силу которыхъ, кромѣ святой вѣры христіанской подъ однимъ и двумя способами, не допускаются никакія иныя еретическія секты въ королевствѣ. Что касается жалобъ на притѣсненія, то земскій уставъ дозволяетъ каждому искать удовлетворенія. Община же братьевъ должна принять католическое или подобойское (старыхъ калишниковъ) ученіе, а до тѣхъ поръ король остается при прежней своей резолюціи, такъ какъ братское ученіе всегда

признавалось еретическимъ и въ мандатахъ, и въ сеймовныхъ постановленіяхъ.

Чины были крайне опечалены такимъ отвѣтомъ и жаловались, что король слушаетъ наговоры ихъ противниковъ и даже желаетъ отнять у нихъ то, что они имѣли. Положили снова отвѣчать и цѣлую недѣлю писали возраженіе. Новая депутация вручила королю этотъ новый отвѣтъ, отъ 26 февраля, съ просьбой — прочесть лично хотя нѣмецкое извлеченіе изъ него, потому что они, чины, полагаютъ, что лица, которымъ король поручалъ дѣлать извлеченія изъ ихъ петицій, невѣрно передаютъ содержаніе ихъ просьбъ. Въ послѣднихъ словахъ былъ ясный намекъ на Лобковица, какъ канцлера королевства. Второй отвѣтъ сейма отличался документальнымъ изложеніемъ; къ нему въ видѣ поясненій текста шелъ рядъ приложений, болѣе или менѣе обширныхъ.

Понимая хорошо, что королемъ орудуютъ враги реформы — католическіе высшіе чиновники съ своими «директорами», чины прежде всего стараются убѣдить Рудольфа въ несправедливости поклена на нихъ, будто они еретики и состоятъ внѣ закона. «Изъ двухъ отвѣтовъ -- писали чины — мы ясно видимъ, что отъ кого-то мы обнесены невинно предъ вашимъ величествомъ, яко бы мы были не той подобойской вѣры, на которую простирается земская конституція; въ дѣйствительности же это иначе, и для того чтобы ваше величество изволили милостиво это узнать, мы принуждены для доказательства нашей невинности представить дальнѣйшее объ этомъ разсмотрѣніе».

Именемъ Бога чины удостовѣрили короля, что ихъ конфессія отъ перваго до послѣдняго параграфа заключаетъ въ себѣ только христіанское ученіе, что они исповѣдуютъ настоящую подобойскую вѣру, а земская конституція не знаетъ никакого другаго различія въ населеніи, кромѣ католиковъ и подобоевъ, слѣдовательно, она простирается и на нихъ. Когда Вальдштейнъ на сеймѣ 1575 года оскорбилъ чины, сказавъ, что они внѣ конституція, такъ какъ не подчиняются нижней консисторіи, то самъ Максимилианъ призналъ, что и на нихъ простирается земскій уставъ, и своими собственными устами объявилъ, что они

остаются подъ его милостивою защитою. Нынѣшнее веденіе ихъ дѣла противурѣчить обѣщанію императора на прошлогоднемъ сеймѣ, въ которомъ прямо говорилось, что пока религіозный вопросъ не будетъ доведенъ до конца, сословія не обязаны приступать ни къ какому другому дѣлу. Чины повторяли главнѣйшіе пункты петиціи, подданной на прошлогоднемъ сеймѣ, т. е. просили объ утвержденіи конфессіи 1575 года, для свободнаго исповѣданія которой еще покойный императоръ предоставилъ сейму право избранія дефензоровъ, объ уравненіи королевства съ иными землями, гдѣ дозволено аугсбургское исповѣданіе, о передачѣ чинамъ нижней консисторіи (ибо самая-де справедливая — поясняли подобно — требуетъ, чтобы подобойская консисторія находилась въ рукахъ сословія того же ученія) и пражскаго университета и о защитѣ ихъ отъ всякаго преслѣдованія, угрозъ и брани еретиками. Въ отдѣльномъ приложеніи перечислялись притѣсненія отъ католиковъ; всѣ они болѣе или менѣе незначительны. Жаловались напр., что праздникъ Гуса и Іеронима выпущенъ изъ календаря, что монастырь славянскій (Эммаусы) отнятъ у нихъ католиками. Серьезнѣе другихъ была жалоба на Селендера, аббата брумовскаго, который не позволялъ брумовскимъ мѣщанамъ хоронить своихъ на кладбищѣ; кто же противился этому распоряженію, того за ослушаніе бросали въ тюрьму по приказанію пражской канцеляріи (1).

Мы увидимъ ниже, что аббатъ брумовскій былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ іезуитовъ послѣ погрома ихъ въ 1609 году, былъ въ извѣстномъ смыслѣ виновникомъ возстанія 1618 года.

Само собою разумѣется, чины не забыли сдѣлать возраженія противъ того мѣста въ отвѣтѣ, гдѣ говорилось о братьяхъ. «Что касается общины братской, пановъ — пріятелей нашихъ милыхъ — писали чины, то такъ какъ мандаты имѣютъ въ виду *«učení bludná a zmatečná»*, а таковыми ученіямъ ни мы, ни братья не слѣдуемъ и всѣ сообще признаемъ конфессію, — поэтому,

---

(1) Жалоба на аббата подъ № 36. 38. Slavata. I. 242. 243.

оставаясь относительно этого пункта при нашемъ прежнемъ отвѣтѣ, тѣмъ откровеннѣе мы осмѣливаемся утруждать ваше величество».

Послѣдовали новыя совѣщанія высшихъ чиновниковъ у архіепископа, 2 и 3-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, были высказаны два противоположныя мнѣнія: или пусть король останется при прежнемъ своемъ рѣшеніи или же согласится на всѣ требованія чиновъ. На частномъ совѣщаніи высшихъ чиновниковъ между собой голоса также подѣлились: одни настаивали на необходимости уступокъ со стороны короля на нѣкоторыя, менѣе существенныя требованія сейма, но съ тѣмъ, чтобы потомъ былъ составленъ комитетъ изъ католиковъ и подобоевъ, и тамъ бы они согласились; другіе же, «*horlivějšího ducha*», были противъ этого. Славата не называетъ поименно этихъ послѣднихъ, но они и безъ того извѣстны. «Мы міряне — говорили они — и намъ неприлично разсуждать о дѣлахъ вѣры, измѣнять что-либо: это могло бы быть въ ущербъ католической религіи; поэтому наше мнѣніе — король долженъ остаться при прежнемъ рѣшеніи. Если что-нибудь будетъ постановлено отъ мірянъ, то провѣдаютъ объ этомъ подобои, и особенно братья (а послѣдніе въ своихъ домогательствахъ упорны, первые они коноводы и руководители всѣхъ этихъ противностей намъ, католикамъ), не успокоятся и будутъ требовать большаго и большаго». Рудольфъ согласился опять съ мнѣніемъ этихъ, болѣе горячихъ католиковъ и объявилъ, что остается при прежнемъ своемъ рѣшеніи о вѣрѣ и всякое дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса считаетъ излишнимъ; но еслибы чины продолжали настаивать на своемъ, то могли бы впасть въ подозрѣніе, что они ослушники и мятужники⁽¹⁾. Въ такомъ смыслѣ былъ написанъ третій отвѣтъ, отъ 9 марта. Мы видимъ, что король начинаетъ говорить инымъ языкомъ съ своими упрямими сословіями. Съ другой стороны, и сеймъ пересталъ быть сдержаннымъ. Въ неудовольствіи на мнѣніе отвѣтомъ, чины позволили себѣ однажды, вопреки существовавшему

---

(1) «... že by skrze to v podezření přijíti mohli, jakoby neposlušni a rebellové byli». Slavata. I. 246.

этикету, собрався въ сеймовой залѣ въ ботфортахъ и шпорахъ, нѣя Турна во главѣ, и здѣсь торжественно объявили, что если вскорѣ не будетъ отвѣта, они оставляютъ столицу.

Получивши въ третій разъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ короля, чины рѣшили отвѣчать снова, и такимъ образомъ своимъ упорствомъ сломить упорство короля, хотя, при всеобщемъ ропотѣ, многіе предлагали прекратить дальнѣйшіе переговоры, такъ какъ было ясно, что нельзя ожидать отъ нихъ ничего добраго. Но прежде чѣмъ было изготовлено третье возраженіе, 10 марта подобои пригласили къ себѣ католиковъ. Когда тѣ пришли, Стефанъ Штернберкъ, отъ имени своихъ товарищей, обратился къ нимъ съ упрекомъ, что подобои три раза просили ихъ пріятельски промолвить о нихъ доброе слово у короля, и однако они знаютъ, что нѣкоторые изъ католическихъ пановъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы не дано было удовлетворительнаго отвѣта; что третьимъ отвѣтомъ королевскимъ, который «со слезами и съ горечью они должны были выслушать», обязаны наговорамъ этихъ совѣтчиковъ, — и потому всѣ три господа—сословія ихъ спрашиваютъ и просятъ дать имъ наконецъ ясный отвѣтъ: что они объ нихъ думаютъ — считаютъ ли ихъ тѣми, на которыхъ простирается земскій уставъ и королевская присяга или нѣтъ?

Католики дали уклончивый отвѣтъ: что они-де не говорили ничего у короля, потому что чины обращались къ королю, а не къ нимъ; что касается предложеннаго вопроса, то они отвѣчать не могутъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ принадлежитъ одному королю. Стефанъ Штернберкъ повторилъ вопросъ, но католики дали тотъ же отвѣтъ. Тогда Штернберкъ сказалъ: «Господа чины-подобои должны поручить себя Господу Богу, а что изъ того выйдета, увидимъ»⁽¹⁾. Когда католики выходили изъ сеймовой залы, никто ихъ не провожалъ, какъ это дѣлалось доселѣ, напротивъ слышались крики: «тотъ подлець и измѣнникъ, кто съ ними поидеть» и разныя насмѣшки.

(1) «Páni stavové pod obojí musejí to již Pánu Bohu poručiti, a co dále z toho pojde, se uhlídá». ib. I. 252.

Новый, третій отвѣтъ сейма былъ врученъ королю 14 марта депутаціей, во главѣ которой, по обыкновенію, стоялъ Стефанъ Штернберкъ. Отвѣтъ былъ многословенъ. Чины возражали противъ ложнаго толкованія присяги короля, яко бы она простирается только на католиковъ и подобоевъ компактатовъ, противъ лживыхъ слуховъ, будто бы печатанная чешская конфессія была воспрещена, повторяли о необходимости передачи сословіямъ консисторіи и университета, такъ какъ послѣдній пришелъ въ крайній упадокъ, и «мы, чехи, должны посылать своихъ дѣтей за границу, между тѣмъ католики, іезуиты основали для себя нѣсколько коллегій и шеоль — въ Хомутовѣ, Индриховѣ Градцѣ, въ Кружловѣ, Кладскѣ и въ другихъ мѣстахъ», и заканчивали угрозой, что если конфессія не будетъ утверждена, консисторія и университетъ не будутъ переданы, то они долѣе не останутся на сеймѣ, за неизвѣніемъ дѣла, ибо статья о вѣрѣ должна была итти первой⁽¹⁾.

23 марта Рудольфъ кратко извѣстилъ сеймъ, что рѣшеніе религіознаго вопроса онъ откладываетъ до будущаго сейма и не считаетъ нужнымъ отвѣчать на ихъ послѣднее представленіе и потому просилъ перейти къ очереднымъ вопросамъ; но при этомъ прибавлялъ, что какъ прежде, съ перваго дня своего управленія, такъ и на будущее время, онъ не допуститъ никакихъ притѣсеній подобоямъ⁽²⁾. Надо замѣтить, что мысль объ отложеніи подалъ Стефанъ Штернберкъ, за что онъ потомъ впалъ въ немилость подобоевъ.

«И было — говорить Скала — очень и очень больно чинамъ, что клеветники ихъ и явные рушители общественнаго покоя дорогой ихъ отчины имѣютъ больше вѣры и доступа у короля, нежели они, вѣрные подданные, всегда готовые жертвовать для него и жизнью, и имуществомъ. И отъ досады они не могли удержаться, чтобы не написать еще одного объясненія».⁽³⁾

---

(1) 3-го отвѣта сейма нѣтъ у Славаты, поэтому мы пользовались изложеніемъ его у Скалы. I. 143 — 151.

(2) ib. 153.

(3) ib.

Въ этомъ послѣднемъ, четвертомъ отвѣтѣ сеймъ повторялъ свою старую просьбу, но въ концѣ заявлялъ, что если этотъ сеймъ разойдется, не разрѣшивъ вопроса о вѣрѣ, то предъ Богомъ, королемъ и всѣмъ свѣтомъ они объявляютъ, что это случилось не по ихъ винѣ, но собственно и справедливо должно быть вѣдѣно тѣмъ, которые представляютъ дѣло королю иначе, нежели какъ оно есть: «во всемъ этомъ дѣлѣ — говорили чины — вслѣдствіе неизвѣстныхъ побужденій эти люди заботятся не такъ о вашемъ величествѣ и нашей дорогой отчизнѣ, какъ о какомъ-то иномъ господинѣ» (1). Наконецъ, чины не упустили сдѣлать предостереженіе королю, что всему свѣту извѣстно, къ чему привели тѣ люди, что давали недобрные совѣты его величеству относительно подобоевъ и именемъ королевскимъ утѣсняли народъ въ его вѣрѣ, и какія земли они ему приготовили — привели къ немалому уменьшенію его королевства (2). Послѣднія слова были ироническій намекъ на прошлогодній договоръ съ Матвѣемъ, послѣ котораго Рудольфъ остался при одной чешской землѣ. «Но, ваше величество, вы можете остаться и безъ этого», прибавляли чины. Подобои начинаютъ говорить внушительнымъ языкомъ, указывая королю на опасности, могущія возникнуть вслѣдствіе его упорства, изъ-за заботы о немъ же, ибо они составляли основу государства, а канцлеръ съ католиками — ничтожное меньшинство, которое тѣмъ не менѣе открыто защищало интересы «какого-то господина», руководствуясь инструкціями отъ іезуитовъ. Въ рассматриваемое время изъ трехъ милліоновъ населенія королевства не болѣе одной десятой части признавало папу (3). Борьба была своихъ интересовъ съ чу-

---

(1) «Ve vší této věci ne tak V. C. M. a tuto milou vlast, jako jiného někoho pro jakékoli přičinu respectirují». Slavata. I. 256.

(2) «Ješto k čemu jsou ti, kdož jsou kdy V. C. M. proti straně pod obojí takové rady dávali a jménem V. C. M. lidí při náboženství a svědomí jich utiskovali, přivedli a o jaké země V. C. M. připravili — to jest témeř všemu světu známo a tomuto království k nemalému zmenšení. ib.

(3) Gindely. «Dějiny českého povstání léta 1618». Praha. 1870 130. По ооенціальнымъ даннымъ, въ началѣ XVII столѣтія въ Чехіи считалось 1300 съ небольшимъ приходовъ или саръ, но не извѣстно, сколько изъ этой общей цѣны приходовъ выпадало на долю католиковъ и не католи-

жнии, историческаго государства съ космополитическою церковью, народа съ иезуитами. «Co dále s toho pojde, se uhlídá» — вотъ что можно сказать пока о концѣ этой борьбы, какъ это замѣтилъ Штернберекъ католическимъ чиномъ 10 марта.

31-го марта сеймъ слушалъ пятый, лаконическій отвѣтъ короля. «Я понялъ послѣднее, довольно необыкновенное представленіе сословій — подобоевъ и причины, почему они не могутъ согласиться на отложеніе статьи о религіи, и отвѣчаю: я остаюсь при данныхъ мною уже отвѣтахъ и далѣе не могу идти ни на шагъ. Какъ прежде я оставлялъ католиковъ и подобоевъ безъ различія при ихъ привилегіяхъ, земской конституціи и правахъ, такъ и на будущее время никто не будетъ имѣть приличнаго повода жаловаться на меня. Поэтому напоминаю и прошу сословія перейти безъ замедленія къ обсужденію статей, указанныхъ въ моихъ предложеніяхъ и крайне необходимыхъ для цѣлаго королевства, и тѣмъ показать свои патріотическія чувства. Если бы, сверхъ всякаго чаянія, того не случилось, то этимъ самымъ былъ бы данъ поводъ къ распущенію сейма».

По прочтеніи королевскаго отвѣта съ каеэдры, Штернберекъ, въ качествѣ бургграфа руководившій преніями сейма, предложилъ теперь сословіямъ перейти къ очередному вопросу — о податяхъ; но сословія потребовали себѣ копию королевскаго отвѣта и просили дать имъ хоть нѣсколько времени для обсу-

---

жковъ. Ученый издатель «Далъ католической и утраквистской консисторій», профессоръ богословскаго факультета Климентъ Боровый, обѣщалъ составить статистику католическихъ и подобойскихъ приходовъ въ Чехіи въ XVI столѣтіи (см. «Jednaní». II. пред. 4), но, какъ намъ извѣстно, изданіе Гянделя «Staré paměti dějin českých» прекращено на пятomъ выпускѣ втораго тома «Jednaní», и потому обѣщанная статистика церковей не явилась въ печати. Къ сожалѣнію, мы также не могли воспользоваться краткими статистическими данными по этому вопросу, обѣщанными намъ ученымъ издателемъ чрезъ А. О. Патеру. Если бы по шляхтѣ можно было заключать о всемъ населеніи Чехіи въ XVII вѣкѣ, то число католиковъ было бы менше $\frac{1}{10}$. Въ 1609 г. только 130 душъ мужскаго пола, старше 20 лѣтъ, изъ шляхты объявило себя католиками, тогда какъ всей шляхты въ то время считалось 1400 семей, слѣд. шляхта католическая составляла около 5%, привилегированныхъ сословій. Gindely. «Dějiny». I. 124.

денія его. Бургграфъ переслался съ королею, и требованіе сейма было исполнено: бургграфъ вручилъ копію и назначилъ засѣданіе на — завтра, 1 апрѣля.

Когда бургграфъ съ другими чиновниками — католиками удалились изъ залы, Вацл. Будовець обратился къ присутствующимъ съ такимъ напоминаніемъ: «кому дорого его спасеніе, кто заботится о благѣ короля, земли и каждаго въ отдѣльности, кто любитъ святое согласіе и любовь однихъ къ другимъ, кто помнитъ энергію, вѣрность и твердость своихъ старшихъ предковъ въ дѣлѣ вѣры, кому мила наконецъ его честь, — тотъ долженъ завтра въ 6 часовъ утра явиться на сеймъ и сообщить объ этомъ другимъ, отсутствующимъ!» Всѣ общали (1).

Дѣйствительно, раннимъ утромъ 1 апрѣля чины были въ судейской залѣ сейма. Прежде всего поручено было нѣкоторнымъ лицамъ изготovitъ отвѣтъ на послѣднюю резолюцію короля, а между тѣмъ собраніе приступило къ избранію пословъ къ Матвѣю, курфирстамъ и князьямъ имперіи, съ просьбой о защитѣ. Къ Матвѣю были избраны: Турнъ, Штернберкъ, Митровиць, Бубна, Пергеръ и Калоусъ; къ пфальцграфу рейнскому: Вартемберкъ, Роуповъ, Петинескій, Вресовець, Вейтмиде и Калле; къ курфирсту саксонскому: Голлахъ, Андрей Шликъ, Фиктумъ, Штамплахъ, Прунеръ и Кирхмайеръ; къ курфирсту бранденбургскому: Албинъ Шликъ, Криштофъ Роуповъ, Канлиръ, Янъ Вресовець, Пургартъ. Кромѣ того въ Лужицы имѣлъ отправиться докторъ Лузь, а къ Петру Воку Розенберку — самъ Будовець (2).

Заказанный отвѣтъ былъ вскорѣ готовъ, и чины послали просить бургграфа и остальныхъ чиновниковъ на сеймъ. Когда тѣ явились, земскій декламаторъ, по приказанію Будовца, взомель на кафедру и прочелъ протестъ чиновъ, обращенный къ бургграфу, противъ несправедливыхъ дѣйствій короля. Подобои жаловались на неисполненіе королею обѣщанія, даннаго на сеймѣ 1608 года, и объявляли, что если кто самъ или отъ имени его

(1) Skala. I. 159.

(2) ib. 159. 160.

величества осмѣлятся учинить имъ какое-либо оскорбленіе и притѣсненіе, то они «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ» (1) защищаютъ и отстаиваютъ другъ друга до послѣдняго изнеможенія. «А такъ какъ чины усматриваютъ различныя опасности, окружающія съ разныхъ сторонъ королевство, сосѣдніе курфирсты напр. собираютъ войска, то они полагаютъ необходимымъ обезопасить прежде всего его величество, а потомъ самихъ себя и быть наготовѣ, все равно — присоединятся ли къ нимъ католики или нѣтъ. На основаніи этого заявленія и въ силу правомочія настоящаго общаго сейма чины назначаютъ день, а именно будущій понедѣльникъ по св. Филиппѣ и Яковѣ, когда они, собравшись наканунѣ, въ воскресенье въ Прагу, должны будутъ сойтись въ новомѣстской ратушѣ для опредѣленія земской обороны, чтобы какъ король, такъ и чины—подобой съ ихъ имуществами, женами и дѣтьми, могли обезопасить себя противъ всякаго покушенія, отъ кого бы оно ни исходило — оскорбить чины, всѣхъ виѣстѣ или кого либо въ отдѣльности, изъ подобоевъ или изъ признающихъ чешскую конфессію, и такимъ образомъ себя защитить» (2).

Итакъ, то, что предвидѣли умѣренные католики, что дальнѣйшее упорство короля повлечетъ за собой опасныя послѣдствія для правительства, совершилось: подобойскіе чины сдѣлали первый шагъ въ революціи, назначивши на 1 мая свой земскій сеймъ (3).

(1) «Všickni za jednoho a jeden za všesku».

(2) Нѣтъ сомнѣнія, что уже къ этому времени относится начало тайныхъ переговоровъ Рудольфа и пражскихъ католиковъ съ Леопольдомъ, епископомъ Пассау, съ цѣлью «vlast jich milou popelem žalostivě položiti» (Skala. I. 208), слѣдствіемъ которыхъ было вторженіе сброднаго войска изъ Баваріи въ Чехію въ 1611 г., окончившееся такъ плачевно для Рудольфа. См. W. H a n k a. «Correspondenz zwischen Kaiser Rudolph, dem ungarischen König Mathias, den Erzherzogen Leopold und Albrecht...» Prag. 1845. 18. письмо Леопольда къ В. Вхынскому, который велъ эти переговоры, отъ 22 августа 1609 года.

(3) Событія января-мартовскаго сейма мы излагали по «Воспоминаніямъ» Славаты, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой продолжительной сеймовой борьбѣ, тѣмъ болѣе, что рассказъ его отличается документальностью и полнотой (за исключеніемъ указанной ошибки), чего нѣтъ у Скалы, какъ частнаго лица. «Paměti». I. 183—266.

Земля подымалась противъ короля. Мы подошли къ той минутѣ, когда политика, руководившая доселѣ подобоями, пошла въ другую сторону: первый разъ въ теченіе своей многолѣтней борьбы чины-подобояи измѣняютъ своей доннынѣшней системѣ словесной оппозиціи, которая имѣла значеніе въ періодъ ихъ окрѣпленія и была бесполезна, когда они окрѣпли. Давно было ясно, что сила земли на сторонѣ подобоевъ; давно было видно — изъ мандатовъ 1584 и 1602 годовъ, изъ опытовъ сеймовой борьбы, что правительство Рудольфа считаетъ ихъ еретиками, стоящими внѣ закона, людьми нетерпимыми, что католики готовятъ гражданскую войну — но все это не мѣшаетъ подобоямъ довольствоваться угрозами на словахъ и надѣяться на милость іезуитовъ. Въ этомъ смыслѣ напр. дѣйствовалъ вождь рыцарей, Вацлавъ Будовець, на сеймѣ 1603 года, когда уговаривалъ своихъ согласиться безусловно на требуемыя подати и тѣмъ показать свою лояльность: «*ukažice se v tom k žádosti císařské volní poddaní býti*» (1).

На сеймѣ 1608 года вожди оппозиціи непонятнымъ образомъ дали себя въ обманъ, не смотря на то, что самъ Матвѣй былъ приглашенъ нѣкоторыми изъ нихъ для ихъ же цѣлей, и когда, по видимому, все благопріятствовало, чтобы покончить старыя счеты. Наконецъ, когда на сеймѣ слѣдующаго года было несомнѣнно, что даже большинство католиковъ вполне готово пойти по пути соглашенія съ подобоями и въ этомъ смыслѣ дѣйствовало на Рудольфа, что только ничтожное меньшинство, католики «*horlivějšího duchu*», какъ Лобковиць, Славата, Мартиниць, тормозятъ все дѣло и упорствуютъ, — они довольствуются писать длиннѣйшія, многословныя реплики, гдѣ повторяютъ немного на многіе лады, пускаются въ словопрѣнія да жалуются на влехъ совѣтчиковъ короля, не называя ихъ даже по имени.

И вотъ, только когда послѣ долгой бумажной войны терпѣніе измѣнилось, подобояи наконецъ поняли, что съ іезуитами и ихъ орудіями трактовать о мирѣ нельзя, оставили свою неоправ-

---

(1) Skala. I. 53.

данную жизнью отому словорѣвнїи и нерешли въ первый разъ къ наступленїю: за ними вѣдь стояло $\frac{9}{10}$ вѣхъ обывателей земли. Первый разъ подобои сознали свою ошибку и отъ слова и бумаги нерешли къ дѣлу.

Итакъ, помимо короля, но для короля протестовавшїе чины назначили земскїй съѣздъ на 1-е мая 1609 года и оставили Прагу. Королевскїй сеймъ самъ собой закрывался: на немъ оставались одни лишь католики.

Естественно, правительство успѣшило принять свои мѣры и издало мандатъ, воспрецавшїи назначенный революціонный съѣздъ: по конституціи земской, говорилось въ мандатѣ, только королю принадлежитъ право назначать съѣзды, и потому онъ не дозволить посягнуть на свои права.

Была даже сдѣлана попытка уговорить виднѣйшихъ дѣателей изъ подобоевъ отказаться отъ задуманнаго шага: правительство ихъ завѣряло, что скоро будетъ новый сеймъ, но тѣ дали болѣе или менѣе уклончивый отвѣтъ. Новомѣстская ратуша, гдѣ долженъ былъ засѣдать революціонный сеймъ, была заперта.

Наступилъ наконецъ назначенный день — 1 мая. Подобойскїе чины наканунѣ были въ Прагѣ, а утромъ 1-го мая собрались на дворцовой площади подъ открытымъ небомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были призваны къ королю и получили приказанїе разойтись. Они отвѣчали, что ничего не имѣютъ противъ короля, но разойтись не могутъ, такъ какъ самъ король имъ объявилъ на сеймѣ, что не желаетъ ихъ болѣе слушать.

На слѣдующїй день чины опять собрались на дворцовой площади и дали знать высшимъ королевскимъ чиновникамъ, что сошлись лишь для выслушанья донесенїи отъ посланниковъ, отправленныхъ еще минувшимъ сеймомъ къ сосѣднимъ государямъ — Матвѣю, курфирсту пфальцскому Фридриху, саксонскому Христіану и нѣкоторымъ другимъ. Снова чины были потребованы къ королю и снова выслушали приказанїе разойтись, такъ какъ скоро будетъ созванъ общїй сеймъ. Когда воротившіеся изъ слушанья сообщили слова короля своимъ сотоварищамъ, оставшимся на площади, толпа взволновалась, и тутъ же, подъ

открытымъ небомъ, всѣ присутствовавшіе пріяснули — не отступаться назадъ и направилосъ къ новоѣстской ратушѣ. Картина была величественная: длинный карловъ мостъ, отъ одного конца до другаго, былъ занятъ двитавшеюся толпою пановъ и рыцарей. Ратуша была заперта, поэтому чины расположились на площади; скоро около нихъ собрались толпы народа. Здѣсь чины вторично повѣляли не оставлять другъ друга, но ничего не обсуждали, такъ какъ было получено сообщеніе отъ пословъ саксонскаго курфирста, что на этотъ день они, послы, имѣютъ слушаніе у Рудольфа, чтобы пособить дѣлу подобоовъ.

3 мая происходило новое собраніе чиновъ въ ратушѣ. Вождь общины, Будовець, произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ причину и цѣль ихъ чрезвычайнаго сейма: «мы собрались — говорилъ онъ — не противъ, но за короля, въ защиту себя и своихъ семей» и предложилъ чинамъ представить объясненіе своихъ дѣйствій королю. Всѣ присутствующіе пали на колѣни и заплѣли братскій гимнъ: «*Bože, otče, sešliž nam Ducha svatého*». Было выбрано нѣсколько лицъ для написанія объясненія. Но въ эту минуту дали знать, что королевскія войска идутъ, чтобы разогнать собраніе; произошла общая сумятица: всѣ поспѣшили вонъ изъ ратуши, чтобы приготовиться къ отпору. Слухъ объ этомъ переполохѣ быстро распространился въ смежныхъ частяхъ города, и народъ повалилъ на подмогу чинамъ съ сѣкирами, ножами, вилами, дубьемъ, въ особенности ремесленники и цеховые. Всѣ готовы были встрѣтить нападеніе. Но вскорѣ оказалось, что извѣстіе о войскахъ было ложное: самъ король послалъ высшихъ чиновниковъ успокоить собраніе и толпу. Вмѣстѣ съ этимъ посланные объявили волю короля — собрать въ непродолжительномъ времени сеймъ и удовлетворить желанія подобоовъ. Последніе дали краткій отвѣтъ: они потребовали уничтоженія мандата, изданнаго противъ съѣзда, и созванія сейма не далѣе какъ на третій день. Еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ короля на только что предложенныя условія мира, и потому на слѣдующій день чины собрались снова въ ратушѣ. Собраніе 4-го мая было особенно многочисленно: въ немъ участвовало около 500 всадниковъ

изъ панскаго и рыцарскаго сословія и до 10 т. народу. Теперь чины выбрали 100 человекъ для составленія объяснительной записки королю, въ которыхъ были приданы четыре прокуратора, два отъ конфессіонистовъ и два отъ братьевъ. Написанное объясненіе, вслѣдствіе обычной слабости подобоевъ, было многословно: чины увѣряли короля въ своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ, повторяли старыя упреки, что слово королевское нарушено, просѣбъ ихъ не выслушиваютъ, а при закрытіи январскаго сейма бургграфъ имъ прямо объявилъ, что его величество не принимаетъ болѣе ни устныхъ, ни письменныхъ ходатайствъ; указывали, что хотя земскій уставъ воспрещаетъ всякіе сѣзды и сеймы, направленные въ ущербъ королевской власти, но онъ ничего не говоритъ противъ сѣздовъ для защиты и въ заключеніе требовали — уничтожить изданный мандатъ, объявить ихъ вѣрными подданными, не учинившими ничего противъ королевской власти, не вѣнчать въ вину поступковъ членовъ новомѣстской ратуши, созвать новый сеймъ въ теченіе трехъ дней и обѣщать утвержденіе конфессіи.

Только на третій день по подачѣ записки чины были увѣдомлены, что король милостиво принялъ ихъ объясненіе. Затѣмъ уполномоченными обѣихъ сторонъ, правительства и сѣзда, было условлено, что сеймъ соберется чрезъ двѣ недѣли. Дѣйствительно, тотчасъ же вышелъ королевскій рескриптъ о созваніи сейма на 25 мая; концептъ этого рескрипта былъ тщательно разсмотрѣнъ подобоями. Излишне почти упоминать, что и здѣсь Лобковицъ, Мартиницъ и Славата были противъ уступки, такъ что король приказалъ канцлеру подписать созывательный рескриптъ.

Въ условленный день, 25-го мая, собрались сословія; но вслѣдствіе нездоровья Рудольфа королевскія предложенія были назначены въ сообщенію сейму только на третій день. Наученные опытомъ, подобои увидѣли въ этомъ старыи маневръ своихъ противниковъ — откладывать дѣло, и поэтому объявили высшимъ королевскимъ чиновникамъ, что если предложенія не будутъ внесены въ срокъ, то тотчасъ же вступить въ силу статья о защитѣ, и что не успѣли порѣшить въ ратушѣ, то будетъ порѣшено въ королевскомъ замкѣ. Угроза подѣйствовала: король отказался

явиться лично на сеймъ, но поручилъ бургграфу тотчасъ же внести королевскія предложенія. Понятно, самый важный пунктъ въ королевскихъ предложеніяхъ была статья о вѣрѣ. Рудольфъ разрѣшалъ чинамъ заняться релігіознымъ вопросомъ прежде всего и общалъ имъ дать отвѣтъ на то, «о чемъ всѣ три сословія одинаково уговорятся», и имѣть ихъ въ своей милости.

Въ день вознесенія подобои противъ воли короля собрались на частное совѣщаніе въ сеймовой залѣ и на немъ избрали комитетъ для составленія меморіала, въ которомъ имѣли быть выражены желанія чиновъ. Уже въ утру слѣдующаго дня, 29-го мая, меморіалъ былъ написанъ и тогда же представленъ королю. Въ немъ чины ссылались на поданныя прежде петиціи и просили утвержденія конфессіи 1575 г. во всѣхъ ея частяхъ, передачи имъ, подобойскимъ сословіямъ, нижней консисторіи, университета и т. д.

Снова все пошло по старому. Меморіалъ былъ отосланъ въ канцелярію для обсужденія отвѣта, и, конечно, оттуда, гдѣ засѣдалъ Лобковицъ съ пріятелями, нельзя было ждать ничего добраго для подобоевъ. Дѣйствительно, изъ канцеляріи объявили сейму, что прежде нежели будетъ данъ отвѣтъ на предъявленные требованія, король желаетъ имѣть удостовѣреніе въ дѣйствительности полного соглашенія подобоевъ между собою, свѣдѣнія объ организаціи ихъ будущаго церковнаго управленія и просить точно указать всѣ тѣ статьи, которыя будутъ обсуждаться на настоящемъ сеймѣ.

Въ этомъ объявленіи чины увидѣли старую проволочку: они переглянулись, минуту помолчали, а затѣмъ послышался взрывъ всеобщаго негодованія. Сеймъ порѣшилъ, что на слова королевскія нечего болѣе обращать вниманія, а надо дѣлать то, что начато еще въ ратушѣ. Съ трудомъ могли успокоить взволнованное собраніе высшіе чиновники, и подобои отвѣчали весьма кратко на предложенные королемъ вопросы. Относительно взаимнаго соглашенія конфессіонистовъ и братьевъ чины указывали на акты, выработанные сеймомъ 1575 года и двумя послѣдними: «всякое дальнѣйшее соглашеніе излишне» — писали они. На запросъ о церковномъ управленіи они отвѣчали въ

весьма общихъ выраженійхъ, что когда консисторія и университетъ будутъ имъ переданы, тогда они «заведутъ добрый церковный и школьный порядокъ, богопочитаніе умножится, а между сословіями католическими и ими установится на вѣки согласіе, любовь и взаимное пониманіе». Наконецъ, что касается третьяго королевскаго вопроса, то чины объявили, что они остаются при сеймовомъ рѣшеніи 1608 года и недавно изданномъ королевскомъ мандатѣ, т. е. что тамъ указаны всѣ тѣ пункты, о которыхъ имъ желательно трактовать на сеймѣ.

Прошло нѣсколько дней, отвѣта не было; понятно, это крайне злобляло чины. Они знали, что причина этого замедленія — католическіе совѣтники, но сдерживались и только нѣкоторымъ изъ нихъ, умѣреннымъ католикамъ, позволили себѣ напомнить, что они не должны забывать своей отчизны, и что если есть въ нихъ хоть жила чешская, они должны поторонить короля съ отвѣтомъ (1). Извѣстный намъ своимъ честнымъ и горячимъ участіемъ въ примиреніи бурграфъ Штернберъ отвѣчалъ на это напоминаніе о патриотическомъ долгѣ чистосердечнымъ признаніемъ, что онъ не причастенъ никакимъ дѣйствіямъ противъ подобойскихъ чиновъ, что охотно помогалъ бы, чтобы ихъ дѣло пришло къ концу, но король передалъ его на разсмотрѣніе своимъ тайнымъ совѣтникамъ. Впрочемъ и въ канцеляріи посѣщили съ отвѣтомъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора, Штернберъ доставилъ чинамъ давно ожидаемый отвѣтъ.

Онъ былъ совершенною неожиданностью для сейма: въ немъ Рудольфъ не только не соглашался на требованія чиновъ, но прямо объявлялъ, что все должно остаться въ томъ же видѣ, какъ это было при Фердинандѣ, Максимилианѣ и доннѣ, и что это его послѣднее слово; другими словами, подобой будутъ терпимы, но будутъ стоять по прежнему внѣ покровительства закона.

(1) «Ještě jich napomínají, aby na vlast svou a na ně, přátely své, pamatovali, a jestli v nich česká žila jest, aby J. M. C. k brzké odpovědi jim dáni měli». Slavata. I. 300.

Чины были страшно раздражены, но было поздно, и потому обсужденіе послѣдней резолюціи королевской отложили на послѣ. Черезъ день чины сошлись въ судейской комнатѣ для совѣщанія — что дѣлать. Голоса дѣлились: одни предлагали послать еще разъ возраженіе, съ присоединеніемъ къ нему протеста; другіе, болѣе рѣшительные, какъ напр. Турнь, доказывали, что это напрасный трудъ, а лучше «руки свои приготовить бы къ работѣ». Но большинство собранія согласилось съ первымъ мнѣніемъ. Послѣ этого на другой день были приглашены высшіе королевскіе чиновники въ совѣтовую залу. Между ними были Лобковицъ, Славата и Мартиницъ. Будовецъ объявилъ имъ отъ имени собранія, что чины причину неудовлетворенія ихъ желаній видятъ въ совѣтахъ злыхъ людей, дѣлающихъ имъ всяческія каверзы, и затѣмъ спросилъ ихъ: желаютъ ли они соединенія съ подобными, чтобы уничтожить на будущее время всякіе подобныя совѣты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по просьбѣ приглашенныхъ, былъ отложенъ до-завтра. Но чины этимъ не ограничились; чрезъ того же Будовца они потребовали отъ cadaго изъ приглашенныхъ королевскихъ чиновниковъ отвѣтить имъ ясно: участвовалъ ли кто изъ нихъ при составленіи послѣдней резолюціи или нѣтъ? Бургграфъ Штернберкъ и высшій судья земскій, Адамъ Вальдштейнъ, дали отрицательный отвѣтъ; когда же очередь дошла до Лобковица, то онъ сначала объяснилъ, что только читалъ резолюцію, но потомъ прибавилъ, что такъ какъ это дѣло касается тайнаго совѣта, то онъ долженъ напередъ переговорить съ королемъ. Славата и Мартиницъ отвѣчали, какъ бургграфъ, безъ сомнѣнія, изъ боязни (1).

На другой день, 13-го іюня, снова свидѣлись высшіе чиновники и подобои: бургграфъ повторилъ вчерашній отвѣтъ, а на первый запросъ Будовца о принятіи участія отвѣчалъ

---

(1) Slavata. I. 301. Авторъ не говоритъ, что онъ собственно отвѣчалъ и его пріятель Мартиницъ, и намеренно ограничивается общимъ замѣчаніемъ: «каждый изъ остальныхъ католиковъ былъ спрошенъ отдѣльно, и всѣ они дали такой же отвѣтъ, какъ и высшій бургграфъ». ib.

отъ имени всѣхъ своихъ сотоварищей, высшихъ королевскихъ чиновниковъ, что они стоятъ за одно съ сословіями и дѣйствуютъ противъ каждаго, за исключеніемъ короля, кто пожелалъ бы оскорбить кого-либо изъ исповѣдывающихъ чешскую конфессію. Лобковицъ съ пріятелями молчалъ: очевидно, онъ былъ противнаго мнѣнія. Тогда Будовець, поблагодаривши Штернберка, объявилъ канцлеру, что изъ его вчерашняго неяснаго отвѣта чины усматриваютъ въ немъ своего врага, и потому за это онъ со временемъ отвѣтитъ.

Между тѣмъ отвѣтъ на послѣднюю королевскую резолюцію былъ готовъ. На испрошенной затѣмъ аудіенціи сеймовый ораторъ Шлигъ желалъ въ длинной рѣчи познакомить короля съ содержаніемъ отвѣта, но лѣнивому королю до такой степени надоѣли всѣ эти бурныя сцены послѣдняго времени, что онъ не могъ даже выслушать до конца рѣчи представителя депутаціи и ушелъ: ему *«stýskalo se (надоѣло) tak dlouho jejích slyšeti»* — замѣчаетъ Славата. Тогда нѣмецкій текстъ отвѣта былъ оставленъ на столѣ. Въ немъ чины повторяли то же, что говорили въ послѣднемъ заявленіи, когда отвѣчали на королевскій запросъ; но кромѣ отвѣта былъ положенъ на столъ еще одинъ письменный документъ, носившій заглавіе: *«Majestát císaře Rudolfa stavím pod obojí království českého na svobodné provozování náboženství daný»*. Въ немъ сеймъ представлялъ прозектъ того, въ какомъ видѣ желательно было бы ему получить гарантію (*opratření*) подобойскаго исповѣданія. Этотъ документъ — знаменитая *грамота величества* (*Majestätsbrief*), или, какъ правильнѣе ее называть чешскимъ именемъ, *маестатъ*. Чтобы не повторяться въ послѣдствіи, мы не останавливаемся теперь на содержаніи этого сеймоваго законопроекта, насильно представленнаго чинами королю, такъ какъ о содержаніи его можно имѣть приблизительное понятіе и изъ предыдущаго разсказа.

Силы подобоевъ между тѣмъ увеличивались. Въ половинѣ іюня съѣздъ принималъ пословъ изъ Силезіи. Будовець въ пріѣзжей рѣчи отъ имени сейма выразилъ имъ все сердечное удовольствіе чешскихъ чиновъ по случаю ихъ пріѣзда. Силезскіе

послы жаловались на постоянныя утѣшенія со стороны католиковъ: «католики — говорили они, полагаюсь на что-то, ведутъ къ междуусобію, а потому князя и чины Силезіи желаютъ соединиться съ панами-чинами подобойскими королевства чешскаго и не отступаться отъ нихъ въ статьѣ о религіи до тѣхъ поръ, пока они всѣ вмѣстѣ не получаютъ обезпечивающей гарантіи». Съ удовольствіемъ выслушали чешскіе чины пословъ, а 20 іюня заключили съ ними формальный оборонительный договоръ. Последніе остатки стараго утраввистскаго духовенства оставляли теперь нижнюю консисторію и переходили къ конфессіи (1); это само собою совершавшееся уничтоженіе старой подобойской консисторіи тѣмъ сильнѣе утверждало членовъ съѣзда въ законности ихъ требованія передачи нижней консисторіи въ руки новыиъ подобоямъ. Наконецъ университетъ открыто принялъ сторону чиновъ, отказавшись участвовать въ католической процессіи Тѣла Господня, вопреки приказанію короля. Это приказаніе дало поводъ чинамъ прямо объявить канцлера Лобковица своимъ врагомъ.

Въ тотъ самый день, когда былъ заключенъ оборонительный договоръ съ силезскими протестантами, получилася королевская резолюція на оставленный на столѣ послѣдній отвѣтъ чиновъ. Она такъ же мало соотвѣтствовала ожиданіямъ подобоевъ, какъ и всѣ прежнія. Король было надѣялся, что чины успокоятся послѣднимъ его рѣшеніемъ, но надежда не оправдалась; поэтому онъ снова объявляетъ, что все должно остаться по старому: присяга и защита короля простираются на всѣ «послушныя сословія», на всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ; онъ, король, гарантируетъ каждому «z ohoи náboženství» безпрепятственность исповѣданія его религіи; но такъ какъ нѣтъ никакого повода опасаться войны, то чинамъ слѣдуетъ оставить всѣ приготовленія; что касается требуемой передачи университета и нижней Консисторіи, то это требованіе не можетъ быть исполнено, такъ какъ завѣдываніе этими учрежденіями есть право королей чеш-

---

(1) Славата съ негодованіемъ говоритъ объ этомъ явленіи. (I. 294. 297. и въ другихъ мѣстахъ).

снихъ, какъ основателей ихъ, и потому король надѣется, что чины не посягнутъ на право, ему принадлежащее. Сеймъ ждалъ утверждёнiя поданнаго маестата и ошибся.

По порученiю короля въ томъ же смыслѣ говорилъ чинамъ пользовавшійся ихъ довѣрiемъ бургграфъ Штериберкъ.

Чины потребовали отложить разсмотрѣнiе отвѣта на-завтра, но бургграфъ имъ указалъ, что завтра воскресенье и праздникъ Тѣла Господня.

Въ понедѣльникъ, 22 iюня, собрались чины и избрали комитетъ изъ 60 человекъ⁽¹⁾. Избранные присягнули всѣ свои совѣщанiя держать въ глубокой тайнѣ и послѣ продолжительнаго спора рѣшили послать королю объяснительную записку, почему сословія не удовлетворяются послѣднимъ отвѣтомъ, и затѣмъ приступить къ общему земскому вооруженiю. Душой послѣдняго былъ Турнъ, который написалъ и планъ обороны (defens). Дали знать въ Моравiю, прося о содѣйствiи, а у силезскихъ пословъ освѣдомились о размѣрѣ помощи съ ихъ стороны. На слѣдующій день была изготовлена записка и прочтена на сеймѣ. Весь день чины провозились съ ней. Когда же вечеромъ бургграфъ, въ сопровожденiи нѣкоторыхъ католическихъ пановъ, явился въ сеймовую залу, чтобъ объявить засѣданiе закрытымъ, Будовець, отъ имени своей стороны, просилъ его и его сотоварищей назначить, въ виду горячности дѣлъ, засѣданiе на-завтра, не смотря на то, что завтра праздникъ Іоанна Крестителя, и пожаловать самимъ лично: они, подобно, имѣютъ съ ними переговоры конфиденціально о своихъ обидахъ и просить у нихъ совѣта и помощи. Штериберкъ отвѣтилъ полнымъ согласiемъ на обѣ просьбы чиновъ. Засѣданiе 24 iюня было самое рѣшительное: уже раннимъ утромъ сошлись чины въ судейской комнатѣ сейма и приступили къ избранiю изъ среды своей генераловъ и офицеровъ для будущаго войска и членовъ временнаго правительства, затѣмъ совѣщались о мѣрахъ для набора и содержанiя солдатъ. Проектируемая контрибуція была не по вкусу зажиточнѣйшимъ панамъ: они знали,

---

(1) По Гиндеху изъ 75 человекъ. «Geschichte». II. 419.

что подобное рѣшеніе «штурмуетъ ихъ карманы», и потому предлагали статью объ оборонѣ отложить на-послѣ, а теперь продолжать переговоры съ правительствомъ и мирнымъ путемъ добиваться разрѣшенія религіознаго вопроса; но большинство собранія высказалось противъ такого образа дѣйствій.

Вопиющее настроеніе стало преобладать на сеймѣ: стала осаливать партія Турна, и ею было отклонено примирительное посредничество саксонскаго посланника. На предложеніе бурграффа, который все не терпѣлъ надежды покончить дѣло миромъ, — представить королю записку (она была уже написана) или объясниться словесно, чины отвѣчали отказомъ. Чины отклоняли такимъ образомъ всякую попытку къ примиренію, — но она пошла отъ короля.

Дѣло въ томъ, что представленія саксонскаго посла въ пользу возставшихъ подобовъ подѣйствовали на Рудольфа, и онъ рѣшился сдѣлать имъ нѣкоторую уступку. Съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, по словамъ Славаты, пришелъ Штернберкъ поздно вечеромъ въ засѣданіе сейма, неся королевскую резолюцію, составленную въ примиряющемъ смыслѣ. Резолюція эта, по справедливому замѣчанію Будовца, отвѣчавшаго на нее, была недобна прежнимъ и заключала въ себѣ неточныя, темныя и противурѣчащія объясненія. Король допускалъ конфессію 1575 года на время — до общаго соглашенія, позволялъ чинамъ имѣть своихъ священниковъ «на основаніи именно этой конфессіи, а не иной какой, ибо они, по ихъ объясненію, согласились вполнѣ между собою», строить церкви, школы, но только на своихъ наслѣдственныхъ и свободныхъ земляхъ. Что же касается до университета и консисторій, то отвѣтъ былъ прежній — передать нельзя. Ясно, конфессія не утверждалась, а только допускалась: свобода вѣры предоставлялась панамъ и рыцарямъ; о королевскихъ же городахъ, тѣмъ болѣе о крестьянахъ не было помину.

Чины не пожелали даже отвѣчать на предложенныя уступки, не смотря на всяческія убѣжденія и просьбы миролюбиваго бурграффа. «Довольно, довольно! долѣе уже мы не можемъ ждать этихъ утѣшеній!» кричали они, когда Штернберкъ предлагалъ имъ указать тѣ пункты, которые они находятъ недостаточ-

ными, говоря, что король, «безъ сомнѣнія», исполнитъ икъ желанія.

Не смотря на позднее время, когда обыкновенно сеймъ не засѣдалъ, была прочтена, по предложенію Вудовца, объяснительная записка королю, составленная уже нѣсколько дней назадъ, какъ отвѣтъ на предпоследнюю резолюцію. Указавши вкратцѣ на недостойное обращеніе правительства съ подобойскими сословіями въ теченіе послѣднихъ трехъ сеймовъ, когда они были постоянно обманываемы въ своихъ ожиданіяхъ, чины категорически заявили, что они останутся при своей протестаціи, представленной устно и письменно королю (т. е. при своемъ послѣднемъ отвѣтѣ), свободно исповѣдываютъ свою конфессію и совокупными силами, съ оружіемъ въ рукахъ, защищаются противъ каждаго, кто осмѣлился бы учинить какое-либо насиліе ихъ совѣсти или принуждать ихъ участвовать въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ сейма и обсужденіяхъ королевскихъ предложеній, для каковой цѣли они приступили къ общему земскому вооруженію, «чтобы не быть застигнуто въ расплохъ, какъ это было въ минувшемъ году».

Сеймовыя сословія отъ слова переходили теперь къ дѣлу: по прочтеніи записки, они не дозволили бургграфу говорить и съ крикомъ потребовали немедленнаго чтенія плана вооруженія, составленнаго Турномъ — «defensí pr. obhájovaní náboženství».

На основаніи этого плана каждый обыватель королевства представляетъ противъ имущественной оцѣнки, установленной сеймомъ 1596 года, двойное количество людей, т. е. если онъ прежде выставлялъ въ поле десятого крестьянина, то теперь долженъ выставить пятого, если прежде одного всадника, теперь двухъ. Это земское ополченіе находится подъ начальствомъ избранныхъ сеймомъ 24 іюня генераловъ — Турна, Колони Фельдзескаго и Бубны. «Тавъ какъ — говорилъ планъ — дѣло идетъ о благосостояніи короля и королевства и о томъ, что дороже всего для сословій — о спасеніи душъ, чести, жизни, имѣній, женъ, дѣтей, о томъ почегъ, который имѣлъ нѣкогда чешскій народъ между другими, а безъ денегъ ничего нельзя предпринять, — поэтому опредѣляется, что подати, установленныя на сеймѣ 1596 года, имѣютъ быть внесены въ два срока лицамъ, специально

назначеннымъ для того отъ сословій». Въ виду же того обстоятельства, что чины сейма не могутъ долѣе оставаться въ Прагѣ, планъ извѣщалъ землю, что избирается временное правительство изъ 30 директоровъ, по 10 человекъ отъ каждаго сословія. Въ составъ временнаго правительства вошли слѣдующія, выбранныя еще въ засѣданіи 24 іюня, лица: Розенберкъ, Швамберкъ, Сезимовъ, Швиговскій, Радславъ Вхынскій, Вартиберкъ, Янъ Ричанъ, Вильгельмъ Лобковицъ, Шликъ, Вацлавъ Роуповъ — отъ пановъ; Гершторфъ, Штапахъ, Берковскій, Годеевскій, Фиктумъ, Ванчура, Гомуть, Михаловицъ, Лосъ, Митровицъ — отъ рыцарей; Лингартъ, Магзли, Фрувейнъ, Гумбуркъ, Воднянскій, Перкаръ, Коханъ, Коберъ, Вепрхъ, Коралекъ — отъ городовъ. При этомъ избранные были поровну изъ братской общины и конфессіонистовъ. Но такъ какъ первый директоръ, Петръ Вокъ Розенберкъ, по старости лѣтъ не могъ участвовать въ дѣлахъ, то сеймъ объявлялъ, что на его мѣсто избранъ Вацлавъ Будовець изъ Будова. Наконецъ планъ требовалъ предложить и католическимъ чинамъ принять участие въ общей защитѣ «вѣры христіанской и милой отчизны чешской».

Послѣ этого братъ Будовець, глава революціоннаго движенія, поднялся и произнесъ: «кто присоединяется къ защитѣ, подыми руку и присягни на вѣрность!» И подняли руки, и присягнули все, кромѣ католиковъ, которые успѣшно удалились; за ними понеслись голоса: вонъ, вонъ!

Это знаменитое засѣданіе сейма 26 іюня окончилось почти въ полночь. Предъ расходомъ чины положили собраться на другой день утромъ въ старомѣстской ратушѣ.

Рано утромъ въ субботу, 27 іюня, собрались чины въ старомѣстской ратушѣ, чтобы торжественно передать свою власть только что избранному временному правительству — директоріи изъ 30. Директора принесли присягу чинамъ, что со всемъ стараніемъ они будутъ «рядить и править» землей по всемъ вопросамъ, которые указаны въ данномъ имъ отъ сейма полномочіи. Затѣмъ директора вручили чинамъ запись, въ которой точно были обозначены все обязательства, приня-

тыя иди. Съ своей стороны динн присягнули новому правительству на «послушное» исполненіе всѣхъ его законныхъ распоряженій, на оборону его предъ всякой опасностью, и передали ему свою полную мочь и право «k uvažování, řízení, konání a spravování toho všeho, což k též defenzí náleží», при чемъ повторили обѣщаніе защищать и слушать его, «какъ подобаетъ это честнымъ людямъ и истиннымъ чехамъ». Какъ запись, такъ и полномочіе, были составлены еще 23 іюня, т. е. въ комитетѣ изъ 60.

Послѣ этого директора были введены въ судейскую комнату ратуши. Католики прислали было двухъ пановъ, Донина и Точника, просить подобоевъ въ засѣданіе сейма, но тѣ отвѣчали отказомъ.

Въ тотъ же самый день директора принялись за свое новое дѣло. Денегъ не было, а онѣ нужны были для снаряженія войска, и потому рѣшили просить у Христиана, князя ангальтскаго, дать въ займы амуницію, и посланіе въ этомъ смыслѣ было тотчасъ же изготовлено. На слѣдующій день, въ воскресенье, происходили живые дебаты о формированіи войскъ. Тѣ изъ директоровъ, которые все еще считали власть свою связанною съ королевской, были противъ найма солдатъ, такъ какъ это, говорили они, было бы противъ обѣщанія, даннаго королю; но болѣе рѣшительные возражали, что теперь уже поздно думать о прежней власти, когда явилась новая, что они поставлены въ такое положеніе, что если сами не защитятъ себя, то нечего надѣяться на пощаду (tehdy sebe ne vuprosí). Мнѣніе послѣднихъ одержало верхъ, и было положено — безъ дальнѣйшаго отлагательства свербовать три тысячи пѣхоты и полторы тысячи конницы; заботы о формированьѣ войскъ были возложены на Турна. Деньги, нужныя для покрытія первоначальныхъ расходовъ, предполагалось добыть путемъ займа въ Прагѣ.

Главой директоріи былъ братъ Будовець, хотя въ современныхъ памятникахъ онъ нигдѣ такъ не называется. Онъ руководилъ теперь революціоннымъ правительствомъ, какъ руководилъ доселѣ борьбой на сеймахъ послѣднихъ лѣтъ. Какъ человекъ энергическаго характера, сложившій свою почти восьмидесяти-

лѣтнюю голову на плахѣ въ 1621 году, искушенный опытомъ жизни, продолжительной сеймовой борьбой, онъ ясно понималъ, что лишь быстротой и рѣшительностію дѣйствиій можно было выиграть только что открытую компанію. Понятно, Будовець былъ далекъ отъ всякой мысли пойти назадъ; для него было *pozdě toho šeliti, aby Jeho Milost Císařku tudy neuzazili*, чего такъ опасались болѣе робкіе директоры.

Если и могло выйти слово мира, то никакъ не изъ лагера Будовца, и, дѣйствительно, оно пошло отъ короля.

Мы видѣли, какъ въ теченіе всей сеймовой борьбы послѣднихъ трехъ сеймовъ только одинъ человекъ употреблялъ все усилія, чтобы разладъ короля съ землей не дошелъ до открытой войны, — это былъ бургграфъ дражскій Штернберкъ. Къ сожалѣнію, его примирительная политика, благодаря сильнѣйшему вліянію «исувитскихъ орудій» — Лобковица съ товарищами, потерпѣла неудачу, и гражданская война, чего онъ такъ опасался, началась. Но и теперь онъ не потерялъ еще всей надежды уладить дѣло и рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку — примирить короля съ возставшей землей. 29 іюня къ вечеру получено было приглашеніе отъ бургграфа къ шести директорамъ: Будовцу и Швалберку отъ пановъ, Гернторфу и Михаловицу отъ рыцарей, Лингарту и Маргли отъ городовъ — пожаловать къ нему въ домъ на-завтра къ 6 часамъ утра для сообщенія чинамъ отъ имени короля «нѣкотораго обстоятельства». На другой день утромъ собралась директорія для обсужденія вопроса — принимать ли приглашеніе бургграфа или нѣтъ. Нѣкоторые члены временнаго правительства оскорбились приглашеніемъ только немногихъ изъ нихъ на совѣщаніе къ бургграфу и потому были противъ начатія какихъ бы то ни было переговоровъ. Другіе же были за принятіе приглашенія, справедливо указывая, что если они будутъ отклонять всякую попытку на миръ, то дѣло отъ этого не выиграетъ. Вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній были посланы двое изъ директоревъ къ Штернберку съ просьбой — точнѣе указать цѣль переговоровъ. Они приесли отвѣтъ, что бургграфъ съ нѣкоторыми католиками желаетъ переговорить о «неотложномъ дѣлѣ». Большинство директоріи рѣшило дозволить

указаннымъ въ приглашеніи лицамъ быть у бургграфа, но не вступать съ нимъ ни въ какіе переговоры.

30-го іюня было первое собраніе у Штернберка. Здѣсь ожидали директоровъ нѣкоторые изъ католическихъ пановъ, сторонники примирательной политики бургграфа: Вальдштейнъ, Донинъ, Точниъ, Кленовый. Хозяинъ радушно привѣтствовалъ гостей и объяснилъ имъ цѣль приглашенія. Отъ имени присутствовавшихъ католиковъ онъ выразилъ крайнее сожалѣніе, что дѣло вѣры до сихъ поръ не рѣшено, и указалъ, что дальнѣйшій бумажный способъ веденія переговоровъ между чинами и королемъ не вѣренъ: извѣстныя выраженія каждая сторона понимаетъ по своему, и потому онъ полагаетъ, что самымъ удобнымъ средствомъ для окончанія релігіознаго дѣла были бы частныя пріятельскія бесѣды; здѣсь откровенно они переговорили бы другъ съ другомъ, согласились бы, и дѣло было бы улажено. Посланные на это отвѣчали, что донесутъ директоріи.

Собраніе директоріи сначала высказалось противъ предложенія бургграфа, указывая, что уже довольно было всякихъ словъ, но потомъ рѣшило отправить своихъ депутатовъ въ Штернберку. Посланный саксонскій съ своей стороны просилъ отъ имени курфюрста принять предложеніе. Вторая депутація состояла также изъ 6 человекъ, но въ ея составъ вошли три новыя лица: Вартмбергъ, Штампахъ и Коханъ. Будовець произнесъ рѣчь, гдѣ объяснилъ, что директора, вслѣдствіе обязательства, даннаго сейму, до тѣхъ поръ, пока маестатъ не будетъ всецѣло утвержденъ, не могутъ вступать ни въ какіе формальные переговоры безъ согласія на то чиновъ. На эту рѣчь Штернберкъ отвѣчалъ повтореніемъ прежде сказаннаго — о пріятельскихъ совѣщаніяхъ; но Будовець говорилъ одно, что они, депутаты, имѣютъ право только выслушать и затѣмъ донести директоріи.

Послѣ этого бургграфъ указалъ на два пункта, которые могли бы, по его мнѣнію, составить предметъ предлагаемыхъ имъ пріятельскихъ бесѣдъ: во первыхъ, онъ просилъ указать, чего недостаетъ въ послѣдней резолюціи королевской, отъ 26-го

іюня; во вторыхъ — въ чемъ не сходствуетъ концептъ представленнаго маестата съ этой резолюціей.

Посланные отвѣчали, что они донесутъ остальнымъ директорамъ, и этихъ окончилось второе совѣщаніе.

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ директора рѣшили послать къ Штернберку на-завтра въ третій разъ депутацію, а между тѣмъ получили извѣстіе, что Турякъ уже сформировалъ въ Прагѣ отрядъ въ 500 человекъ.

Въ третью депутацію, кромѣ шести прежнихъ лицъ, вошли еще Шликъ, Оттъ и Лингартъ. Въ домѣ у бургграфа собрано было также большее противу прежняго число католиковъ. Во главѣ депутаціи былъ тотъ же Будовець, и въ произнесенной рѣчи онъ выразилъ согласіе директоріи на начатіе переговоровъ: пусть только католики указываютъ недостатки маестата. Штернберкъ, по совѣщаніи съ своими, повторилъ увѣреніе въ готовности своей стороны на мирное соглашеніе во всемъ съ подобными, но просилъ, чтобы прежде всего депутаты указали, въ чемъ разнятся резолюція, отъ маестата. Но Будовець отвѣчалъ, что депутаты не имѣютъ разрѣшенія входить въ разсмотрѣніе этого вопроса; тогда только Штернберкъ согласился прочесть мнѣніе своей партіи о недостаткахъ маестата. По мнѣнію умѣренныхъ католиковъ, оставленный на столѣ концептъ маестата долженъ быть измѣненъ въ 8 пунктахъ. Такъ какъ всѣ эти предлагавшіяся католиками измѣненія болѣе или менѣе незначительны, то мы укажемъ только главнѣйшія изъ нихъ.

Необычное выраженіе «евангелическіе чины» Штернберкъ предлагалъ замѣнить словомъ «*rod obojí*»: это слово, объяснялъ бургграфъ, изстари употребляется, и тѣже два исповѣданія — католическое и подобоеское, такимъ образомъ, останутся и на будущее время въ Чехіи. Очевидно, бургграфу было все равно — какое бы содержаніе ни было подъ выраженіемъ *rod obojí*, лишь бы осталась форма старая, привычная. Утраквистская консисторія не должна бы переходить въ завѣдываніе чинновъ: это поставило бы въ затрудненіе католическихъ пановъ, имѣющихъ подобоескія коллатуры, да и священники, не приступившіе къ конфессіи 1575 года, не знали бы, куда обращаться.

Университетъ имѣеть остаться въ рукахъ короля, ибо король есть основатель его; но чины могли бы получить право охраны (defensorství), какъ надъ конскторією, такъ и университетомъ: чины выбирали бы изъ среды своей извѣстное число охранителей (defensory), а король утверждалъ бы изъ нихъ 6 чело-вѣкъ. Въ заключеніе бургграфъ замѣтилъ, что король узналъ о вербованіи людей въ столицѣ, но этому не вѣрить, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ статьи не такъ тяжелы, чтобы онѣ не могли обойтись безъ вербованія солдатъ.

Депутаты отвѣчали, что они не могутъ отступить отъ маестата, и затѣмъ уѣхали.

На слѣдующій день, 3-го іюля, директора собрались въ ратушѣ и, выслушавши донесеніе о вчерашнихъ переговорахъ, послали тѣхъ же депутатовъ въ Штернберку для дачи отвѣта на указанные недостатки маестата. Относительно выраженія «евангелическіе чины» директорія выразила свое несогласіе на измѣненіе; что же касается до конскторіи и университета, то она остается при прежнемъ мнѣніи — не уступить, ибо не можетъ допустить, чтобы ихъ дѣла вѣдались по прежнему въ канцеляріи (т. е. у Лобковица). Слухъ о вербованіи солдатъ справедливъ, но формируемое войско предназначено не противъ короля или католиковъ — пріятелей, а необходимо для безопасности чигровъ, такъ какъ директорія имѣеть свѣдѣнія, что испанскій посоль и графъ Сульцъ собираетъ войска въ Баваріи, и тамъ открыто говорятъ, что скоро пойдутъ на чеховъ.

Посоветовавшись съ другими католиками, бургграфъ отвѣчалъ, что дѣло уже нѣсколько выяснилось, и потому считаетъ необходимымъ довести обо всемъ до свѣдѣнія короля; на нѣкоторыя же свои сомнѣнія попросилъ у депутаціи объясненія, а именно онъ предложилъ ей два вопроса: чѣмъ будетъ гарантирована свобода католической церкви въ королевствѣ, и кто принесть вѣсть о собираніи войска въ Баваріи? Будовець замѣтилъ на это, что въ представленномъ маестатѣ нигдѣ не говорится, что подобои будутъ отправлять свое служеніе въ католическихъ церквяхъ, поэтому не чего гарантировать; что же касается до втораго вопроса, то объ немъ доложить директоріи.

Штернберкъ отвѣчалъ, что онъ поспѣшитъ довести королю, и прибавилъ: «Богъ дастъ, все придетъ къ счастливому концу».

Между тѣмъ военныя силы директоріи увеличивались: четыре съ половиной тысячи пѣхоты и полторы конницы уже были подъ командой революціонныхъ генераловъ — Турна, Фельзескаго и Бубны. Чтобы отомстить своимъ врагамъ, директорія расквартировала свои войска въ ближайшихъ къ Прагѣ имѣньяхъ Лобковица и Мартиница, гдѣ тѣ намѣренно позволяли себѣ производить всякія безчинства. Славата снался отъ этой мести только тѣмъ, что имѣнья его были далеко отъ столицы.

4-го іюля, въ субботу, Штернберкъ пригласилъ къ себѣ снова депутатовъ отъ директоріи, и были посланы тѣ же девять человекъ. На этой конференціи бурграфъ сообщилъ, что король по вопросу объ измѣненіи редакціи представленнаго маестата выразилъ слѣдующія желанія: слово «евангелическіе» должно быть непременно выпущено, чтобы не производило оно непріятнаго впечатлѣнія на католиковъ имперіи; своимъ правомъ на консисторію и университетъ онъ не можетъ поступиться, но дозволяетъ сеймовымъ сословіямъ избрать двойное число охранителей, изъ которыхъ половина утверждается королемъ; подобоюжъ предоставляется право погребать въ церквяхъ, въ которыхъ есть у нихъ какіе нибудь вклады, въ другихъ же церквяхъ католическихъ — только съ разрѣшенія воллаторовъ; всякая иная конфессія, кромѣ 1575 года, на будущее время воспрещается (очевидно, намекъ на братскую общину); настоящее положеніе дѣлъ — до общаго генеральнаго сейма; сословія подобойскія должны дать письменное обязательство, что они не будутъ чинить никакого насилія католикамъ. «Когда же чины — заключилъ свою рѣчь Штернберкъ — утвердятъ это обязательство, то его величество готовъ тотчасъ же подписать маестатъ, приложить печать и вручить его извѣстнымъ лицамъ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что директорія немедленно же сложитъ свою власть, прекратитъ вербовку солдатъ и продолжитъ занятія на сеймѣ, чтобы можно было закрыть его стародавнимъ способомъ. Когда все вышеозначенное будетъ исполнено, готовый маестатъ передается имъ въ руки».

Форма требуемаго королемъ письменнаго обязательства была по желанію депутатовъ написана самими же католиками и на третій день, въ понедѣльникъ утромъ, 6-го іюля, отослана въ директорію для разсмотрѣнія.

Директорія разсматривала его недолго и въ тотъ же день, послѣ полудня, отправила семь депутатовъ въ бургграфу: Сезиму, Роушова, Будовца, Штампхаха, Ванчуру, Магрле и Вопрха, съ объявленіемъ, что они, директора, не имѣютъ права вступать ни въ какіе переговоры объ обязательствѣ, такъ какъ маестатъ написанъ въ сеймѣ, и они не могутъ ничего въ немъ измѣнять, но что когда соберется сеймъ, тогда католики могутъ искать такого обязательства у самаго сейма. Депутаты раскланялись, а бургграфъ отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ королю.

Между тѣмъ какъ велись эти частные переговоры, въ городѣ распространилась молва, какъ изъ лагеря католическаго, такъ и подобойскаго (¹), что король согласенъ на уступки подоболямъ, да директорія упрямится, понапрасну вербуетъ войска, отягчаетъ жителей налогами (которые, по объявленію директоріи отъ 29-го іюня, имѣли быть выплачены въ теченіе четырехъ недѣль), и потому однимъ директорамъ слѣдуетъ виѣннить въ вину, что дѣло религіозное не приходитъ къ концу, что они, пражане, отказываются отъ взноса затребованной революціоннымъ правительствомъ контрибуціи и сообщать обо всемъ происшедшемъ панамъ по помѣстьямъ, чтобы тѣ также не платили. Понятно, подобные слухи могли вредно вліять на массу, и потому директорія сочла необходимымъ написать открытое письмо къ землѣ. Въ опроверженіе распространяющихся толковъ директора объявляли, что они, дѣйствительно, ведутъ переговоры съ высшими королевскими чиновниками о маестатѣ, что тѣ требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ немъ, требуютъ отъ нихъ письменнаго обязательства, но — «дѣлается ли это съ воли и вѣдома его величества», имъ не извѣстно; что въ силу даннаго обязательства чинамъ они не могутъ согласиться ни на какія

(¹) Мы видѣли выше, что зажиточные паны-подобои были противъ взноса контрибуціи на содержаніе вербуемаго войска.

уступки и потому просили землю не вѣрить несправедливымъ нареканіямъ на нихъ. Это письмо помѣчено было тѣмъ же числомъ, какъ и отвѣтъ о реверсѣ, т. е. 6-мъ іюля — «den památný sv. M. Jana Husi a M. Jeronýma, mučedlníkúv božích».

Примиритель Штернберкъ увидѣлъ, что директорію нельзя склонить ни къ малѣйшей уступкѣ; съ другой стороны, убѣждаясь, что дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, рѣшился вмѣстѣ съ своими сторонниками и панами, участвовавшими въ «пріятельскихъ бесѣдахъ», на послѣднее и единственное средство предупредить грозу — уговорить короля уступить.

7 іюля, во вторникъ, бургграфъ въ сопровожденіи своихъ пріятелей явился во дворецъ къ Рудольфу. «Изъ Вѣны пришло извѣстіе — сказалъ Штернберкъ, что братъ вашъ, король Матвѣй, уступилъ всѣмъ желаніямъ протестантскихъ чиновъ Австріи и тѣмъ совершенно успокоилъ землю. Поэтому, если, ваше величество, не соизволите согласиться на такую же уступку подобойскимъ чинамъ королевства чешскаго, то должно опасаться, что они, не получивши отъ вашего величества маестата, обратятся къ вашему брату, какъ наслѣднику престола, отступятся отъ васъ и примутъ его, какъ законнаго своего короля и государя». Эта угрожающая рѣчь бургграфа и нѣкоторые совѣты окружавшихъ лицъ сломили упрямство Рудольфа, и онъ выразилъ согласіе утвердить маестатъ. Въ эту именно минуту, присутствовавшій канцлеръ Лобковицъ произнесъ «съ сердцемъ и смѣло» свою знаменитую фразу: «если, ваше величество, вашъ братъ Матвѣй своимъ согласіемъ на заблуждающуюся религію прокладываетъ австріяцамъ дорогу въ адъ, то можно надѣяться, что ваше величество не соизволите послѣдовать за нимъ». Но Лобковица на этотъ разъ Рудольфъ не послушалъ.

Штернберкъ тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ пріятелей, Донина, къ директорамъ поздравить ихъ и объявить, что Рудольфъ согласенъ на представленный чинами проектъ маестата, но съ условіемъ, чтобы слово «евангелическіе» было непременно замѣнено словомъ «подобойскіе», и чтобы новый законъ имѣлъ силу до общаго имперскаго сейма.

Директорія, по краткомъ обсужденіи, опредѣлила принять предлагаемыя условія королемъ, согласилась на требуемую уступку въ редакціи маестата и для сообщенія своего рѣшенія отправила въ бургграфу: Фельзескаго, Роупова, Будовца, Годеева, Ванчуру, Магрле, Гумбурка и Кохана, съ объявленіемъ, что лишь только маестатъ будетъ подписанъ, она сложитъ съ себя свою власть. Вопросъ о записи относительно католиковъ былъ отклоненъ на томъ основаніи, что онъ подлежитъ рѣшенію сейма.

На другой день, 8 іюля, въ среду, Штернберекъ сообщилъ директоріи черновую маестата, съ просьбой рассмотреть ее и назначить срокъ, когда католическіе паны могли бы сойтись съ директорами для окончательнаго обсужденія дѣла. Директорія обѣщала выслать депутацію завтра же. Дѣйствительно, на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, депутація изъ 9 директоровъ (вѣроятно, тѣже, что и вчера) отправилась въ домъ бургграфа. Она вручила обратно черновую маестата и сообщила заключеніе директоріи; что въ предложенной редакціи закона должно измѣнить то мѣсто, гдѣ говорится о дефензорахъ, въ томъ смыслѣ, что король не имѣетъ права вычеркивать ни одного изъ избранныхъ сеймовыми сословіями въ охранители и что если королевское утвержденіе не послѣдуетъ въ теченіе двухъ недѣль, то избранные будутъ считаться утвержденными.

Католики приняли это заключеніе директоріи въ свѣдѣнію и затѣмъ вступили въ совѣщаніе съ присланными директорами о точномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній католиковъ и подобоевъ на будущее время. Результатомъ этого совѣщанія было не менѣе значительное, какъ и маестатъ, «соглашеніе» (rogov-papí), относительно котораго обѣ стороны условились, что этотъ актъ, наравнѣ съ маестатомъ, долженъ быть утвержденъ королемъ и внесенъ въ земскія доски. Послѣ этого католики дали слово, что король согласится на предложенное директорами измѣненіе въ текстѣ маестата относительно охранителей.

9 іюля, въ четвергъ, знаменитый маестатъ былъ наконецъ подписанъ Рудольфомъ и въ томъ видѣ, въ какомъ требовала директорія. Даже въ эту торжественную и рѣшительную минуту, когда въ подписаніи маестата было единственное спасеніе для

Рудольфа, канцлеръ Лобковицъ остался тѣмъ же непреклоннымъ фанатикомъ, озлобленнымъ врагомъ ликовавшихъ теперь подобоевъ: не смотря на подпись Рудольфа, онъ отказался приложить свою руку къ знаменитому государственному акту. «Онъ категорически отвѣтилъ его величеству — говорить Славата, что, посоветовавшись съ учеными духовными людьми⁽¹⁾, онъ находить, что никакъ не можетъ подписаться подъ маестатомъ противъ своей вѣры безъ оскорбленія своей совѣсти». Подобои продолжали требовать подписи канцлера, но получали тотъ же отвѣтъ — «нѣтъ». Тогда директора условились, что вмѣсто канцлера подпишется бургграфъ Штернберкъ. Даже секретарь канцлера, Янъ Менцеліусъ, осмѣлился повторить выходку своего патрона: «изъ глубокой привязанности къ святой вѣрѣ католической — объясняетъ Славата — и онъ, подобно своему принципалу, отказался подписаться». Замѣсто Менцеліуса подписался Павелъ Михна.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ препирательствъ между директоріей и правительствомъ, въ понедѣльникъ, 13 іюля, депутація изъ шести директоровъ явилась въ судейскую комнату сейма за принятіемъ маестата. Ее составляли: Карлъ Вартемберкъ, Роуповъ, Берковскій, Годаевъ, Коханъ и Коралекъ. Входъ въ судейскую комнату былъ свободенъ на этотъ день, и потому она была полна зрителей — католиковъ и подобоевъ. Бургграфъ Штернберкъ, держа въ рукахъ маестатъ, обратился къ депутаціи съ краткою рѣчью: «его величество поручилъ нѣкоторымъ изъ насъ при передачѣ этого маестата сообщить вамъ слѣдующее. Такъ какъ, ваши милости, вы лично и замѣсто большаго числа пановъ сословій-подобоевъ, послѣ неоднократнаго устнаго и письменнаго заявленія, изводите еще разъ заявить, что при настоящихъ сеймовыхъ прѣвняхъ вы не желаете предпринимать ничего такого, что было бы противъ власти и достоинства короля, поэтому его величество полагается на васъ и совершенно покоенъ; но если бы случилось что-нибудь противное, чего впрочемъ его величество не ожидаетъ отъ всѣхъ

(1) Понятно, іезуитами

трехъ сословій-подобоевъ, то этотъ маестатъ тотчасъ же теряетъ силу».

Вартемберкъ принялъ маестатъ, и депутація вышла, чтобы передать его директоріи въ полномъ составѣ въ старомѣстско-ратушѣ⁽¹⁾.

Въ тотъ же самый день, т. е. 13 іюля, директора поспѣшили извѣстить чины въ краяхъ о полученіи маестата: вмѣстѣ съ тѣмъ приглашали ихъ пріѣхать къ концу недѣли въ Прагу. Не были забыты директорами и ихъ союзники — силезскіе чины, и они получили также маестатъ на свободу «евангелическаго» исповѣданія.

Въ назначенный срокъ земскіе чины были въ Прагѣ, и 21 іюля⁽²⁾ сошлись въ старомѣстской ратушѣ. Прочтѣвши благодарственный гимнъ Богу, все пали на колѣни и молились. Послѣ молитвы старый Будовецъ произнесъ рѣчь, въ которой представилъ отчетъ директоріи о управленіи, и тогда уже былъ прочитанъ маестатъ. Присутствовавшіе чины устами Павла Ричачи поблагодарили директорію за ея успѣшныя дѣйствія и просили ее не слагать съ себя власти до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ доведено до конца.

На другой день чины собрались въ сеймовой залѣ. Явились и высшіе земскіе чиновники, судьи и совѣтники изъ католической кромѣ Лобковица, Славаты и Мартиница. Бургграфъ Штерберкъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой просилъ чини теперь, когда съ божьею помощію статья о вѣрѣ уже повѣрена, заняться обсужденіемъ королевскихъ предложеній, и хотѣло было ихъ снова прочесть, — но Будовецъ отъ имени сейма требовалъ прежде всего назначить релаторовъ къ земскі

⁽¹⁾ По Славатѣ, это было 14 іюля; но въ другомъ мѣстѣ (I. 30) онъ говоритъ, что маестатъ былъ врученъ директорамъ 13 іюля, какъ число принимаетъ и издатель «Рашѣті». I. Иречекъ. Событія мая, іюня іюля мѣсяцевъ 1609 г. изложены по «Воспомяніямъ» Славаты. I. 269—270. Здѣсь приведены и все соответствующіе документы. У Сказы рассказъ тѣмъ обстоятельнѣе (I. 182—257), но Славата предпочтительнѣе. Ср. прим. выш.

⁽²⁾ Во вторникъ, хотя у Славаты указанъ понедѣльникъ. I. 373.

доскамъ для внесенія въ нихъ только-что полученныхъ земскихъ привилегій. Сеймъ, принявъ маестатъ и «соглашеніе», выразилъ одобреніе на предложеніе Будовца о назначеніи релаторовъ, и послѣдніе были тотчасъ же избраны отъ двухъ сословій: пановъ и рыцарей. Когда и города потребовали имѣть своихъ представителей при этомъ торжественномъ внесеніи обоихъ законовъ въ доски, высшія сословія и король должны были уступить, хотя, по выраженію бургграфа, на памяти людской подобнаго примѣра не бывало (1).

23 іюля маестатъ былъ внесенъ въ земскія доски. Въ началѣ слѣдующаго года, предъ распущеніемъ сейма, онъ былъ отвезенъ въ Карлштейнъ, старое хранилище государственныхъ актовъ Чехіи, при чемъ Лобковицъ, Славата и Мартиницъ не пустили случая и здѣсь протестовать противъ установившагося, по видимому, земскаго мира (2).

Въ субботу по св. Ильѣ, 25 іюля, было внесено въ земскія доски и «соглашеніе между католиками и подобоями» (rovnání mezi stranou pod jednou i pod obojí), которое было выработано наканунѣ подписанія маестата на пріятельскомъ совѣщаніи у Штернберка умѣренныхъ католиковъ и членовъ директоріи.

Оба эти знаменитые государственные акта должны были, по пониманію обѣихъ противныхъ сторонъ, взаимно пояснять другъ друга: «jakož tů majestát tomuto snešení — говоритъ соглашеніе — tak i toto snešení tomu majestátu v ničemž na škodu není a býti nemá» (3).

Разсмотримъ теперь содержаніе маестата и соглашенія и ихъ взаимное отношеніе.

Маестатъ объявлялъ полную свободу совѣсти всѣмъ тѣмъ, кто признавалъ «чешскую конфессію» 1575 года. «Подобоя» сословія — говорилъ король — сословіе панское, рыцарское, фражане, горцы и иные города, съ ихъ подданными людьми,

(1) ib. 375.

(2) ib. 404—405.

(3) Skala. I. 245.

словомъ всь, которые только признали и признають упомянутую конфессию чешскую, нѣкогда блаженной памяти отцу нашему Максимилиану на общемъ сеймѣ 1575 года и нынѣ снова намъ подавшую, *не исключая никою*, могутъ вольно и свободно *повсюду и на всякомъ мѣстѣ* исповѣдывать и отправлять свою христіанскую подобойскую религію, на основаніи конфессіи и учиненнаго между собой соглашенія и соединенія, спокойно пребывать при своей вѣрѣ, священствѣ и церковномъ уставѣ, каковой уже есть или будетъ отъ нихъ опредѣленъ» (1).

Базельскіе компактаты, согласно сеймовому рѣшенію 1567 года, вторично объявлялись уничтоженными, но самый маестатъ, замѣнявшій теперь этотъ старый договоръ чеховъ съ отцами собора, имѣлъ характеръ временной мѣры — «до общаго совершеннаго соглашенія о вѣрѣ въ священной имперіи».

Нижняя консисторія и университетъ передавались въ вѣдѣніе подобойскимъ чинамъ. «Нижнюю консисторію пражскую мы милостиво соизволяемъ *снова* (zase) передать въ распоряженіе и смотрѣніе ихъ (сословій), чтобы тѣ соединенныя сословія (т. е. братья и лютеране, соединившіеся въ 1575 году) подобойскія могли обновить консисторію изъ своего духовенства, на основаніи конфессіи и своего соглашенія, организовать, согласно съ нею, священство, какъ чешское, такъ и нѣмецкое, а поставлен-

---

(1) «Protož jim k tomu povolovati moc a právo dávatí ráčíme, aby i často dotčení i sjednocení stavové pod obojí jakž stav panský, rytířský, tak i Pražané, Horníci a jiná města s lidmi poddanými jich, a summon všickni, kteří se koliv k dotčené konfessi české, někdy slavné a svatě paměti císaři Maximiliánovi, pánu otci našemu nejmilejšimu, při sněmu obecním léta 1575 a nyní znovu Nám podané, (při kteréž je milostivě zůstavovati ráčíme) přiznali a přiznávají, žádného nevymínující, tolikéž náboženství své křesťanské pod obojí podle též konfessi a svého mezi sebou učiněného porovnáni a sjednocení volně a svobodně všudy a na všelikém místě provozovati a vykonávati, při víře a náboženství svém, též při kněžstvu a řádu církevním, kterýž mezi nimi jest anebo od nich nařízen bude, pokojně zanechání býti mohli». Slavata. I. 378. «Apologie druhá», между приложеніями. № 25. стр. 135. Въ текстахъ, помѣщенныхъ у Славаты и въ Апологіи, различіа въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

ныхъ (т. е. священниковъ) назначать и принимать на свои приходы безъ всякой помѣхи со стороны архіепископа пражскаго или кого-либо иного».

Изъ текста этой статьи и изъ всѣхъ прежнихъ требованій видно, что подобно смотрѣли на передачу нижней консисторіи, какъ на законное возвращеніе своего стараго права, — поэтому и употреблено выраженіе «*zase davati*». Употребляя выраженіе «оплатъ передать», чины 1609 года имѣли въ виду не то участіе земства въ завѣдываніи дѣлами нижней консисторіи, какое придумалъ Максимилианъ въ замѣнъ неутвержденія конфессіи, ибо максимилиановское учрежденіе охраны было такъ ничтожно, что избранные въ 1575 году дефензоры сами отказались отъ своей власти, когда правительство продолжало преслѣдовать братьевъ⁽¹⁾, — а тотъ порядокъ вещей, который установили на сѣздѣ еще въ 1531 году «паны, рыцари, пражане, города, министры ученья чешскаго, священники, управители приходоу пражскихъ, дваны, всѣ сословія, принимающія тѣло и кровь Господа и Спасителя нашего подъ обоими видами». Этотъ сѣздъ опредѣлялъ между прочимъ «по немедленномъ соглашеніи мірянъ и духовныхъ» усилить своего утрэквицкаго администратора и нижнюю консисторію четырьмя представителями отъ земли, по два отъ каждаго изъ высшихъ сословій, и это постановленіе въ числѣ другихъ было утверждено самимъ Фердинандомъ. «Если бы въ томъ или иномъ вопросѣ — говорилъ сѣздъ — администраторъ и нижняя консисторія чувствовали себя недостаточными, тогда пражане — помощники имъ своими совѣтами, и мы, сословія, имъ это ввѣряемъ, но съ тѣмъ, чтобы они ничего не рѣшали безъ соизволенія сословій нашей стороны. Но если бы и администраторъ съ консисторіей, и пражане увидѣли себя по нѣкоторымъ вопросамъ не вполне компетентными, то, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, мы придали имъ двѣ особы изъ панскаго и двѣ изъ рыцарскаго сословій и пожелали мы, чтобы этотъ трудъ приняли на себя благородные паны: Янъ Ваттинберкъ, Войтъхъ Пернштейнъ, Янъ Литаборекій и Ярославъ

(1) См. выше.

Брозанскій; съ ними тѣ имѣютъ совѣтоваться во всемъ, о чемъ бы одни не могли достаточно озаботиться. Если же и этого окажется мало, тогда паны эти и пражане приглашаютъ нашу сторону къ известному сроку, и мы, стѣхавшись и обсудивши то, за чѣмъ приглашены, до тѣхъ поръ не развѣжаемся, пока то дѣло не будетъ рѣшено окончательно» (1). Избранные съѣздомъ 1531 года сословные депутаты, или «spravcové pod obojí», какъ они сами себя называли, были ближайшими блюстителями интересовъ подобойской (правильнѣе, лютеранской церкви), были главой консисторіи до возстанія 1547 года, какъ это напр. видно изъ переговоровъ ихъ съ администраторомъ въ 1540 году, когда послѣдній желалъ было отказать отъ своей должности (2); но тѣмъ не менѣе высшій надзоръ, право послѣдняго слова оставалось за сословіями. Это-то старое право высшаго надзора за нижней консисторіей было «опять передано» землѣ маестатомъ 1609 года: «konsistoř pražkou dolější v moc a opatrovaní jejich zase davati ráčime».

Итакъ, какъ съвѣдъ 1531 года, такъ и теперь чины 1609 года, ввѣря постоянное и ближайшее наблюденіе за консисторіей дефензорамъ, сохраняли за собой права послѣдней, высшей инстанціи. «Равнымъ образомъ — продолжаетъ Рудольфъ — мы сонзволяемъ передать и пражскую академію, издавна принадлежащую подобойской сторонѣ, имъ, сословіямъ, въ распоряженіе со всѣми ея принадлежностями, чтобы они людьми достойными и учеными ее замѣщали, добрые и похвальные порядки устанавливали, и какъ надъ тѣмъ, такъ и надъ другимъ (т. е. надъ консисторіей и академіей) назначили бы изъ среды своей известныхъ лицъ въ качествѣ дефензоровъ». Что же касается до способа утвержденія дефензоровъ, то знакомы уже намъ требованія директоріи безусловнаго утвержденія королемъ всѣхъ представляемыхъ кандидатовъ, даже съ той оговоркой, что если не послѣдуетъ утвержденіе въ теченіе двухъ недѣль, то дефензоры вступаютъ въ отправленіе своихъ должностей, какъ если бы

(1) § 1 и 2. «Jednaní a dopisy». I. 62.

(2) ib. 156—157.

они были утверждены — вплоть вошли в маестатъ. «Сколько особъ представляютъ намъ сословія, въ равномъ числѣ отъ каждаго изъ трехъ сословій, всѣхъ ихъ мы — говоритъ король — желаемъ и должны (сісене а таше) въ теченіе двухъ недѣль утвердить и объявить ихъ таковыми охранителями, никого не исключая, и помимо той обязанности, которая будетъ возложена на нихъ отъ сословій, не давая имъ никакихъ иныхъ инструкцій». Для поясненія послѣднихъ словъ объ обязанности, возлагаемой на дефензоровъ сословіями, мы должны обратиться къ инструкціи, выработанной на сеймѣ въ 1610 году. Этой инструкціей сеймъ поручалъ дефензорамъ имѣть доброе попеченіе обо всемъ, что касается свободы вѣроисповѣданья подобовъ, консисторіи и академіи, заботиться, чтобы все это было въ добромъ порядкѣ, уполномочивалъ ихъ постановлять и рѣшать по всѣмъ дѣламъ, касающимся однихъ подобовъ, — чинить все это безъ всякой помѣхи, не безпокая о томъ короля, а въ случаѣ необходимости приглашать на обсужденіе и окончательное рѣшеніе этихъ дѣлъ и высшихъ королевскихъ чиновниковъ, судей и совѣтниковъ, но только изъ признающихъ чешскую конфессію, да сверхъ того по шести человекъ отъ каждаго края, въ равномъ числѣ отъ каждаго изъ трехъ сословій. «Но если бы — говорила инструкція далѣе — и въ этомъ числѣ они (дефензоры) не могли рѣшить чего-нибудь, то должны отложить этотъ вопросъ до ближайшаго общаго сейма, гдѣ онъ обсуждается и окончательно рѣшается съѣхавшимися на сеймъ подобоями» (1).

Такимъ образомъ, право окончательнаго рѣшенія по всѣмъ важнымъ вопросамъ, могущимъ возбудить сомнѣніе среди дефензоровъ, оставалось принадлежностью или частнаго съѣзда подобовъ — по 6 депутатовъ отъ каждаго края, или общаго сейма, при чемъ частный съѣздъ имѣлъ мѣсто всякій разъ, когда только находили его необходимымъ созвать дефензоры. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какое важное значеніе имѣло это право подобойскихъ сословій на частный съѣздъ.

Таковы были основныя положенія маестата.

(1) «Apologie druhá». Ж 26. 141.

Переходя далѣе къ разбору содержанія новаго закона, мы находимъ, что частности, которыя должны пояснять основныя положенія, затемняютъ смыслъ послѣднихъ, противурѣчатъ.

Мы только что видѣли, что первымъ положеніемъ маестата Рудольфъ гарантировалъ свободу подобойскаго исповѣданія всѣмъ и повсюду, никого не исключая, т. е. какъ государственнымъ сословіямъ, такъ и безправному классу населенія — сельчанамъ, при чемъ послѣднему — какъ на земляхъ владѣльческихъ, такъ и духовныхъ. Но дальнѣйшія статьи противурѣчатъ этому первому положенію.

Уже вторая статья о консисторіи не согласуется съ первой: право имѣть священниковъ изъ нижней консисторіи она предоставляла исключительно владѣльцамъ и свободнымъ городамъ; они только могутъ ихъ «на свои приходы назначать, принимать», слѣдовательно, это право не простиралось на крестьянъ католическихъ пановъ, тѣмъ болѣе на крестьянъ королевскихъ или церковныхъ; другими словами, свободой исповѣданія, даруемой первой основной статьей, послѣдніе пользоваться не могли. Что представляемое нами толкованіе второй статьи маестата вѣрно, видно изъ послѣдующихъ статей. «Если бы кто изъ соединенныхъ всѣхъ трехъ сословій подобоевъ — говоритъ король — пожелалъ, кромѣ тѣхъ костеловъ и храмовъ божьихъ, которые находятся и находились уже въ ихъ владѣніи, поставить еще новую церковь или выстроить школу въ городѣ, мѣстечкѣ, селѣ или въ иномъ мѣстѣ, то, какъ сословія панское и рыцарское, такъ и пражане, горцы и другіе города, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, имѣютъ полное право на это во всякое время, безъ малѣйшей помѣхи со стороны кого бы то ни было». Ясно, что однимъ только панамъ, рыцарямъ и свободнымъ королевскимъ городамъ⁽¹⁾ маестатъ давалъ право строенія новыхъ церквей, основанія своихъ конфессіонныхъ школъ, т. е. того, въ чемъ именно и выражается свобода исповѣданія. Понятно послѣ всего этого, что глухое упоминаніе въ концѣ маестата о возбраненіи

---

(1) Послѣднее выражалось общиною формулой — «Pražané, Horníci a jiné města».

совращенія крестьянъ отъ ихъ вѣры: «никто изъ высшихъ свободныхъ сословій, никакіе города и мѣстечки, а равнымъ образомъ и сельское населеніе (sedlský lid), не должны быть совращаемы ихъ верхностями или кѣмъ либо инымъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ человекомъ, отъ ихъ вѣры и принуждаемы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ къ принятію религіи другой стороны» — легко могло сдѣлаться предметомъ спора, такъ какъ оно противурѣчило вышеуказаннымъ статьямъ. Тоже должно сказать и о заключительныхъ словахъ маестата — о приказѣ короля всѣмъ чиновникамъ и обывателямъ держать «пановъ, рыцарей, пражанъ, горцевъ и всѣ города, всѣ три сословія этого королевства, со всѣми людьми подданными ихъ, словомъ (súpsnou) всю сторону подобойскую, принадлежащую къ чешской конфессіи» при этомъ королевскомъ маестатѣ во всѣхъ его статьяхъ (*).

Практика скоро показала всю неудовлетворительность редакціи маестата, хотя ее предложили сами подобои, а не правительство, и весь споръ подобоевъ съ католиками послѣ 1609 года формально основывался на естественно вытекавшемъ изъ неточности выраженій произвольномъ толкованіи сомнительныхъ мѣстъ, пока эти взаимныя прещипрательства не привели къ возстанію 1618 года.

Обратимся теперь къ «соглашенію», которое должно было быть, по мысли соглашавшихся, поясненіемъ маестата.

Соглашеніе взаимно обязывало католиковъ и подобоевъ хранить неприкосновенность владѣній и религіозныхъ особенностей каждой стороны: «сословія-подобои желаютъ и должны оставить сторону католическую при ея церквяхъ, службахъ, церемоніяхъ, приходахъ, монастыряхъ, коллегіяхъ, дарованіяхъ, десятинахъ, платахъ, доходахъ и стародавнихъ учрежденіяхъ, равнымъ образомъ сторона католическая желаетъ и должна оставить сторону подобойскую при ея церквяхъ, словомъ, какъ которая сторона чѣмъ владѣла посегодня».

(*). Подлинный текстъ маестата напечатанъ. «Apologie druhá» № 25. 132—140; у Славаты I. 376—380, у Скалм. I. 243.

Спорный пунктъ о правѣ погребенія въ церквяхъ былъ также разрѣшенъ полюбовно: «какъ католики въ церквяхъ и фарахъ подобойскихъ, такъ подобои въ церквяхъ и фарахъ католическихъ не должны быть погребены безъ согласія и вѣдома коллатора или духовныхъ управителей фары. Но если бы къ католической фарѣ принадлежали подобои и давали ей десятину или какую либо иную плату, то погребаются тамъ безъ особеннаго дозволенія коллатора, и наоборотъ». Но самое важное мѣсто соглашенія это то, гдѣ говорится о правѣ построенія новыхъ церквей. «Въ которыхъ же мѣстностяхъ и городахъ, принадлежащихъ королю или королевѣ, или на помѣстьяхъ императорскихъ (*bud královských, králové její milosti, neb na panstvích j. m. císařské*) подобои не имѣютъ ни своихъ собственныхъ церквей или кладбищъ, ни общихъ съ католиками, то они, по буквѣ вышеуказаннаго маестата (*vedlé znění vyš dotčeného majestátu*), получаютъ право ставить тамъ церкви и дома въ службѣ божьей, равнымъ образомъ какъ и устраивать мѣста подъ кладбища»⁽¹⁾. Но въ маестатѣ нѣтъ такого мѣста, на которое ссылается соглашеніе, яко бы онъ предоставлялъ и крестьянамъ на королевскихъ помѣстьяхъ право строить новыя церкви и кладбища: мы видѣли, маестатъ даетъ право строить церкви и школы только панамъ, рыцарямъ, да свободнымъ городамъ, и говоритъ объ этомъ ясно; на крестьянъ же королевскихъ, церковныхъ права этого не распространяетъ. Слѣдовательно, уже составители соглашенія, т. е. сами же редакторы маестата, не точно понимали свое собственное дѣтище, когда могли сослаться на несуществующее постановленіе маестата.

Такимъ образомъ, по строгому, безспорному толкованію маестата и соглашенія, право свободнаго исповѣданія подобойской вѣры представлялось только тремъ сословіямъ: панамъ, рыцарямъ и свободнымъ городамъ, но если это право расширить и на крестьянъ королевскихъ помѣстій, то въ этомъ случаѣ можно сослаться только на соглашеніе, отнюдь не на маестатъ;

---

(1) «Соглашеніе» въ «Apol. dr.» № 27. 144—146. у Славаты. I. 392—393. Skala. I. 244—245.

если же наконецъ распространить его и на обывателей церковныхъ земель, то подобное толкованіе только что добытыхъ законовъ необходимо вело къ спору, такъ какъ ни въ одномъ, ни въ другомъ законѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на предоставленіе свободы подобойскаго исповѣданія и зависящему населенію въ имѣньяхъ архіепископскихъ, монастырскихъ и вообще церковныхъ.

Итакъ, знаменитые земскіе законы, давши мѣсто въ себѣ взаимнопротивурѣчающимъ, неточнымъ постановленіямъ, допустили тѣмъ самымъ легкую возможность противникамъ религіозной свободы оспаривать ихъ главнѣйшія положенія. Въ этомъ случаѣ ошибка подобоевъ пошла отъ излишней спѣшности, что такъ естественно человѣку въ минуты его торжества, отъ отсутствія должнаго хладнокровія, а не отъ довѣрія къ католикамъ, какъ это предполагаетъ Гиндели (1).

Но всѣ эти недостатки маестата замѣчены были позже, теперь же, въ первое время, побѣдившіе подобои торопились воспользоваться своею побѣдой.

Сеймъ возобновилъ свою дѣятельность.

Мы видѣли, что Рудольфъ еще до подписанія маестата требовалъ отъ директоровъ распущенія свербованнаго войска и сложенія съ себя власти, но ни то, ни другое не было исполнено сейчасъ, ибо необходима была старая революціонная власть, чтобы провести добытыя права въ жизнь.

Прежде всего подобои сочли нужнымъ еще разъ учинить формальное соглашеніе между собой, т. е. еще разъ объявить о полномъ единеніи конфессіонистовъ и братьевъ, и уговориться объ устройствѣ своихъ церковныхъ дѣлъ. Это соглашеніе состоялось 28 сентября, въ день св. Вячеслава.

Послѣ перечисленія правъ и свободъ, дарованныхъ маестатомъ «соединеннымъ сословіямъ» королевства, подобойское «соглашеніе» (pogovnaní) поставляетъ на видъ, что, какъ это извѣстно всѣмъ вообще и какъ это помянуто въ просьбахъ къ королю, между ними, исповѣдующими чешскую конфессію, ко-

---

(1) «Dějiny českého povstání». I. 57. прим.

терую иные именуютъ аугсбургской, съ одной стороны, и ихъ «милыми панами — пріятелями», которые назывались прежде изъ общины братской и которые, какъ и предъ ихъ, признавали и признаютъ св. вѣру христіанскую, какъ она изложена въ конфессіи, съ другой стороны, «существовало всегда христіанское единеніе, согласіе и уравненіе, о которомъ часто упоминается въ маестатѣ». Въ подтвержденіе этого полного взаимнаго согласія между конфессіонистами и братьями новыи сеймовый законъ ссылается не только на извѣстное предисловіе 1575 года, но «что выше этого — говорить онъ — и нинѣ, добывая совокупными силами отъ его величества маестатъ, мы вмѣстѣ съ ними, они вмѣстѣ съ нами, учинили истинное соглашеніе и соединеніе въ томъ смыслѣ, что въ святой вѣрѣ христіанской, согласно конфессіи, мы всѣ вмѣстѣ составляемъ единое тѣло и таковыми желаемъ быть и впередъ (spolu za jedno jsmе a byti chceme)». Законъ не забылъ коснуться и «непріятныхъ названій», которыми постоянно поносились братья отъ своихъ недоброжелателей. «Всѣ мы, соединенныя сословія — говорилъ онъ — согласились: что касается часто упоминаемаго соединенія въ вѣрѣ, то мы всѣ желаемъ и обязуемся стоять въ томъ вѣрно, Господа Бога любить выше всего, его святымъ словомъ, заключающимся въ чешской конфессіи, руководствоваться, въ взаимной любви вмѣстѣ пребывать, другъ другу помогать во всемъ добромъ и себя защищать; а такъ какъ въ предшествовавшее время причинялись немалое огорченіе и недоразумѣніе между сторонами чрезъ взаимное поношеніе и отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ названій (1), то, чтобы прекратить это, мы положили всѣмъ намъ именоваться христіанами-подобоями, пребывая взаимно по заповѣди сына божія въ христіанской, братской любви». Въ послѣдней прибавкѣ видна уступка обычаю общины называть своихъ членовъ братьями.

Засимъ соглашеніе 28 сентября указываетъ тѣ частныя полюбовныя сдѣлки, которыя учинили между собой на сеймѣ

---

(1) Příčinou některých nepřijemných jmen. — намекъ на выраженіе «pikarty».

конфессіонисты и братья относительно будущей организаціи, согласно съ маестатомъ, своего духовенства. Касательно устройства консисторіи чины уговорились поступить такимъ образомъ. Конфессіонисты избираютъ изъ своего духовенства чловѣка достойнаго, «ученаго, въ обращеніи благороднаго, примѣрной жизни» въ администраторы, и къ нему придаются въ качествѣ «консистеріановъ» пять членовъ изъ священства; съ другой стороны, братья изъ своихъ духовныхъ выбираютъ старѣйшину, «который имѣетъ мѣсто сойчасъ же послѣ администратора»; ихъ же священники избираютъ въ консисторію изъ среды своей двухъ членовъ. Сверхъ того отъ университета назначаются трое профессоровъ для засѣданія въ консисторіи. Что же касается до посвященія въ священники, то было постановлено, что администраторъ вмѣстѣ съ консисторскими членами отъ конфессіонистовъ экзаменуетъ присланныхъ къ нему коллаторами лицъ и, найдя ихъ достойными; посвящаетъ, при чемъ онъ и старѣйшина отъ братьевъ возлагаютъ на нихъ руки. Администраторъ не имѣетъ права безъ вѣдома и согласія коллатора опредѣлять священника или лишать его мѣста. Такой же порядокъ долженъ наблюдаться и при посвященіи братскихъ священниковъ: старѣйшина вмѣстѣ съ своими членами, найдя по испытаніи представляемыхъ кандидатовъ достойными, посвящаетъ ихъ «способомъ и порядкомъ между ними обычнымъ», при чемъ происходитъ тоже возложеніе рукъ старѣйшины и администратора. Взаимныя отношенія обоихъ представителей консисторіи должны быть любовныя: одинъ другому не долженъ дѣлать никакихъ препятствій «ни подъ какими видами», но каждому изъ нихъ пребывать при его порядкахъ и церемоніяхъ, въ обоюдной любви и вѣрности⁽¹⁾.

Новое устройство нижней консисторіи, очевидно, давало болѣе значенія конфессіонистамъ, чѣмъ братьямъ, но послѣдніе не возражали.

Съ небольшимъ чрезъ недѣлю послѣ вѣчеславскаго соглашенія, 6 октября, сеймъ вымогъ у Рудольфа новую уступку — торжественное обѣщаніе забвенія всего проплага, прощеніе со-

(1) Текстъ соглашенія у Скалы. I. 249—253.

словіямъ за всѣ ихъ насильственные дѣйствія при полученіи маестата, такъ называемую амнистію. Король обязывался не помянуть своею немилою и нелюбовью сословія королевства, принимающія подѣ обоими видами и исповѣдывающія конфессію, какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и каждое въ отдѣльности, не имѣть сердца противъ тѣхъ лицъ, которыя были избраны и уполномочены отъ сейма для веденія обороны или помогали защитѣ оружіемъ или какимъ-либо инымъ способомъ. Рудольфъ обязывался затѣмъ не дозволять никому — ни свѣтскимъ, ни духовнымъ людямъ, мстити сословіямъ, теперь или въ будущемъ, ни отъ своего имени, ни отъ имени ихъ собственнаго, ни явно, ни тайно, ни словомъ, ни дѣломъ, вредить ихъ доброму имени, женамъ, дѣтямъ, имуществу, словомъ обвинять ихъ, корить или подѣ какимъ-либо предлогомъ вербовать солдатъ на отместку сословіямъ. Въ случаѣ, если бы кто позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь противъ настоящей «милостивой гарантіи», тотъ подлежить спеціальному суду, который долженъ состоять изъ 24 выборныхъ лицъ, поровну отъ подобоевъ и католиковъ, при чемъ члены отъ подобоевъ имѣютъ избираться изъ дефензоровъ, высшихъ чиновниковъ и окружныхъ депутатовъ (1).

Эту широкую амнистію Рудольфа отказались подписать тѣ же закоренѣлые враги подобоевъ: Лобковицъ, Славата и Мартиницъ. Кромѣ короля, ее подписали: Лихтенбергъ, Штернбергъ, Дониинъ, Лукавскій, нѣкоторые высшіе чиновники изъ умѣренныхъ католиковъ. И въ этомъ случаѣ Лобковицемъ съ пріятелями руководили религіозный фанатизмъ и іезуиты. Когда требовали у нихъ подписа, они просили отсрочки до-завтра для обсуждения, «ибо статья эта объ амнистіи — пояснялъ Славата — была написана панами-подобоями» (2). Какъ это ни было не по сердцу подобоямъ, но они должны были уступить просьбѣ. Вышедши изъ сейма, Славата и Мартиницъ «не забыли посоветоваться съ нѣкоторыми благочестивыми и учеными духовными людьми», и

---

(1) «Apol. družá. Ж 29. 147—150. Slavata. I. 405—406. Skala. I. 254. О судѣ — ib. I. 259.

(2) «Paměti». I. 407.

результатомъ долгихъ совѣщаній былъ отказъ въ подписи: эта-де амнистія вредна вѣрѣ католической и идетъ противъ правъ духовенства. «Многіе ученые люди, особенно духовные — прибавляютъ Славата — хвалили насъ потомъ» (1).

Этотъ отказъ былъ неожиданъ. «Всѣ твердо надѣялись — говорить Скала, что послѣ всего происшедшаго никто не осмѣлится нарушить того, что сеймъ постановилъ, какъ законъ, и что утверждено королемъ, никто не осмѣлится пренебречь земской конституціей и оскорбить королевское достоинство. Но нашлись люди, которые сильно обманули сословія въ ихъ надеждѣ, и это были тѣ, о которыхъ уже не разъ упоминалось — орудія іезуитовъ: канцлеръ, секретарь Менцль, Славата и Мартиницъ. Даже когда амнистія была вносима въ земскія доски, они отказались принять ее закономъ».

Очевидно, сеймъ не могъ оставить эту выходку друзей іезуитовъ безнаказанной.

Прошло 11 дней послѣ получения амнистіи, и подобойскіе чины собрались въ судейской залѣ сейма, чтобы призвать къ отвѣту Лобковица, Славату и Мартиница. Авторъ «Воспоминаній» инициативу въ этомъ дѣлѣ приписываетъ умѣреннымъ католикамъ: тѣ не подписались, разсуждали яко бы они, а мы подписались; насъ могутъ укорять, что мы подписывались зря (2). Но это объясненіе заинтересованнаго лица сомнительно, ибо подобой, лишь только получили извѣстіе объ отказѣ канцлера и его друзей въ подписи амнистіи, сейчасъ же собрались въ старомѣстской ратушѣ и, объявивши всѣхъ троицъ явными непріятелями, потребовали у директоровъ просить короля лишить канцлера и бурграффа карлштейнскаго (Славату) ихъ должностей и впредь никуда не назначать (3).

Еще засѣданіе сейма 17 октября не началось, когда всѣ собравшіеся католики и подобой встали съ своихъ мѣстъ и устами Будовца спросили Славату и Мартиница: угодно ли имъ под-

(1) *ib.* 409.

(2) *ib.* 44.

(3) *Skala*. I. 255—256.

писаться подъ амнистіей, которая имѣетъ одну цѣль — политическій покой, согласіе и любовь или нѣтъ. Славата, посовѣтовавшись съ своимъ пріятелемъ, отвѣчалъ сеймовому оратору, что имъ невозможно подписаться, такъ какъ они католики и потому вѣрятъ, что имъ, мірянамъ, нельзя вмѣшиваться въ дѣла духовныя, а амнистія касается исключительно вѣри, что они не подписались и не подпишутся никогда. Но тѣмъ не менѣе Славата старался увѣрить собраніе, что въ этомъ отказѣ нѣтъ никакого злаго намѣренія, что какъ прежде, такъ и впредь, онъ и его пріятель всегда готовы къ пріятельскимъ услугамъ, но мѣрѣ своихъ силъ.

Чины, посовѣтовавшись, отвѣчали черезъ того же Будовца Славатѣ, что мотивы, приведенные въ рѣчи, неудовлетворительны. Подъ амнистіей подписались и король, и другія лица, воспитанныя также въ католической вѣрѣ, слѣдовательно, они, поддавшись наговорамъ нѣкоторыхъ «чужеземцевъ духовныхъ», считаютъ себя выше и короля, и чиновъ; они отказались подписать маестатъ и амнистію, не присутствовали при внесеніи маестата въ доски, стоятъ на своемъ, и потому чины, объявляя ихъ явными непріятелями подобоевъ, вносятъ слѣдующій протестъ въ сеймъ: если въ будущемъ случится какое оскорбленіе вѣрѣ подобоевъ, въ противность маестату и соглашенію, то чины должны знать, что причина этому они — Славата и Мартиниць. Затѣмъ Будовець, обратившись къ бургграфу Штернберку, Донину и другимъ католикамъ — пріятелямъ подобоевъ, отъ имени всей своей стороны благодарилъ ихъ за все ихъ дѣйствія и увѣрялъ, что они, подобои, нераздѣльно отъ католиковъ защищаютъ во всякое время католическую вѣру до послѣдней капли крови. По просьбѣ сословія, тогда же подписались подъ амнистіей и тѣ изъ высшихъ королевскихъ чиновниковъ, которые не присутствовали на сеймѣ 6 октября.

Славата еще разъ пытался убѣдить сеймъ въ чистотѣ дѣйствій своихъ и своего пріятеля, еще разъ повторилъ, что они всегда готовы были и будутъ къ пріятельскимъ услугамъ сословія, но Будовець отвѣтилъ ему кратко: «ихъ милости, чины — подобои, остаются при своемъ прежнемъ объявле-

ніи» (¹). Правда, сеймъ, объявляя Славату и Мартиница открытыми врагами земли, поступалъ немилостиво; но онъ, дѣйствуя такъ, желалъ строгостью уничтожить на будущее время всякую попытку къ нарушенію съ трудомъ установившагося земскаго мира и отнюдь не руководился слѣпой ненавистью «къ орудіямъ іезуитовъ». Лучшимъ доказательствомъ терпимости знаменитаго сейма 1609 года можетъ служить одинъ изъ послѣднихъ законовъ, изданныхъ имъ, относительно земельныхъ владѣній іезуитскихъ училищъ: въ силу его, коллегіи іезуитскія въ правахъ владѣній земельною собственностью уравнивались вполне съ пражскимъ университетомъ (²).

Теперь мы должны обратиться къ рассмотрѣнію тѣхъ мѣръ сейма, которыя онъ предпринялъ для проведенія въ жизнь маестата.

Сословное войско было распущено въ сентябрѣ, но власть директоріи продолжала существовать. Скоро къ ней присоединилась новая власть — дефензоры. Изъ текста маестата, а еще болѣе изъ инструкции сеймовой, выработанной въ началѣ 1610 года, видно, на какое серьезное ограниченіе королевской власти вынужденъ былъ согласиться Рудольфъ, учреждая дефензорство. Въ охранѣ являлась вторая правительственная власть, постоянная, вѣдавшая двѣ обширныхъ отрасли государственнаго управленія — народное образованіе и духовныя дѣла, независимо отъ центральной королевской власти, отчитываясь только передъ сеймомъ. Дефензорство было продолженіемъ революціонной директоріи, и значеніе его было тѣмъ сильнѣе, что оно могло и должно было по закону смотрѣть за дѣйствіями правительства, контролировать ихъ, а въ случаѣ надобности взывать къ землѣ, которая охотно вышлетъ по шести депутатовъ отъ края. Рудольфъ поступилъ такимъ образомъ своими верховными правами, предоставивъ дефензорамъ право созывать съѣздъ: если король созывалъ общій сеймъ, то дефензоры частный, подобойскій.

(¹) Засѣданіе 17 октября 1609 г. у Славаты I. 412—423; у Скалы I. 255—258, кратко, съ нѣкоторыми измѣненіями.

(²) Skala. I. 261. 262.

10 октября 1609 года дефензоры были избраны, и уже въ октябрѣ имъ видѣнъ за дѣломъ виѣстѣ съ директорами (1), хотя значеніе власти ихъ еще не вполне опредѣлилось, такъ какъ только въ началѣ 1610 года дефензорская инструкция была принята сеймомъ, и только въ послѣдній день знаменитаго сейма 1609—1610 годовъ, 23 февраля революціонные директора сложили свою власть (2). Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени отъ 10 октября 1609 года до 23 февраля 1610 въ королевствѣ существовали четыре власти: слабая королевская, сеймъ, старая директорія и только что родившееся дефензорство.

Согласно маестату, каждое изъ трехъ сеймовыхъ сословій выбрало изъ среды своей по восьми дефензоровъ. Отъ сословія пановъ были избраны слѣдующія лица: Шликъ, Швамберкъ, Вартеберкъ, Швиговскій, Турнъ, Вильгельмъ Лобковецъ, Павелъ Ричанъ, Вацлавъ Роуповъ, Вацлавъ Будовець; отъ рыцарей: Митровицъ, Штампахъ, Фиктумъ, Михановицъ, Лоса, Когоутъ, Миллеръ, Мильгаузъ; отъ городовъ: Мартинъ Фрувейнъ, Гумберкъ, Губеръ, Магрле, Цергаръ, Коханъ, Майенберкъ, Сикстъ Оттередорфъ (3). Большинство директоровъ вошло въ дефензорство.

Мы видѣли выше, какимъ образомъ чины согласились между собой устроить свое духовное управленіе. Соглашеніе 28 сентября было результатомъ продолжительныхъ совѣщаній между поддольскими священниками, депутатами отъ университета и директорами, которыя начались еще въ концѣ іюня 1609 года.

Для принятія въ свое вѣдѣніе нижней консисторіи, сеймъ избралъ двухъ комиссаровъ: Гумберка и Техеница. 30 іюля

---

(1) Тошек. «Paměti kolegiatní kolyje karlovy». «Časopis». 1847. II. 511. Это рядъ статей на основаніи подлинныхъ бумагъ, записокъ пражскаго университета отъ 2-ой 1/2 XVI по начало XVII стол.

(2) Slavata. I. 400. Skala. I. 258. По Скалѣ сеймъ былъ закрытъ 26 февраля, но см. предисловіе. VIII.

(3) Valbinus. «Bohemia docta». I. 100. Haberfeld. «Bellum bohemicum», въ чешскомъ переводѣ Е. Тоннеръ. Прага. 1867. 13. примѣч.; но пропущенъ Лобковецъ. Шликъ былъ «princeps omnium defensorum et directorum» («Boh. docta». ib.), оттого отъ пановъ 9.

старый администраторъ консисторіи, Собѣславскій, передалъ имъ въ карловой коллегіи книги и другія консисторскія дѣла. На другой день профессора были приглашены къ директорамъ въ старомѣстскую ратушу, гдѣ имъ было приказано избрать изъ своей среды четырехъ депутатовъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ по организаціи новой консисторіи. Министры избрали: ректора Мартина Вахачка, Симеона Скалу, Яна Кампануса и Кристиана Матебууса. 1-го августа духовный комитетъ, въ числѣ 17 человекъ, началъ свои засѣданія: понятно, въ комитетъ вошли и сеймовые комиссары. Черезъ два мѣсяца работы комитета были окончены, и 28 сентября было принято сеймомъ известное «соглашеніе» — законъ объ организаціи консисторіи. Оставалось привести въ исполненіе постановленія новаго закона.

3 октября собрались чешскіе и нѣмецкіе священники въ университетъ для выбора изъ среды своей членовъ консисторіи, какъ это требовало соглашеніе. Отъ директоріи были присланы комиссары: Ричанъ, Техениць и др., для руководства выборами. Ричанъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой указалъ цѣль приглашенія. Священникъ Илья Шудъ отъ имени приглашенныхъ отвѣчалъ, что они собрались охотно, что для умноженія славы божьей и христіанской церкви они готовы и на большія жертвы. Послѣ этого Техениць объявилъ желаніе директоровъ — не выбирать въ новую консисторію лицъ, засѣдавшихъ въ старой, такъ какъ тамъ все были люди «непокойные, хмѣльные, сварливые». Это заявленіе вызвало сумятицу. Янъ Цибада, изъ консисторіи, возразилъ, что все члены консисторіи поставлены законно въ священники и потому не могутъ быть исключены. Комиссары обратились къ другимъ членамъ консисторіи съ вопросомъ: говорилъ ли Цибада по ихъ порученію? тѣ молчали; тогда Ричанъ накинута на Цибаду: «скотина, ты говорилъ легкомысленно; лучше выгнать паршивую овцу изъ стада, чтобы другихъ не заражала; какъ же ты будешь вѣреть людямъ, когда былъ невѣрецъ Вогу!» (Цибада прежде былъ католикомъ). Поднялся общій шумъ. Съ трудомъ собраніе умирилось, и тогда комиссары предложили священникамъ — пусть каждый у себя дома напишетъ имена трехъ лицъ, которыя онъ считалъ бы достой-

ными въ консисторіи. Этимъ окончилось первое засѣданіе комитета. Черезъ два дня собралось снова духовенство; Ричанъ отобразъ запечатанныя записки съ голосами въ отдѣльный ящикъ, послѣ чего была читана конфессія, сначала по-чешски, потомъ по-нѣмецки. На другой день, 7 октября, послѣ чтенія статьи о консисторіи, были вскрыты записки при стеченіи многочисленной публики. Избранными оказались: администраторомъ Илья Шудъ, старѣйшимъ Матвѣй Цирусь; членами консисторіи: отъ подобоевъ 1575 года — Вацлавъ Варскій, Матвѣй Роменецусъ, Адамъ Климентъ Пильзенскій; отъ братской общины — Янъ Цириллъ и Янъ Корвинъ. Кромѣ того, въ составъ консисторіи вошли три профессора: ректоръ Вахачекъ, Симеонъ Скала и Янъ Кампанусъ. 11 октября консисторія была утверждена сеймомъ, а члены принесли присягу ⁽¹⁾.

Такимъ образомъ организовалось духовное управленіе подобоевъ. Церковное соглашеніе, заключенное 28 сентября, было не пустымъ словомъ: дефензоры и консисторія строго блюли, чтобы подвѣдомственное имъ духовенство изъ конфессіи и общины жило въ мирѣ и согласіи между собой, и не стѣснялись въ энергическихъ мѣрахъ по отношенію къ каждому, кто осмѣливался вносить раздоръ въ его среду. Когда черезъ годъ съ небольшимъ по открытіи консисторіи, весной 1611 года, деканъ хрудимскій и нѣкоторые изъ конфессіонныхъ священниковъ подали жалобу на старѣйшаго консисторіи, что онъ по желанію нѣкоторыхъ пановъ посылаетъ братскихъ священниковъ на конфессіонныя коллатуры, и что потому умалывается число ихъ приходо́въ, дефензоры опредѣлили: декана лишить мѣста, вымарать его имя изъ консисторскихъ книгъ (что исполнено было собственноручно однимъ изъ дефензоровъ) и посадить его въ тюрьму за то, что онъ «покусился нарушить соглашеніе, учиненное между сословіями-подобоями и ими вѣрнко утвержденное, и поселить такимъ образомъ между ними раздоръ» ⁽²⁾.

---

(1) Томек. «Paměti». «Čas.». 1847. II. 506—511.

(2) Skala. I. 326.

Для окончательнаго проведенія маэстата въ жизнь оставалось еще сейму и директоріи реформировать университетъ.

Уже въ то время, какъ выработывался въ духовномъ комитетѣ проектъ соглашения, начались подготовительныя работы по преобразованію карловой коллегіи. Реформа университета была много труднѣе, чѣмъ установленіе церковнаго управленія, такъ какъ она требовала прежде всего значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій.

Дѣло въ томъ, что хотя король въ спорѣ съ сословіями постоянно указывалъ, что онъ есть фундаторъ университета, что слѣдовательно ему принадлежитъ неотъемлемое право попеченія о немъ, но это попеченіе было на словахъ.

Правда, почти всѣ профессора имѣли казенныя квартиры, содержаніе въ коллегіяхъ Карла и Всѣхъ Святыхъ⁽¹⁾, но матеріальное положеніе ихъ было крайне бѣдственно. Не смотря на то, что карлова коллегія имѣла свои села, дарованныя ей еще ея основателемъ, Карломъ, и что еще прибыточнѣе былъ капитулъ канониковъ Всѣхъ Святыхъ, который по уставу пополнялся коллегіатами и находился въ вѣдѣніи университета, доходы профессоровъ были очень ограничены, такъ какъ села доставляли одни сырые продукты — дрова, вино и т. д. При обиліи вина на общихъ профессорскихъ квартирахъ развивалось непомерно пьянство: изъ записокъ коллегіатовъ видно, что не рѣдко университетскому начальству приходилось прибѣгать къ серьезнымъ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы удержать профессоровъ отъ пьянства; въ 1589 году было объявлено, что кто пропьянствуетъ цѣлый день или ночь внѣ коллегіи, тотъ три дня сидитъ подъ арестомъ⁽²⁾. Понятно, пиво было даровое, и раз-

---

(1) «Kollegija karlova» — общій домъ для 12 профессоровъ богословія и свободныхъ искусствъ. Въ коллегіи былъ записанъ капитулъ Всѣхъ Святыхъ на Градчанахъ, каноники котораго были изъ профессоровъ. Тотъ же к. «Paměti». «Саа.». 1847. II. 383 и слѣд.

(2) Въ 1588 году пробытъ капитула Всѣхъ Святыхъ жаловался, что выходитъ много пива, что нѣкоторые мистры приглашаютъ бакалавровъ и знакомыхъ къ себѣ и «пьютъ съ нами безъ мѣры общее пиво». Даже знаменитый въ свое время ректоръ Мартинъ Вахачекъ былъ причастенъ этому грѣху». Іb. 394—400.

гульная жизнь вошла въ нравы сожителей карловой коллегіи, а между тѣмъ они чувствовали крайній недостатокъ въ предметахъ первой необходимости, напр. въ свѣчахъ при своихъ вечернихъ занятіяхъ, не говоря уже о книгахъ. 13 августа 1593 года мистръ Троянь, одинъ изъ болѣе зажиточныхъ профессоровъ, далъ общаніе, что, видя затруднительное положеніе своихъ товарищей и ихъ скудость, онъ жертвуетъ имъ 50 копъ вѣнскихъ грошей на покупку свѣчей, но съ условіемъ — если они будутъ прилежно ходить въ школы на экзаменъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ пожертвовалъ 50 копъ на столъ для студентовъ. Коллегія не пренебрегала просто подачками: такъ если какая-нибудь община просила учителя, то обыкновенно посылала профессорамъ посудину добраго пива, рыбу, сыръ, птицу, и все это принималось съ благодарностью. Когда въ началѣ XVII столѣтія пришлось ремонтировать зданіе, то профессора съ трудомъ могли собрать немного денегъ почти христа-ради (1).

Изъ представленныхъ данныхъ ясно, что для того, чтобы поднять старій университетъ, подобающъ необходимо было съ одной стороны увеличить его средства, съ другой унять разгульную жизнь прозябавшихъ въ нищетѣ профессоровъ, на которую уже давно жаловалось общество (2).

Въ началѣ сентября 1609 года директорія поручила четыремъ комиссарамъ рассмотреть сообща съ мистрами все привилегіи и фундаціи университета, сдѣлать точную опись пожертвованій и доходовъ его, постоянныхъ и случайныхъ, провѣривши библіотеку, указать, въ какихъ частяхъ она должна быть монетлена, и наконецъ предложить профессорамъ проектъ реформы университета, представленный уже нѣсколько времени тому назадъ сейму докторомъ Залужанскимъ для дачи на него своего заключенія. Комиссарами были назначены: авторъ проекта, Залужанскій,

---

(1) ib. 400—404. О патриархальныхъ отношеніяхъ общества къ университету, выражавшихся присылками профессорамъ птицы, рыбы и другой живности, — см. статью Томка: «Paměti o školach českých za Martina Bachejka». «Čas.». 1846. 621. 622.

(2) ib. 399.

Губеръ и два бакалавра свободныхъ искусствъ. 14 сентября началась ревизія университета, и въ теченіе десяти дней она была окончена.

Въ отчетъ, поданномъ директоріи, ревизовавшая комиссія указывала, что для преобразованія университета необходимо осуществить слѣдующія мѣры: 1) продать всѣ лишніе карловой коллегіи, находящіяся на разстояніи болѣе двухъ миль отъ Праги; 2) назначеніе квартиры и казеннаго содержанія въ домѣ коллегіи предоставить дефензорамъ. Первой мѣрой комиссія надѣялась увеличить матеріальныя средства университета: «деньги принесутъ большій процентъ» — объясняла она недовольнымъ мистрамъ; второй — нѣсколько унять профессоровъ.

10 октября сеймъ опредѣлялъ: для улучшенія университета пожертвовать сословіямъ по 15 грошей съ каждаго крестьянина; поручить дефензорамъ продать, согласно представленію комиссіи, всѣ отдаленныя имѣнья, принять въ свое вѣдѣніе доходы университета, на увеличившіяся отъ продажи средства обновить богословскій, юридическій и медицинскій факультеты, назначить профессорамъ предметы и жалованье и вообще заботиться обо всемъ, что служило бы къ увеличенію школъ. вмѣстѣ съ этимъ коллегія была назначена мѣстомъ собранія дефензоровъ. Не чего говорить, что постановленіе сейма о продажѣ селъ и передачѣ университетскаго имущества въ вѣдѣніе дефензоровъ встрѣчено было ропотомъ со стороны пановъ-профессоровъ, и они начали съ дефензорами споръ въ защиту своихъ старыхъ порядковъ.

Споръ этотъ начался жалобой на доктора Залужанскаго, автора непріятнаго, какъ видно, проекта реформы университета. Мистры обвиняли его предъ дефензорами, что онъ, будучи комиссаромъ, обращался неприлично, дѣйствовалъ, какъ будто университетъ былъ въ его владѣніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просили не требовать отъ нихъ никакихъ отчетовъ о деньгахъ университета, находящихся на процентахъ, такъ какъ это ихъ собственная, трудовая копѣйка: за ученіе они ничего не получали, подати за крестьянъ вносили изъ своего кармана, да и панамъ — сословіямъ дана въ вѣдѣніе академія, а не деньги. Дефензоры обѣщали принять во вниманіе просьбу мистровъ, но вслѣдъ за

тѣмъ имъ было объявлено чрезъ Будовца, что дефензоры опредѣлили продать всѣ университетскія имѣнія — и отдаленныя, и близкія. Мистры возражали, но напрасно: Будовець требовалъ согласія на продажу. Въ виду такого оборота дѣлъ мистры обратились за содѣйствіемъ къ своимъ старымъ пріятелямъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ числѣ дефензоровъ, а на общемъ совѣщаніи порѣшили — не соглашаться на продажу. Дефензорамъ было представлено письменное возраженіе противъ продажи университетскихъ имѣній: что въ силу королевскихъ привилегій имѣнія эти не могутъ быть отбираемы у нихъ, профессоровъ, что продажа имѣній принесетъ только ущербъ свободамъ университета, такъ какъ онъ будетъ лишень того права, которое имѣютъ іезуиты, не смотря на то, что онъ старше всѣхъ іезуитскихъ коллегій и т. д. Мистры соглашались только на одну уступку: они продадутъ болѣе отдаленныя села, на вырученные деньги купятъ другія, вблизи Праги, или построятъ одинъ или два дома, а затѣмъ выберутъ изъ среды своей управителя, который будетъ завѣдывать всѣми доходами и отчитываться предъ дефензорами.

Дефензоры обѣщали рассмотреть представленіе мистровъ и дать въ свое время отвѣтъ.

Не смотря на рѣшеніе сейма, дефензоры, въ виду несогласія мистровъ, перенесли дѣло о продажѣ университетскихъ имѣній снова на сеймъ. Это было въ началѣ 1610 года. Два дня разсуждали на сеймѣ и пришли опять къ прежнему заключенію — продать университетскія имѣнія, противъ чего впрочемъ возражалъ бургграфъ Штернберкъ. Сообщили заключеніе сейма мистрамъ, а тѣ повторяли старое: на продажу сель, что подалше отъ Праги, соглашаемся; на продажу имѣній подгородныхъ — нѣтъ.

Сеймъ вскорѣ былъ закрытъ; дефензоры не настаивали, и вопросъ о продажѣ самъ собою затихъ: мистры защитили свои старые порядки (1).

---

(1) Томекъ. «Paměti». «Сб.» 1847. II. 507—508. 511—516.

Такимъ образомъ, одна изъ радикальнѣйшихъ мѣръ, предложенныхъ университетскою комиссіей для поднятія средствъ университета и улучшенія быта профессоровъ, не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, благодаря своекорыстнымъ расчетамъ пановъ-мистровъ. Но, можетъ быть, и мистры были не совсѣмъ неправы въ отстаиваніи за университетомъ его старыхъ, жертвованныхъ королями имѣній, такъ какъ деньги, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, могли легко погибнуть и университетъ остался бы безъ ничего. Наконецъ, въ виду только что состоявшагося щедраго рѣшенія сейма о взносѣ на университетъ, можно было, дѣйствительно, не прибѣгать къ крайней мѣрѣ — къ распродажѣ всего университетскаго недвижимаго имущества. Къ сожалѣнію, подобойскія сословія были щедры на словахъ, а когда приходилось до дѣла, деньги жертвовались съ большою неохотою. Мы уже выше имѣли случай видѣть, какъ мало были готовы сословія давать деньги по требованію директоріи 1609 года на формированье революціоннаго войска; щедрое рѣшеніе сейма о взносѣ на университетъ осталось на бумагѣ, и никто изъ членовъ сейма 1609 года не внесъ ни гроша для карловой коллегии.

Однимъ словомъ, матеріальное положеніе университета отъ перехода его въ власть подобойскихъ сословій нисколько не улучшилось, если не ухудшилось, ибо на содержаніе новыхъ, затребованныхъ сеймомъ профессоровъ богословскаго, юридическаго и математическаго факультетовъ былъ одинъ старый источникъ — дарованныя старыми королями села, недвижимыя имущества. Реформа университета ограничилась нѣкоторымъ усиленіемъ преподаванія.

25 марта 1610 года дефензоры избрали изъ среды себя педагогическую комиссію изъ 8 человекъ, въ которую вошли между прочими Будовець, Роуповъ, Гумберкъ, Магрле, и ей поручили заняться поднятіемъ дѣла образованія вообще въ королевствѣ. Комиссія ревностно занялась исполненіемъ возложеннаго на нее порученія. Уже на слѣдующій день она явилась въ коллегію и предложила профессорамъ устроить у себя classes — образцовую школу для всѣхъ низшихъ школъ въ королевствѣ и вмѣстѣ съ

тѣмъ обновить пришедшіе въ упадокъ факультеты: богословскій, юридическій и медицинскій. Тутъ же коммиссія указала на Кеплера, какъ на лицо, которое было бы очень желательно пригласить въ университетъ, и потребовали у ректора представить списокъ профессоровъ, съ указаніемъ предметовъ ихъ будущихъ лекцій, особенно на трехъ обновляемыхъ факультетахъ. Черезъ нѣсколько дней списокъ былъ изготовленъ: оказалось, что на факультетахъ богословскомъ и юридическомъ будутъ преподавать по два профессора, на медицинскомъ три; философскій же факультетъ имѣли подѣлить между собою члены карловой коллегіи. Съ Кеплеромъ, который тогда числился придворнымъ математикомъ, завели переговоры сами дефензоры, и онъ изъявилъ согласіе на чтеніе лекцій.

Изъ представленнаго списка ясно, что чувствовался крайній недостатокъ въ профессорахъ, особенно на факультетахъ только что открываемыхъ. Дефензоры не бездѣйствовали, старались по возможности увеличить наличное число преподавателей, позволяя себѣ даже въ силу своего полномочія отъ сейма — не стѣсняться стародавними порядками университета.

Пріѣхалъ въ Прагу нѣкто Николай Каменекъ изъ Германіи и пожелалъ читать въ университетѣ лекціи еврейскаго закона; но мистры не дозволили и ссылались на статуты, по которымъ только членъ академической корпораціи имѣлъ право на преподаваніе. Николай жаловался дефензорамъ, просилъ объ отведеніи ему аудиторіи и жалованія, такъ какъ онъ былъ приглашенъ нѣкоторыми панями, и ему было обѣщано мѣсто при преобразованіи университета. Дефензоры приказали мистрамъ указать Николаю аудиторію, но тѣ попрежнему стали ссылаться на свой уставъ; тогда имъ было объявлено, что эти отговорки ничего не значать, и отказомъ они пріобрѣтутъ немилость дефензоровъ. По совѣту ректора, мистры уступили, дозволили Николаю чтеніе лекцій и дали ему въ займы 100 копѣ. Черезъ нѣсколько времени дефензоры приказали вписать въ число преподавателей еще двухъ новыхъ профессоровъ на медицинскій и юридическій факультеты. Денегъ не было, — откуда же платить новымъ профессорамъ? и приходилось платить изъ стараго и

единственного источника. Очевидно, дѣло преподаванія не могло двигаться впередъ, и въ 1617 году авторъ анонимной брошюры противъ братьевъ укоряетъ дефензоровъ за плохое состояніе богословскаго и юридическаго факультетовъ (1).

Но скудость средствъ была не единственной причиной, ставившей дефензоровъ въ невозможность принести значительную пользу полученному ими съ такимъ трудомъ университету: земскій миръ, по видимому, обезпеченный законами 1609 года, окончился съ концомъ 1610; новый 1611 годъ снова вызвалъ на сцену бурныя событія недавноминувшаго — чрезвычайный сеймъ, возстаніе земли, виѣшательство чужихъ; снова вызвалъ къ жизни борьбу элементовъ, только что умирившихъ, чтобы не дать имъ уже успокоиться на-долго — до послѣдняго успокоенія одного изъ противниковъ. Естественно, среди общаго грома университетскій вопросъ подвинулся далеко назадъ и замеръ, пока наконецъ старая *alta mater* не сдѣлалась добычей давно алкавшихъ ее іезуитовъ.

Мы видѣли, что власть Рудольфа послѣ мира 1608 года фактически ограничилась одной Чехіей, событія же 1609 года служили ея и здѣсь до *minimum'a*: верховныя права сильно стѣснились подобоями, ибо, напр. противъ войска королевскаго сеймъ или орудіе его, дефензоры, легко могли собрать свое «*stavovské*» войско. Одинъ врагъ, Матвѣй, вымогъ путемъ насилія, но подъ видомъ добровольнаго согласія; признанія за собой наследственныхъ правъ на корону; другой — подобои, тѣмъ же путемъ принудили короля отказаться отъ своихъ старыхъ убѣжденій и поступиться въ пользу ихъ нѣкоторыми изъ своихъ верховныхъ правъ. Если Рудольфъ давно уже не любилъ своего честолюбиваго брата, то теперь, послѣ коварнаго вторженія 1608 года, онъ его не терпѣлъ. Чувства же Рудольфа къ подобоямъ понятны. Естественно, если подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій послѣднихъ лѣтъ у обезсиленнаго короля рано явилось желаніе отмстить своимъ сильнымъ врагамъ и возвратить то, что у него

(1) Skala. II. 47.

было вынуждено. Войска не было; если начать собирать, словесно сейчас же завопятъ, что готовится что-то противъ нихъ, и объявятъ рушеніе земли. Безъ войска же нельзя было и думать о возвращеніи старинны. Гдѣ же и какъ достать тайныхъ солдатъ, чтобы отбить и Матвѣю, и чехамъ?

Какъ на орудіи мести, Рудольфъ остановился на своемъ двоюродномъ братѣ, эрцгерцогѣ Леопольдѣ, епископѣ Пассау въ Баваріи, по сосѣдству съ Чехіей и Австріей. Еще маестатъ не былъ подписанъ, но ясно было, что уступить подобоюмъ будетъ необходимо, когда Рудольфъ завелъ сношенія съ Леопольдомъ, котораго онъ предназначалъ въ преемники себѣ. Сношенія пошли чрезъ Вацлава Вхннскаго, двуличнаго пана-подобоя. Въ августѣ 1609 года Леопольдъ благодаритъ Вхннскаго за его согласныя дѣйствія съ канцлеромъ Лобковицемъ и проситъ «поразмыслить о средствахъ, какъ бы внести раздоръ въ среду подобоювъ и склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону» (1). Въ началѣ 1610 года Матвѣю было извѣстно, что императоръ вооружается — подъ тѣмъ яко-бы предлогомъ, чтобы собираемая войска двинуть къ Юлиху и Клевесу, послѣдній князь которыхъ умеръ безъ потомства, для пріобрѣтенія этихъ земель въ императорскій фискъ (2). Въ то же самое время католики интриговали въ пользу Рудольфа во владѣніяхъ Матвѣя — въ Австріи, Моравіи. Матвѣя извѣщаютъ изъ Праги, что при дворѣ твердо увѣрены, что болѣе половины подданныхъ его готовы объявить себя на сторонѣ императора (3). Лѣтомъ 1610 года былъ съѣздъ имперскихъ князей въ Прагѣ, на которомъ присутствовали и послы отъ Матвѣя; чтобы примирить враждующихъ братьевъ. Рудольфъ обѣщалъ распустить войска, но обѣщанія не исполнилъ. У императора былъ такой планъ: «войскъ не распускать, но вести ихъ къ чешскому Крумлову; потомъ назначить сеймъ и потребовать не только возвращенія данной привилегіи, но и наказать чеховъ, — нѣкоторыхъ изъ нихъ привлечь къ суду, обвинить

---

(1) H a n k a. «Correspondenz zwischen Kaiser Rudolph etc.». 19.

(2) ib. 26. Slavata. II. 2. 3.

(3) «Correspondenz». 29.

ихъ въ оскорбленіи величества, и, приведа все въ послушаніе, дѣйствовать тогда далѣе, такъ чтобы можно было приготовить престолъ Леопольду» (1). И, дѣйствительно, въ концѣ августа Матвѣй получилъ извѣстіе, что по приказанію императора войско изъ Пассау снабжается на зиму теплой одеждой, что чехи знаютъ, что оно предназначается противъ нихъ, но что императоръ потерялъ всякое уваженіе, и чины намѣрены твердо держаться договора 1608 года (2). Войско изъ Пассау считало въ себѣ 12 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ Сульца и Раге. Въ 1610 году Леопольдъ двинулъ его на Австрію. Грабя и разоряя все на пути, пассовцы дошли до Линца, гдѣ расположились лагеремъ. Здѣсь они задерживали суда на Дунаѣ и поступали такъ, что, по выраженію Скалы, и сердце каменное могло бы прослезиться при видѣ ихъ хозяйничанья. Матвѣй, собравши войска, не выпустилъ пассовцевъ далѣе во внутрь страны, а между тѣмъ отправилъ два посланія въ чешскимъ сословіямъ, въ которыхъ жаловался, что не вѣрится, чтобъ эти грабежи чинились съ вѣдома и согласія императора, и напоминалъ имъ быть, согласно данному обязательству, готовы къ защитѣ его и его земли. Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ и императору отъ 29 декабря. 17 января Рудольфъ отвѣчалъ брату: онъ строго договаривалъ, что Матвѣй бунтуетъ его подданныхъ, хотя признавался, что пассовское войско собрано для защиты его и мира въ имперіи, упрекалъ, что онъ обвиняетъ его въ нарушеніи договора съ имперскими князьями и имперскихъ постановленій, тогда какъ судъ князей разсудитъ ихъ. Въ концѣ письма императоръ выражалъ надежду, что король будетъ склоненъ къ миру и не захочетъ предпринимать ничего «новаго». Если первое письмо Матвѣя было еще сдержанно, то второе прямо обвиняло Рудольфа въ злоумышленіи (3). «Если сравнить время, когда кур-

(1) ib. 44.

(2) ib. 35. 36.

(3) Отъ 29 февраля(?). Вѣроятно, у Скалы письмо это по ошибкѣ датировано 29 февраля. Не читать ли января, такъ какъ письмо Рудольфа, въ отвѣтъ на которое было составлено данное посланіе отъ 29 февраля, было

фиреты были призваны въ Прагу, съ тѣмъ, когда вербовались пассовцы, то излишни всякіе доводы: пусть только прочтутся тѣ совѣты, которые давались тогда императору людьми бурливыми, ненавидящими миръ; изъ нихъ будетъ ясно, что императоръ желалъ добиться договора насильственно, при помощи солдатъ. Вѣроятно, императоръ еще не забылъ, какъ тѣ же совѣтчики ввели вредныя интриги въ Венгріи и Моравіи, желая вывести народъ тамъ изъ должнаго повиновенія ему, королю, и говорили, что, если бы у нихъ подъ руками было хоть нѣсколько солдатъ, многіе охотно бы отложились и пристали къ императору. Одинъ изъ этой толпы совѣтовалъ императору войти въ тайное соглашеніе съ нимъ, королемъ, ввести въ города войско и тогда отменить австрійцамъ, мораванамъ и венграмъ, уничтожить ихъ свободы и льготы и установить иной порядокъ. Но король, какъ честной нѣмецкой совѣсти, отвергъ этотъ совѣтъ. Такъ какъ императоръ не пожелалъ распустить солдатъ, значитъ, онъ думалъ (minil) свой умиселъ противъ короля привести въ исполненіе. Если эти солдаты предназначались противъ имперіи, а съ турками былъ миръ, слѣдовательно, они наняты противъ королевствъ чешскаго, венгерскаго и другихъ земель. Но императоръ обязался собственноручной подписью хранить миръ съ этими королевствами и землями. Въ договоръ, заключенномъ предъ Прагой, онъ прямо объявлялъ, что если бы онъ нарушилъ его, то чехи обязаны стать на сторону его, Матвѣя; поэтому онъ, король, имѣлъ полное право просить о помощи чешскія сословія и напомнить имъ, какъ честнымъ людямъ, ихъ подписи и печати». Въ заключеніе Матвѣй требовалъ отъ брата немедленнаго распущенія пассовскаго войска, въ противномъ случаѣ грозилъ войной⁽¹⁾. Но Рудольфъ войска не распустилъ и еще до полученія отвѣта указалъ ему двинуться въ

отъ 17 января? 3-е письмо Матвѣя, сейчасъ же послѣ 2-го, должно относиться къ половинѣ февраля, когда пассовцы были уже въ Прагѣ. (см. Skala. I. 296), ибо 17 февраля было второе посольство къ Матвѣю изъ Праги. О второмъ посольствѣ — Slavata. II. 13.

(1) Skala. I. 288—277.

Чехію. 30 янв. 1611 года пассовцы были уже въ южныхъ областяхъ королевства: взяли затѣмъ Крумловъ (богатое владѣніе Вока Розенберка, изъ общины), Будеевицы и быстро шли къ Прагѣ. Но въ Прагѣ предвидѣли уже давно возможность вторженія въ королевство, и потому еще въ половинѣ января высшіе земскіе чиновники вмѣстѣ съ нѣкоторыми панами, находившимися тогда въ столицѣ, явились къ Рудольфу, чтобы спросить у него — къ чему эти пассовцы. Рудольфъ извинялся, что онъ ничего не знаетъ, и тотчасъ же объявилъ съѣздъ сословіи для обезужденія мѣръ защиты.

25 января депутаты отъ краевъ, какъ это было положено въ маестатѣ, собрались въ Прагу, а черезъ нѣсколько дней они получили извѣстіе о вторженіи непріятеля въ землю. Съѣздъ потребовалъ у Рудольфа немедленнаго же удаленія пассовскаго войска; послѣдній отвѣчалъ, что онъ съ болью сердца услышалъ о вторженіи его, и Богомъ удостовѣрялъ сословія, что у него никогда не было никакого дурнаго замысла, что онъ поразмыслилъ объ отвращеніи опасности, и просилъ сословія быть вѣрными ему по прежнему, не покидать въ настоящую минуту «своего стараго короля». Послѣ этого съѣздъ опредѣлилъ: сформировать нѣсколько полковъ пѣхоты и конницы, нужныя деньги пріобрѣсть путемъ займа и объявить рушеніе всей земли (1). Вмѣстѣ съ объявленіемъ дефензиі, всеобщаго вооруженія, была назначена директорія для веденія защиты, въ составъ которой вошли главнымъ образомъ дефензоры.

Наскоро сформированныя войска заняли столицу, Карловъ Тынъ (Karlstein); изъ Тына были взяты регалии королевскія и земскія привилегіи и свезены въ храмъ св. Вита.

13 февраля пассовцы были около Вероуна; къ нимъ отъправился изъ Праги эрцгерцогъ Леопольдъ, яко бы для того, чтобы переговорить съ ними отъ имени императора о жалованьѣ. Для успокоенія съѣзда былъ посланъ къ нимъ герольдъ съ приказаніемъ отойти въ Крумловъ, но ему была дана тайная инструкція — пріѣхавши на мѣсто, слушаться только Леопольда.

(1) Slavata. II. 4—6.

Дѣйствительно, вмѣсто того чтобы отойти въ Крумловъ, пассовцы 15 февраля были уже у Праги и сейчасъ же ворвались въ Малую Страну, прилегающую ко дворцу. Не смотря на сильное сопротивленіе мѣщанъ, Малая Страна вскорѣ была въ рукахъ непріятеля: «итальянцы и напезники малоостранскіе — говоритъ Скала — не только не давали никакого отпора, напротивъ, предлагали противъ своихъ пороховъ, олово и сами стрѣляли». Легкая кавалерія проникла чрезъ карловъ мостъ во внутрь Праги, но одна часть ея была побита, другая укрылась въ католическихъ монастыряхъ. Узнавъ о послѣднемъ, жители Старого и Новаго Мѣста съ неистовствомъ бросились на монастыри: какой только монахъ попадался подъ руку, его раздѣвали до-нага и били желѣзными прутьями; монахи спасались на крыши, но и тамъ ихъ стрѣляли, какъ птицу; двери, окна, печи — все это было изломано и побито въ монастыряхъ; пощадъ не было никому и ничему. «Собирались — говоритъ Скала — сдѣлать нападеніе на жидовъ и іезуитскую коллегію, но іезуиты заблаговременно просили о защитѣ съѣздъ и ему вручили ключи отъ своей коллегіи». Волненіе приняло такіе размѣры, что съѣздъ, представлявшій теперь дѣйствительную власть, принялъ энергическія мѣры для унятія разбушевавшагося народа, ибо толпа уже называла себя «четвертымъ сословіемъ» (stav čtvrtý), возбуждая ревнивое опасеніе въ привилегированныхъ трехъ сословіяхъ. Ясно, что волненіе это было съ извѣстнаго рода политическимъ характеромъ. Зачинщики были казнены.

На другой день, 16 февраля, пассовцы двинулись на Градчаны. Слабый гарнизонъ съѣзда подъ начальствомъ Колонны Фельзескаго сдался. Рудольфъ теперь требовалъ мира съ пассовцами, съ Леопольдомъ, но пражане слышать не хотѣли о мирѣ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подходили новыя сословныя войска изъ краевъ, которыя, по выраженію Скалы, были не прочь такъ ударить на врага, чтобы тотъ и ногъ своихъ не унесъ.

Понятно, въ какомъ ложномъ положеніи очутился Рудольфъ съ своими совѣтчиками, которыхъ такъ обвинялъ Матвѣй. Свербованныя для него войска Леопольда, при помощи которыхъ онъ рассчитывалъ отмстить врагамъ, мало давали надежды на

уси́хъ дѣла: противъ нихъ стояли сословія, народъ; самъ императоръ долженъ былъ противъ нихъ созвать съѣздъ — земское правительство. Все населеніе видѣло врага въ тѣхъ, которые, по выраженію императора, явились въ Прагу для защищенія его достоинства.

18 февраля съѣздъ читаль декретъ императора съ требованіемъ мира: «такъ какъ пассовскій людъ вторгся въ Прагу единственно только для защиты репутаціи, силы и достоинства его величества и до сихъ поръ здѣсь пребываетъ, поэтому императоръ препоручаетъ пражанамъ, чиновникамъ, сословіямъ завтра раннимъ утромъ явиться лично въ зачокъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ военнымъ людомъ принести его величеству особенное обязательство, согласившись сообща не зацѣпять другъ друга до будущаго милостиваго рѣшенія того дѣла». На требованіе мира съѣздъ отвѣчалъ обвиненіемъ императора въ нарушеніи земской конституціи. Императоръ самъ объявилъ, что настоящій съѣздъ назначается для защиты его величества, какъ короля чешскаго, и королевства отъ всякой опасности, откуда бы она ни пошла; что онъ милостиво и отцовски желаетъ, чтобы сословія внимательно поразмыслили и согласились о наиболѣе дѣйствительныхъ средствахъ защиты. Когда же сословія занялись этимъ дѣломъ, солдаты, на вербованные прежде его величествомъ безъ воли и совѣта земскаго, вторглись въ королевство и взяли Вудеевицы, Таборъ и другіе города, а между тѣмъ императоръ обязался своимъ именемъ предъ сословіями и князьями, что пассовскіе солдаты никоимъ образомъ не вторгнутся въ королевство, что въ противномъ случаѣ онъ самъ озаботится объ ихъ изгнаніи. При вѣсти о вторженіи, сословія предложили всѣ эти обстоятельства вниманію его величества, и онъ свидѣтельствовался Богомъ, что у него никогда не было мысли ввести тѣхъ солдатъ въ королевство, что въ виду настоящей опасности онъ проситъ сословія быть ему вѣрными и не оставлять своего стараго короля. Сословія тогда рѣшили вербовать войска для защиты короля и отечества. Но прежде чѣмъ послѣднее рѣшеніе было отпечатано, пассовскіе солдаты, не обращая вниманія на объявленіе императора, что если подвинутся

далѣе къ Прагѣ, то будутъ объявлены земскими непріятелями, и похваляясь, что они имѣютъ отъ него иной приказъ, напали на Малую Страну, овладѣли ею и обнаружили свое тиранство убійствомъ, пожаромъ и грабежомъ. Непритель намѣревался завладѣть и Старымъ, и Новымъ Мѣстомъ, но съ помощью божьей былъ отраженъ. Послѣ всего этого, говорилъ съѣздъ, императоръ приказываетъ имъ, высшимъ чиновникамъ, судьямъ и сословіямъ (чего они никакъ не ожидали) соединиться съ пассивцами и вѣстѣ дѣйствовать за императора противъ всякаго непріятеля. Но они считаютъ дѣломъ недостаточнымъ соединяться съ своими открытыми врагами, вредителями и губителями земскими, ибо это было бы явно противъ конституціи, сеймоваго рѣшенія, всего естественнаго и писаннаго права, наконецъ, противъ вышеуказаннаго обязательства его величества. А такъ какъ, окромя пассивскихъ солдатъ, ни о какомъ иномъ непріятелѣ сословія не знали и не знаютъ, то они объявляютъ, что будутъ защищать его величество, себя, женъ, дѣтей и свою дорогую отчизну противъ нихъ до послѣдняго изнеможенія.

Само собою разумѣется, что его величество менѣе всего нуждался въ защитѣ сословія отъ пассивцевъ, которые пришли защищать его отъ сословія. Но изъ недвусмысленнаго отвѣта съѣзда на требованіе о мирѣ съ «вредителями и губителями земскими» Рудольфъ долженъ былъ понять, что шутка, затѣянная «злыми совѣтчиками», по выраженію съѣзда, могла окончиться недобрымъ.

Чтобы придать еще большую силу своему отвѣту, съѣздъ извѣщалъ Рудольфа, что онъ обратился ко всѣмъ патріотамъ съ напомианіемъ, что такъ какъ непритель не только вторгся въ землю, но и осадилъ короля, корону, привилегіи, свободы и земскія доски, и случилось то, благодаря злымъ совѣтчикамъ, поэтому каждый долженъ поспѣшить, взнести выпавшую на его долю сумму денегъ для уплаты солдатамъ, которые уже наняты или которые еще теперь вербуются.

Но Рудольфъ не потерялъ надежды на примиреніе сословія съ пассивскими солдатами. 19 февраля онъ послалъ Фельдзескаго возобновить переговоры съ сословіями, но тѣ повторили старыя

отвѣтъ: защищаютъ короля, но знать не хотятъ ни Леопольда, ни вредителей земскихъ; но что если бы король пожелалъ отпустить пассовское войско, то они готовы и проводить, и снабдить его провіантомъ; квартиръ же въ Прагѣ они не могутъ отвести. Непрiятель готовился поджечь столицу, и только Рудольфъ удержалъ: «долго король глядѣлъ въ окно внизъ на Прагу и промолвилъ надъ ней нѣсколько словъ сожалѣнія» (1).

При общемъ раздраженіи жителей пассовцамъ приходилось плохо. 4 марта офицеры были на аудiенціи у Рудольфа, сердито жаловались, что они, прiйдя по его приказанію въ Прагу, за свою вѣрную и полезную службу терпятъ постоянно крайнюю нужду во всемъ, и потому просили уплатить имъ ихъ деньги и отпустить домой. Рудольфъ обѣщаль, но денегъ не было, и онъ попытался сдѣлать заемъ. Онъ объявилъ съѣзду, что малостранскіе купцы и мѣщане готовы дать ему необходимую сумму денегъ для уплаты пассовскому войску, но съ обезпеченіемъ займа чешской коморой, потому просилъ сословія назначить извѣстныхъ лицъ для переговоровъ объ этомъ займѣ, а затѣмъ приказать своимъ солдатамъ проводить пассовцевъ до границы.

Но съѣздъ отвѣчалъ отказомъ, и объявилъ теперь, что дѣло неслыханное, чтобы распускать солдатъ съ оружіемъ и съ дачей имъ проводниковъ, да и сословія не сумѣли бы обезопасить имъ возвращенія чрезъ землю въ виду крайняго озлобленія противъ нихъ сельчанъ (2).

Еще пассовское войско только грабило Чехію, вдали отъ Праги, когда сословія стали думать о Матвѣѣ. Но опасенъ былъ и Матвѣй: что, если онъ войдетъ, выгонитъ пассовцевъ да по праву побѣдителя уничтожитъ и договоръ 1608 года, по которому онъ избранъ сеймомъ въ преемники, и всѣ привилегіи земскія, особенно великіе законы 1609 года, добытые съ такимъ трудомъ? Подозрительность была весьма естественна и даже необходима. Прежде нежели обратиться въ Вѣну за помощью —

(1) Skala. I. 289.

(2) Вторженіе пассовскаго войска по Скалѣ. I. 264—292.

освободить отъ Рудольфа, сословія рѣшили напередъ испробовать почву — узнать настроеніе Матвѣя къ себѣ, узнать его намѣренія.

Извѣстивши о своей бѣдѣ Моравію, 11 февраля съѣздъ послалъ въ Вѣну Адама Вальдштейна, Гогенлоу, Гершторфа, Олбрамовица, Магале и Луконоса съ такимъ порученіемъ: такъ какъ между императоромъ и королемъ легко можетъ выйти недоразумѣніе и такъ какъ сословія не повинны въ вторженіи пассовцевъ въ Австрію, поэтому съѣздъ проситъ Матвѣя съ войсками своими не входить ни въ королевство, ни въ инныя императорскія земли; онъ же съ своей стороны будетъ твердо держаться договора 1608 года (1).

4 марта Матвѣй отвѣчалъ съѣзду благодарностью за его заботу о сохраненіи мира, говорилъ, что, какъ будущій король, онъ заодно съ чинами горюетъ о постигшемъ несчастіи, что онъ помнитъ договоръ 1608 года, что никогда не позволитъ себѣ отступить отъ него, но и чины должны помнить обязательства, данныя ими ему, и укорялъ ихъ, что они не отозвались дѣйствительною и скорою помощію на его зовъ. «Такъ какъ — продолжалъ король — дѣла приняли иной оборотъ, чѣмъ какой они имѣли, когда послы были отправляемы къ нему отъ своихъ принципаловъ, и такъ какъ ясно, что пассовское войско не только въ Австріи, но и въ Чехіи причинило и причиняетъ страшный вредъ, вербуя новыхъ людей, чтобы въ конецъ овладѣть чешскимъ королевствомъ, то я, какъ избранный преемникъ — король, желаю быть благодарнымъ тѣмъ, которые избрали меня на сеймъ, въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и никоимъ образомъ не премину исполнить того, что препоручаетъ и обязуетъ меня договоръ, разумъ человѣческой, христіанская любовь и справедливость. Поэтому мнѣ не остается ничего другаго, какъ, забывши все прежнія оскорбленія, снѣшить на помощь императору въ его затруднительномъ положеніи, спасти славный домъ австрійскій отъ посрамленія и издѣванія, а королевство чешское отъ паденія и гибели. Даже если бы ничего этого не было, то, такъ какъ съѣздъ просилъ помощи у чи-

---

(1) Skala. I. 299—300.

ювъ моравскихъ, а послѣдніе, считая себя слабыми; обратились ко мнѣ съ просьбой послать свои войска въ Чехію, а если южно, и самому лично туда поспѣшить, я не могъ бы отказать имъ ихъ просьбѣ и оставить безъ помощи королевство въ очевидной опасности».

Въ концѣ письма Матвѣй просилъ съѣздъ быть увѣрену, что у него нѣтъ иного намѣренія, какъ держать честно, открыто и похристіански договоръ 1608 года «во всѣхъ его пунктахъ, словахъ и статьяхъ», блюсти пользу и благоденствіе сословій и вмѣстѣ съ ними своей особой охранять землю отъ всякаго дальнѣйшаго несчастія (1).

Около 8 марта отвѣтъ Матвѣя былъ полученъ въ Прагѣ. Любезное письмо Матвѣя, обѣщаніе полной неприкосновенности правъ и свободъ сословій произвели самое благопріятное дѣйствіе на съѣздъ. Опасности отъ Матвѣя ждать было нельзя: «всякую дурную мысль отложите въ сторону», писалъ Матвѣй. Съ другой стороны пассовцы продолжали хозяйничать въ Прагѣ; Рудольфъ приказалъ имъ отойти къ Будеевицамъ, но тѣ не слушались. Съѣздъ рѣшилъ просить Матвѣя спѣшить въ Прагу.

«Чины, прочтя любезное посланіе и принявъ во вниманіе всю опасность и вредъ для королевства отъ пассовской сволочи, рѣшили — говорить Скала — не отвергать помощи, которую посылаетъ имъ самъ Богъ въ лицѣ короля и воспользоваться ею, какъ можно скорѣе (2).

---

(1) ib. 300—303.

(2) ib. 303. Для полного убѣжденія сословій въ опасности интригъ, происходившихъ въ дворцѣ Рудольфа, не мало послужили признанія на допросѣ тайнаго совѣтника ерцгерцога Леопольда, Денгнагеля, захваченнаго 5 марта при обозѣ, который шелъ изъ Праги въ Баварію съ награбленными сокровищами. У Славаты онъ называется Теупаг (II. 22). Денгнагель показывалъ, что хотя вообще многіе положительно убѣждены, что императоръ имѣлъ соглашеніе о настоящихъ дѣлахъ съ королемъ испанскимъ Филиппомъ III, но онъ на-вѣрное знаетъ, что ничего подобнаго не было, что между ними отношенія далеки не пріятельскія. Когда же Филиппъ узналъ, что въ Прагѣ многіе работаютъ въ пользу кандидатуры ерцгерцога Леопольда, то это уже окончательно поставило его противъ императора, такъ

10 марта было снаряжено новое посольство къ Матвѣю съ новой инструкціей; 15-го оно было уже въ Вѣнѣ. Во главѣ его стоялъ Вацлавъ Вхыньскій, который привелъ пассовцевъ, а теперь орудовалъ противъ нихъ. Сословія убѣдились, чему первое время не хотѣли вѣрить, что пассовцы свербованы дѣйствительно противъ нихъ, что они вторглись съ вѣдома и приказанія императорскаго, что императоръ явно защищаетъ ихъ, «какъ своихъ собственныхныхъ людей», требуя отъ сѣзда соединенія съ ними и препятствуя набору земскаго войска. Ни въ одной старой исторіи или хроникѣ не найдется, чтобы когда-нибудь, при которомъ-либо изъ старыхъ королей, земля была до такой степени разорена, разграблена, въ то время какъ сословія гарантированы, что императоръ, какъ король чешскій, обязуется хранить всѣ ихъ свободы, маестаты, права и стародавніе добрые обычаи. Вслѣдствіе всего этого сословія вынуждены гарантировать себя иначе предъ дальнѣйшими замыслами противъ себя и предупредить даль-

---

какъ онъ самъ надѣялся наследовать послѣ него и брата его Матвѣя *jure agnationis*, что поэтому Леопольдъ главный его недругъ. У эрцгерцога не было мысли — при помощи пассовцевъ уничтожить свободу подобойскаго исповѣданія, маестатъ и иныя привилегія; у него одно было намѣреніе — войти въ соглашеніе съ сословіями. Всѣ декреты сословіямъ императоръ подписывалъ добровольно. Чтобы понять это показаніе объ испанскомъ королѣ, надо помнить, что уже давно въ голову испанскаго Филиппа III зашла мысль искать для себя короны иѣмецкой и чешской, при чемъ онъ опирался на бездѣтность стараго Рудольфа и на свои родственныя связи съ Габсбургами. Филиппъ былъ сынъ сестры Рудольфа. Онъ считалъ себя кандидатомъ съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ Леопольдъ или Фердинандъ II, такъ какъ оба шли отъ младшей линіи Карла штирійскаго. Остальные же дяди Филиппа: Матвѣй, Максимилианъ, Альбрехтъ, были старые холостяки. Король еще во время релігиозныхъ смутъ 1608—1609 годовъ готовъ былъ предъявить свои права на корону имперскую, если бы его не удерживали испанскіе дипломаты, хорошо понимавшіе, какъ мало могла найтн симпатія кандидатура испанца. Они отклонили своего короля отъ этого намѣренія и убѣдили дѣйствовать въ пользу Матвѣя съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти послѣдняго взомелъ на престолъ инеантъ Донъ-Карлосъ, сынъ отъ втораго брака, при чемъ напередъ надлежало утвердить наследственность короля чешской и венгерской, такъ какъ формальные права свои на эти короны Филиппъ доказывалъ на ложно толкуемой отказной грамотѣ своей матери

нѣйшее разореніе королевства. Потому они объявляютъ, что съ радостью услышали о прїѣздѣ Матвѣя въ чешское королевство и просятъ его прибыть, какъ можно скорѣе, межъ нихъ въ Прагу, не отказать имъ въ совѣтѣ, помощи и защитѣ противъ непріятеля и стать вмѣстѣ съ ними. Но при этомъ они убѣдительноѣйшее просятъ короля, прежде чѣмъ онъ переступитъ границу королевства, оснадежить съѣздъ записью, что вступленіе его не повлечетъ за собой вреда для земли, уничтоженія привилегій, учрежденій, правъ и сеймоваго ихъ рѣшенія, добрыхъ стародавнихъ обычаевъ, при которыхъ они желаютъ оставаться.

Вмѣстѣ съ посольствомъ былъ отправленъ и проектъ просящей записи (1).

Но уже на другой день по отъѣздѣ втораго посольства въ Вѣну съ просьбой о помощи дѣла въ Прагѣ измѣнились.

Чего Рудольфъ болѣе всего боялся, то случилось: съѣздъ обратился къ Матвѣю. Императоръ хорошо зналъ о перепискѣ

Анны отъ наследственныхъ правъ на оба королевства, при выходѣ замужъ. (Подробнѣе объ этихъ домогательствахъ Филиппа на чешскую корону см. Gindely «Dějiny». 6—9). Филиппъ могъ, конечно, еще рассчитывать на поддержку своему сыну католиковъ и особенно іезуитовъ, какъ это дѣйствительно было. (См. инструкцію испанскому послу Онятъ въ 1616 года, когда вліяніе Испаніи было особенно сильно. ib. 39. 40). Понятно, съ какимъ чувствомъ чехи — «еретики» могли относиться къ кандидатурѣ испанца. Показаніе Денгнагеля объ отсутствіи соглашенія у Рудольфа съ Филиппомъ было вѣрно, ибо, поддерживая Матвѣя, испанскій король долженъ былъ быть противъ затѣй стараго императора сдѣлать преемникомъ Леопольда. Далѣе Денгнагель сдѣлалъ важное признаніе объ участіи въ интригахъ противъ подобоевъ двухъ извѣстныхъ домашнихъ враговъ, Славаты и Мартиница. «При всѣхъ совѣщаніяхъ у эрцгерцога присутствовали: исповѣдникъ его, но только въ началѣ, президентъ коморы чешской Аврамъ Доницъ, Славата и Смечапскій (Мартиницъ). Эти лица знали о всѣхъ планахъ и дѣйствовали, чтобы изъ Леопольда сдѣлать великаго пана». Наконецъ, на послѣдній вопросъ съѣзда — правда ли, что императоръ собственноручно писалъ пассовцамъ въ Будѣевницы спасти его отъ чеховъ и поспѣшить въ Прагу, что якобы сословія его осадили и хотятъ поступить съ нимъ насильственно, Денгнагель отвѣчалъ, что это могло легко быть, но онъ полагаетъ, что это выдумка (Skala. I. 292—296)

(1) ib. 303—306.

между чехами и братомъ, зналъ о настроеніи Матвѣя лично къ себѣ, и потому крайне опасался нападенія на пассовцевъ отъ Вѣны. Чтобы предупредить его, Рудольфъ еще 17 февраля отпраздилъ посольство въ Вѣну, поручивши ему объяснить Матвѣю, что пассовское войско вторглось въ королевство противъ его воли и приказанія и что онъ употребить всѣ усилія, чтобы ихъ удалить или распустить⁽¹⁾. Но Матвѣй былъ предувѣдомленъ, что пассовцы уже овладѣли Малой Страной: Вхисскій писалъ ему, чтобы онъ ничему не вѣрилъ, что будетъ говорить посольство⁽²⁾. Помимо того, моравскіе чины ходатайствуя за чеховъ у Матвѣя, послали отъ себя значительный вспомогательный отрядъ въ Прагу, о чемъ съѣздъ зналъ еще 17 февраля⁽³⁾.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, Рудольфъ 2 марта приказалъ Леопольду отступить назадъ къ Будеевицамъ и далѣе въ Баварію; но солдаты отступить не хотѣли и «начали бунтовать»⁽⁴⁾. Когда же 10 марта съѣздъ формально пригласилъ Матвѣя въ Прагу для «спасенія», всякое промедленіе было опасно для пассовцевъ, и 11 марта они поспѣшили оставить Прагу. Войско съѣзда не преслѣдовало непріятеля, за то тѣ, которые замѣшкались еще въ городѣ, были перехвачены и потоплены въ Велтавѣ. Въ тотъ же самый день Турнъ съ войсками съѣзда, усиленными теперь двумя моравскими полками, вошелъ въ Градчаны и объявилъ императору, что войска съѣзда готовы защищать его противъ всякаго непріятеля. Всѣ караулы были заняты солдатами Турна, и такимъ образомъ Рудольфъ очутился въ почетномъ арестѣ у сословій. 14 марта пассовцы были въ Будеевицахъ⁽⁵⁾.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Прагѣ, когда 15 марта Матвѣй съ своими войсками прибылъ въ Иглаву, пограничный

---

(1) Slavata. II. 13. прямо говорить, что Рудольфъ отправилъ посольство въ Вѣну «obávaje se, aby Čechové krále Mathiaše do Čech nepovolali».

(2) ib. 171, въ обвинительномъ актѣ.

(3) ib. 10.

(4) ib. 11.

(5) Подробности отступления — Skála. I. 306—308.

городъ Чехія. Отсюда 17 марта онъ послалъ сословіямъ отвѣтъ на послѣднее ихъ посланіе. Матвѣй еще разъ выговаривалъ имъ, что ему весьма жаль, что съѣздъ такъ поздно убѣдился, что пассовцы были собраны на гибель чешскаго королевства и и что императоръ нарушилъ договоръ. Вмѣстѣ съ этимъ Матвѣй послалъ съѣзду и запись. 24 марта она была обнародована въ Прагѣ (1).

Между тѣмъ, поджидая Матвѣя, съѣздъ представилъ на обсужденіе директоріи нѣсколько проектовъ, которые были непосредственно вызваны послѣдними событіями и изъ которыхъ особенно интересны два. Въ первомъ изъ нихъ съѣздъ, обращая вниманіе, что многіе изъ пановъ не оказали ни малѣйшей помощи при вторженіи непріятеля, не съѣхались съ иными обывателями и даже не подписались подъ сеймовымъ заключеніемъ, на что ихъ обязывала конституція, предлагалъ директоріи потребовать у всѣхъ этихъ лицъ яснаго отвѣта — желаютъ ли они защищать «свою дорогую отчизну» и быть вмѣстѣ съ сословіями за-одно или нѣтъ. Изъ этого предложенія видно, что съѣздъ даже послѣ отступленія непріятеля не считалъ еще дѣло поконченнымъ, въ виду возможныхъ новыхъ интригъ со стороны католиковъ, о которыхъ именно и говорилось въ предложеніи. Второе предложеніе было еще важнѣе. Чины предлагали, чтобы въ случаѣ вторженія врага или какой либо иной опасности каждому краю было предоставлено право подняться и просить о помощи другіе края, не дожидаясь приказаній изъ Праги.

Противъ перваго предложенія директоры дали такой отвѣтъ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ католическихъ пановъ, занимающіе первыя должности, въ противность своимъ обязанностямъ, по сю пору не являлись на съѣздъ; но такъ какъ съѣздъ былъ предписанъ королемъ и еще продолжается, то, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ извѣстить не явившихся, что съѣздъ пока еще не лишилъ ихъ голоса и имъ предоставляется на волю — принять участіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ съѣзда или нѣтъ;

---

(1) Запись напечатана у Габернелъда «Bellum bohemicum», въ приложеніяхъ. 74—77.

но въ послѣднемъ случаѣ они лишаются права протестовать противъ того, что положить большинство. Сословія согласились съ мнѣніемъ директоровъ.

Дальнѣйшее обсужденіе сдѣланныхъ съѣздомъ предложеній было остановлено прибытіемъ въ столицу 24 марта Матвѣя, во главѣ 6-тысячнаго войска. Еще за городомъ Матвѣй былъ торжественно встрѣченъ панами, рыцарями и депутатами отъ мѣщанъ: привѣтствія произносили почешески; Лобковиць, коморникъ моравскій, переводилъ ихъ понѣмецки. Сословные генералы: Турнь, Фельзескій и Бубна, ѣхали во главѣ кортежа.

Король Матвѣй не располагалъ пробыть долго въ Прагѣ; ему, очевидно, непріятно было быть вмѣстѣ съ Рудольфомъ, и потому сейчасъ же по своемъ пріѣздѣ онъ предложилъ съѣзду указать ему причины, побудившія съѣздъ пригласить его въ Прагу.

24 марта съѣздъ отвѣчалъ Матвѣю. Двѣ причины руководили главнымъ образомъ чинами при его приглашеніи: 1) чинамъ необходимо было изгнать непріятеля; 2) исправить при содѣйствіи его дурное управленіе въ землѣ, приведшее послѣднюю на край гибели. Что касается изгнанія непріятеля, то съѣздъ просить короля не медля соединить свои войска съ земскими и направить ихъ противъ пассовцевъ, засѣвшихъ теперь въ Будеевицахъ и на крумловскихъ владѣніяхъ Вока Розенберка. Относительно же втораго пункта (названнаго скромнымъ именемъ «исправленія управленія») то съѣздъ, въ виду его важности не только для королевства, но и для всѣхъ соединенныхъ съ нимъ земель, полагалъ бы необходимымъ созвать въ скоромъ времени общій, или генеральный, сеймъ. Тогда чины предложать свои доводы, почему имъ нельзя долѣе оставаться при нынѣшнихъ порядкахъ: теперь же они просятъ короля предложить императору, чтобы онъ, принявъ во вниманіе свои пожилыя лѣта и трудность потому управленія землей, по примѣру славныхъ предковъ своихъ добровольно отказался отъ власти, уговорился съ нимъ, кородемъ, о лучшихъ порядкахъ въ землѣ, а затѣмъ все было бы обсуждено вмѣстѣ съ сословіями. Въ виду всего этого съѣздъ просилъ Матвѣя не уѣзжать изъ Праги.

Потерявшему всякое уваженіе земли старому императору трудно было протестовать противъ общаго желанія подобоевъ замѣнить его болѣе счастливымъ братомъ, въ которому земля, справедливо или нѣтъ, но питала довѣріе, и онъ назначилъ генеральный сеймъ на 12 апрѣля.

Къ назначенному сроку чины съѣхались въ значительномъ числѣ, и сеймъ былъ открытъ въ послѣдній разъ Рудольфомъ. Отъ его имени были внесены слѣдующія предложенія. Императоръ, любя своего брата и заботясь объ общемъ благѣ королевства, изъявляетъ свое милостивое соизволеніе сейму «объявить королемъ и короновать» Матвѣя, какъ уже «принятаго» прежде наслѣдникомъ престола, чтобы не наступила въ случаѣ его смерти сумятица въ землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется, что какъ король, такъ и сословія исполнять все то, что надлежитъ исполнить согласно обоюдной присягѣ. Наконецъ, онъ требуетъ отъ сословій и будущаго короля, чтобы дворъ его былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ вина, хлѣба, скота и тому подобными принадлежностями хозяйства, чтобы всѣ его панства, заложенные разнымъ кредиторамъ, были выкуплены, чтобы оставленъ былъ ему пожизненный титулъ королевскій, чтобы ему свободно было жить и въ королевствѣ, и внѣ его, чтобы были освобождены изъ-подъ ареста его тайные совѣтники и было бы объявлено общее забвеніе всего прошлаго (1).

Вскорѣ по открытіи сейма прибыли въ Прагу и представители Силезіи, обѣихъ Лужицъ и Моравіи, при чемъ представители первыхъ двухъ земель получили отъ Рудольфа грамоту на освобожденіе «*ze všech jich člověčenství, poddaností a přísahy*». Другими словами, значительная часть земель короны св. Вячеслава почти что отходила отъ нея. Такъ понимали силезцы эту грамоту на сеймѣ 1615 года.

4 марта были отправлены комиссары въ Будаевицы для переговоровъ съ пассовцами объ очищеніи королевства, а 15 мая

---

(1) Королевскіе совѣтники, о которыхъ просить здѣсь Рудольфъ предъ сеймомъ, были Славата, Мартиницъ и нѣкоторые другіе, арестованные съяздомъ вслѣдствіе показаній Денгнагеля еще 30 марта.

переговоры были окончены: солдатамъ дали 17.300 гульденовъ, и они разошлись, при чемъ Воевъ Розенберкъ уплатилъ значительную часть этой суммы.

12 мая сеймъ, твердо положившій низложить Рудольфа, не смотря на убѣжденія саксонскаго курфирста остаться вѣрнымъ старому императору, «который слишкомъ 35 лѣтъ мирно и тихо управлялъ не только чешскимъ королевствомъ, но и цѣлой имперіей», и на просьбу князя брауншвейгскаго къ Матвѣю не торопиться съ коронованіемъ, не огорчать императора и брата своего старѣйшаго, въ его преклонныхъ лѣтахъ, — представилъ будущему королю восемь статей, которыя онъ имѣетъ принять прежде, чѣмъ быть короновану. Въ нихъ чины просили объ утвержденіи всѣхъ ихъ общихъ и особенныхъ привилегій, свободъ, маестатовъ, католическо-подобойскаго и межъ-подобойскаго соглашеній, соединеніи въ дѣлѣ вѣры съ силезскими чинами, въ теченіе двухъ недѣль; объ обновленіи всѣхъ земскихъ должностей, съ согласія и совѣта 30 приданныхъ королю отъ сейма лицъ, въ теченіи 4 дней по коронованіи; о дозволеніи чинамъ, въ минуту опасности, собираться на помѣстные сѣзды (krajski sjezd) безъ особаго разрѣшенія на то короля; о разрѣшеніи высшимъ чиновникамъ и земскимъ судьямъ, если бы того требовала земская нужда, объявлять наборъ для защиты земли; объ организаціи этой земской обороны вмѣстѣ съ соединенными землями; о возобновленіи конфедераціи съ королевствомъ венгерскимъ и эрцгерцогствами австрійскими и объ обновленіи старыхъ договоровъ съ курфирстами и польскимъ королемъ.

Понятно, всѣ эти требованія были мотивированы желаніемъ общей пользы и прежде всего, конечно, пользы самого короля Матвѣя. Значеніе и объемъ этихъ требованій такъ ясны, что они не нуждаются въ объясненіяхъ. Изъ нихъ были особенно тяжелы для Матвѣя четыре: о конфедераціи, земскомъ наборѣ или дефензиі, помѣстныхъ сѣздахъ и поновленіи старыхъ договоровъ съ сосѣдними государствами. Согласіе на нихъ было равносильно отреченію отъ дѣйствительной власти, и потому, естественно, Матвѣй долженъ былъ прибѣгнуть къ уловкѣ, если не желалъ съ разу же возстановить противъ себя сословія. Дѣй-

ствительно, Матвѣй не отказался прямо отъ утвержденія предложенныхъ статей, но отвѣчалъ сейму, что четыре изъ нихъ: о конфедераціи, дефензиі, сѣздахъ и обновленіи договоровъ, необходимо отложить до ближайшаго сейма, но на немъ онѣ пойдутъ первыми. Сеймъ уступилъ (1). И здѣсь при дачѣ этого отвѣта не обошлось безъ совѣтовъ Славаты и Мартиница, которые были даже противъ внесенія статей на сеймъ (2).

Послѣ чеховъ представили свои статьи моравскіе чины: въ нихъ они главнымъ образомъ жаловались на своеволие и на несправедливыя утѣсненія чешской придворной канцеляріи, т. е. требовали освобожденія Моравіи изъ-подъ опеки Чехіи, ибо придворная канцелярія въ то время имѣла значеніе общаго министерства для всѣхъ земель короны св. Вячеслава. Славянской сепаратизмъ мораванъ сказался и здѣсь.

Отклонивши чрезмѣрные требованія сейма, Матвѣй тѣмъ не менѣе далъ двѣ записки, до и послѣ коронованья, 21 и 27 мая. Въ записки отъ 27 мая онъ «обѣщалъ своимъ королевскимъ словомъ», оставить сословія при ихъ правахъ, свободахъ, при маестатѣ, «который данъ имъ отъ Рудольфа изъ особенной его милости и благорасположенія не только на свободное исповѣданіе ихъ подобойской вѣры, но и на политическія дѣйствія», при соглашеніи сословій католическихъ и подобойскихъ, особенно при общемъ рѣшеніи, которая положила сторона подобойская между собою, обѣщалъ, что онъ повиненъ все это честно полюбить и достаточно утвердить своимъ королевскимъ маестатомъ, который въ свое время имѣетъ быть врученъ чинамъ; обѣщалъ, что безъ воли и вѣдома всѣхъ трехъ сословій не будетъ взвѣрять никому, ни Карлова Тына, ни досокъ земскихъ, или назначать иностранцевъ на земскія или духовныя должности (3).

Послѣ этого, 23 мая, въ понедѣльникъ, было совершено торжественное коронованіе Матвѣя кардиналомъ Дитрихштейномъ,

---

(1) Slavata. II. 192. Славата дѣлаетъ очень вѣрную оцѣнку этихъ статей. ib. 189—192.

(2) ib. 189.

(3) Обѣ записки у Habernfeld'a. «Bellum». Ср. Skala. I. 323.

епископомъ оломуцкимъ, въ присутствіи Клезля, епископа вѣнскаго и канцлера королевскаго, посланниковъ папскаго, испанскаго, флорентійскаго и другихъ. «Рудольфъ — говоритъ Скала — сидѣлъ печально въ своей комнатѣ, сокрушаясь надъ умаленіемъ своего достоинства, въ которому привели его его злые и нечестные іезуитскіе совѣтчики, когда король Матвѣй въ фіолетовой одеждѣ ѣхалъ изъ Градчанъ въ замковнй соборъ для коронованія» (1).

Такъ печально закончилось для Рудольфа его долгое царствованіе.

Изъ всего предыдущаго ясно, что подобои сильно грѣшили противъ правды, когда въ послѣдствіи утверждали, что его величество Рудольфъ изволилъ спокойно царствовать, что даже отреченіе его отъ престола было свободнымъ актомъ его воли: «jistá a konečná věc jest, že se to vše proti dobré a svobodné vůli J. M. C. — z mocného přinucení dalo» — можемъ повторить мы за Славатой (2). Самъ ли онъ былъ виноватъ въ своемъ несчастіи или виноваты другіе — это иной вопросъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ коронованія, 11 іюня, новый король заключилъ полюбовный договоръ съ Рудольфомъ объ условіяхъ отреченія. Условія, предложенныя сейму, не вошли вполнѣ въ договоръ. Рудольфу предоставлялось право пожизненно носить титулъ чешскаго короля, жить въ Градчанахъ и имѣть свой дворъ; Матвѣй обязался уплачивать ему 300 т. ежегоднаго пансіона; но относительно королевскихъ помѣстій было постановлено, что онъ владѣеть пожизненно только четырьмя панствами: пардубицкимъ, брандысекимъ, лнсскимъ и преровскимъ, при чемъ лежавшіе на нихъ долги имѣютъ быть выплачены изъ

---

(1) «Hist.». I. 324. Но Славата утверждаетъ иное: чтобы не слышать ликованья своего соперника, грома пушекъ, звуковъ трубъ и бубновъ. Рудольфъ во время коронованія отправился подальше отъ своего дворца — на постройку своего новаго дома и здѣсь даже обѣдалъ. II. 20. Событія отъ вступленія Матвѣя въ Чехію и по коронованіе изложены главнымъ образомъ по Скалѣ. I. 310—324.

(2) II. 20.

казны. Съ своей стороны Рудольфъ обязывался ходатайствовать на имперскомъ сеймѣ объ избраніи Матвѣя въ императоры, объ укрѣпленіи границъ въ Венгрии и т. д. (1).

23 іюня Матвѣй уѣхалъ въ Будышинъ (Bautzen) для принятія присяги отъ сословія обѣихъ Лужицъ, а оттуда въ Силезію, гдѣ подтвердилъ Рудольфовъ маестатъ на свободу евангелической церкви и обѣщалъ согласно желанію чиновъ надлежаще наказать «злыхъ и нечестныхъ совѣтчиковъ», которые по сю пору наускивали императора противъ земли. Въ концѣ октября Матвѣй возвратился въ Вѣну, гдѣ 4 декабря онъ отпраздновалъ свою свадьбу съ Анной, дочерью Фердинанда Фердинандовича тирольскаго. Этимъ бракомъ онъ надѣялся упрочить родъ свой на престолѣ, такъ какъ всѣ его братья были старне холостяки. На старости честолюбивому Матвѣю судьба улыбнулась: съ небольшимъ чрезъ мѣсяць послѣ свадьбы получено было извѣстіе о смерти Рудольфа.

Тяжела была жизнь стараго императора среди людей, отъ него отвернувшихся, и онъ, естественно, вынести ее долго не могъ: «онъ постоянно — говорить Славата — только и думалъ о томъ, какими бы путями можно было найти удовлетвореніе несправедливости, которая сдѣлана ему вынужденнымъ отреченіемъ; все это наводило его на тяжелыя, сокрушавшія душу мысли, такъ что спустя нѣсколько мѣсяцевъ по оставленіи престола онъ умеръ внезапно» (2). Это было 20 января 1612 года.

---

(1) Skala. I. 324. 325. У Славаты показано пятое панство — бенатское. II. 20.

(2) II. 20. 21. Современники-подобой готовы были думать, что Рудольфъ былъ отравленъ іезуитами въ отместку за маестатъ; (Nabergfeld. «Bellum». 8: «nezbývalo než, aby kvarně sešel jedem»). Но авторъ, членъ впрочемъ общины братской, приписываетъ іезуитамъ то, въ чемъ они нисколько не виноваты — напр. призывъ Матвѣя въ Прагу; но отравлять не за чѣмъ іезуитамъ: онъ былъ ихъ. Скала свидѣтельствуетъ, что при вскрытіи трупа сердце было довольно свѣжо, но вообще внутренности значительно повреждены; большія же кости, на которую Рудольфъ жаловался еще при жизни, была черна, какъ уголь, т. е. что императоръ умеръ естественною смертию; но тѣмъ не менѣе самъ Скала

Черезъ десять дней послѣ смерти Рудольфа Матвѣй былъ въ Прагѣ, а въ концѣ мая онъ былъ избранъ на съѣздѣ курфирстовъ во Франкфуртѣ императоромъ.

допускаетъ, что было что-то таинственное въ смерти императора. (I. 330. 334). Слуги были арестованы, и одинъ изъ нихъ послѣ допроса повѣсился. «Нѣкоторые причину его повѣшенія видятъ въ томъ, что онъ зналъ о какихъ-то новыхъ интригахъ противъ королевства и земель австрійскихъ». (ib. 335).

II.

Итакъ, человѣкъ, который даже при полнѣмъ беззаконіи своемъ не переставалъ помнить о возвращеніи потеряннаго, объ опущеніи своемъ недоброжелателямъ — королю Матвѣю и братьямъ-подобоямъ, не стало; на престолѣ сидѣлъ Матвѣй, всецѣло обладавшій своимъ превышшимъ врагамъ Рудольфа, трижды объявившійся предъ ними «честно полюбить» все права, свободы и обычаи королевства. Все, по видимому, ручалось, что старое бурное время миновало безвозвратно, и земскій миръ водворился наконецъ въ распатанной долгой борьбой землѣ.

Но не такъ случилось на дѣлѣ. «Два раза мы пробовали нашего счастья — сказалъ одинъ изъ подобоевъ, вскорѣ по отъѣздѣ неваго короля изъ Праги — и оба раза не удавалось намъ; попробуемъ еще въ третій разъ, — авось удастся!»⁽¹⁾ Справедливы ли были эти слова? Сеймъ просилъ объ обновленіи земскихъ должностей подлѣ извѣстныхъ условіями; Матвѣй послѣдній не принималъ, но должности обновлялъ сейчасъ же послѣ коронаціи и болѣе или менѣе согласно съ желаніями подобоевъ. Еще дорогою изъ Вѣны въ Прагу онъ обѣщалъ Турну назначить ему богатое карлштейнское бургграфство, смѣстившии ненавистнаго подобоямъ Славату, и свое обѣщаніе онъ исполнилъ. 4-го іюня былъ обнародованъ списокъ лицъ, имѣвшихъ занять высшія

---

(1) «Již jsme po dvakráte našeho štěstí kořtovali, ale nezdařilo se nám. Ještě jednou po třetí kořtovatí chceme s tou nadějí, že se nám lépe zdaří». «Není pochybnosti — přibaviametъ отъ себя Славата, že jsou již tehdaž přemýšleli tu svou hanebnou rebellii». II. 68.

земскія должности, т. е. составить правительство. Въ спискѣ значились: Адамъ Штернберкъ въ должности бургграфа, Адамъ Вальдштейнъ — гофмистра, Швамберкъ — коморника, Сезина — земскаго судьи, Зденекъ Лобковицъ — канцлера, Тальберкъ — дворцоваго судьи, Турнъ — бургграфа карлштейнскаго, Вратиславъ Митровицъ — втораго бургграфа карлштейнскаго, Кленовый — писаря, Точниъ — подкоморія, Гарасовъ — бургграфа градецкаго. Въ составѣ новаго правительства измѣненіе произошло незначительное: большинство этихъ лицъ составляло правительство и при Рудольфѣ; но главное — у Славаты было отнято бургграфство карлштейнское и передано Турну. Мѣсто это было послѣднимъ въ ряду высшихъ земскихъ должностей, но подобои придавали ему особенное значеніе, такъ какъ бургграфъ карлштейнскій имѣлъ въ завѣдываньѣ государственныя законы, маэстаты и т. д. Подобои радовались. Славата испугался немилости королевской. Для него эта опала была тѣмъ непріятнѣе, что въ то время какъ всѣ высшіе чиновники, подобои и умѣренныя католики, по предварительному соглашенію между собой, возобновили стародавній обычай и торжественно сложили съ себя свои званія «къ ногамъ его величества», Славата и Лобковицъ отказались отъ этого обряда⁽¹⁾. Но этого мало: чтобы предупредить опалу, Славата, послѣ своего отказа, побывалъ у епископа Клезля за совѣтомъ — что дѣлать, и тотъ одобрилъ его поступокъ; былъ даже на аудіенціи у короля, просилъ «не выдавать его на посмѣшище его враговъ», не умалять ревность къ вѣрной службѣ тѣхъ, которые никогда не допустили себя противъ верховной власти, получилъ въ отвѣтъ: «буду помнить»⁽²⁾, — и въ слѣдъ затѣмъ былъ выданъ на посмѣшище. Но радость подобоевъ была преждевременна.

Штернберку и Лобковицу было крайне непріятно, что Славата отставленъ. Въ день объявленія списка, по дорогѣ въ канцелярію, гдѣ они имѣли принести присягу, они уговорились зайти къ больному Швамберку и извѣстить его о новомъ назна-

---

⁽¹⁾ Slavata. II. 58. sp. 57.

⁽²⁾ ib. 60.

ченіи «въ той особенной надеждѣ, что онъ, принявъ во вниманіе и старость свою, и неудачи, откажется отъ должности, и тогда одно мѣсто можетъ достаться Славатъ». Бургграфъ и канцлеръ сообщили о своемъ намѣреніи другимъ двумъ пріятелямъ и вчетырѣмъ зашли къ Швамберку. Швамберкъ, выслушавъ ихъ рѣчи, объявилъ, что онъ останется въ новой должности не долѣе года. Но въ эту минуту вошла его жена, сестра Фельзескаго, шепнула мужу что-то на ухо, и тотъ сейчасъ же обратился съ просьбой къ навѣстившимъ его панамъ — извиниться предъ королемъ, что онъ по болѣзни не можетъ принять должности коморника. Паны этого только и ожидали: они немедленно отправились во дворецъ и сообщили объ отказѣ королю. Матвѣй отвѣчалъ, что подумаетъ. Но канцлеръ сердито замѣтилъ королю, что если Славата и Мартиницъ будутъ обойдены мѣстами, то онъ «лишается своихъ единственныхъ энергическихъ помощниковъ въ дѣлѣ защищенія и расширенія святой вѣры католической». Канцлеръ вышелъ затѣмъ изъ дворца и отправился *ad patres carissimos*, прося ихъ горячо помолиться Господу Богу, чтобы его святая милость преклонила сердце короля. Черезъ нѣсколько часовъ король объявилъ, что онъ принимаетъ отказъ Швамберка, Сезиму назначаетъ коморникомъ, Тальмберка — земскимъ судьей, а Славату — судьей дворцовымъ ⁽¹⁾.

Комедія, разыгранная съ Славатой, дала первый поводъ думать, что и новый король будетъ далекъ отъ прямыхъ дѣйствій въ пользу подобоевъ и будетъ хитрить, какъ хитрилъ и старый Рудольфъ. Но были и другія данныя.

Не могло остаться тайной, что король, внося въ правительственный списокъ лицъ, болѣе или менѣе угодныхъ подобоямъ, согласился на эту уступку только подъ давленіемъ обстоятельствъ, и то на время. Въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ при составленіи списка обсуждался вопросъ: кто имѣетъ предпочтеніе при занятіи высшихъ земскихъ должностей — тѣ ли, которые помогли его величеству въ полученіи короны, или тѣ,

---

(1) *ib.* 61—63. Сестра Фельзескаго надѣялась отказомъ мужа доставить мѣсто своему брату. *ib.*

которые твердо поддерживали Рудольфа? Было рѣшено, что на первых порахъ, въ началѣ царствованія, надо отдавать предпочтеніе первымъ; вторые же со временемъ должны быть вознаграждены (1).

Но естественное недовѣріе Матвѣя къ людямъ, которые силою свели съ престола своего стараго короля и посадили его и которые, какъ знать, могутъ расправиться также и съ нимъ, необходимо вызывало тоже чувство и въ сословіяхъ.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія на царство, и чины не удержались, чтобы не высказать своего недовѣрія къ новому королю. Въ октябрѣ Матвѣй, возвращаясь изъ своего объѣзда по новымъ землямъ въ Вѣну, обратился къ директорамъ послѣдняго апрѣльскаго сейма съ просьбой дозволить ему раздѣлить на нѣкоторое время часть распущенного пассивскаго войска въ Будеовицахъ и на королевскомъ помѣстьѣ въ Крумловѣ въ виду «крайней необходимости». Но что это за крайняя необходимость — король не указывалъ. Просьба эта встрѣтила отказъ со стороны представителей земли. Директора, по совѣщаніи съ внешними чиновниками и судьями земскими, отвѣчали королю отъ имени всѣхъ трехъ сословій: желаніе его противурѣчить сеймовому рѣшенію 1605 года и конституціи земской, въ силу которой король чешскій не имѣетъ права вводить въ землю, безъ дозволенія сословій, войскъ, и излишне, такъ какъ у короля въ настоящее время нѣтъ въ виду явнаго непріятеля; «если же подъ этимъ желаніемъ скрывается что-нибудь иное, то объ этомъ сословія не имѣютъ никакихъ свѣдѣній» (2). Намежь, заключавшійся въ послѣднихъ словахъ отвѣта директоровъ, былъ понятенъ Матвѣю, и король болѣе не говорилъ о пассивцахъ.

Надо прибавить къ этому, что сейчасъ же пошли толки, будто эрцгерцогъ Леопольдъ вербуетъ свѣжее войско въ Пассау.

Такимъ образомъ, сразу, почти съ первыхъ дней вступленія на престолъ Матвѣя, между новымъ королемъ и землей устана-

(1) ib. 59.

(2) Skala. I. 327—328.

вливались принужденныя отношенія, чего мы не въ правѣ были бы ожидать. Правда, Матвѣй еще не позволилъ себѣ сдѣлать ни одного нарушенія въ принятыхъ имъ на себя обязательствахъ; но комедія, разыгранная съ Славатой, рѣшеніе тайнаго совѣта, темная просьба о пассивцахъ — все это указывало, что у короля въ головѣ есть «что-то иное». Если же вспомнимъ теперь, какую неопредѣленность толкованія допускали въ себѣ тѣ государственные законы, которые Матвѣй «повиненъ былъ честно полюбить»: маестатъ и соглашеніе, то не будетъ ничего удивительнаго, если вкравшееся обоюдное недоувѣріе короля и земли разрѣшится когда-нибудь открытымъ столкновеніемъ обѣихъ сторонъ. Избѣжность столкновенія обусловливалась исключительно прямыми, сердечными взаимоотношеніями католическаго Матвѣя и братьевъ-подобоевъ: коль скоро такимъ отношеніямъ не было мѣста, столкновеніе становилось возможнымъ, — и оно дѣйствительно произошло.

Уже очень рано іезуиты стали подкапываться подъ маестатъ.

Еще маестатъ былъ только что подписанъ, а іезуиты уже начали проповѣдь противъ него въ Прагѣ, не смотря на особое распоряженіе Рудольфа — согласно высочайше дарованной милости, католикамъ и подобоимъ блюсти взаимный миръ⁽¹⁾. Іезуиты назначили 40-часовое моленіе, чтобы Господь Богъ сохранилъ церковь предъ умысленіями еретиковъ и сокрушилъ послѣднихъ. Іезуитъ Андреасъ проповѣдывалъ съ кафедръ, что въ королевствѣ съ каждымъ днемъ усиливается еретическая «закваска»; онъ опасается, что еретики прислужатся ему «итальянскимъ или испанскимъ супомъ» и увѣщаль народъ ревностно посѣщать назначенныя общія моленія и литаніи⁽²⁾. Но еретики не угощали іезуитовъ супомъ, напротивъ, были настолько любезны къ нимъ, что въ день избіенія монаховъ въ Прагѣ, при вторженіи пассивскаго войска, своими солдатами защитили іезуитскую коллегію, а по изгнаніи его, они, «какъ враги жи», выдали іезуитамъ открытый листъ, что слухи, ходившіе въ народѣ, будто «до-

(1) Отъ 13 июля. Skala. I. 246.

(2) ib.

стоуважаемые пражскіе отцы» въ коллегіи своей хранили неприятельскую амуницию и соумышляли за-одно съ неприятелемъ противъ королевства, есть клевета (1).

Въ благодарность за эту услугу іезуиты продолжали возбуждать фанатизмъ католиковъ противъ подобоевъ. Рано іезуиты выработали теорію недѣйствительности «мошенническаго», по ихъ выраженію, маестата и другихъ уступокъ Рудольфа, такъ какъ все это вынуждено «насиліемъ и угрозой», не подписано тѣми, кому надлежало (2). Прововѣди на эту тему раздавались съ каеодръ, ширились въ печати.

Во второе воскресенье по св. Троицѣ, въ 1612 году, Андреасъ разбиралъ притчу о званыхъ на вечерю, извиненіи неявившихся гостей. «И теперь — говорилъ іезуитъ — много подобныхъ извиненій у тѣхъ, кто долженъ бы быть католикомъ. Говорятъ, что евангелическая конфессія не можетъ быть неправой по тому, что ее подтвердилъ и разрѣшилъ самъ императоръ маестатомъ. Но есть различіе между тѣми, что онъ разрѣшаетъ, и тѣми, что препоручаетъ. Не все право и хорошо, что онъ разрѣшаетъ, но все право и хорошо, что онъ препоручаетъ. Онъ разрѣшилъ маестать, но не препоручилъ, ибо иначе онъ долженъ желать, чтобы и іезуиты сдѣлались евангеликами: онъ вынужденъ былъ разрѣшить во избѣжаніе большого кровопролитія. Императоръ разрѣшаетъ напр. свободно жить и промышленять въ Прагѣ женщинамъ легкаго поведенія, очевидно, съ той цѣлью, чтобы обезопасить честныхъ людей отъ негодаевъ; но это не значить, что онъ рекомендуетъ этихъ женщинъ, ибо иначе честные люди должны бы были навѣщать ихъ. Насколько истинны права этихъ женщинъ, насколько они обезпечиваютъ ихъ, настолько же гарантируютъ евангеликовъ маестать и religions-fried въ имперіи: и тотъ, и другой выможены мечемъ и копьемъ» (3).

(1) ib. 308—309.

(2) «Lotrovský majestát». «Apol. dr.», 17. № 30. 150.

(3) Skala. I. 337. Ср. «Apol. dr.», № 43. 180.

Иезуитамъ слѣдовали католическіе попы и въ своихъ проповѣдяхъ немилостиво бранили подобоевъ. Самъ Мартиницъ, по словамъ современниковъ, участвовалъ въ странныхъ подобныхъ проповѣдяхъ⁽¹⁾.

Въ 1610 году съ дозволенія пражскаго архіепископа вышла злостная брошура противъ подобоевъ — «Дружеское посланіе датскихъ и норвежскихъ студентовъ». Подобои извергались изъ христіанской церкви, какъ «безбожники», измыслившіе небывалую церковь и обвинялись въ политической неблагонадежности. «Обновленіе церкви возмутило подданныхъ противъ князей и государей: оно поднало нѣмецкихъ князей противъ императора, чеховъ противъ Фердинанда, крестьянъ противъ ихъ господъ, и тѣ бунтовали. Развѣ самъ коноводъ и первый учитель этого обновленія, Лютеръ, не возбуждалъ турокъ на войну съ христіанами и не билъ въ набатъ, когда писалъ, что воевать противъ турка значитъ противиться Богу, такъ какъ турокъ и его господство лучше христіанскихъ князей и ихъ власти? Послѣдователи его предали туркамъ нѣсколько крѣпостей, цѣлыя шайки ихъ и теперь служатъ турку, а еще болѣе такихъ, которые съ распростертыми объятіями ждутъ его въ Германію».

Въ 1615 является новый, въ высшей степени «запальчивый» памфлетъ, также анонима, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Vitolida Roskoka. Скала обращаетъ особенное вниманіе на него. Памфлетъ старается опредѣлять характеръ аугсбургской конфессіи и показать злыя услуги ея для человѣка. Аугсбургская конфессія не можетъ указать своего основанія въ словѣ божіемъ. Если новаторы и вшиваютъ евангеліе въ свои конфессіи, то они это дѣлаютъ по обычаю всѣхъ еретиковъ, чтобы прикрыть свои измышленія. Въ символѣ нѣтъ: «вѣрую въ аугсбургское исповѣданіе». Правда, еретики пользуются выраженіемъ «христіанская церковь», но дѣло въ томъ, что каждый еретикъ измыслилъ своего особеннаго Христа: лютеране — лютеранскаго, пикарды — пикардскаго. Аугсбургская конфессія напи-

---

(1) «Apol. dr.», № 40. 164.

сама «надувательски», многое тайно и дружелюбно, и все так хитро и лукаво, что почти каждый еретикъ можетъ прикрыться ею. Она — нищенскій плащъ, сшитый изъ многихъ старыхъ, осужденныхъ и проклятыхъ еретичествъ: понравился онъ, и ходить въ немъ, словно о жасляницѣ, и будутъ ходить, пока не утишится справедливый гнѣвъ божій. Какъ только кто выступитъ изъ церкви, сейчасъ же начинается пляска св. Вита, и скачетъ онъ, нигдѣ не находя остановки: мы видимъ во-очію, что кто принялъ лютеранство, переходитъ въ кальвинизмъ, оттуда въ арианство и наконецъ идетъ къ турку и обрѣзывается. Аугсбургское исповѣданіе уже по тому подозрительно, что Лютеръ, будучи зачатъ отъ дьявола, часто и много жралъ съ нимъ и шутилъ: дьяволъ его обрѣзовалъ, и онъ пользовался доводами своего отца противъ обѣды, призванія святыхъ, чистилища. Отъ дьявола пошли и цвинглиане, и кальвины: вѣдь самъ Цвингли признавался, что его навѣщалъ ангелъ, только неизвѣстно — какой: бѣлый или черный. «Умереть въ аугсбургской конфессіи значить умереть въ такомъ ученіи, которое не существовало до Лютера, Меланхтона и Кальвина — этихъ еретическихъ и вѣтренныхъ мальчишекъ, о которыхъ не знали ничего ни св. учителя, ни дорогіе предки наши. Не потрясется-ли сердце у каждаго, кто вздумалъ бы умереть въ этой новой вѣрѣ? Господи Боже! не попусти же, чтобы кто изъ добрыхъ христіанъ умеръ въ подобной конфессіи, будь она лютеранская или кальвинская, чешская или нѣмецкая, пикардская или перебрешенская! Тѣ, которые уравнины азычникамъ, не имѣютъ части въ царствіи небесномъ: пусть же они сдыхаютъ въ этой конфессіи!» (1).

Правительство благосклонно смотрѣло на эти словесныя и печатныя выходы католиковъ. Естественно, подобное потворство раздражало подобоевъ, обрѣзаемыхъ «сдыхать въ своей конфессіи», и «Вторая апологія», перечисляя причины революціи 1618 года, сильно налетаетъ на это постоянное нарушеніе мира путемъ проповѣди и печати: «не какіе нибудь простые люди,

---

(1) «Apol. dr.». Ж 40. 167—176. Skala. Ъ 329—346.

на слова и дѣйствія которыхъ не слѣдовало бы обращать вниманія, но священники, деканы, даже нѣкоторые и выше поставленные, на поруганіе подобоимъ говорили съ кафедръ, писали, печатали, а прелаты, аббаты и самъ архіепископъ не только попускали это, но и одобряли своими собственноручными посланіями» (1).

Подобныя нарушенія земскаго мира словомъ бѣли предвѣстникомъ болѣе существенныхъ нарушеній дѣйствіемъ.

Мы видѣли, что земскіе законы 1609 года не избѣгли недомолвокъ, противурѣчій. Католики не упустили воспользо-ваться этими промахами своихъ противниковъ.

Основываясь на буквѣ маестата, только сословія съ «подданными людьми ихъ» — панн, рыцари и города, получали свободу подобойскаго исповѣданія; только соглашеніе переносило это право и на жителей королевскихъ помѣстій. Такимъ образомъ, крестьяне на земляхъ католическихъ пановъ и духовенства были исключены, и на нихъ не могутъ простираться права, дарованныя маестатомъ и соглашеніемъ. Такъ толковали земскіе законы 1609 года католики, и, держась буквы — «vedle zplní majestatu», были правы. «Всякія пожалованья, маестаты — говоритъ Олавата — бываютъ *stricti iuris*. Какъ слова звучать, такъ они и понимаются, и никакихъ мнѣній и поясненій здѣсь не допускается» (2). Но, понятно, шире понимали маестатъ и соглашеніе сами подобои, ссылаясь на первую статью маестата: «всѣ, которые только признаютъ чешскую конфессію 1575 года, не исключая никого, могутъ вѣльно и свободно, повсюду и на всякомъ мѣстѣ исповѣдывать свою подобойскую вѣру.» «Не только сословіямъ панскому, рыцарскому и городскому — писали крестьяне владскаго графства дефензорамъ, но также и людямъ сельскимъ, рабочимъ, евангелической подобойской вѣры предоставлено отъ короля право свободно, по всѣмъ мѣстамъ королевства исповѣдывать свою вѣру» (3).

(1) ib. 22.

(2) II. 129.

(3) «Apol. dr.». № 57. 242. Op. ib. 243.

Очевидно, разное пониманіе однихъ и тѣхъ же законовъ католиками и подобоими приводило необходимо къ столеновенію, и послѣднее вскорѣ произошло.

Мы уже прежде познакомились съ католическою дѣятельностью аббата брумовскаго бенедиктинскаго монастыря, Вольфганга Селендера, одного изъ первыхъ, открывшихъ гоненіе на подобоевъ послѣ изданія мандата 1602 года въ городѣ Брумовѣ, котораго онъ считался господиномъ. И теперь, послѣ изданія земскихъ законовъ 1609 года, онъ былъ первый, который рѣшился примѣнить къ дѣлу католическое пониманіе маестата.

Жители Брумова, въ противность желанію аббата, ввели лютеранскаго настора въ городскую кладбищенскую церковь. Селендеръ жаловался на этотъ поступокъ крестьянъ въ придворную канцелярію, какъ на нарушеніе своихъ владѣльческихъ правъ, и Лобковицъ приказалъ крестьянамъ удалить въ теченіе двухъ недѣль проповѣдника, подъ угрозой строгаго наказанія, такъ какъ только аббату монастыря, въ силу королевскаго рѣшенія 1587 года, принадлежитъ право назначать священниковъ на приходы (1). Ни дефензоры, ни сами крестьяне ничего не сказали противъ приказанія канцлера, и проповѣдникъ былъ удаленъ. Крестьяне рѣшили построить свою церковь и, понятно, противъ воли своего господина. Нужныя деньги были собраны у себя дома и въ имперіи. Но теперь возникалъ вопросъ: имѣютъ ли право крестьяне католическаго монастыря строить на церковной землѣ подобойскую церковь? Аббать жаловался Матвѣю на крестьянъ за постройку церкви. Прежде чѣмъ дать отвѣтъ, король предложилъ высшимъ чиновникамъ высказать свое мнѣніе: могутъ-ли брумовцы, безъ дозволенія аббата, строить подобойскую церковь? Тѣ высказались противъ: «ни изъ привилегіи, данной на вѣру — писали они королю, ни изъ соглашенія подобойскихъ сословій не явствуетъ, чтобы брумовскіе крестьяне имѣли какое-либо право на построеніе церкви. Хотя привилегія и

---

(1) «Apol. dr.». № 70. 274. Отъ 10 іюня 1610 г.

разрѣшаетъ трѣмъ подобойскимъ сословіямъ строить церкви, школы, погребать мертвыхъ, но это право не простирается на подданныхъ людей, которые не составляютъ свободнаго сословія» (1). Матвѣй приказалъ брумовецкѣ крестьянамъ остановиться съ постройкой церкви до дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла (2).

Дефензоры, получивъ жалобу изъ Брумова, протестовали противъ рѣшенія короля. Придавая серьезное значеніе столкновенію въ Брумовѣ, какъ первому нарушенію законовъ 1609 года, они пригласили высшихъ чиновниковъ изъ подобоевъ и по шести депутатовъ отъ края на съѣздъ, въ силу инструкціи 1611 года. На съѣздъ собралось около 100 человекъ. По обсужденіи брумовекаго столкновенія собраніе положило: объявить жителямъ Брумова, что они могутъ достраивать свою церковь, не смотря ни на какія запрещенія. «Славное пожалованіе — писали члены съѣзда въ Брумовѣ — простирается не только на три сословія, но и на людей подданныхъ, словомъ на всѣхъ жителей королевства, не исключая никого, кто только признаетъ чешскую конфессію и управляется нашей консисторіей, и оно свидѣтельствуетъ, что вы имѣете право строить храмъ господень, безъ всякой помѣхи или запрещенія со стороны духовныхъ или свѣтскихъ лицъ» (3).

Въ то же самое время дефензоры пзвѣщали намѣстниковъ Матвѣя въ Прагѣ, что они не думаютъ вступать ни съ кѣмъ въ какія-либо препирательства, напротивъ, «желаютъ держаться очевиднаго и не допускающаго сомнѣній текста религіозныхъ законовъ, но отвергаютъ всякія натяжки» (4).

Крестьяне продолжали строить церкви. Селендеръ вторично жаловался Матвѣю; что королевское приказаніе не исполняется, что упорство крестьянъ поддерживается «панами директорами

---

(1) ib. № 83. 301. Отъ 25 августа 1611 г. Ср. Gindely. «Dějiny».

I. 51. прим.

(2) ib. № 84. 302.

(3) ib. № 72. 276—279.

(4) ib.

нижней консисторіи» (1). На эту жалобу дефензоры представили обширную записку королю, въ которой, оправдывая рѣшеніе съѣзда законами 1609 года, оспаривали у брумовскаго аббата, какъ и вообще у духовныхъ владѣтелей, право считать людей, живущихъ на церковныхъ земляхъ, своими крестьянами, подданными. «Аббатъ пишетъ, что неприличное намѣреніе жителей Брумова построить церковь противорѣчитъ регаліямъ его и монастыря, такъ какъ онъ считаетъ ихъ своими и монастырскими наследственными людьми: но regalia, какъ показываетъ самое слово, принадлежатъ единственно вашему величеству, какъ господину, а вѣдомо всѣмъ въ этомъ королевствѣ, что аббаты, пробыты и вообще все духовенство съ подданными людьми ихъ составляютъ *комору* вашего величества, какъ короля чешскаго, и они не имѣютъ права носиться никакой такой наследственностью или регаліями, ибо только по милости вашего величества они суть *usufructuarii* монастырскихъ доходовъ и то лишь на время» (2).

Изъ послѣднихъ словъ дефензорской записки явствуетъ, откуда въ формальномъ отношеніи происходилъ весь споръ по брумовскому дѣлу — изъ неодинаковаго пониманія «коморы», или королевскихъ помѣстій, католиками и подобными. Совѣтники короля, ссылаясь на маестатъ и соглашеніе, признали дѣйствія Селендера правильными; дефензоры, на основаніи тѣхъ же законовъ, полагали ихъ противозаконными.

Брумовскій споръ основывался на неточной редакціи важнѣйшаго мѣста въ соглашеніи, гдѣ говорится о правѣ крестьянъ государевыхъ помѣстій, т. е. коморы, строить церкви, школы. Дефензоры утверждали, что соглашеніе, говоря о королевскихъ помѣстьяхъ, eo ipso включило въ нихъ и земли католическаго духовенства, такъ какъ послѣднее, на основаніи дѣйствующей конституціи, никогда не составляло въ Чехіи отдѣльнаго сословія (3); въ ней прямо сказано: «ни конвентъ или монастырь, ни всякаго рода духовенство, которое образуетъ *комору*, не

---

(1) ib. № 73. 279.

(2) ib. № 74. 280—284.

(3) ib. № 101. 353.

могутъ безъ разрѣшенія королевскаго ничего закладывать, продавать, отчуждать или промѣнивать» (1). Другія статьи конституціи, практика говорила также въ пользу подобоевъ: такъ монастыри и всѣ духовные владѣтели обязывались признавать королевскія записи, которыми та или другая земля передавалась извѣстному лицу въ пожизненное или на извѣстный срокъ владѣніе. Даже такой католическій король, какъ Фердинандъ, часто пользовался этимъ широкимъ правомъ записей и только завѣщалъ своимъ сыновьямъ вознаградить церковь за убытки. Подобои ссылались наконецъ на мнѣніе самого канцлера Лобковица, представленное въ 1598 году Рудольфу объ отношеніи королевской власти къ монастырскимъ и церковнымъ имѣніямъ. На вопросъ — имѣетъ ли король право, безъ вѣдома и согласія папы, продавать, закладывать монастырскія и церковныя земли, канцлеръ отвѣчалъ утвердительно: «ваше величество есть настоящій коллаторъ этихъ земель, и потому располагаете ими, какъ своею короною, что дѣлали и ваши предшественники. При Фердинандѣ у многихъ монастырей имѣнья были отчуждены, и болѣе чѣмъ на 1½ миліона талеровъ было ихъ продано; при отцѣ вашего величества продано было еще на большую сумму: все это дѣлалось безъ дозволенія и спроса папскаго святѣйшества» (2). Противъ доводовъ подобоевъ католики возражали въ томъ смыслѣ, что ни въ маестатѣ, ни въ соглашеніи и слова нѣтъ о церковныхъ имѣніяхъ; если бы они имѣлись въ виду, то необходимо было бы упоминаніе, такъ какъ «всякіе маестаты суть *stricti juris*» (3). Въ пользу католиковъ еще могло говорить и то обстоятельство, что хотя, несомнѣнно, сеймъ 1609 года желалъ предѣлать свободы вѣры и подобоемъ на земляхъ католическихъ пановъ, но объ этомъ не упомянулъ, такъ что когда сейчасъ же послѣ изданія маестата и соглашенія Сла-

(1) Ів. № 99. 349.

(2) Ів. № 100. 350—352.

(3) Доводы подобоевъ и возраженія католиковъ обстоятельно изложены у Славаты. II. 126—134.

вата сталъ тѣснить подобовъ у себя въ Индриховѣ Градцѣ, дефензоры ему не возражали (1).

Итакъ, въ существѣ дѣла были правы подобои, но съ формальной стороны не были неправы и католики.

Но Матвѣй не рѣшился вторично воспретить постройку церкви въ Брумовѣ, и вопросъ остался открытымъ. Въ началѣ 1612 года церковь была достроена.

Уступка, сдѣланная Матвѣемъ дефензорамъ, была временная: она обозначала только, что въ за-ново завязывавшейся борьбѣ католиковъ съ подобоими король находилъ пока неудобнымъ дѣйствовать открыто, принявъ сторону Селендера, тѣмъ болѣе, что еще не прошло и года, послѣ того какъ ему былъ доставленъ престолъ подобойскими сословіями. Но въ душѣ своей онъ желалъ того же, что и церковь — возможно большаго умаленія земскихъ законовъ 1609 года. Затаенныя мысли короля сказались скоро, когда въ октябрѣ 1612-года онъ передалъ «высокодостойному Яну Логелію, архіепископу пражскому» все свои коллатуры на королевскихъ помѣстьяхъ, т. е. уступалъ ему право назначенія священниковъ и учителей на своихъ земляхъ, хотя при этомъ и указывалъ архіепископу — при своихъ назначеніяхъ «сообразовываться съ положеніемъ королевскихъ коллатуръ во время сейма 1609 года и съ соглашеніемъ» (2).

Въ 1605 году на королевскихъ земляхъ считалось 132 прихода, что составляло $\frac{1}{10}$ всѣхъ приходовъ королевства (1366); изъ нихъ одни были католическіе, другіе подобойскіе.

---

(1) Объ этихъ притѣсеніяхъ ів. II. 129—131. Славата писалъ своимъ крестьянамъ: «ни въ маестатѣ, ни въ соглашеніи, ниже въ сеймовомъ опредѣленіи не находится ничего такого, чтобы крестьяне иной вѣры, чѣмъ ихъ господа, имѣли право строить церкви, противъ желанія этихъ послѣднихъ, или чтобы господинъ—католикъ обязанъ былъ уступать крестьянамъ—подобоимъ церковь на своей землѣ; напротивъ, того, въ соглашеніи прямо сказано, что подобои оставляютъ католиковъ при ихъ церквяхъ, коллатурахъ, равно какъ и наоборотъ; поэтому, не будучи обязанъ, я не могу снисзойти на вашу просьбу и поступить противъ вѣры и совѣсти своей».

(2) «Apol. dr.» № 85. 302.

Въ силу маестата подобойскіе приходы, которыхъ было больше, чѣмъ католическихъ, отошли въ вѣдѣніе нижней консисторіи. Но теперь, съ королевскаго согласія, приходы на королевскихъ земляхъ переходили въ вѣдѣніе архіепископа: въ передаточной записи не было сказано, что переходятъ одни католическіе, а глухая ссылка на сеймъ 1609 года и соглашеніе могла быть принята и не принята архіепископомъ, — все зависѣло отъ его доброй воли.

Какъ и слѣдовало ожидать, архіепископъ счелъ для себя болѣе удобнымъ понятъ передачу королевскихъ коллатуръ въ широкомъ смыслѣ, что ему передаются всѣ приходы. Этого, безъ сомнѣнія, желалъ и Матвѣй (1).

Лишь только въ 1613 году нѣкоторые подобойскіе приходы на королевскихъ земляхъ сдѣлались вакантными; они тотчасъ же были замѣщены католическими священниками. Это было первое безспорное нарушеніе законовъ 1609 года. Но архіепископъ не остановился на этомъ пріемѣ: пришлось бы слишкомъ долго ждать, пока такимъ путемъ подобойскіе приходы сдѣлались бы католическими. Онъ рѣшился прямо удалять подобойскихъ проповѣдниковъ. Первое такое удаленіе имѣло мѣсто въ Новыхъ Страшецахъ, мѣстечкѣ кривокладскаго панства (2).

Въ октябрѣ 1613 года архіепископъ обратился съ слѣдующей просьбой къ президенту королевской коморы, Славатъ: «нѣкій не ординованный священникъ забрался, помимо вѣдома и

---

(1) Неточность въ передаточной записи была преднамѣренная. Матвѣй хорошо понималъ, что значить передать коллатуры архіепископу, который ненавидѣлъ чеховъ, какъ католикъ и иностранецъ. Скала разсказуетъ, что крестьяне одного архіепископскаго села упорно отказывались посѣщать католическую церковь; архіепископъ приказалъ управляющему не позволять крестьянамъ выгонять скотъ на пастбища. Крестьянамъ пришлось плохо; голодная скотина рѣвѣла по дворамъ, и многіе перешли въ католичество. Крестьяне сложили поговорку: скотина умнѣе іезуитовъ и поповъ; тѣ годы начинали насъ римской вѣрой, и все напрасно, а скотина обучила въ четыре недѣли. I. 337.

(2) Собственно единственное число: «*grāda a celá obec mĕsta Nového Strašecna* (Skala. I. 361); но ср. Gindely. «*Dějiny*». I. 60.

желанія моего, на приходъ и коллатуру его величества въ Новыя Страшецы, куда я было намѣревался назначить иного — своего; поэтому покорнѣйше прошу вашу милость приказать гетману кривокладскому немедленно удалить того священника изъ прихода.» Славата поспѣшилъ исполнить просьбу архіепископа, но гетманъ медля и священника не удалялъ. Въ апрѣлѣ 1614 года Славата получилъ новую жалобу отъ архіепископа на гетмана: «не могу утаить предъ вами, что у гетмана данное ему приказаніе не имѣло силы, ибо самозванный священникъ и по сю пору находится въ Страшецахъ. Мало того, когда недавно страшецкому проповѣднику приказано было явиться въ только что назначенному сланскому декаму, онъ отвѣчалъ посланцу въ кабацѣ, что не обязанъ являться, такъ какъ имѣетъ свое начальство и пана примаса. Поэтому покорнѣйше прошу васъ, обративъ вниманіе, что ссылка на иную власть ведетъ къ нарушенію патронатскаго права его величества, предложить сказанному гетману приказать священнику сейчасъ же убраться вонъ изъ прихода». Эта жалоба архіепископа въ оригиналѣ была препровождена изъ коморы провинившемуся гетману, и тотъ 25 апрѣля писалъ въ Страшецы: «не сомнѣваюсь, что вы еще помните приказаніе, данное мнѣ изъ коморы объ удаленіи священника, который состоитъ въ вашемъ приходѣ. Вы отвѣчали, что испросите у архіепископа оставленіе его на мѣстѣ, но этого не сдѣлали, и архіепископъ подалъ на меня жалобу въ комору, которая мнѣ сообщена; поэтому предлагаю вамъ по обязанности своей немедленно удалить вашего священника и принять другаго, который будетъ назначенъ отъ архіепископа».

Но архіепископъ не удовольствовался жалобой въ комору и въ августѣ 1614 отправилъ гетману строгій выговоръ, почему онъ не удалялъ «той особы, которая живетъ въ приходѣ». Въ сентябрѣ бурмистръ и коншеды Новыхъ Страшець извинялись предъ гетманомъ, что они не могутъ удалить своего священника: «мы глубоко сокрушены, что намъ приказывается устранить нашего церковнаго учителя, который по усиленной просьбѣ нашей подтвержденъ и назначенъ отъ нижней консисторіи; ради него мы и бѣдная погорѣвшая община наша, шествуя по пути доро-

гихъ предковъ своихъ, понесли не мало убытковъ, а между тѣмъ архіепископъ строго наказываетъ намъ удалить изъ прихода нашего священника, такъ какъ на его мѣсто онъ имѣетъ въ виду другаго». Ратуша просила гетмана исходатайствовать предъ архіепископомъ дозволеніе крестьянамъ остаться при ихъ священникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла ему выписи изъ старыхъ пожалованій Рудольфа на свободу подобойскаго исповѣданія. Само собой разумѣется, что ходатайство гетмана (если оно было) не могло бы смягчить упрямаго архіепископа, и онъ 15 декабря въ рѣзкомъ письмѣ сообщилъ гетману, что уже назначенъ католическій священникъ въ Страшецы: «мы не сомнѣваемся, что пану гетману еще свѣжа въ памяти воля его величества относительно коллатуры и приходовъ на королевскихъ помѣстьяхъ, а также и всемилостивѣйшее порученіе, возложившее на насъ замѣщеніе достойными и ординованными священниками коллатуръ его величества. И мы, не желая, чтобы при наступающихъ праздникахъ Страшецы остались безъ пастыря, избрали туда Андрея Молитора для проповѣди на нѣкоторое время и просимъ васъ распорядиться о присылкѣ экипажа за нимъ» (1). Когда прибылъ Андрей и сталъ порицать обряды подобойскіе, прихожане заперли церковь, взяли ключъ въ себѣ, а самого Андрея попросили убраться (2).

Преириательства съ страшецкими крестьянами еще продолжались, когда ревнивый архіепископъ затѣялъ новое дѣло — въ Гробъ (3).

Городокъ этотъ причислялъ себя къ третьему, свободному сословію, но сосѣдній монастырь осекскій (Osek) имѣлъ притязанія на него, считалъ его своимъ монастырскимъ владѣніемъ и дѣлалъ всяческія притѣненія жителямъ: «много лѣтъ по тому, что они не желали быть католиками, ихъ крайне преслѣдовали,

---

(1) Документы по страшецкому дѣлу въ «Arch. dr.». № 62—67. 256—266 Ср. ib. 22—23.

(2) Skala. I. 347.

(3) Hrob, Klostergrab.

— говоритъ «Вторая апологія» (1). Послѣ изданія маестата гробчане построили подобойскую церковь и пригласили проповѣдника. Прошло нѣсколько лѣтъ, и никто не говорилъ противъ подобойской церкви въ Гробѣ, — но въ 1614 году архіепископъ, взявшійся за реформацію некатолическихъ приходо́въ, предъявилъ свои верховныя права на Гробѣ. Права эти были признаны придворной канцеляріей, и архіепископъ приказалъ гетману осекскому удалить подобойскаго проповѣдника изъ Гроба. Гетманъ исполнилъ волю архіепископа: «объявляю вамъ — писалъ онъ гробскимъ жителямъ — удалить вашего проповѣдника изъ города, согласно приказанію архіепископа». Церковь была запечатана, изъ Праги былъ присланъ католическій священникъ, а жителямъ было строго приказано каждое воскресенье и праздни́къ посѣщать церковь, если только не воспрепятствуетъ тому болѣзнь или инныя уважительныя причины. Но жители не слушались приказаній изъ Праги, и въ ноябрѣ 1614 г. архіепископъ послалъ къ нимъ грозное увѣщаніе — образумиться: «изъ донесеній, получаемыхъ нами, мы находимъ, что поставленный священникъ, согласно своей іерейской обязанности, ревностно занимается служеніемъ и проповѣдью слова божія и исполняетъ все то, что надлежитъ; вы же и ваша община лѣнивы и неряшливы къ службѣ божьей и проповѣди, и церковь посѣщаете въ весьма скромномъ числѣ. Кромѣ того приглашенный вами для вашего же вреда и дважды уже изгоняемый нами проповѣдникъ крестить дѣтей, вѣнчаетъ, хоронитъ, исповѣдываетъ, въ противность нашему строгому запрещенію, подаетъ дерзкимъ образомъ свое мнимое причастіе и такимъ путемъ отчуждаетъ отъ вашего священника его прихожанъ, — все это мы крайне тяжело сносимъ. Посему мы разъ на-всегда вамъ строго наказываемъ — не отвергать далѣе нашей снисходительности и отцовской доброты столь постыднымъ образомъ, съ охотой посѣщать вашу старую церковь, съ покорностью относиться къ вашему священнику и побуждать къ тому же своихъ домашнихъ, а проповѣдника немедленно изгнать вонъ и

---

(1) 25. Ср. Ів. № 76. 286. 1). 2).

быть во всемъ послушну намъ, чтобы мы не имѣли надобности примѣнять къ беззаконно вкравшемуся вашему предиканту мѣры, разрѣшенной уже намъ. Это объявляемъ вамъ отечески и строго, и этимъ руководитесь» (1).

Гробская церковь была запечатана.

Естественно, что какъ только архіепископъ Логелій съ своимъ духовенствомъ началъ дѣло антиреформаціи, отъ тѣсныхъ подобоевъ пошли жалобы къ дефензорамъ. Въ сентябрѣ 1614 года дефензоры представили намѣстникамъ слѣдующую записку: «соблаговолите повѣрить, что мы до сихъ поръ всѣ наши усилія прилагали къ тому, чтобы не причинять вамъ ни малѣйшаго утружденія, зная хорошо, что вы заняты иными важными дѣлами, касающимися его величества короля и королевства. И теперь по истинѣ мы охотно сдѣлали бы тоже, если бы не были вынуждены поступить иначе нѣкоторыми обстоятельствами. Приходить къ намъ, какъ къ дефензорамъ, многіе люди изъ городовъ и жаждутся очень, что не могутъ свободно исповѣдывать свою подобойскую вѣру, какъ она изложена въ чешской конфессіи, пользоваться поставляемыми отъ администратора и нижней консисторіи проповѣдниками, пользоваться словомъ божіимъ и честными тайнствами, какъ это разрѣшаютъ нашъ славный маестатъ, изъ особенной милости данный всѣмъ тремъ сословіямъ покойнымъ Рудольфомъ, и соглашеніе, состоявшееся между вами и другими панами католиками и нашей стороной подобойской, вслѣдствіе притѣсненій, которыя чинятся имъ. Все это вы изволите усмотрѣть изъ жадобъ, прилагаемыхъ у сего. Правда, помимо маестата и соглашенія, его величество уступилъ архіепископу всѣ свои коллатуры, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ сообразовываться съ положеніемъ коллатуръ во время сейма 1609 года и съ соглашеніемъ». Вслѣдствіе всего этого дефензоры «пріятельски» просили намѣстниковъ сообщить архіепископу о несправедливыхъ поступкахъ съ подобоими и напомнить ему, чтобы и самъ онъ не позволялъ себѣ ника-

---

(1) Документы по гробскому дѣлу — «Apol. dr.» 26. № 78. 289. № 75. 285. № 76. 286. № 77. 287.

в ихъ притѣсненій, да и не допускалъ ихъ дѣлать другимъ отъ своего имени, и выражали надежду, что «архіепископъ не пожелаетъ имѣть непріятности на будущемъ сеймѣ» (1).

Записку дефензоровъ намѣстники передали архіепископу, и тотъ отвѣчалъ имъ письменно. Объ отвѣтѣ архіепископа мы можемъ судить изъ посланія дефензоровъ въ Гробъ, отъ 25 ноября 1614 года: «въ своемъ отвѣтѣ архіепископъ представилъ въ защиту свою обстоятельства такого рода, что они никакъ не могутъ быть допущены подобойскими чинами королевства». «Обстоятельства» эти не указаны въ посланіи, но о нихъ можно догадываться: архіепископъ, вѣроятно, ссылаясь на передачу 1612 года, толковалъ ее по своему и обходилъ земскіе законы 1609 года. Дефензоры опредѣлили съѣздъ. «Мы признали за необходимое — пишутъ они въ томъ же посланіи въ Гробъ — немедленно, въ силу сеймоваго рѣшенія, извѣстить высшихъ чиновниковъ и землю и просить собраться въ Прагу въ четвергъ, на память трехъ царей (6 января 1615 года), чтобы прежде всего дать отвѣтъ на объясненіе архіепископа и затѣмъ покончить другія дѣла. Мы вполне увѣрены, что ихъ милости отзовутся на наши приглашенія, которыя уже изготовляются» (2).

Но подобойскій съѣздъ 6 января 1615 года не состоялся, такъ какъ вскорѣ имѣлъ собраться генеральный сеймъ, которымъ грозили дефензоры архіепископу и на который подобои возлагали все свои надежды.

Еще въ январѣ 1614 года Матвѣй, не смотря на все свое нежеланіе, вынужденъ былъ собрать частный сеймъ и, чтобы онъ былъ поближе къ австрійской границѣ, назначилъ его въ Будеевицахъ, на югъ Чехія, въ городѣ, извѣстномъ своей вѣрностью католицизму. Матвѣй хорошо зналъ чувства своихъ подобойскихъ сословій. Еще въ 1613 году баварскій агентъ писалъ, что земля какъ-бы предъ приближающейся бурей, и все убѣждены, что король не сдержитъ своихъ обѣщаній о вѣрѣ. Самъ Матвѣй съ отчаяніемъ писалъ Фердинанду штирій-

---

(1) ib. № 81. 293—296. Skala. I. 348.

(2) ib. № 98. 347—349.

рійскому: «вы сами знаете, какъ стоятъ дѣла въ Чехіи, — не могу созвать сейма, если не желаю допустить конфедерации словій, а безъ сейма нельзя рассчитывать на подати. Средствъ не достаетъ держать не умаленнымъ господство нашего дома. За жизнь мою еще удержится это зданіе, но по смерти все разбредется, и что приобрѣли предки, того не наследуютъ потомки» (1). Король опасался земли и не созывалъ сейма, чтобы не подымать четырехъ статей 1611 года. За «средствами» онъ обращался въ Мадридъ, Римъ, но получалъ одни пожеланія да благословенія — истреблять еретиковъ: пришлось обратиться къ землѣ за средствами противъ неяже.

Въ январѣ 1614 года съ трудомъ собрался немногочисленный сеймъ въ Будеевицахъ. Въ своихъ предложеніяхъ король говорилъ о тяжеломъ положеніи Венгріи и просилъ денегъ на 6 т. пѣхоты и 2 т. конницы, яко-бы для поправленія тамошнихъ дѣлъ. Сеймъ понималъ, что значать эти приготовленія, и отвѣчалъ, что онъ не приступитъ къ обсужденію предложеній, прежде чѣмъ не будутъ рассмотрѣны четыре статьи 1611 года. Матвѣй острасткой рѣшился сломить упрямство сейма: онъ пригласилъ къ себѣ дефензоровъ и другихъ вліятельныхъ лицъ изъ подобоевъ и строго выговорилъ имъ за ихъ дѣйствія. Большинство струсило и молчало, но не струсилъ Вацлавъ Роуповъ, талантливѣйшій изъ дефензоровъ, и отвѣчалъ Матвѣю, что должно стью своею онъ обязанъ не только королю, но и землѣ. Отвѣтъ Роупова ободрилъ его товарищей, и маневръ Матвѣя не удался. Въ слѣдъ затѣмъ подобои потребовали распущенія настоящаго сейма и созванія новаго, генеральнаго, согласно обѣщанію 1611 года. Раздраженіе было крайнее: стали говорить о сверженіи Матвѣя, а друзья короля, Мартиницъ и другіе католики, въ ужасѣ бѣжали изъ Будеевицъ, чтобы не слышать рѣчей подобоевъ. Въ виду такого оборота дѣлъ, Матвѣй пригласилъ къ себѣ снова Роупова, Шлика и другихъ вліятельныхъ подобоевъ и уговорилъ настолько, что сеймъ согласился на новыя подати, но о деньгахъ на формированье венгерскаго войска и слышать

(1) Оба шьема у Gindely. «Dějiny». I. 64. 65.

не хотѣлъ. Съ своей стороны Матвѣй далъ записъ, что не позже января 1615 года онъ созоветъ въ Прагу генеральный сеймъ для земель короны Вячеслава, куда заблаговременно пригласить чины Венгрии и Австрии, и на этомъ сеймѣ прежде всего должны быть сообща разсмотрѣны и утверждены четыре статьи 1611 года (1).

Такимъ образомъ, подобои вымогли у Матвѣя обязательство на разсмотрѣніе тѣхъ статей, сеймовое проведеніе которыхъ должно было дать имъ возможность вооруженной рукой отстаивать свои земскіе законы 1609 года противъ всяческихъ нарушеній.

Когда сеймъ былъ распущенъ, знакомые намъ генералы первой революціи: Турнъ и Фельзескій, 26 февраля подали Матвѣю меморіаль, въ которомъ прямо объявляли ему, что подобоимъ исполнѣ понятна цѣль всѣхъ его военныхъ приготовленій, предназначаемымъ яко-бы для защиты Венгрии: пусть лучше король откажется отъ нихъ, такъ какъ сословія смотрятъ на это подозрительно, какъ нѣкогда на пассивцевъ, и онъ, пожалуй, можетъ лишиться всѣхъ земель. Но меморіаль Матвѣй оставилъ безъ вниманія, чего не ожидали ни Турнъ, ни Фельзескій, и Турнъ вмѣстѣ съ Шликомъ и Вхнскимъ заявилъ агенту саксонскаго курфирста, что подобои рѣшили — лишить престола габсбурга и предложить корону саксонцу. Но курфирстъ отклонилъ предложеніе (2).

При такихъ предзнаменованіяхъ имѣлъ открыться сеймъ 1615 года; но прошелъ январь, а сейма не было. «Нездоровье и нѣкоторыя другія важныя причины — объясняетъ Славата — помѣшали королю созвать сеймъ въ январѣ, и онъ собрался только въ іюнѣ» (3). Эти важныя причины — былъ страхъ Матвѣя предъ четырьмя статьями 1611 года. Но, наконецъ, канцлеру, епископу Клезлю, Лобковицу, Славатѣ и Мартиницу удалось убѣдить

---

(1) У Скалы ни слова о сеймѣ 1614 г.; Славата намѣренно кратко (II. 192); мы пользовались Гиндели. «Dějiny». I. 70—72.

(2) Gindely. I. 76. 77.

(3) II. 193.

короля, что не чего бояться : онъ предложитъ четыре статьи, но отъ себя ничего не говоритъ, — пусть сословія свободно выскажутся и такимъ образомъ обнаружатъ свои настоящія наміренія.

15 іюня открылся сеймъ. Кромѣ чиновъ королевства, на сеймъ прибыли представители Моравіи, Силезіи и Лужиць; изъ Венгріи не было никого; депутаты отъ Австріи прибыли позже. Сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію четырехъ статей и прежде всего — о конфедераціи. Представители соединенныхъ земель заявили, что они не обязаны являться на какой-то общій сеймъ въ Прагу, такъ какъ ихъ земли самостоятельны. Мораване, во главѣ которыхъ стояли : Дитрихштейнъ и Карлъ Жеротинъ, говорили, что имъ нѣтъ нужды въ конфедераціи, что еще въ 1608 году они заключили таковую съ Венгріей и Австріей. Сговорчивѣе были силезцы : они соглашались на конфедерацію съ чехами, но съ условіемъ, если послѣдніе признаютъ независимость ихъ земли. Чехи отклонили сепаратистическія требованія Силезіи, и такимъ образомъ окончилось обсужденіе первой статьи — о конфедераціи. Сеймъ перешелъ къ слѣдующей — къ дефензіи, т. е. установленіи общей земской обороны для всѣхъ земель короны Вячеслава. Но и тутъ депутаты отъ соединенныхъ земель успѣли заявить, что они не имѣютъ полномочія договариваться съ сеймомъ въ окончательной формѣ и то, что будетъ условлено между ними и сеймомъ, они могутъ принять только *ad referendum*. Послѣ этого перешли къ обсужденію самой статьи. Сословія постановили, что если бы которой изъ земель грозила опасность и нужда была крайняя, то съ согласія короля они спѣшатъ къ ней на помощь съ 2 тыс. коннаго и 6 тыс. пѣшаго войска. Затѣмъ образованъ былъ специальный оборонительный комитетъ изъ высшихъ чиновниковъ и депутатовъ отъ сейма, и ему было поручено совокупно съ посланниками отъ земель прійти къ «окончательному соглашенію» по вопросу о дефензіи. Комитетъ выработалъ слѣдующія положенія: кромѣ Чехіи, участіе которой въ общей оборонѣ опредѣлено выше, Моравія выводитъ въ поле 1 тысячу конницы и 3 тыс. пѣхоты; Силезія — 2 и 3 тысячи; Лужицы — 1200 и 2 тысячи;

предлагаемая земская оборона имѣть силу въ теченіе пяти лѣтъ со дня закрытія настоящаго сейма. Но такъ эти положенія нуждались въ утвержденіи земельных сеймовъ, а было неизвѣстно — послѣдуетъ-ли утвержденіе, поэтому сеймъ постановлялъ, что «если бы моравскіе чины не согласились на настоящій уговоръ, если бы, далѣе, сословія Силезіи и Лужиць не приняли того числа людей, которое пріятельски положилъ сеймъ сообща съ посланниками земель, то сословія королевства не обязываются помощью той землѣ, которая не уговорится съ ними». Ясно, что статья объ оборонѣ не дала положительныхъ результатовъ: къ ней земли отнеслись холодно или держали себя болѣе или менѣе особнякомъ. Сеймъ ограничился организаціей обороны собственно по отношенію къ Чехіи. «Если бы пришло къ тому, что между королевствомъ и его землями соглашеніе не могло бы состояться, чего впрочемъ ожидать нельзя, то всѣ три сословія положили: въ минуту опасности, по примѣру достославныхъ предковъ нашихъ, не оставлять его величества, короля и этого королевства, нашей дорогой отчизны, и съ согласія короля вербовать вышеопредѣленное число конныхъ и пѣшихъ солдатъ». На содержаніе этого земскаго войска чины уполномочивали образованный уже раньше оборонительный комитетъ расходывать разрѣшенныя сеймомъ подати, а по вопросу о принятіи начальства надъ войскомъ — входить въ соглашеніе съ «свѣдущими и опытными въ военномъ дѣлѣ людьми изъ нашего чешскаго народа» (1).

Въ переговорахъ о конфедераціи и оборонѣ прошли іюнь и іюль; оставались еще непорѣшенными статьи: о конфедераціи съ Австріей и Венгріей, помѣстныхъ сѣздахъ и старыхъ договорахъ. Посланники отъ верхней и нижней Австріи прибыли въ іюль, но отъ Венгрии не было никого. Матвѣй крайне опасался конфедераціи чеховъ съ австрійцами, которые не любили его не менѣе подобоювъ, и потому по совѣту Клезля медлил и не давалъ согласія сейму на начатіе съ ними переговоровъ. «Король — объясняетъ Славата — хорошо понималъ, что все замышлено

---

(1) Сеймовый протоколъ о деесензіи — Slavata, II. 199. 200.

съ цѣлью повредить католической вѣрѣ и умалить достоинство его величества, а потому и не торопился, чтобы статья о конфедерации съ Австріями и остальные прошли на сеймѣ согласно желаніямъ сословія» (1). Клезль нашептывалъ королю, что самое дѣйствительное средство, если нужно, чтобы нежелательная статья не прошла на сеймѣ — все отсрочивать: «я не разъ испыталъ это средство и всегда съ успѣхомъ», — и Матвѣй медлилъ. Наскучивъ напраснымъ ожиданіемъ, Турнь, Жеротинъ, Вильгельмъ Лобковицъ и Адамъ Вальдштейнъ отправились 12 августа, въ пятницу, къ своему пріятелю, Стефану Штернберку, на охоту въ Постолеперты. 14, 15 — праздничные дни, во вторникъ они рассчитывали возвратиться; трудно было думать, чтобы въ субботу могло что-нибудь рѣшиться на сеймѣ. А между тѣмъ Матвѣй только и ждалъ отъѣзда кого-нибудь изъ вождей оппозиціи. Получивъ извѣстіе о постолопертской охотѣ, онъ приказалъ бургграфу Штернберку сейчасъ же внести въ сеймъ до сихъ поръ откладываемыя статьи и постараться покончить съ ними. Въ субботу бургграфъ явился на сеймъ и объявилъ волю короля. Подобно поняли опасность, — Роуповъ и Колонна Фельзескій стали возражать Штернберку, что такъ какъ нѣкоторыхъ пановъ нѣтъ на сеймѣ, поэтому было бы желательно, чтобы обсужденіе таковыхъ статей, какъ о конфедерации, съѣздахъ, было отложено до вторника. Но Штернберкъ на это замѣтилъ, что сеймъ общій для всѣхъ, что отсутствіе того или другаго пана не можетъ мѣшать занятіямъ сейма, и потому онъ поспѣшилъ исполнить волю короля. Большинство сейма согласилось съ доводами бургграфа, и тотъ сейчасъ же внесъ статью о конфедерации съ Венгріей и Австріями. Но венгерскихъ посланниковъ не было, послали за австрійскими, а между тѣмъ сеймъ занялся вопросомъ: ему-ли просить союза у австрійцевъ или пообождать, пока тѣ поведутъ рѣчь о томъ, и рѣшилъ, что было бы смѣшно имъ, сословіямъ королевства, просить о союзѣ австрійцевъ.

Явились посланники верхней и нижней Австрій. Бургграфъ спросилъ ихъ, о чемъ они желаютъ просить сословія королев-

---

(1) II. 193.

ства. Тѣ отвѣчали, что явились на сеймъ по приглашенію королевскому, а отъ чиновъ эрцгерцогствъ уполномочены выслушать желанія чеховъ. Сеймъ на это замѣтилъ, что сословія королевства полагали, что посланники за тѣмъ прибыли, чтобы просить ихъ о тѣсномъ союзѣ, но такъ какъ они подобнаго полномочія не имѣютъ, то сословія съ своей стороны не считаютъ нужнымъ просить о чемъ нибудь посланниковъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе австрійцы молча вышли изъ залы. Въ сеймовые протоколы было внесено слѣдующее постановленіе: «такъ какъ отъ королевства венгерскаго пословъ не было, послы же отъ эрцгерцогствъ ни о чемъ не просили ни короля, ни сословія, поэтому статью о конфедерации съ Венгріей и Австріями считать поконченною».

Послѣ этого бургграфъ внесъ статью о сѣздахъ.

Помѣстные сѣзды, нѣчто въ родѣ старопольскихъ сеймиковъ, существовали въ Чехіи до возстанія 1547 года, послѣ чего они были строго воспрещены. На сеймѣ 1609 года чины добились того, что дефензорамъ было предоставлено право собирать сѣзды въ Прагѣ; теперь подобно требовали распространенія этого права на каждый край, что было особенно важно для нихъ при разгаравшейся религіозной борьбѣ. По выслушаніи внесенія сеймъ постановилъ: «такъ какъ земская конституція и сеймовныя рѣшенія строго воспрещаютъ помѣстные сѣзды, то сеймъ остается при существующихъ порядкахъ» (1).

---

(1) О сеймѣ 1615 года — Slavata. II. 193—198. Ср. Gindely. «Dějiny». I. 90—96. Изъ постановленій сейма 1615 особенно оригинально о чешскомъ языкѣ въ королевствѣ. Оно направлено противъ нѣмцевъ и крайне нетерпимо ко всему нечешскому. Что вызвало подобное постановленіе, не понятно: самъ Турнъ плохо говорилъ по чешски; вожди подобнаго присутствуютъ при закладкѣ церкви пражской нѣмецкой общины въ 1611 году (Skála. I. 325), а между тѣмъ язычный законъ 1615 года страшно негодуетъ на эту общину: «нѣкоторые обыватели Праги составили общину и называютъ ее нѣмецкой; но въ этомъ королевствѣ не признается никакая иная община, кромѣ чешской; поэтому всѣ тѣ, которые признаютъ себя членами названной нѣмецкой общины и при томъ столь наглы, что упорствуютъ на своемъ, подлежатъ тому же наказанію», т. е. изгнанію, на-

Только одна статья изъ столь страшныхъ для Матвѣя статей 1611 года, послѣдняя и наименѣе важная -- объ обновленіи договоровъ, прошла на сеймѣ: чины рѣшили просить короля поспѣшить съ обновленіемъ старыхъ договоровъ съ сосѣдями — результатъ, далеко не соответствовавшій общимъ ожиданіямъ подобоевъ.

Понятно, какъ ликовали Матвѣй и друзья старой церкви послѣ этой сеймовой неудачи своихъ противниковъ. Неудача эта была тѣмъ значительнѣе, что она придавала силу вызывающимъ дѣйствіямъ католиковъ: если прежде они хотя нѣсколько сдерживались страхомъ предъ генеральнымъ сеймомъ, то теперь этому страху мѣста не было, и это не могло не сказаться сейчасъ же.

Дефензоры представили на сеймѣ жалобы отъ обывателей Брумова, Страшець, Гроба и др. мѣстъ о притѣсненіяхъ со стороны католиковъ и просили у сейма указаній, какъ имъ дѣйствовать. Сеймъ на основаніи представленныхъ жалобъ написалъ протестъ на имя короля. Чины прежде всего указывали Матвѣю, что они еще не забыли о подтвержденіи имъ маестата, соглашенія и остальныхъ земскихъ привилегій, а затѣмъ переходили къ изложенію жалобъ. «Въ своихъ отношеніяхъ къ католикамъ подобои всегда и на каждомъ мѣстѣ обращали строгое вниманіе, чтобы не дано было ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, имѣя одну цѣль — общій миръ въ землѣ, и не сомнѣвались, что и большинство католиковъ преслѣдуетъ тѣже цѣли. Но на дѣлѣ не всегда было такъ. Между представляемыми жалобами на притѣсненія особенно важны двѣ. Одна отъ жителей Гроба, крестьянъ архіепископа пражскаго, которые изстари были подобои. Архіепис-

---

равнѣ съ тѣми, которые пренебрегаютъ чешскимъ языкомъ при встрѣчѣ на улицахъ и т. д. Подлинникъ у Скалы (I 355—358), нѣмецкій переводъ у Пельцеля въ статьѣ: «Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen» въ «Neuere Abhandlungen d. k. b. Gesell. d. Wissensch.» (I. 1791. 292—294). Скала, Пельцель, Колларъ («Slavy dcega». II. 169) весьма довольно этимъ закономъ; Гандели старается смягчить его и указываетъ его безплодность. («Dějiny». I. 97 и слѣд.).

своѣ приказалъ запечатать ихъ церковь, построенную ими на ихъ кровный грошъ и управляемую священникомъ изъ нижней консисторіи. Другая жалоба — что архіепископъ на многихъ помѣстьяхъ вашего величества — въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, удалилъ священниковъ нашей подобойской вѣры. Насколько помнятъ люди, на тѣхъ мѣстахъ были всегда посылаемы священники отъ нашей нижней консисторіи, а архіепископъ въ противность этому поназначалъ туда католическихъ священниковъ. Бѣдные крестьяне умоляютъ о справедливой защитѣ и горько жалуются на эти нарушенія стародавнаго порядка, маестата и сеймовыхъ постановленій, каковую вину мы впрочемъ не относимъ къ вашему величеству». При этомъ сословія ссылались на извѣстное мѣсто мандата 1612 года, ограничивавшее власть архіепископа на королевскихъ коллатурахъ, и слагали всю вину на архіепископа: «онъ вышелъ изъ границъ». «Кромѣ того есть еще великая жалоба на аббата брумовекаго: всячески препятствовалъ онъ монастырскимъ крестьянамъ постройку церкви и затѣмъ воспретилъ служеніе въ ней. Много разъ они жаловались дефензорамъ и просили о защитѣ. Если бы они не были защищены во время, то могли бы возникнуть серьезныя неприятели для вашего величества. Съ другими жалобами вы ознакомитесь изъ прилагаемаго у сего списка. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ — заключали чины — мы не перестаемъ умолять ваше величество милостиво оставить насъ и всю сторону подобойскую, исповѣдывающую чешскую конфессію, при маестатѣ, вами подтвержденномъ, при соглашеніи и сеймовомъ постановленіи 1608 и 1610 годовъ, при всемъ этомъ насъ защищать, а архіепископу, аббату брумовскому и другимъ, поименованнымъ въ спискѣ лицамъ, воспретить нарушать законы, тѣснить или принуждать къ перемѣнѣ вѣры подобоевъ. Но если бы подобныя притѣсненія въ дѣлѣ вѣры не прекратились, то мы, выгораживая особу вашего величества, вынуждены будемъ обратиться къ самозащитѣ, узаконной маестатомъ и сеймовымъ постановленіемъ, противъ каждаго — все равно, будетъ-ли это духовное или свѣтское лицо» (1).

(1) «Apol. dr.». № 82. 296—301. Skala. I. 350—358

Но ни внушительный тонъ протеста, ни угроза прямого возстанія — «самозащиты», не произвели желаннаго дѣйствія на Матвѣя.

Мы видѣли, что посланнаго архіепископомъ въ концѣ 1614 года въ Страшецы католическаго священника жители попросили обратиться. Архіепископъ жаловался на своеводіе крестьянъ въ комору, и вслѣдствіе этой жалобы многіе изъ нихъ были взяты въ тюрьму, а у общины были отняты печать и всѣ пожалованья. Но конечное сужденіе о страшецкомъ дѣлѣ было отложено на-послѣ. И вотъ, когда генеральный сеймъ былъ закрытъ (3 октября), когда подобои потерпѣли на немъ неудачу, состоялся окончательный приговоръ. Въ началѣ февраля 1616 года Матвѣй приказалъ объявить страшецкимъ крестьянамъ, что «хотя они своею тяжкою виной, для примѣра и острастки другимъ, заслуживали бы наказанія болѣе строгаго, но, принимая во вниманіе ихъ раскаяніе и ходатайство о нихъ президента коморы, онъ, король, прощаетъ имъ ихъ тяжкую вину и возвращаетъ всѣ привилегіи и пожалованья, кромѣ одного — о варевѣ пива». Но это прощеніе не простиралось на всѣхъ: приамасъ, писарь, бурмистръ и нѣкто Вацлавъ Турекъ, какъ зачинщики, были приговорены къ вѣчному изгнанію изъ Страшець (1).

Это былъ первый отвѣтъ Матвѣя на протестъ сейма 1615 г., протестъ между прочимъ по страшецкому дѣлу. Крестьяне были обвинены, лучшіе изъ нихъ пошли въ изгнаніе, а Матвѣйставлялъ еще особенно на видѣ, что «по врожденному милосердію своему» онъ осудилъ милостиво: «многіе изъ ихъ — говорить онъ — заслужили вполнѣ смертной казни».

Второй отвѣтъ послѣдовалъ въ слѣдъ за первымъ. Уѣзжая въ Вѣну въ апрѣлѣ 1616 года, Матвѣй пригласилъ къ себѣ въ брандыскій замокъ изъ Праги трехъ дефензоровъ: Турна, Гершторфа и Когоута. Когда тѣ явились, онъ приказалъ имъ оставить всякія дальнѣйшія препирательства о церковныхъ имѣніяхъ и королевскихъ коллатурахъ. «Мы разсмотрѣли — сказалъ король, что вы представили намъ относительно гробскихъ и

(1) «Apol. dr.». № 68. 266—271.

брумовскихъ крестьянъ и что отвѣтила на это противная сторона. Мы не можемъ найти нигдѣ, чтобы крестьянамъ было дозволено строить церкви на церковныхъ земляхъ. Что же касается назначенія на приходы на нашихъ помѣстьяхъ, то мы не желаемъ быть меньше каждаго изъ васъ: вамъ вѣдь вольно брать себѣ священниковъ и отъ архіепископа» (1). Дефензоры были поражены словами короля: Турнъ и Гершторфъ стали возражать, но говорили нескладно; Когоутъ молчалъ. Турнъ попросилъ дать ему только что слышанный отвѣтъ на бумагѣ; Матвѣй общалъ, но канцлеръ Лобковицъ не исполнилъ приказанія.

Быстро слова Матвѣя облетѣли всю землю, и подобои съ ужасомъ увидѣли, что незаконный порядокъ вещей, установившійся въ землѣ въ послѣдніе три, четыре года, возводился въ законъ, что власть открыто пошла противъ нихъ. Даже умѣренные подобои, входившіе въ составъ правительства, не могли не замѣтить Матвѣю, что его отвѣтъ, данный въ Брандисѣ, противорѣчить земскимъ законамъ 1609 года въ обѣихъ своихъ частяхъ, и просили короля о мирѣ — о превращеніи подобныхъ притѣсненій, какія были въ Брумовѣ или Гробѣ (2), — но ходатайство не имѣло успѣха. Подобоямъ вспоминалось невольное время Рудольфа, и оно казалось отраднѣй: оставалась одна надежда — надежда на болѣе или менѣе близкую смерть стараго и бездѣтнаго Матвѣя, когда такимъ образомъ престолъ очистится отъ габсбурга, когда подобоямъ представится возможность выбрать новаго короля по своему вкусу. Подобои помнили обѣщаніе Матвѣя, что при жизни своей онъ не подыметъ вопроса объ избраніи новаго короля, т. е. не допуститъ того порядка вещей, который установился между 1608—1611 годами, когда въ одно и то же время былъ и король, и ѣканес королевства: «мы обязываемся сохранять порядокъ и стародавніе обычаи чеш-

(1) Gindely. «Dějiny». I. 103. У Смагы (II. 16) и Славаты (II. 69) отвѣтъ кратче.

(2) Gindely. «Dějiny». I. 117. Отъ 25 февраля 1617 года.

скаго королевства» — говорилъ Матвѣй въ своей записи послѣ коронованія.

Но въ то самое время какъ подобои предавались этимъ пріятнымъ мечтамъ, 1 мая 1617 года вышелъ королевскій указъ о созваніи сейма на 5 іюня. «Заботясь о благѣхъ и пользѣхъ королевства, всѣхъ трехъ сословій и обывателей, вѣрныхъ и послушныхъ подданныхъ нашихъ, мы — объявляя Матвѣй — опредѣлили начать съ вами переговоры о преемникѣ и будущемъ королѣ чешскомъ на случай, если бы Господу Богу угодно было отозвать насъ изъ этого свѣта безъ наслѣдниковъ мужескаго пола» (1). Неожиданное поднятіе Матвѣемъ вопроса о преемникѣ, посѣшность, съ которой созывался сеймъ, предупреденіе, что если кто и не прибудетъ на сеймъ и такимъ образомъ пренебрежетъ волей короля, то это не сможетъ помѣшать избранію, — все это крайне поразило подобоевъ. Наконецъ, было небезизвѣстно, кто прочился Матвѣемъ въ преемники, хотя въ созывательномъ указѣ объ этомъ благоразумно умалчивалось.

Долго Матвѣй не покидалъ надежды имѣть сына, но проходили года, а наслѣдника не было. Католики ужасались, что Матвѣй умретъ безъ преемника, и тогда наслѣдственные земли габсбурговъ, и прежде всего Чехія и Венгрія, легко отойдутъ. Ужасались особенно чешскіе католики, зная хорошо расчеты своихъ противниковъ, связанныя со смертью бездѣтнаго короля. Всякое напоминаніе о преемникѣ раздражало Матвѣя, и потому вопросъ этотъ обходился, пока, наконецъ, королевскій братъ Максимилианъ, старшій искатель коронъ польской и московской, не рѣшился въ особой запискѣ представить Матвѣю всю опасность для габсбургскаго дома его напрасной надежды имѣть сына — наслѣдника. Отрекался отъ своихъ правъ на престолъ, Максимилианъ указывалъ на Фердинанда штирійскаго, какъ на единственнаго желательнаго преемника. Матвѣй согласился съ представленіями брата, и Максимилианъ посѣшилъ въ Брюссель, чтобы склонить брата Альбрехта въ отреченію въ пользу своего

---

(1) Skala. II. 26.

кандидата. Альбрехтъ охотно далъ отреченіе. Оставался еще Филиппъ испанскій, но его умирили при помощи денегъ (1).

Съ отреченіями въ рукахъ, въ началѣ мая 1617 года прибылъ Максимилианъ въ Прагу, въ сопровожденіи Фердинанда, въ сейму.

Имя Фердинанда было зло извѣстно протестантскому міру. Воспитаніемъ іезуитовъ и фанатички матери, онъ еще юношей вступилъ въ управленіе своими наслѣдственными землями — землями словенцевъ: Штиріей, Краинной, Хорутаніей, гдѣ при его отцѣ Карлѣ свободно ширилось ученіе Трубара, Далматина, и тотчасъ же принялся за антиреформацію. Реформаціонная коміссія, съ «краинскимъ адостоломъ» — епископомъ люблянскимъ, Хрѣномъ, во главѣ, въ сопровожденіи жандармовъ, объѣзжала поэтическія горы словенцевъ и приводила народъ въ католичество. Евангелическіе проповѣдники были изгнаны, а для вразумленія неповорныхъ были воздвигнуты повсюду висѣлицы. Словенскія книги отбирались и сожигались. Въ Грацѣ, Люблянѣ, іезуиты предали огню десятки тысячъ книгъ, и народная словенская литература, заложенная Трубаромъ, Далматиномъ, остановилась на-долго. Къ концу втораго десятилѣтія XVII вѣка уже не было ни одной евангелической деревеньки въ землѣ словенцевъ (2).

Съ восторгомъ взглянули на это «восходящее солнце» (3)

---

(1) Записка отъ 19 февраля 1616 г. — Slavata. II. 253—257. Формальныя отреченія отъ 6 іюня 1617. ib. 263. Skala. II. 19—24. Переговоры велись въ глубокой тайнѣ, такъ какъ наслѣдственность чешской короны была сомнительна. Подобныя провѣдали о нихъ случайно. ib. 25—26.

(2) Valvazor. «Die Ehre des Herzogthums Crain». Laybach. 1689. II. гл. XIV. 462—470. Jener Trdina. «Zgodovina slovenskega naroda». Ljubljana. 1868. 111—114. J. Pačarat. «Letopis mesta Kranjskega» въ журналѣ матицы словенской: «Letopis za 1870». 118—121. J. Masin. «Kratek pregled slovenske literature». 9. Šafařik. «Geschichte der südslavischen Literatur». I. 2—17. «Naučný Slovník», статья: «Jihoslovane». IV. 312. 313. S. Ljubić. «Ogledalo knjiž. poviesti». II. 539—559. Характеристику Фердин. см. въ обвиненіяхъ директоровъ на сеймѣ въ Прагѣ, 17 авг. 1619. Skala. III. 241. 245—258.

(3) «Slunce vzházející». Skala. II. 16.

католики, съ ужасомъ подобои, когда земля узнала объ избирательномъ сеймѣ 5 іюня 1617 года.

Можно было ожидать, что подобои употребятъ всѣ свои усилія, чтобы кандидатура Фердинанда провалилась на сеймѣ и дадутъ дружный отпоръ злымъ замысламъ католиковъ, — но не такъ оказалось на дѣлѣ: Фердинандъ прошелъ легко, и подобои, даже вопреки своему обыкновению, говорили немного противъ опаснаго для нихъ кандидата.

Чтобы обезпечить кандидатуру Фердинанда, Максимилианъ въ своей запискѣ совѣтовалъ Матвѣю предложить вопросъ о ней на обсужденіе чешскимъ католикамъ, «ибо, несомнѣнно, они могутъ дать не только много дѣльныхъ указаній, но и сдѣлать всякія полезныя *praeparatoria*». Еще до открытія сейма подобои, занимавшіе земскія должности, были приглашены въ придворную канцелярію, и здѣсь имъ посовѣтовали не противиться «принятію» Фердинанда и дать свой голосъ въ пользу его на сеймѣ. Большинство изъ боязни дало свое согласіе, и только немногіе возражали, что не умѣстно входить въ преждевременную сдѣлку въ вопросахъ, касающихся всей земли. Послѣднія слова крайне озлобили канцлера Лобковица и его пріятелей, и они замѣтили, что кто не о двухъ головахъ, тотъ пусть не суется въ тяжбу съ королемъ и не разжигаетъ общества противъ него ⁽¹⁾.

Послѣ этихъ пріготовительныхъ мѣръ, католики спокойно встрѣтили 5 іюня — день сейма.

Въ 7 часовъ утра канцлеръ, по порученію короля, пригласилъ къ себѣ снова высшихъ чиновниковъ, земскихъ судей, совѣтниковъ. Явились всѣ, за исключеніемъ Турна и Колонны Фельзескаго. Канцлеръ предложилъ имъ изготовленное предложеніе короля къ сейму и просилъ каждого высказать свое мнѣніе. Всѣ приглашенные отвѣчали полнымъ одобреніемъ, — одинъ только Вильгельмъ Лобковицъ, изъ дефензоровъ, отказался дать свое мнѣніе: «сеймовое предложеніе принадлежитъ сейму, и тамъ я скажу свое мнѣніе». Не смотря на притрозу канцлера, онъ стоялъ на своемъ. Тогда Вацлавъ Роуповъ, также изъ дефензоровъ,

(1) Skala. II. 27. 28.

шепнулъ рядомъ съ нимъ сидѣвшему Тальмберку на ухо: «сословія имѣютъ право на свободный выборъ короля, а въ предложеніи говорится только о принятіи Фердинанда; это противорѣчитъ свободамъ королевства», и просилъ его заговорить въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, Тальмбергъ всталъ и заявилъ, что онъ не согласенъ съ предложеніемъ, такъ какъ сословія вольны избирать короля, а не просто принимать. Услышавъ это, бургграфъ Штернбергъ поспѣшилъ замѣтить Тальмберку: «Боже, избави! тотъ долженъ быть о двухъ головахъ, кто сталъ бы говорить въ такомъ смыслѣ»; но ораторъ отвѣчалъ, что изнала онъ привыкъ слышать, что сословія имѣютъ право на свободное избраніе короля и потому надѣется, что онъ ни въ чемъ не погрѣшилъ своими словами. Въ эту минуту выѣхалъ въ разговоръ канцлеръ, заранѣе приготовившійся къ документальному опроверженію притязаній подобоевъ на свободное избраніе короля. «Такъ, такъ, любезный мой своякъ — сказалъ Лобковицъ Тальмберку — мы, чехи, хвастаемся предъ иностранцами, что имѣемъ знатныя свободы, свободное избраніе короля; но если бы понадобилось это доказать, то намъ пришлось бы плохо, такъ какъ такой свободы не полагается въ привилегіяхъ королевства». Здѣсь канцлеръ предложилъ собранію золотую буллу Карла IV, по которой «избраніе короля имѣетъ мѣсто въ единномъ случаѣ — при вымереніи династіи въ мужеской и женской линияхъ»; маестатъ Владислава 1510 года, гдѣ сказано, что по смерти «принятаго» короля Людвигъ «истинной наслѣдницей королевства остается дочь наша княжна Анна»; наконецъ маестатъ Фердинанда, мужа княжны Анны, отъ 1545 г., въ которомъ тотъ говорилъ, что сословія «жену нашу признали и приняли истинной наслѣдницей и королевой этого королевства» (1). Къ удивленію, противъ доводовъ Лобковица никто не возражалъ, и самъ возбудившій эти прѣнія, Тальмбергъ, объявилъ канцлеру, что онъ

---

(1) Цитаты канцлера у Славаты. II. 159—261; тамъ же и о прѣніяхъ въ канцеларіи. Очевидно, Лобковицъ былъ неправъ: стоитъ только вспомнить запись Фердинанда I, при избраніи его: «...cognovimus et consperimus, quod praefati status et communitas illius regni non ex aliquo

теперь отказывается от своих словъ, что для него внѣ спора наследственность габсбурговъ на корону св. Вячеслава. Въ томъ же смыслѣ говорили и другіе. Даже старый Будовецъ, горячій бранитель старыхъ правъ сословіи, молчалъ.

Побѣда католиковъ на сеймѣ была уже обезпечена этими памятными прѣвѣніями въ канцеляріи. Всѣ присутствовавшіе отправились въ сеймовую залу, гдѣ представители земли ждали короля. Въ 9 часовъ утра явился и Матвѣй, въ сопровожденіи Максимилиана и Фердинанда. Король прежде всего поблагодарилъ сословія за прибытіе на сеймъ (сеймъ былъ особенно многочисленъ), а затѣмъ второй земскій писарь прочелъ королевское предложеніе. Матвѣй объявлялъ сословіямъ, что онъ помнитъ ихъ постоянно-вѣрную службу, преданность престолу, и потому считаетъ себя обязаннымъ отцовски озаботиться о томъ, чтобы королевство со всѣми его землями и на будущее время наслаждалось благами мира, чтобы между сословіями продолжали жить любовь и согласіе и было бы устранено то, что могло бы нарушить земскій миръ. «Вотъ почему — говорилъ Матвѣй, опасаясь, чтобы въ случаѣ моей смерти земля не осталась безъ головы, чтобы не пошли въ слѣдствіе того вредныя для нея перемены, я, по примѣру предковъ своихъ, желаю, чтобы еще за жизнь мою земля получила своего будущаго государя и такимъ образомъ избѣжала всякихъ раздоровъ и несогласій. Но такъ какъ Максимилианъ и Альбрехтъ уже люди преклонныхъ лѣтъ и бездѣтны, я полагаю наиболѣе полезнымъ для земли, чтобы двоюродный мой братъ Фердинандъ былъ принятъ и объявленъ королемъ (за krále přijat, vyhlášen a korunovan byl)». Прося сеймъ о «принятіи» Фердинанда и назначеніи возможно ближайшаго дня для коронованія, Матвѣй предварялъ сословія, что за жизнь его Фердинандъ будетъ пользоваться только титуломъ, сословія же не обязываются ему повиновеніемъ, и новый король повиненъ

---

de bito, sed ita prout supra scriptum est, eam electionem eligentes nos in regem Bohemiae ex libera et bona voluntate ipsorum hoc fecerant». Kolo u sek. «České státní právo». 198. примѣч. Критика знаменитаго маэстата 1510 года о наследственныхъ правахъ Авны. ib. 186—188. Skala. III. 238—240.

выполнить «все то, что дѣлали императоръ и другіе предшественники-короли по отношенію къ подтвержденію всѣхъ привилегій» (1).

По прочтеніи предложенія, бургграфъ Штернберкъ произнесъ рѣчь, въ которой выхвалялъ «добродѣтели» Фердинанда и просилъ сословія не замедлить «любезнымъ» отвѣтомъ. Этимъ окончилось первое засѣданіе сейма.

Если для католиковъ всякое обсужденіе королевскаго предложенія было излишне, ибо уже заранѣе они объявили себя за Фердинанда, то иначе отнеслись къ нему подобои. Они собрались въ карловой коллегіи и положили не допускать простаго «принятія», но требовать избранія, въ крайнемъ случаѣ настоять, чтобы рѣшеніе этого вопроса было отложено до общаго сейма, куда должны быть приглашены и депутаты отъ соединенныхъ земель, для выслушанья ихъ мнѣній. Но надо замѣтить, что на практикѣ эти «соединенныя» земли не имѣли права и никогда не участвовали въ избраніи короля, и потому было очевидно, что подобои желали только затянуть дѣло и выиграть время. Шликъ былъ избранъ сеймовымъ ораторомъ: онъ долженъ былъ выяснить сейму желанія пановъ. Была надежда, что и рыцари поддержать желанія пановъ, такъ какъ они были почти исключительно подобои.

На слѣдующій день, 6 іюня, происходило второе засѣданіе сейма. Оно началось тѣмъ, что Штернберкъ, какъ бургграфъ, первый объявилъ себя за «принятіе» Фердинанда и, напомнивши сейму, что Фердинандъ въ случаѣ принятія обязывается въ теченіе четырехъ недѣль по смерти нынѣшняго короля дать записъ на сохраненіе всѣхъ привилегій, маестатовъ, свободъ, просилъ его назначить коронованіе на 29 іюня. За бургграфомъ голосовали высшіе чиновники по старшинству, и всѣ подали голоса за «принятіе», за исключеніемъ Турна. Какъ бургграфъ карлштейнскій, онъ подавалъ голосъ послѣднимъ. «Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Штернберка — сказалъ Турнь, такъ какъ избраніе и принятіе новаго короля касаются не одного

---

(1) Текстъ у Славаты. II. 261—263; у Сялы II. 28—30.

чешскаго королевства, но и соединенныхъ земель; поэтому я полагаю бы вопросъ этотъ отложить до будущаго генеральнаго сейма. Самому Фердинанду желательнѣе было бы царствовать мирно, нежели допустить разладъ между королевствомъ и его землями». Въ отвѣтъ на приведенные мотивы отказа Штернберкъ привелъ вчерашніе доводы канцлера противъ права сословія избирать короля и затѣмъ возражалъ, что соединенныя земли никогда не принимали участія въ принятіи короля: «нѣтъ ни одного примѣра, чтобы земли осмѣлились когда нибудь не признать того, кого провозгласили своимъ государемъ чины королевства. Пожалуй, если бы рѣчь шла объ избраніи новаго короля, тогда еще можно было бы говорить о генеральномъ сеймѣ для всѣхъ земель». На эти злыя слова бургграфа Турня ограничился замѣчаніемъ, что такъ какъ каждому свободно руководиться тѣми соображеніями, которыя подсказываютъ ему разумъ и совѣсть, то онъ остается при своемъ прежнемъ мнѣніи. Послѣ этого голосовали земскіе судьи, совѣтники суда коморнаго и придворнаго. Всѣ они согласились съ мнѣніемъ бургграфа, за исключеніемъ Колонны Фельзескаго, который поддержалъ Турня; даже Вильгельмъ Лобковицъ подалъ голосъ за принятіе, прибавивши только, что необходимо, чтобы сословія-подобои были вполнѣ обезпечены отъ Фердинанда въ свободѣ своего исповѣданія.

Теперь очередь подавать голоса принадлежала панамъ. Доселѣ на сеймахъ существовалъ обычай, что при сеймовыхъ рѣшеніяхъ каждое изъ трехъ сословія подавало одинъ общій голосъ; но, очевидно, такая тайная подача голосовъ была невыгодна для католиковъ: они знали, что рыпарство и многіе города были противъ простаго принятія, и потому легко могло случиться при тайной подачѣ голосовъ, что мнѣнія обоихъ этихъ сословія будутъ не въ пользу ихъ кандидата. Въ виду этого, бургграфъ рѣшился измѣнить тайную подачу голосовъ на открытую (1) и сталъ отбирать голоса отдѣльно отъ

---

(1) Нынѣшнее австрійское правительство руководствуется тѣми же принципами при выборахъ на сеймы.

каждаго изъ земскихъ представителей, начавши, конечно, съ пановъ.

Всѣ паны объявили себя за «принятіе» Фердинанда. Когда очередь дошла до Шлика, избраннаго, какъ мы видѣли, сеймовнымъ ораторомъ отъ пановъ для внесенія протеста противъ простаго принятія, онъ, къ изумленію своихъ довѣрителей, сказалъ: «прежде я полагалъ, что чины имѣютъ право на свободное избраніе короля и притомъ вмѣстѣ съ землями королевства, что потому необходимо отложить избраніе до генеральнаго сейма, но сегодня я убѣдился въ неосновательности моего мнѣнія и объявляю себя согласнымъ съ мнѣніемъ бургграфа». Такимъ образомъ, этотъ рьяный вождь подобоевъ оказался ниже того довѣрія, которое онъ имѣлъ у своихъ: онъ струсилъ угрозъ противниковъ. Утромъ, до начала засѣданія, Шликъ былъ приглашенъ къ своему родственнику, Коловрату, и тотъ посоветовалъ ему озаботиться о себѣ и оставить другихъ. Затѣмъ побывалъ въ канцеляріи, гдѣ Лобковицъ и Штернберкъ представили ему знакомые намъ доводы противъ притязаній подобоевъ. Наконецъ, самъ Фердинандъ призвалъ его къ себѣ и посоветовалъ не выступать противъ него — чтобы не было худо. И Шликъ измѣнилъ своимъ.

Рыцари и депутаты отъ городовъ, за исключеніемъ рыцаря Каплира и мѣщанъ: Кохана изъ Праги и Гоштылка изъ Жатца, подали голоса за принятіе Фердинанда, и, такимъ образомъ, кандидатура эрцгерцога прошла блистательно. Славата имѣлъ полное право сказать, что рѣшеніе сейма было единогласное. Тогда же были избраны по 8 человекъ отъ cadaго изъ сословій для внесенія только что состоявшагося рѣшенія въ земскія доски (1).

Когда 6 же іюня депутаты отъ сейма принесли поздравленіе новому королю, тотъ благодарилъ ихъ за довѣріе и

---

(1) 6 іюня у Славаты. II. 261—274. О визитѣ Шлика у Фердинанда—Gindely. I. 137. Скала не приводитъ скандальныхъ для Шлика обстоятельствъ, сложившаго вмѣстѣ съ Вудовцемъ голову на старомѣстской плахѣ 21 іюня 1621 года. (II. 31).

сказалъ: «я буду помнить ваше довѣріе и постараюсь отблагодарить; если доведется мнѣ быть вашимъ государемъ, вы не будете имѣть повода быть недовольну мною» (1).

Извѣстно, какъ этотъ іезуитъ въ коронѣ отблагодарилъ подобоевъ на старомѣстской плахѣ, спустя четыре года.

Въ засѣданіи 7 іюня, послѣ значительныхъ пререканій, было изготовлено сеймовое постановленіе о «принятіи» Фердинанда, а на другой день, въ присутствіи Матвѣя и обоихъ эрцгерцоговъ, оно было прочтено. Сеймъ постановлялъ, что Фердинандъ имѣетъ быть коронованъ 29 іюня; при коронованіи онъ даетъ сословіямъ «присягу и обязательство» и подтверждаетъ «всѣ привилегіи, маестаты, свободы, права, уставъ земскій, стародавніе добрые порядки и обычаи, во всѣхъ ихъ статьяхъ, ничего не исключая, какъ это дѣлали кнѣзшій король и его предшественники». Но такъ какъ такое подтвержденіе не могло имѣть мѣста при жизни Матвѣя, то сеймовое постановленіе обязывало Фердинанда дать его въ теченіе 4 недѣль по вступленіи на престолъ; въ обезпеченіе же этого обязательства и въ удостовѣреніе того, что онъ не будетъ вмѣшиваться до смерти Матвѣя въ управленіе королевствомъ, онъ даетъ при коронованіи сословіямъ запись (2).

Еще раньше, до принятія, Фердинандъ чрезъ канцлера передалъ сейму проектъ записи; въ немъ онъ обѣщалъ чинамъ подтвердить маестатъ, соглашеніе и всѣ прочіе земскіе законы. Опираясь на этотъ проектъ, подобои въ засѣданіи 7 іюня настояли, что въ сеймовое постановленіе о «принятіи» было внесено точно, что Фердинандъ сейчасъ же, при коронаціи, торжественно обѣщаетъ сословіямъ подтвердить всѣ привилегіи, маестаты и т. д., «не исключая ничего», между тѣмъ какъ въ первичной редакціи постановленія 7 іюня, составленной Славатой и Мартиницемъ, это обязательство Фердинанда было выпущено. Нѣтъ сомнѣнія, что выпускъ этотъ былъ намѣренный, хотя Славата и старался извинить его предъ сеймомъ естественнымъ просмотромъ: «мае-

(1) Slavata. II. 274.

(2) 7 іюня—ib. 151; 8—ib. 275—279. Skala. II. 32. 35.

стать 1609 года не касался меня, какъ католика -- говорить онъ чинамъ; о полученіи я его не хлопоталъ, и потому мнѣ не для чего заботиться и о подтвержденіи его». Дѣйствительно, если Славата заботился — такъ это объ уничтоженіи ненавистнаго католикама маестата. Явившись въ канцлеру-епископу Блезлю, онъ указывалъ ему, что теперь настало время отдѣлаться отъ маестата: пусть только Фердинандъ условно согласится на подтвержденіе маестата, а подобои должны будутъ успокоиться. Фердинандъ соглашался принять дружескій совѣтъ Славаты, но противъ этого возсталъ самъ епископъ: «если эрцгерцогъ оставляетъ въ сторонѣ корону нѣмецкую, тогда онъ можетъ показать свою преданность вѣрѣ». Понятно, какъ тяжело было Фердинанду дать требуемое отъ него сеймомъ обязательство, и онъ долго колебался. Подъ конецъ онъ обратился къ іезуитамъ съ вопросомъ: можетъ-ли онъ подтвердить маестатъ безъ вреда своей совѣсти, и іезуиты отвѣчали утвердительно: «эрцгерцогъ не могъ бы дать маестата, но подтвердить его можетъ, если только иначе нельзя достигнуть престола». Тогда только Фердинандъ рѣшился подтвердить (1).

28 іюня Фердинандъ далъ эту трудную запись, а на слѣдующій день происходило торжественное коронованіе, закончившееся блестящимъ пиромъ, на которомъ новый король съ приторной улыбкой на лицѣ пилъ за здоровье своихъ новыхъ подданныхъ-гостей, католиковъ и подобоевъ безъ различія, и въ то же самое время обдумывалъ планъ мести тѣмъ немногимъ изъ подобоевъ, которые были противъ принятія его (2).

Итакъ, престолъ «еретическаго» королевства былъ упроченъ за безупречнымъ католикомъ, минувшая жизнь котораго ручалась за усибшнй исходъ религиозной антиреформаціи земли. Матвѣй и католики могли успокоиться за будущее. Увѣренные въ себя,

---

(1) Slavata. II. 153. Письмо Славаты къ Мартиницу отъ 1646 года. Gindely. «Dějiny». I. 142.

(2) Запись и коронація — Slavata. II. 280—289. Skala. II. 32—35. Послѣ коронаціи въ народъ были бросаемы жетоны съ лаконической надписью: «legitime certantibus». Sl. II. 288, Sk. II. 35.

они еще рѣшительнѣе пошли противъ подобоевъ, которые являли въ себѣ уже ясныя признаки своей политической несостоятельности, носили зародышъ своей будущей гибели.

Іюньскій сеймъ показалъ во-очію, какую негрозную силу представляли сами по себѣ сословія-подобои, какъ нетрудно съ ними справиться, если только взяться умѣючи, а между тѣмъ съ ними одними, сословіями, и нужно было считаться католикамъ. Народъ, масса подобоевъ, былъ безъ политическихъ правъ и потому не могъ и не имѣлъ значенія. Мы видѣли, что когда при вторженіи павсовскаго войска въ столицу народъ было поднялся и сталъ расправляться съ единомышленниками врага — католиками, сословія-подобои поспѣшили унять народъ, казнили нѣсколькихъ чедовѣкъ: сословія услышали, что народъ осмѣлился называть себя «четвертымъ сословіемъ». Въ продолженіе всей религіозной борьбы XVII вѣка мы вездѣ и всегда видѣли на сценѣ дѣйствія сословія, временами косо поглядывающія другъ на друга, и нигдѣ и никогда не видѣли народа. Ревнивое отношеніе сословія прежде всего къ своимъ правамъ и свободамъ уничтожало возможность желаннаго единенія народа-подобоя и сословія-подобоевъ, скрѣпленія этихъ взаимно пополняющихъ силъ, какъ это было напр. въ эпоху гуситскихъ войнъ, и въ рѣшительную минуту борьбы мы видимъ: народъ особнякомъ, сословія — особнякомъ. А между тѣмъ въ рукахъ самихъ сословія было нетрудное средство предупредить трагическую для себя развязку: дай они народу нѣсколько политическихъ правъ, они тѣмъ самымъ связали бы тѣсно свое дѣло съ дѣломъ народа, и іезуитскія махинаціи католиковъ были бы безсильны сломить союзъ сословія съ народомъ, основанный на сугубой свободѣ — религіозной и политической. Это политическое поднятіе меньшей братія было тѣмъ естественнѣе для сословія-подобоевъ, что оно вполне отвѣчало бы завѣтнымъ стремленіямъ братской общины — всецѣлому уравненію людей во всемъ во имя Христа⁽¹⁾. Но,

---

(1) Исходя изъ еологической точки зрѣнія равенства людей, Коменскій въ своей «Дидактикѣ» пришелъ къ знаменитому началу педагогіи: всякій чедовѣкъ долженъ учиться, безъ различія состоянія и способностей

помимо этого, въ средѣ самихъ сословіи подобоевъ не прекращалась старая рознь, поддерживаемая католиками послѣ 1609 года. Въ 1611 году дефензоры строго наказали хрудимскаго декана, когда онъ несправедливыми жалобами оскорбилъ братскихъ членовъ консисторіи; но въ 1617 году самъ администраторъ распространялъ среди своихъ анонимный пасквиль, направленный противъ дефензоровъ и братскаго духовенства. Въ немъ священники изъ общины обвинялись въ еретическомъ ученіи о лицѣ Іисуса Христа, въ непризнаніи администратора, самая община — въ отдѣленіи себя отъ остальныхъ подобоевъ, въ вытѣсненіи небратскихъ священниковъ изъ подобойскихъ приходо́въ, въ безконтрольномъ печатаніи своихъ еретическихъ книгъ. Община вынуждена была протестовать противъ администраторскаго пасквиля и указать администратору, что лучше бы онъ смотрѣлъ за собой, за «своею совѣстью», вмѣсто того чтобы нарушать миръ, и не посягалъ бы на совѣсть ближняго (1).

Нѣтъ ничего удивительнаго, если католики, упрочивъ престолъ за Фердинандомъ, «который и любовь отъ природы имѣлъ къ чешскому королевству, и особливими дарами надѣ-

---

«У всѣхъ людей, сколько ихъ ни родится на свѣтъ, одна и та же дѣль — быть людьми, т. е. быть созданнымъ разумнымъ, господиномъ тварей, образомъ божьимъ. Всѣмъ надлежитъ потому упражняться въ ученіи, нравахъ и благочестіи, чтобы всѣ были приготовлены къ той жизни, къ которой всѣ стремятся: у Бога нѣтъ лицемерія». «Didaktika». кар. IX. пражскаго изданія 1872 г. стр. 51. Также кар. VI. стр. 38. У геригутеровъ. достойныхъ наследниковъ братской общины, начало равенства строго блюдется и въ общей усыпальницѣ людей. Въ 1869 г. мнѣ довелось побывать въ геригутерскихъ селахъ въ Лужицахъ въ Саксоніи. Я невольно обратилъ вниманіе на устройство кладбищъ. Могилы въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ; всѣ онѣ одного вида и величины, съ однообразной надписью: такой-то, родился тогда-то, отошелъ къ Отцу Небесному тогда-то. Сейчасъ по зарытіи послѣдней могилы, тутъ-же, отступя опредѣленное разъ на-всегда пространство, выплываетъ новая могила, и ждетъ она очереднаго покойника. Нѣтъ не можетъ отступить отъ обряда. Никакой разницы между могилкой бѣдняка и богатаго.

(1) Skala. II. 43—59. Объ интригахъ католиковъ среди подобойскаго духовенства. — «Apol. dr.». 19.

ленъ отъ Господа Бога (1), пошли на проломъ противъ законовъ 1609 года.

Мы видѣли, какую ничтожную оппозицію встрѣтилъ на сеймѣ Фердинандъ; но это не удержало его, чтобы не отомстить тѣмъ немногимъ, что были противъ него. Сейчасъ же по окончаніи сейма Коханъ былъ лишенъ должности новомѣстскаго писаря, Гошталекъ — примаса въ Катцѣ. Но эта отместка была ничтожна: надо было отомстить бургграфу карлштейнскому, Турну, а сдѣлать это было не такъ легко. Прямо лишить Турна бургграфства правительство не могло: высшіе чиновники были несмѣняемы, и земскій уставъ допускалъ одно повышеніе ихъ. Правительству оставалось ждать случая, когда можно будетъ повысить Турна — и такимъ образомъ лишить его должности, дававшей ему и хорошіе доходы, и опасный почетъ: бургграфъ хранилъ корону, регалии, земскіе законы. Случай этотъ вскорѣ представился. Въ октябрѣ 1617 года умеръ коморникъ королевства, Янъ Сезима. Въ должность коморника былъ назначенъ земскій судья Тальмбергъ, на мѣсто этого — придворный судья Славата, на мѣсто Славаты — Турнъ; бургграфство же карлштейнское было вручено Мартиницу. Турнъ понималъ, что значить новое повышеніе и просилъ товарищей своихъ исходатайствовать ему оставленіе въ прежней должности. Въ крайнемъ раздраженіи на враговъ, онъ объявилъ, что скорѣй откажется отъ службы, чѣмъ приметъ новое назначеніе; но Славата, къ которому онъ обратился съ просьбой о содѣйствіи, отсовѣтовалъ ему оскорблять короля. Турнъ рѣшился лично просить Матвѣя объ отжѣнѣ назначенія. Когда повышенные чиновники представлялись королю, Турнъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «профессія моя — военное дѣло; занимая должность бургграфа карлштейнскаго, замокъ Карлштейнъ — драгоцѣнный паладіумъ королевства, вѣранный мнѣ со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ хранится, я служилъ такъ, что никто не могъ жаловаться на меня и полагаю, что и на будущее время съ не меньшею ревностью я могъ бы служить; поэтому низайше прошу ваше величество

(1) Постановленіе 7 іюня.

оставить меня при бургграфствѣ, а на должность судьи назначить болѣе способнаго: я не свѣдущъ въ правѣ и уставѣ земскомъ, да и не силенъ въ чешскомъ языкѣ» (1).

Матвѣй отвѣчалъ отказомъ, Турнъ озлобился пуще прежняго: еще въ 1614 году онъ замышлялъ сверженіе габсбурга, теперь оно стало для него завѣтомъ.

Въ октябрѣ 1617 года уѣхалъ изъ Праги Фердинандъ, чтобы позаботиться о коронахъ венгерской и нѣмецкой, а въ декабрѣ Матвѣй, поручивши управление 11 намѣстникамъ; только трое изъ нихъ принадлежали къ подобоямъ: Тальбервъ, Мрацкій и Гершторфъ, остальные были католики: Штерибервъ, Демольтъ Лобковиць, Славата, Мартиницъ и др. Турнъ былъ обойденъ. Новое намѣстничество сейчасъ же энергически принялось за подбоекъ и прежде всего — за городское сословіе.

Въ ноябрѣ вышла «еще никогда не слыханная» полицейская инструкція королевскимъ судьямъ въ городахъ, стремившаяся поставить въ возможно большую зависимость третье, наиболѣе слабое сословіе отъ придворной канцеляріи. Инструкція была издана отъ имени короля. «Судьи наши обязываются присягой намъ, наслѣдникамъ и будущимъ королямъ чешскимъ и находятся въ вѣдѣніи нашей канцеляріи. Они участвуютъ въ засѣданіяхъ коншеловъ и занимаютъ первое мѣсто; бурмистръ оказываетъ имъ всяческое уваженіе и побуждаетъ къ тому же другихъ. Въ судахъ и другихъ установленіяхъ они участвуютъ лично, пользуясь правомъ голоса, и вездѣ и во всемъ преслѣдуютъ пользу и добро наше. Бурмистръ и коншелы имѣютъ право созывать общину на сходку не иначе, какъ съ разрѣшенія судьи. Гдѣ только есть особливныя общины, церковныя или мірскія, состоящія въ вѣдѣніи власти или нѣтъ, онѣ не могутъ, безъ согласія судьи, собираться на сходъ или созывать своихъ сосѣдей. Судья съ понятыми повѣряетъ суммы общинныя, задушныя (2), госпитальныя и др.; для того, чтобы фундаціи не гибли, но употреблялись согласно волѣ завѣщателей, онъ тре-

(1) Slavata. II. 68—73.

(2) Zádouří — вкладъ на церковь.

буеть отъ коллаторовъ церквей, распорядителей задушными, госпитальными и др. суммами точныхъ свѣдѣній о томъ, какія фундаціи существуютъ при церквяхъ, кѣмъ и на что завѣщаны и какъ употребляются, при чемъ онъ имѣеть право разсматривать книги и завѣщанія въ оригиналѣ».

Подобойскія общины Старога Мѣста протестовали противъ этого вмѣшательства судьи въ свои церковныя дѣла. «Повѣрка общинныхъ суммъ — вещь новая; къ стати-ли, чтобы люди враждебной намъ вѣры вмѣшивались въ наши дѣла? Воспрещеніе сходовъ предполагаетъ, что наши собранія были по чему-то подозрительны, тогда какъ мы заботились только о нуждахъ церкви, прихода, школы и не касались политическихъ дѣлъ. Если мы подчинимся королевскому судью, то этимъ умаляется свобода третьяго сословія: судья не помѣщикъ, да и сельчане, люди крѣпостные, собираются на сходъ безъ особаго разрѣшенія помѣщика. До сихъ поръ приходскія общины руководились совѣстью, и подлога не было; если судью предоставляется право повѣрять церковныя влады, то это противно уставу земскому и маестату: предки наши выговорили себѣ у королей право, что всѣ ихъ старомѣстскія коллатуры состоятъ въ ихъ исключительномъ распоряженіи, и ни король, ниже судья не измѣняютъ въ нихъ ничего» (1).

Но протестъ остался безъ послѣдствій.

Въ слѣдъ за инструкціей послѣдовали цензурныя мѣры. Первые поинтки установить цензуру относятся къ XVI вѣку. Уже Фердинандъ усмотрѣлъ бесполезность цензуры для книгъ братской общины. При Рудольфѣ развитіе цензуры пошло далѣе: она свирѣпа была въ Моравіи, гдѣ братскія книги конфисковались массами, а печатники подвергались «достаточному наказанію» (2). Община всячески увертывалась отъ цензуры: братья

(1) «Apol. dr.» № 47. 183—195. Skala. II. 37—42. Kom. «O prot.», 119.

(2) Prochazka. «De saecul.» 299. 307. «Jednaní». II. 241. Указъ отъ 13 августа 1580 — Jirešek. «Bibli kralická» въ журналѣ: «Rozpravy etc.» I. 13. Prochazka. «Miscellanea der böhm. und mähr. Litteratur». Prag. 1784. I. 388. 389. «Časopis». 1833. 325. Gindely. «Geschichte d. b. Br.». II. 57. 163. — данныя для исторіи старой цензуры.

помѣчали вымышленными городами или вовсе не указывали мѣста печати. Не смотря на всѣ заботы власти, въ Прагѣ, какъ мы видѣли, свободно выходили рѣзкія брошюры, задорныя пѣсни, встрѣчая хорошій приемъ, такъ какъ вообще у чеховъ XVI—XVII вѣковъ была горячая любовь къ газетной литературѣ — «novinam» (1). Чтобы обуздать чешскихъ газетчиковъ разсматриваемаго времени, намѣстники издали декретъ отъ 4 февраля 1617 года, мотивированный обычнымъ въ такомъ случаѣ попеченіемъ о «сохраненіи добраго порядка». Именемъ короля намѣстники приказывали жителямъ столицы зорко слѣдить, чтобы типографщики и книгопродавцы не смѣли печатать никакихъ новыхъ книгъ, пѣсенъ или газетъ, прежде чѣмъ не будутъ представлены онѣ въ намѣстничество и не получитъ оттуда одобренія. Декретъ воспрещалъ затѣмъ пѣніе по улицамъ «всякихъ свѣтскихъ пѣсенъ и газетъ каковой обычай имѣютъ разные праздные люди» и грозилъ тяжелымъ наказаніемъ каждому за нарушеніе настоящаго постановленія (2). Чтобы понять цѣль цензурнаго декрета, достаточно вспомнить, что то же самое намѣстничество допускало свободное печатаніе католическихъ пасквилей на подобоевъ и не видѣло въ этомъ нарушеніе «добраго порядка» (3). А между тѣмъ сохраненіе добраго порядка, дѣйствительно, было необходимо въ виду крайняго взаимнаго раздраженія католиковъ и подобоевъ, царившаго теперь въ землѣ.

Первая и главная вина въ этомъ возбужденіи дурныхъ страстей падаетъ на сторону католическую, т. е. ту, которая въ рукахъ своихъ имѣла власть. Католики открыто пророчили себѣ побѣду и полное уничтоженіе противника.

Мы видѣли, что архіепископъ сейчасъ же по полученіи королевскихъ коллатуръ старался замѣщать вакантные подобойскіе приходы католиками, закрывая подобойскія церкви, — не

(1) О газетахъ того времени — Dlabacz. «Nachricht von den in böhm. Sprache verfassten und herausgegeben. Zeitungen». Prag. 1803. 19—21. Jungmann. «Historie». 127. отъ № 293 и далѣе; № 630—639.

(2) Skala. II. 42. 43.

(3) Ср. Komenský. «O protivn.», XLII. 119.

тѣмъ не менѣе антиреформація шла медленно. Народъ посѣщалъ подобойскія церкви въ сосѣднихъ деревняхъ и всячески избѣгалъ своихъ католическихъ священниковъ. Въ 1616 году посѣщеніе сосѣднихъ церквей было воспрещено, но народъ совершалъ общую молитву въ частныхъ домахъ и все таки не ходилъ въ католическія церкви. «Когда крестьяне молились дома — говоритъ Вторая апологія, имъ грозили, что у нихъ головы будутъ межъ ногъ». Наконецъ, силою принуждали къ принятію католичества. «Изъ-за вѣры — говоритъ далѣе апологія — сажали въ тюрьму и освобождали только при согласіи на отреченіе. Ренегатовъ назначали на лучшія должности, но на исповѣди вынуждали признаніе, что они отрекаются добровольно; платили даже, чтобы только переходили въ католичество; кто же оставался вѣрнымъ Богу, того связывали и изгоняли». Употреблялись и другія средства: не позволяли вступать въ бракъ, отказывали въ погребеніи, отпускали крестьянъ на волю подѣ условіемъ принятія. Чиновники-подобой отовсюду были удаляемы и замѣщаемы католиками, которые силою заставляли народъ принимать участіе въ католическихъ процессіяхъ: «нести небеса», свѣчи и т. д. Католическіе города отказывали подобоямъ въ правахъ мѣщанства; въ городахъ же подобойскихъ правительство заставляло принимать католиковъ въ число своихъ гражданъ. Такимъ путемъ въ городахъ, гдѣ прежде не было католиковъ, городскія должности постепенно переходили въ руки послѣднихъ. Католики, попадая въ ратушу, крайне грубо обходились съ подобоями: жители Моста жаловались, что католики изъ ратуши зазорными словами поносятъ «почтенныхъ горожанъ-подобоевъ», называя ихъ мерзавцами, мошенниками, а подѣ часъ тягуютъ ихъ по комнатамъ за волосы (1).

Дефензоровъ какъ бы не существовало: ихъ оскорбляли всячески. Извѣстная креатура Лобковица, секретарь канцеляріи Михна, вынудилъ у многихъ городскихъ общинъ отреченіе отъ всякой связи съ дефензорами, а нѣкоторыхъ подобойскихъ священниковъ уговорилъ просить объ учрежденіи особой конси-

(1) «Apol. gr.». 18. 216.

сторіи, подѣ въдвѣніемъ архіепископа. Дефензорамъ воспрещено было собираться въ карловой коллегіи. Михна публично нахвалился, что дефензоровъ привлекутъ къ отвѣту — къ суду императорскаго прокурора, что императоръ желаетъ быть единственнымъ дефензоромъ земли и не потерпитъ никого другаго, и только вступитъ Фердинандъ, не пройдетъ и полгода, и всѣ мѣщане будутъ католиками, такъ какъ уже рѣшено — не терпятъ инновѣрцевъ (1). Но откровеннѣе былъ другой агентъ правительства, министръ Врешовиць: «поскачутъ — говорилъ онъ — головы на землю — у Турна, Козьей Бородки (Будовца), Шлиба и Лобковица, перейдутъ имѣнья нѣкоторыхъ въ чинны руки, маестатъ потеряетъ силу, такъ какъ и теперь уже въ немъ есть дыры, а монахи съ іезуитами будутъ гремѣть въ подобойскихъ церквяхъ» (2). Самъ бургграфъ Штернберкъ, такъ много старавшійся о маестатѣ, теперь выражался несочувственно о дефензорахъ. Когда гетмана мельницкаго, преслѣдовавшаго подобоевъ, спросили — зачѣмъ же новый король присягалъ сословіямъ, тотъ отвѣчалъ кратко: «если Фердинандъ не обязанъ держать присяги въ своихъ земляхъ, то тѣмъ менѣе въ Чехіи». «Погодите, голубчики — говорилъ онъ жителямъ Мельника, найдутъ на васъ венгерскіе пауки, повозитесь вы съ ними, ажно тошно будетъ» (3).

Сомнѣнія въ вѣрной и близкой гибели противника не допускалось у католиковъ. Когда одинъ изъ ерумловскихъ подобоевъ, спасаясь отъ католическихъ преслѣдованій, переселился

---

(1) ib. 49. Въ 1616 г. въ Римѣ въ тайномъ совѣтѣ было опредѣлено: посланцу дознаю, что сильныя средства не приводятъ къ цѣли, то еретиковъ не осуждать на смерть, чтобы не дѣлать изъ нихъ мучениковъ, но приводить къ переходу иными, болѣе мирными путями. *Vambava. Osvadové Čechů po bitvě bělohorské.* Прага. 1864. 3.

(2) ib. 59. 60. № 119. 398. Въ другой разъ министръ былъ болѣе добръ и миловалъ Лобковица и Турна, «проклятаго вѣнца, что чертъ принесъ въ Чехію», но «Будовець и Шлибъ не уйдутъ палача». ib. № 120. 402. Пророчество сбылось.

(3) ib. 54. 59.

въ Прагу и при встрѣчѣ съ своимъ знакомцемъ — іезуитомъ объяснилъ ему причину своего переселенія, тотъ пріятельски ему замѣтилъ: «если не было иной причины, то ты также хорошо могъ бы остаться и въ Крумловѣ, — вѣдь не пройдетъ и пяти лѣтъ, и въ Прагѣ будетъ то же» (1).

Въ такомъ отчаянномъ положеніи находилась земля накануне той революціи, которая смѣлымъ движеніемъ рѣшилась спасти «еретическое» королевство изъ рукъ іезуитизма, но которая, къ сожалѣнію, приготовила ему гибель.

Мы видѣли, что въ 1616 году Матвѣй объявилъ дефензорамъ, что онъ находитъ дѣйствія архіепископа въ Гробѣ и аббата Селендера въ Брумовѣ правильными. Естественно, королевское одобреніе придадо силы обоимъ тѣснителямъ подобоювъ.

Въ концѣ 1614 года построенная на нищенскій грошъ церковь въ Гробѣ была запечатана и передана, по приказанію короля, архіепископу, «который съумѣетъ, какъ съ ней поступить» (2). Архіепископъ приказалъ крестьянамъ посѣщать католическую церковь, но тѣ не слушались. Послѣ сейма 1615 года онъ объявилъ имъ чрезъ своего управляющаго, Бунзона, что если они не будутъ оказывать ему повиновенія въ дѣлѣ вѣры, то къ нимъ онъ пришлетъ палача. Но и эта угроза не помогла; тогда у крестьянъ были отняты всѣ привилегіи, и они смирились: подъ диктовку Бунзона они дали въ концѣ 1617 года запись архіепископу, что такъ какъ онъ, «нашъ милостивый и наслѣдственный господинъ, не только простилъ, но и возвратилъ намъ наши привилегіи, то мы обѣщаемъ ему быть послушными во всемъ и посѣщать единственно нашу стародавнюю приходскую церковь». Но архіепископу и этого было мало: чтобы обезопасить католическую совѣсть Гроба отъ всякаго искушенія, онъ приказалъ снести подобойскую церковь и сровнять ее съ землей, и воля его была исполнена (11—13 декабря), при чемъ крестьяне не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Вѣсть о возмутительномъ насиліи въ Гробѣ быстро разнеслась по протестантскому міру, далеко за предѣлами Чехіи, и возбуждала

(1) іб. 59. (2) іб. № 79. 290.

повсюду всеобщее негодованіе. Сами католики чувствовали неловкость поступка архіепископа и старались увѣрить всѣхъ, что архіепископъ такъ дѣйствовалъ съ согласія самихъ же жителей Гроба (1).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ гробскаго покончилось и старое брумовское дѣло, хотя не такъ печально.

Не смотря на запрещеніе Матвѣя, церковь въ Брумовѣ была достроена. Селендеръ смирился на время. Но когда архіепископъ началъ антиреформацію на королевскихъ помѣстьяхъ, поднялся снова аббатъ: онъ воспретилъ крестьянамъ посѣщать подобойскую церковь, но за крестьянъ вступились дефензоры и отстояли церковь. Наступилъ 1615 годъ: сеймъ окончился не въ пользу подобоевъ; страшецкіе крестьяне были наказаны за сопротивленіе архіепископу, и Селендеръ приказалъ брумовскимъ крестьянамъ запереть церковь и передать ему ключи. Но приказаніе исполнено не было, и аббатъ послалъ жалобу въ придворную канцелярію, оттуда сейчасъ же было приказано строптивымъ крестьянамъ выслать депутацію въ Пардубицы, гдѣ король разсудитъ ихъ дѣло. Депутація была выслана и нѣсколько дней ждала отвѣта; наконецъ, предъ самымъ отъѣздомъ Матвѣя изъ Пардубиць, канцлеръ сообщилъ высланнымъ, что король требуетъ, чтобы церковь была немедленно передана аббату и о передачѣ донесли бы въ Прагу. Въ то же самое время канцлеръ далъ знать намѣстникамъ, что въ случаѣ послушанія королевскаго приказанія арестовать брумовскихъ коноводовъ. Крестьяне отказались передать церковь, аббатъ донесъ въ Прагу, и отсюда было приказано въ Брумовѣ — выслать новую депутацію къ намѣстникамъ. Но лишь только депутаты прибыли въ Прагу, они были брошены въ тюрьму, а изъ Брумова потребовали еще депутацію съ ключами отъ церкви. Явилась новая депутація, но безъ ключей, и ее постигла участь первой. Но всѣ эти мѣры не помогали: ключей не выдавали. Бурмистръ и ратуша готовы были уступить и отдать ключи, — но когда слухъ объ этомъ распространился въ городѣ, жители схватились за оружіе и по-

(1) Обо всёмъ этомъ — «Apol. dr.», 26. 27. № 80. 290—293. 56.

ложили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать церковь. Брумовское дѣло готово было уже принять слишкомъ опасный характеръ, и потому дали знать обо всемъ въ Вѣну, и въ февралѣ 1618 года Матвѣй приказалъ отправить въ Брумовъ комиссію для закрытія церкви. Въ половинѣ марта комиссія прибыла въ Брумовъ и приказала ратушѣ выдать ключи, но получила въ отвѣтъ, что ратуша безъ согласія общества не можетъ исполнить приказанія. Собраны были крестьяне, и комиссія повторила приказаніе. Толпа молчала; минутъ 10, 15 тянулось гробовое молчаніе; наконецъ, кто-то изъ крестьянъ обратился къ комиссарамъ съ просьбой дать имъ хоть нѣсколько времени для обсужденія отвѣта. Просьба была уважена. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, крестьяне принесли отвѣтъ: не можемъ выдать ключей. Комиссары приказали бурмистру запереть церковь, но толпа съ оружіемъ, съ камнями въ рукахъ бросилась къ своей святыни и приготовила отпоръ. Не смотря на всѣ убѣжденія, угрозы, толпа не трогалась съ мѣста.

Комиссія должна была удалиться изъ Брумова, добившись одного — удаленія подобойскаго священника. Но когда она прибыла въ Прагу, дѣла тамъ приняли иной оборотъ (1).

Не смотря на всѣ вызывающія дѣйствія католиковъ, дефензоры, сверхъ ожиданія самыхъ противниковъ, держали себя сдержанно: подобоевъ тѣснятъ, преслѣдуютъ, они жалуются дефензорамъ, но получаютъ въ отвѣтъ — терпите; дефензоры встрѣчаютъ повсюду оскорбленія, свои ропщутъ на нихъ за ихъ бездѣйствіе, а они все молчатъ и ждутъ сейма. Правда, болѣе энергическіе изъ дефензоровъ — Турнъ, Будовець, Ричанъ, не прочь были уже давно отъ какого нибудь смѣлаго шага, но противъ нихъ были ихъ же сотоварищи, народъ нервѣшительный, все еще не терявшій вѣры въ Матвѣя. Наконецъ, событія послѣднихъ мѣсяцевъ — разрушеніе церкви въ Гробѣ, заключеніе въ тюрьму брумовскихъ депутатовъ, заставили ихъ выйти изъ ихъ доннышняго бездѣйствія, и они положили передать на судъ землѣ всѣ свои тяжкія оскорбленія.

(1) «Apol. dr.». 24. 25. Gindely. «Dějiny». I. 204. 205.

Пользуясь известнымъ правомъ инструкціи 1610 года, дефензоры объявили на 6 марта 1618 года съѣздъ высшихъ чиновниковъ, земскихъ судей и депутатовъ отъ земли. Въ своемъ приглашеніи они указывали причины, заставившія ихъ обратиться къ землѣ: слишкомъ открытое нарушеніе законовъ 1609 года «въ слѣдствіе интригъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ лицъ», сознаніе собственнаго безсилія и опасеніе нареканій, если бы дѣйствія ихъ оказались не вполне достаточными. Земля должна подтвердить и указать, что дѣлать, чтобы остановить насиліе.

Земля не замедлила откликнуться на приглашеніе: во вторникъ, 6 марта депутаты отъ краевъ собрались въ карловой коллегіи; но представителей отъ Праги не было; не было также высшихъ чиновниковъ и земскихъ судей.

Въ то время какъ депутаты знакомились другъ съ другомъ въ большой аудиторіи коллегіи, дефензоры совѣщались въ боковой залѣ, что и какъ предложить съѣзду. Совѣщаніе тянулось нѣсколько часовъ, и потому, чтобы сколько нибудь занять депутатовъ, Шликъ читалъ лекцію о событіяхъ времени Карла IV, Вацлава, Сигизмунда: «все удивлялись и съ охотой слушали». Наконецъ, въ 10 часовъ показались дефензоры, и Турнъ открылъ засѣданіе чтеніемъ длиннаго посланія дефензоровъ къ землѣ. Дефензоры жаловались на безслѣдность протеста 1615 года, что отвѣта на него нѣтъ никакого, что преслѣдованія усилились, особенно въ Гробѣ и Брумовѣ, что на нихъ пошли нареканія, тогда какъ нѣкоторые изъ ихъ сотоварищей уклоняются отъ участія въ дѣлахъ и такимъ образомъ ослабляютъ ихъ дѣйствія. По окончаніи чтенія дефензоры просили депутатовъ поразмыслить о средствахъ, какъ помочь дѣлу, и имъ указать. Но собраніе отклонило отъ себя честь указывать «своимъ отцамъ и охранителямъ» и просило ихъ высказать свое мнѣніе; депутаты отъ городовъ объясняли, что среди ихъ нѣтъ представителей Праги, «головы ихъ» и потому не могутъ ничего сказать; но и дефензоры съ своей стороны не желали давать планъ дѣйствій: завязался горячій споръ, окончившійся наконецъ тѣмъ, что депутаты приняли отъ дефензоровъ только что прочтенное посланіе и обѣщали дать отвѣтъ завтра.

На другой день собрались депутаты. Читали посланіе, читали жалобы изъ Брумова, разсуждали, но ни до чего не могли договориться и окончили тѣмъ, что послали за «отцами». Дефензоры съ неохотой отвѣчали, что явятся завтра и дадутъ свое мнѣніе. Послѣ этого прибыли въ собраніе избранные еще вчера комиссары для узнанія причинъ неявки на съѣздъ высшихъ чиновниковъ и депутатовъ отъ Праги. Гершторфъ, Мрацкій и Михаловицъ извинялись тѣмъ, что, занимая коронныя должности, не могутъ итти противъ короля и, увѣряя въ своемъ единомыслии съ подобными, совѣтовали просить короля о защитѣ. Тальмберкъ отвѣчалъ, что не желаетъ ни совѣтовать, ни быть противъ короля. Прага объяснила, что члены ратуши, по приказанія правительства, сочли излишнимъ посылать депутатовъ.

Въ четвергъ, 8 марта, дефензоры предложили собранію свое мнѣніе. Они совѣтовали просить намѣстниковъ о прекращеніи преслѣдованій, освобожденіи брумовскихъ крестьянъ, а въ случаѣ отказа — писать сословіямъ Моравіи, Силезіи и Лужицъ и королю. Предложеніе было принято, и тогда же были изготовлены просьбы. 12 марта особая депутация отъ съѣзда вручила намѣстникамъ просьбу. Намѣстники отвѣчали уклончиво, что не могутъ входить въ разсмотрѣніе маестата и соглашенія, не могутъ выпустить и арестованныхъ, такъ какъ они взяты по повелѣнію короля. Въ слѣдствіе такого отвѣта съѣздъ послалъ жалобы къ сословіямъ соединенныхъ земель и къ королю. Петиція къ королю, отъ 11 марта, была перифразой просьбы къ намѣстникамъ.

Съѣздъ считалъ свое дѣло поконченнымъ, и депутаты уѣхали изъ Праги, положивши снова собраться 21 мая, когда могъ получиться королевскій отвѣтъ (1).

Но отвѣтъ послѣдовалъ много раньше — 21 марта. Это былъ грозный выговоръ дефензорамъ за съѣздъ и воспрещеніе съѣздовъ впредь. Скала утверждаетъ, что отвѣтъ былъ изготовленъ въ Прагѣ, въ намѣстничествѣ Славатой и Мартиницемъ;

---

(1) О I-мъ съѣздѣ — Скала. II. 88—103. «Apol. dr.», гдѣ документы подъ № 89—93. 308—329.

Славата отрицаетъ это, увѣряя, что его писалъ Клезль (1), но противъ него говоритъ то обстоятельство, что еще 10 марта Лобковиць уѣхалъ въ Вѣну, когда уже были извѣстны требованія сѣзда. Отвѣтъ былъ на имя намѣстниковъ. «Изъ полученныхъ извѣстій мы усматриваемъ — писалъ Матвѣй, что сѣздъ былъ назначенъ лично противъ насъ, такъ какъ причинами его указаны: возвращеніе гребской церкви архіепископу и наказаніе мятежныхъ крестьянъ въ Брумовѣ, тогда какъ все это состоялось съ нашего согласія. Такимъ образомъ, дефензоры и сѣздъ переступаютъ границы, указанныя маестатомъ и соглашеніемъ, и бунтуютъ крестьянъ противъ ихъ господъ. Въ сѣздѣ разсуждали о томъ, что будто замышляется уничтоженіе маестата и соглашенія; въ народѣ распускали молву, что непріятельское войско готово вторгнуться въ королевство и желали тѣмъ возбудить народъ противъ насъ. Этого мы никакъ не ожидали отъ нѣкоторыхъ лицъ». Въ слѣдствіе всего этого Матвѣй воспрещалъ дефензорамъ всякіе сѣзды впредь до его возвращенія въ Прагу, совѣтовалъ не возбуждать крестьянъ, а намѣстникамъ приказывалъ оповѣстить землю, чтобы она не послала депутатовъ на приглашеніе дефензоровъ (2). Прага получила благодарность за неучастіе въ сѣздѣ.

28 марта отвѣтъ былъ сообщенъ дефензорамъ, а 31 они отвѣчали намѣстникамъ, что хотя они въ настоящее время не въ полномъ сборѣ, но не могутъ не замѣтить, что въ приглашеніи на сѣздъ не было ничего преступнаго, что они не надѣялись, что за свою честную дѣятельность заслужатъ укоризну, но что второй сѣздъ отложенъ быть не можетъ, такъ какъ они на это не имѣютъ права, а сословія ждутъ — не дождутся отвѣта изъ Вѣны (3). Намѣстники ограничились повтореніемъ требованія королевскаго и просили сообщать его участникамъ перваго сѣзда.

До майскаго сѣзда оставалось полтора мѣсяца. Намѣстники воспользовались этимъ временемъ, чтобы, если не возможно воспрепятствовать сѣзду, по крайней мѣрѣ умалить его зна-

(1) II. 136. (2) «Arch. d. r.», № 96. 342—344. (3) ib. № 131. 430—434.

ченіе. При помощи Михны и гетмановъ они добились того, что Прага послала королю адрессъ съ выраженіемъ своихъ вѣрно-подданическихъ чувствъ, что кромѣ короля она не знаетъ никакихъ иныхъ дефензоровъ и не приметъ участія во второмъ сѣздѣ.

За три дня до второго сѣзда дефензоры собрались на предварительное совѣщаніе. Здѣсь они написали протестъ, въ которомъ объявляли, что второй сѣздъ не назначенъ для поднятія земли, какъ это разглашается противниками, а имѣеть одну цѣль — остановить тѣ притѣсненія, которыя терпятъ подобно отъ католяковъ. 20 мая протестъ этотъ былъ прочтенъ по всѣмъ подобойскимъ церквямъ столицы: «съ плачемъ — говоритъ Скала — народъ выслушалъ это объясненіе».

Въ восемь часовъ утра въ понедѣльникъ, 21 мая, собрались члены второго сѣзда въ той же карловой коллегіи. Пановъ и рыцарей было много, за то немного было представителей отъ городовъ (отъ Кутной Горы, Коурима, Хрудима, Вероуна, Болеславы и Сланъ). Шлибъ, отъ имени пановъ и рыцарей, обратился къ мѣщанамъ съ приглашеніемъ быть вмѣстѣ съ ними въ канцеляріи при выслушаньѣ посланія отъ короля, между тѣмъ какъ намѣстники приглашали одни высшія сословія. Мѣщане благодарили, но просили пановъ и рыцарей не оставлять ихъ своею защитой. Черезъ нѣсколько минутъ явились дефензоры, и всѣ вмѣстѣ двинулись въ большую аудиторію, гдѣ Янъ Росацій, изъ консисторіи, открылъ засѣданіе рѣчью на текстъ: «помощь моя отъ Господа, онъ же созда небо и землю». Отсюда чины отправились въ зимнюю залу, гдѣ Лобковицъ сообщилъ, что, не смотря на неоднократныя напоминанья, дефензоры изъ Праги: Фрувейнъ, Коханъ и Магрле, отказались явиться на сѣздъ, если сословія не обѣщаютъ имъ защиты отъ правительства. Сѣздъ обѣщалъ. Послѣ этого депутаты отправились въ замокъ, гдѣ имъ прочтено было посланіе отъ Матвѣя, воспрещавшее сѣздъ: «въ чужія дѣла не вмѣшивайтесь и не давайте повода къ излишнимъ недоразумѣніямъ». Депутаты отвѣчали, что свое объясненіе дадутъ завтра и тутъ же положили собраться на слѣдующій день въ коллегіи.

Дѣйствительно, въ 8 часовъ утра 22 мая депутаты были въ коллегіи. Явились также Фрувейнъ и Коханъ. По предложенію дефензоровъ, Фрувейнъ держалъ рѣчь, предварительно получивши клятвенное обѣщаніе у присутствующихъ, что они его не оставятъ въ минуту невзгоды. «Нарушенію свободы религіи и маестата — сказалъ Фрувейнъ — дали починъ архіепископъ и аббатъ брумовскій, когда насиліемъ вынуждали крестьянъ въ Брумовѣ и Гробѣ переходить въ католичаство, бросали ихъ въ тюрьмы и наконецъ у однихъ запечатали церковь, у другихъ снесли и сровняли съ землей. Дефензоры обратились къ королю, прося о прекращеніи насилія, но отвѣта не было: вмѣсто отвѣта имъ пригрозили и приказали — отложить съѣздъ и не бунтовать противъ короля. Дефензоры приводили въ свое оправданіе, что они ни противъ кого не бунтуютъ, но съѣзда отиѣнить не могутъ; впрочемъ, ихъ тогда было немного, поэтому они объяснили намѣстникамъ, что отвѣтятъ тогда, когда съѣдутся отсутствующіе товарищи. И вотъ, сегодня, свидѣвшись между собою, мы положили, что хотя намъ не было бы ничего пріятнѣе, какъ исполнить волю короля, но намъ теперь не приходится измѣнять того, что мы уже представили намѣстникамъ; во всемъ же другомъ мы готовы и жизнью, и имуществомъ жертвовать за короля. Вотъ почему мы просимъ сословія довести о всемъ до свѣдѣнія его величества и быть ходатаями за насъ». Когда окончилъ Фрувейнъ, Турнъ доложилъ собранію, что нѣсколько дней назадъ имъ получено приказаніе отъ короля явиться въ Вѣну: «какъ вѣрный слуга, я долженъ бы былъ повиноваться приказанію; но, опасаясь опоздать на съѣздъ, я письменно извинился, что прибуду, если получу согласіе отъ сословія; я готовъ ѣхать, но не знаю, какъ мнѣ придется воротиться назадъ». Съѣздъ благодарилъ Турна за довѣріе и поклялся, что они все стануть за него, «своего перваго защитника». Настроивши такимъ образомъ собраніе противъ короля, дефензоры попросили его дать имъ указаній — какъ отвѣчать въ Вѣну на послѣднее напominаніе Матвѣя: депутаты объявили, что они предоставляютъ самимъ дефензорамъ изготовить отвѣтъ. Въ эту самую минуту въ коллегіи получено было извѣстіе, что усили-

вается гарнизонъ замка и дано приказаніе — не впускать членовъ съѣзда въ замокъ въ сопровожденіи слугъ, когда они лягутъ съ отвѣтомъ, и арестовать Турна. Пронзонала общая суматоха. Тотчасъ же была снаряжена депутація къ намѣстникамъ съ требованіемъ объясненій, между тѣмъ какъ остальные члены съѣзда поспѣшили по домамъ, и депутація еще не успѣла возвратиться изъ замка, какъ они, вооруженные, на коняхъ, въ сопровожденіи слугъ, были уже на площади, предъ коллегіей. Улицы были запружены народомъ, который ждалъ только знака къ нападенію на іезуитскую академію, монастыри и еврейскія лавки. Намѣстники отвѣчали, что извѣстіе, встревожившее такъ съѣздъ, ложно. Но отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ депутатовъ съѣзда, и они рѣшили идти сейчасъ же въ замокъ. Съ трудомъ могли удержать ихъ дефензоры отъ этого послѣшняго шага, и предложили собраться завтра на площади предъ дворцомъ, гдѣ будетъ переданъ отвѣтъ намѣстникамъ и гдѣ они представятъ съѣзду «нѣкоторые важные вопросы». Присутствующіе подняли въ верхъ два пальца и поцѣлялись.

Наступила среда, 23 мая, роковой день въ жизни чеховъ — «начало и дверь, по выраженію Скалы, всѣмъ нашимъ будущимъ бѣдамъ и несчастіямъ».

Въ 8 часовъ утра первые прибыли на дворцовую площадь на Градчанахъ депутаты отъ городовъ, но между ними былъ уже Шликъ. Онъ подошелъ къ двумъ депутатамъ отъ Сланъ и отвелъ ихъ въ сторону. «Я знаю — сказалъ Шликъ — благородство и честность городского сословія. Вы изъ Сланъ, я васъ знаю и въ васъ не сомнѣваюсь, такъ какъ не разъ мнѣ приходилось говорить и съ вами, и съ нашими болеславскими; поэтому надѣюсь, что то, что я сообщу вамъ, останется между нами. Вы хорошо знаете, что жаждутъ сдѣлать съ нашимъ маестатомъ, — но мы до этого не допустимъ. Сегодня вы будете присутствовать при грозномъ и еще не слыханномъ дѣлѣ, и оно не будетъ по сердцу католикамъ: сословія опредѣлили — для сохраненія неприкосновенности маестата поступить со всею справедливостію съ рушителями его. Вы читали, безъ сомнѣнія, въ исторіи Чехіи, какими свободами пользовались нѣкогда го-

рода и какъ умалилъ ихъ Фердинандъ: мы, паны и рыцари, позаботимся теперь о возвращеніи ихъ; волей—неволей, а это такъ будетъ. Силезцы уже наготовѣ, и, какъ только представится необходимость, постоятъ за насъ. Пусть же городское сословіе препоручитъ себя Господу Богу, а мы не оставимъ васъ». Въ заключеніе Шликъ повторилъ просьбу о сохраненіи тайны: «впрочемъ—прибавилъ онъ—вы познакомяте тѣхъ, къ кому вы имѣете довѣріе».

Цѣль этого тайнаго разговора ясна: необходимо было хотя нѣкоторыхъ изъ представителей городовъ познакомить съ тѣмъ, что уже давно было рѣшено вождами подобовевъ: Турномъ, Шликомъ, Роуповымъ, Будовцемъ, Фельзескимъ и Ричаномъ, и что должно было совершиться сегодня—съ возмездіемъ, приготовленнымъ Славатъ, Мартиницу и «злорѣчивому писарю» Михнѣ.

Сланскіе депутаты поблагодарили Шлика за довѣріе. Между тѣмъ замковая площадь наполнилась панами и рыцарями, и черезъ нѣсколько минутъ вся толпа двинулась въ зеленую залу сейма. Здѣсь былъ прочтенъ запросъ, который сегодня отъ имени сѣзда имѣлъ быть представленъ намѣстникамъ замѣсто обѣщаннаго отвѣта. Въ эту минуту прибыли въ залу депутаты отъ Стараго и Новаго Города и объявили, что столичныя общины, не смотря на враждебныя дѣйствія королевскихъ судей, желаютъ стоять «прямо и вѣрно» заодно съ сословіями.

Такимъ образомъ, сѣздъ представлялъ теперь всю землю, не исключая и «головы», неучастіе которой смущало представителей третьяго сословія.

Теперь все собраніе отправилось изъ сеймовой залы въ придворную канцелярію. Въ канцеляріи засѣдали въ то время намѣстники: бургграфъ Штернберкъ, Демольтъ Лобковицъ, Славата и Мартиницъ; секретаря Михны не было; на мѣсто него во второй комнатѣ за перегородкой сидѣлъ второй секретарь—Фабрицій. Такъ какъ канцелярія состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ на третьемъ этажѣ, то масса депутатовъ расположилась на лѣстницѣ и во дворѣ, и только немногіе вошли въ канцелярію.

Павелъ Ричанъ предложилъ намѣстникамъ отъ имени съѣзда одобренный еще въ зеленой залѣ запросъ. Онъ былъ кратокъ: «такъ какъ на свои просьбы сословія не получили отвѣта ни отъ короля, ни отъ намѣстниковъ, и вмѣсто отвѣта два раза имъ пригрозили и приказали отнѣнить съѣздъ; такъ какъ мы, дефензоры, обвиняемся въ бунтѣ противъ короля, въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію, — поэтому сословія-подобой спрашиваютъ намѣстниковъ: совѣтовали-ли они и одобрили указанныя опасныя мѣры, преслѣдующія гибель сословія-подобовъ, или они были на сторонѣ мирныхъ средствъ?» Вмѣстѣ съ этимъ Ричанъ не проминулъ заявить, что сословія не допустятъ, чтобы злоба и ненависть вымещивалась на комъ-либо изъ нихъ въ отдѣльности; такъ какъ «все мы стоимъ за одного и одинъ за всѣхъ: кто посягнетъ на одного, посягнетъ на всѣхъ; что бы ни случилось, мы будемъ биться на жизнь и смерть, до послѣдняго изнеможенія».

Послѣ минутнаго совѣщанія бурграфъ отъ имени своихъ сотоварищей обратился къ оратору съ просьбой — передать ему запросъ, и обѣщаль отвѣтить на него въ самомъ скоромъ времени, когда соберутся остальные намѣстники. Ричанъ тотчасъ же передалъ запросъ, но на отсрочку отвѣта сословія не согласились: «вопросы ясны — замѣтили они, и отвѣта мы требуемъ сейчасъ же — да или нѣтъ». Съ этими словами сословія отошли въ сторону, къ окнамъ. Намѣстники снова начали совѣщаться. Черезъ нѣсколько времени они попросили своихъ непрошенныхъ гостей выйти хотя на одинъ часъ изъ канцеляріи — для болѣе свободнаго обсужденія отвѣта, такъ какъ до сихъ поръ не было еще обычая отвѣчать въ ту же минуту. Но Турнъ на это возразилъ, что сословіямъ нѣтъ дѣла до того, былъ-ли такой обычай или нѣтъ: они не выйдутъ изъ канцеляріи, пока не получатъ яснаго отвѣта. Въ слѣдъ за этимъ присутствующіе повторили: «не выйдемъ, не выйдемъ!» и, поднявши въ верхъ два пальца, покланялись. Въ третій разъ стали совѣщаться намѣстники. Они просили теперь объ одномъ — послать, по крайней мѣрѣ, за Вальдштейномъ, — но Лобковицъ замѣтилъ: «не для чего; я былъ вчера у него, и онъ мнѣ ясно отвѣтилъ, что не совѣ-

товаль и не соглашался ни на какія непріязненныя дѣйствія; ясно, причина всему — Славата и Мартиницъ».

Послѣ этихъ словъ послышались съ разныхъ сторонъ обвиненія Славаты и Мартиница. Шликъ припомнилъ имъ отнятіе карлштейнскаго бургграфства у Турна. Янъ Смирничъ съ трудомъ протиснулся чрезъ толпу и обратился къ нимъ съ укоромъ, что они поступаютъ съ подобоями, какъ съ холопами, что долѣе сносить этого сословія не могутъ. «Не чего ждать отвѣта отъ намѣстниковъ — сказалъ Фельзескій: вѣдь хорошо извѣстно, кто писалъ грозное посланіе — Славата и Мартиницъ. Они всегда были противъ маестата и работали на уничтоженіе его: они рушители общественнаго спокойствія. Бургграфомъ и пайомъ страконицкимъ (Лобковицемъ) сословія довольны: они никогда не дѣйствовали противъ маестата, и нельзя допустить, чтобы они присовѣтовали грозное посланіе; если что и сдѣлали, такъ это заставили тѣ два». Обратившись къ сотоварищамъ, Фельзескій спросилъ: «правду-ли я говорю»? Въ отвѣтъ послышались оглушительные крики: «правда, правда!» Говорили еще многіе: припомнили изгнанія и притѣсненія на королевскихъ помѣстьяхъ, особенно въ Страшецахъ и Крумловѣ, припоминали тѣ преслѣдованія, которымъ подвергались крестьяне-подобои на земляхъ обвиняемыхъ намѣстниковъ.

Славата и Мартиницъ еще ничего не знали объ участи, ожидавшей ихъ. Когда нѣсколько стихло, Славата обратился къ сословіямъ съ словомъ оправданія; онъ видѣлъ въ толпѣ обвинителей своего роднаго брата Павла и шестерыхъ двоюродныхъ (все они были изъ общины) и много надѣялся на нихъ. «Какъ пріятель, прошу я васъ — сказалъ Славата, не осуждайте на основаніи простаго подозрѣнія. Я никогда не дѣйствовалъ противъ маестата: вѣдь я хорошо зналъ, что грозитъ каждому, кто пошелъ бы противъ постановленій, принятыхъ королемъ и сословіями. При вторженіи павсовцевъ, я и Мартиницъ были заподозрѣны, но по суду насъ оправдали. По закону никто изъ обывателей королевства не можетъ быть осужденъ безъ должнаго выслушанья, — поэтому я надѣюсь, что вы сдержите себя отъ минутной вспышки гнѣва и не осудите, не выслушавъ насъ.

тѣмъ болѣе, что мы здѣсь предъ вами намѣстники его величества. Что касается королевскихъ помѣстій, я поступалъ тамъ не отъ себя, но исполнялъ волю короля; нельзя указать ни одного распоряженія, вышедшаго изъ коморы, объ обращеніи крестьянъ въ католическую вѣру или объ изгнаніи. Если изъ Брумлова и были изгнаны нѣкоторые, то только потому, что это были непокойные люди. На своихъ земляхъ я никого не тѣснилъ». Въ томъ же смыслѣ говорилъ въ свое оправданіе и Мартиницъ.

Рѣчи обвиняемыхъ не остались безъ отвѣта. Янъ Ричанъ, возражая Славатъ, указалъ на преслѣдованія крестьянъ въ Градцѣ; Лобковицъ припомнилъ ему слова, сказанныя имъ при подтвержденіи маестата Фердинандомъ, что онъ не стоитъ за маестатъ, какъ никогда не стоялъ. Новыя оправданія Славаты были тщетны. Шликъ, «вѣрный и горячій защитникъ своей вѣры», запальчиво, со слезами на глазахъ, накинулся на Славату и Мартиница и сталъ укорять ихъ въ тѣхъ несправедливостяхъ, что дѣлали они евангеликамъ по наученію «ядовитыхъ своихъ учителей изъ секты іезуитской». «Вы — говорилъ Шликъ, презрѣнныя исчадья іезуитовъ, виѣстѣ съ своими лъстецами — секретаришками устроили паденіе Турна, благороднаго богатыря чешскаго, и другихъ на ослабленіе стороны подобойской. Знайте же, что мы не бабы и не позволимъ себя обманывать: мы поступимъ съ вами такъ, какъ съ лицами, равными себѣ, не замышляя ничего противъ его величества. Пова умные, старыя паны рядили въ королевствѣ, все было хорошо; но только влѣзли васъ, іезуитскія исчадья, на первыя мѣста, все пошло на выворотъ. Но вы не настолько могущественны, чтобы были въ состояніи отнять у насъ то, что даровалъ намъ Богъ и подтвердила верховная власть: мы не допустимъ до этого». Говорилъ еще Турнъ о приглашеніи въ Вѣну, что его смастерили Славата и Мартиницъ виѣстѣ съ проклятой шельмой — Михной, и Роуповъ о неоднократныхъ выходкахъ ихъ на сеймахъ, при совѣщаніяхъ: «сословія уже написали апологію; скоро она выйдетъ изъ печати, чтобы весь свѣтъ зналъ о кривдахъ, что чинили католики подобоимъ».

Теперь обвиненія кончились. Изъ нихъ мы видимъ, что подобои не лжесвидѣтельствовали.

Сословія сгруппировались у окна; въ рукахъ появился протестъ 1609 года, предложенный на сеймѣ Будовцемъ. Павелъ Ричанъ, по приглашенію товарищей, сталъ читать протестъ: «если случится, что кто-либо пожелаетъ пойти противъ маестата и соглашенія, то тѣ лица, которыя отказались подписать амнистію и присутствовать при внесеніи въ доски, должны быть разсматриваемы, какъ враги спокойствія и общаго согласія». Извѣстно, что эти лица были: Славата и Мартиницъ. Послѣ этого намѣстники были еще разъ спрошены: признаютъ-ли они себя участниками въ составленіи грознаго посланія или нѣтъ. Штернберкъ отъ себя и отъ имени Лобковица отвѣчалъ отрицательно: «мы не совѣтовали и предрекали, что если случится что, то это все падетъ на ваши же головы». Отвѣтъ этотъ, очевидно, былъ весьма по сердцу подобоимъ: онъ прямо уличалъ Славату и Мартиница. На послѣднія слова Штернберка Турнъ замѣтилъ, что сословія хорошо знаютъ, что онъ былъ не только ихъ бургграфомъ, но отцомъ, и лучшаго бургграфа они никогда не желали бы, если бы онъ не поддавался нѣкоторымъ злымъ совѣтамъ; но такъ какъ онъ съ Лобковицемъ не участвовалъ въ королевскомъ посланіи, то имъ обоемъ не чего опасаться. Послѣ этого Турнъ пригласилъ Штернберка и Лобковица удалиться изъ канцеляріи. Бургграфа взялъ за руку Фользескій, Лобковица — его братъ Вильгельмъ, и, съ трудомъ протиснувшись сквозь толпу, они вывели обоихъ на лѣстницу. Славата и Мартиницъ умоляли удалявшихся сотоварищей не покидать ихъ, но было напрасно.

Такимъ образомъ, въ канцеляріи остались теперь одни «іезуитскія исчадья» да Фабрицій за перегородкой. Обратившись къ Славатѣ и Мартиницу, Турнъ объявилъ ихъ рушителями мира и врагами земли; толпа съ страшнымъ крикомъ повторила слова своего вождя и по обычаю, поднявъ два пальца, поклонялась. Изъ толпы послышались голоса: «арестовать мерзавцевъ въ черную башню!» «въ окно изиѣвниковъ!» Вхынскій бросился на Мартиница, Турнъ на Славату, и сильно ухватили обоемъ

за руки; въ ту же минуту подоспѣли другіе и повлели несчастныхъ намѣстниковъ по направленію къ вѣшному углу комнаты. Два окна, на-лѣво и на-право отъ угла, были уже открыты, и теперь только Славата и Мартиницъ поняли, что ихъ ожидаетъ: упираясь о полъ ногами, они умоляли своихъ враговъ о пощадѣ. Мартиница держали Лобьовицъ, Смиричъ, Янъ Ричанъ и Каширъ; они готовы были уже отправить его чрезъ правое окно въ ровъ, когда несчастный попросилъ исповѣдника; но ему отвѣчали: «сейчасъ въ слѣдъ за тобой мы приведемъ и тѣхъ мерзавцевъ-іезуитовъ», и съ размаха бросили его головой въ окно (1).

Теперь Турнъ, обратившись къ своимъ сотоварищамъ, только что расправившимся съ Мартиницемъ, указалъ имъ на другую жертву, которую онъ держалъ крѣпко въ рукахъ: «*edle Herren, da habt ihr den andern!*»! Въ минуту Славата былъ схваченъ и подведенъ къ другому окну, на-лѣво. Будучи сильнѣе Мартиница, онъ защищался долго: ухватившись руками за обочины окна, онъ упирался до тѣхъ поръ, пока не посыпались удары шпата по пальцамъ, — мускулы ослабли, и Славата полетѣлъ внизъ головой.

Раздраженнымъ подобоямъ желалось теперь послать въ окно и секретаря Михну, — но его не было на лицо, за перегородкой сидѣлъ его помощникъ, Фабрицій, и они выбросили Фабриція въ окно Мартиница (2).

---

(1) Канцеларія на 3-мъ этажѣ дворца; высота оконъ ея надъ ровомъ слишкомъ 9 саженъ. Злосчастная комната и доселѣ сохраняется въ ея тогдашнемъ видѣ.

(2) О первомъ и второмъ сѣздѣ — *Skala*. II. 103—134. О вылетѣ изъ оконъ — *Slavata*. II. 99—114. I. 81—88. Въ разсказѣ Славаты хвастовство: себя и Мартиница онъ рисуетъ героями. *ib.* II. 163. 164. О словахъ Турна «*edle Herren*» Славата въ другомъ мѣстѣ (II. 23) говоритъ, что точно не помнитъ, были ли они сказаны. Въ вылетѣ Славата особенно обвиняетъ братьевъ: «нѣкоторые изъ подобоевъ, болѣе же всего члены братской общины, были столь евангеличны въ своей вѣрѣ, что полагали сдѣлать особенно угодное Господу Богу дѣло, если обабрава, упорные враги ихъ вѣры, отправятся на тотъ свѣтъ». (II. 164). Выброшенные остались

Вѣсть о происшествіи въ канцеляріи быстро разнеслась по столицѣ, и всѣ улицы и рынки, особенно на Старомъ Мѣстѣ, были запружены народомъ, который ожидалъ, что вотъ, вотъ подадутъ знакъ къ нападенію на монаховъ и жидовъ. Но вожди подобооувъ, опасаясь вмѣшательства черни, послѣдшили успокоить толпу. Турнъ развѣзжалъ среди волновавшагося народа и говорилъ ему: «друзья мои! мы ничего не имѣемъ противъ католиковъ; мы наказали только тѣхъ, что желали уничтоженія маестата; ремесленникъ — послѣдши къ своему ремеслу, поденщикъ — къ своей работѣ; дасть Богъ, со временемъ мы отдадимъ отчетъ въ томъ, что начали». Народъ удержался.

Послѣ этого члены съѣзда положили собраться на слѣдующій день, 24 мая, по не въ карловой коллегіи, а въ сеймовой залѣ.

Правительства не было, и потому необходимо было прежде всего образовать временное правительство и затѣмъ заняться организаціей земской обороны. Практика минувшихъ лѣтъ выработала форму правительства на случай, и потому съѣздъ въ засѣданіи 24 мая постановилъ — обновить мѣры сейма 1609 г. Были прочтены полномочіе сейма 1609 года директоріи и обязательство директоріи сословіямъ. Съѣздъ одобрилъ оба документа и присягнулъ, что всѣ обязываются стоять за одного и

живы: — одинъ Славата ушибъ до крови голову о карнизъ окна, такъ что Мартиницъ и Фабрицій съ трудомъ могли унести его въ сосѣдній домъ канцлера Лобковица, гдѣ на время и сами пріютились. Вечеромъ того же дня, т. е. 23 мая, они бѣжали: одинъ въ Баварію, другой въ Вѣну; Славата же до выздоровленія оставался въ Прагѣ и только въ августѣ 1619 года, при низверженіи Фердинанда, онъ вмѣстѣ съ Штерберкомъ бѣжалъ тайкомъ изъ Праги (Skala, III. 275). Чудесное избавленіе летѣвшихъ изъ окна дало богатую тему для толковъ современниковъ. Католики и іезуиты приписывали его заступничеству Богоматери: «видѣли-де люди, какъ она приняла ихъ на свой покровъ. Въ этомъ убѣжденъ и самъ Славата (I. 83). Подобно объясняли иначе. «ро lidaku»: они упали на смете, что выбрасывалось изъ канцеляріи (Skala, II. 134). Во всякомъ случаѣ паденіе было чудесное: «зачастую случается, что и на ровномъ мѣстѣ человекъ упадетъ и сломитъ себѣ ногу или расшибетъ голову». (ib.). О бѣгствѣ изъ Праги и т. д. Slavata. I. 91—105.

одинъ за всѣхъ. Тогда же, 24 мая, въ подобойскихъ церквяхъ Праги было сдѣлано оповѣщеніе народу, что сословія собрались для защиты маестата, что рушители ого наказаны со всею справедливостью и просятъ гражданъ столицы быть спокойными. Въ засѣданіи слѣдующаго дня, 25 мая, съѣздъ избралъ членовъ директоріи. Въ составъ ея вошли 30 человекъ, по 10 отъ каждаго сословія: Богухвалъ Берка, В. Лобковиць, П. Ричанъ, Швамберкъ, Роуповъ, Ан. Шлибъ, Будовець, Альб. Шлибъ, В. Вхынскій (потомъ братъ его Радславъ), Смирицкій; Каплиръ, Ольбрамовиць, Гершторфъ, Вилый, Фиктумъ, Лосъ, Пфферкорнъ, Чернинъ, Петипескій, Мильнеръ; Фрувейнъ, Оттерсдорфъ, Шотновскій, Оршиновскій, Коханъ, Штефекъ, Писецкій, Коберъ, Шульцъ, Гоштялеъ. «Первымъ» директоромъ былъ Богухвалъ Берка, но черезъ мѣсяць, 22 іюня, директора сочли необходимымъ выбрать изъ среды своей президента директоріи, и выборъ палъ на Вацлава Роупова⁽¹⁾. Въ тотъ же день съѣздъ объявилъ рушеніе земли и издалъ другія соотвѣтствующія этому постановленія. Земельное имущество въ 10 тыс. мишенскихъ копъ или 25.000 копъ капитала на процентахъ дають одного всадника; отъ крестьянъ выставляется десятый человекъ, а въ случаѣ крайности они идутъ всѣ⁽²⁾. Генералами назначаются: Турнъ, Фельзескій, Бубна и Канлиръ. Подати, утвержденныя сеймомъ 1615 года и еще не поступившія въ казну, имѣютъ быть выплачены сословіями безъ замедленія и идутъ на вербовку пѣшихъ и конныхъ солдатъ. Директора уполномочиваются входить въ соглашеніе съ генералами о вербованіи солдатъ и по всякимъ инымъ вопросамъ, касающимся военнаго дѣла, въ крайнихъ случаяхъ приглашать на совѣщаніе извѣстныхъ лицъ изъ краевъ, назначать съѣзды, искать помощи въ имперіи, назначать новыхъ генераловъ, наказывать каждаго, кто пошелъ бы противъ короля, земли, настоящаго постановленія и подобойской вѣры, словомъ, дѣлать все, чего потребуетъ оборона. Съѣздъ не выключилъ и католиковъ отъ принятія участія въ защитѣ

---

(1) Skala. II. 196. (2) ib. 140. Ср. ib. 218. 332. Сеймовыя постановленія о количествѣ выставляемаго ополченія вообще тамъ у Скалы.

своего дѣла: «такъ какъ вопросъ идетъ объ отстояніи короля и дорогой отчизны чешской, то и католики имѣютъ быть приглашены участвовать въ земской оборонѣ».

Брумовскіе узники были освобождены.

По образованіи временнаго правительства и по принятіи первыхъ необходимыхъ мѣръ къ оборонѣ, члены майскаго съѣзда могли считать свое дѣло поконченнымъ, — но они еще остались въ столицѣ на нѣсколько дней для составленія объяснительной записки Матвѣю.

Уже въ субботу, 26 мая, записка королю была готова, одобрена и отправлена въ Вѣну вмѣстѣ съ экземпляромъ только что отпечатанной «Первой апологій», въ которой сословія указывали тѣ извинительные мотивы, которые заставили ихъ прибѣгнуть къ насилію. Объяснительная записка была составлена въ самомъ умѣренномъ духѣ. «Мы не могли выносить долѣе интригъ Славаты и Мартиница, направленныхъ на уничтоженіе маестата, соглашенія и сеймовыхъ постановленій о свободѣ вѣры. Если бы они достигли своей цѣли, и если бы самъ Богъ не отвратилъ того, то славное королевство чешское пришло бы въ своей конечной гибели. Мы, вѣрные сыны отечества, вынуждены были поступить съ обоими намѣстниками строго, по ихъ заслугамъ, и поступимъ такъ съ каждымъ, кто послѣдуетъ имъ. По примѣру прошлаго, мы, защищая ваше величество, себя и нашу землю, согласились между собой о твердой оборонѣ и, такъ какъ намъ нельзя быть всѣмъ вмѣстѣ, избрали изъ среды своей директорію, которая охраняетъ достоинство вашего величества, всѣхъ вѣрнопопданныхъ, порядокъ, права, маестаты, свободы земскія и общее спокойствіе. Не съ намѣреніемъ оскорбить ваше величество предпринято все это, и мы надѣемся, что вы не дадите вѣры ошибочнымъ донесеніямъ, не допустите оклеветать своихъ вѣрнопопданныхъ, не вступитесь за много провинившихся предъ землею лицъ, напротивъ, достойно накажете всѣхъ подобныхъ имъ рушителей мира и не предпримете ничего такого, что принесло бы вредъ сословіямъ и королевству».

Какъ ни странно со стороны съѣзда и директоріи подобное наивное объясненіе послѣднихъ событій въ Прагѣ

не могли же они серьезно надѣяться, что король Матвѣй приметъ сторону ихъ, вѣрноподданнѣйшихъ, и примѣрно накажетъ мятежныхъ намѣстниковъ — Славату и Мартинаца, — но оно понятно при желаніи сословія выиграть время для «твердой обороны».

Такія же записки о пражскихъ событіяхъ были отправлены въ соединенныя земли: Силезію и Лужицы, въ имперію и Венгрію. У Силезіи и Лужиць съѣздъ просилъ о помощи, у Венгріи — о присылкѣ въ Прагу двухъ уполномоченныхъ.

Тогда же, 26 мая, директорія разослала приказаніе землѣ выставить людей и взнести подати, согласно вчерашнему постановленію съѣзда. Возвративъ затѣмъ Турну должность карлштейнскаго бургграфа, члены съѣзда разъѣхались 28 мая.

Въ управленіе землей вступила директорія.

Однимъ изъ первыхъ ея дѣйствій былъ знаменитый декретъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ земли, отъ 1-го іюня. Онъ былъ адресованъ на имя членовъ пражской коллегіи. «Такъ какъ извѣстно, что іезуиты, какъ и вся ихъ школа, постоянно служили землѣ къ значному вреду, интригами своими чинили всяческія пакости сословіямъ королевства, совокупне съ помощниками своими рушили порядокъ, права, свободы, общественное спокойствіе и были вообще причиною немалого зла, — поэтому, заботясь объ огражденіи земли отъ дальнѣйшей опасности, мы за благо разсудили, въ силу мочи, намъ данной, васъ, а равнымъ образомъ и всѣхъ вообще іезуитовъ, гдѣ бы они ни находились въ землѣ, изгнать на вѣчныя времена изъ этого королевства, и строго наказываемъ вамъ убраться изъ него сейчасъ же, не далѣе пятницы текущей недѣли и, оповѣстивъ о томъ остальныхъ іезуитовъ въ землѣ, пригласить ихъ удалиться къ назначенному сроку и впредь не возвращаться. Буде же какой іезуитъ останется въ королевствѣ или же кто осмѣлится укрыть іезуитовъ и вступить за нихъ, то ни директора, ни сословія не отвѣтствуютъ за могущія произойти отъ того послѣдствія». Само собой разумѣется, декретъ не простирался на другіе ордена католической церкви.

8 іюня уже не было іезуитовъ въ Прагѣ, а черезъ нѣсколько времени они очистили Крумдовъ, Хомутовъ, Градецъ

и Владскъ. Имѣніе ордена было принято въ вѣдѣніе правительства. 9 іюня состоялся манифестъ объ изгнаніи іезуитовъ, оповѣщенный по всему краю королевства (1).

Теперь главнѣйшей заботой директоріи была организація обороны. Мы видѣли, что еще 26 мая директорія оповѣстила землю о рѣшеніи съѣзда, но, зная изъ опытовъ предшествовавшихъ годовъ, что сословія не любятъ спѣшить съ деньгами, она 28 мая пригласила уполномоченныхъ отъ городовъ въ Прагу, чтобы посовѣтоваться о внутреннемъ займѣ. Директора просили депутатовъ взять необходимыя деньги изъ городскихъ суммъ и поспѣшать съ этимъ дѣломъ, такъ какъ время не терпитъ. Депутаты отвѣчали, что они охотно исполнили бы просьбу правительства, но для этого необходимо согласіе общинъ, а «*obec divné zvíře jest*», и потому просили дать имъ сдѣланное предложеніе о займѣ на бумагѣ для передачи общинамъ. Общины не отвѣчали.

---

(1) О дѣйствіяхъ съѣзда послѣ 23 мая — Skala. II. 136—161. Тамъ же и «Первая апологія», также въ «Apol. dr.», въ концѣ приложеній. Декретъ — Skala. II. 169—170. Документы также въ «Acta bohemica, das ist, gründliche, wahrhaftige und eigentliche Beschreibung der fürnemsten hoch und denckwürdigsten Historien und Geschichte, welche sich im hochlöblichen Königreich Böhmeim zu Anfang vom 9. Martii abgewichenen 1618. Jahrs biss auff dato begeben und zugetragen. Aus allerhand glaubwürdtigen publicis scriptis in eine feine richtige Ordnung zusammen verfasst». Prag. 1619. 1—11. Манифестъ объ изгнаніи іезуитовъ, обвинительный актъ ордена за два съ половиною вѣка, не потерялъ интереса и въ наше время. и мы приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ него. «Всѣмъ извѣстно, какии опасностямъ подвергалось постоянно чешское королевство, съ тѣхъ поръ какъ была ввучена въ него лицемерная секта іезуитовъ, какия перемѣны и волненія оно должно было выносить: сословія и люди-подданные ихъ теряли жизнь и достоиніе. Самая дѣйствительная причина всѣхъ этихъ несчастій — ядоносный орденъ іезуитовъ: онъ поставилъ себя задачей — утвердить римскій престолъ и подчинить игу его все царства и земли міра, для чего, не обращая вниманія на средства, всюду и всегда разжигалъ одно государство противъ другаго, между сословія, особенно, гдѣ существовало различіе въ вѣрѣ, вносилъ раздоръ и волненія, возбуждалъ власти противъ подданныхъ и подданныхъ противъ властей, водилъ врага на королей и помазанниковъ божіихъ, совѣтывшихся поступать по ихъ указа-

Въ половинѣ іюня директорія имѣла уже въ своемъ распоряженіи слишкомъ 4 тыс. человекъ; люди шли охотно въ вербовку, особенно изъ обѣихъ Австрій, но денегъ для удержанія охотниковъ не было. Чтобы добыть денегъ, правительство предложило сословіямъ вмѣсто 10 и 8 человекъ препроводить въ Прагу соответствующую сумму денегъ, а уже оно само озаботится наймомъ людей, т. е. замѣсто рупенія ограничиться пока вербовкой: въ Прагу собралась масса старыхъ солдатъ, число ихъ со дня на день увеличивалось, и потому, понятно, правительство не желало выпустить изъ рукъ такой пригодный контингентъ, тѣмъ болѣе, что если не наймутъ этихъ солдатъ въ Прагѣ, ихъ наймутъ въ Вѣнѣ. Но изъ современныхъ памятниковъ не видно, чтобы сословія согласились на замѣну поставки крестьянъ денежнымъ взносомъ.

16 іюня съ навербованнымъ кое-какъ войскомъ Турня вышелъ изъ Праги и потянулся къ австрійской границѣ, чтобы

ніямъ, противъ Бога и своего убѣжденія, пріятеля соорилъ съ пріятелемъ, на исповѣди вывѣдывалъ всякія тайны и людскою совѣстью заправлялъ такъ, что человекъ слѣпо повиновался его приказаніямъ, хотя бы послѣдніе были противны Богу и его заповѣдямъ. Какъ нѣкогда темпліеры, іезуиты забрали въ свои руки громадныя имѣнья, втерлись по всемъ запаулкамъ управленія землей и, объявляя каждому, несогласнаго съ римскою церковью, еретикомъ, учили, что такимъ людямъ не должно имѣть вѣры». Директора ссылались на примѣръ Франціи, Англіи, Венгріи, Трансильваніи, Венеціи, Нидерландъ. «Когда же сословія-подобны, послѣ многихъ притѣсненій ихъ вѣры, пошедшихъ несомнѣнно отъ іезуитовъ, получили отъ Рудольфа маестатъ, какъ гарантію противъ нихъ и ихъ орудій на будущее время, съ католиками вошла въ соглашеніе. каковое соглашеніе, по королевскомъ утвержденіи, было внесено въ земскія доски: іезуиты, презрѣвъ кару, положенную маестатомъ на рушителей его, дерзко поносили подобоевъ въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ, называя ихъ еретиками, и словамъ маестата давали одностороннее и неприязненное для насъ толкованіе, яко бы маестатъ не простирался на крестьянъ помѣстій королевскихъ, церковныхъ и пановъ-католиковъ». Во всѣхъ безпорядкахъ послѣднихъ лѣтъ виновны іезуиты: «они привели къ тому, что крестьянъ принуждали въ католичество тюрьмой и другими способами, что воспрещали службы божіи, что всѣ первыя должности, земскія и городскія, заняли католики, что подобно, которые совѣстливо заботились объ общемъ благѣ предъ королемъ,

предупредить вторженіе, тѣмъ болѣе, что на югѣ были враждебныя подобія католическіе города: Будевицы, Крумловъ, Писекъ, а черезъ четыре дня былъ полученъ наконецъ отвѣтъ Матвѣя на объяснительную записку, отъ 18 іюня. «Я никакъ не могу одобрить вашего поступка съ намѣстниками — писалъ король; хотя вы и указываете причины — интриги помянутыхъ лицъ, тѣмъ не менѣе вамъ не подобало столь послѣшно осуждать ихъ, безъ предварительнаго извѣщенія меня, безъ обычнаго и законнаго слѣдствія надъ ними; вамъ не слѣдовало также, безъ вѣдома и согласія моего, приказывать вербовку солдатъ -- о непріятелѣ нигдѣ не слышно, и объявлять въ землѣ всеобщее вооруженіе». Матвѣй приказывалъ потому сословіямъ распустить солдатъ, остановить вербовку и рушеніе земли и ждать его распоряженій.

Видѣтъ съ отвѣтомъ былъ посланъ изъ Вѣны патентъ на имя намѣстника Вальдштейна для обнародованія его въ землѣ.

были постыдно лишены своихъ мѣстъ». Въ силу всего этого іезуиты объявлялись изгнанными на вѣчныя времена: «ни подъ своимъ именемъ, ни подъ именемъ какаго иного ордена іезуиты не смѣютъ возвращаться въ королевство». S k. II. 170—173. Нѣмецкій декретъ въ «Acta bohémica». 11—14. По поводу изгнанія іезуитовъ былъ написанъ памфлетъ — пародія на извѣстную старочешскую молитву къ св. Вячеславу. Іезуиты молятъ патрона чешскаго:

«O svatý milý Vaclave,
Jenžs vyvoda české země...

At' stavove pod oboji...

Nedadí nas chaze prati

A přeč za može zahrati». Но Вацлавъ прогоняетъ

ихъ, «маленькихъ чертенятъ». Они зовутъ къ св. Христофору, тотъ имъ указываетъ Америку. Тогда обращается къ іезуитамъ самъ Христосъ съ грозною рѣчью:

«Duši lidských vražedníci,

Čti slavy mé loupežníci!...

Čhtěli jste se mně vrovnatí,

Směvše sobě titul dati

«Tovaryši Ježíšovi»,

Jsouce psi antikristove...». Іезуиты рѣшаются уйти.

«Vstan', vymlat' je, chaso pražká,

At' jich nezůstava částka!» S k. II. 174.

Народъ кричатъ:

Не смотря на бдительность полиціи курьеръ успѣлъ передать его по принадлежности. Матвѣй завѣрялъ, что хотя подобои и стараются прикрыть свои дѣйствія съ 23 мая яко бы защитой ненарушимости маестата, но у него никогда не было мысли — уничтожать маестатъ и соглашеніе, и онъ надѣется, что никто не дастъ вѣры подобнымъ толкамъ; онъ отъ души желалъ бы лично прибыть въ Прагу, чтобы разсудить дѣло, но не здоровъ, и потому пришлетъ комиссаровъ. Въ слѣдствіе всего этого Матвѣй требовалъ отъ сословій распущенія солдатъ и отмѣны рушенія, обѣщая распуснуть и свои войска: «но если бы сословія, вопреки моей надеждѣ и отцовскому напоминанію, успили вербовку и подняли землю, то я въ этомъ увидѣлъ бы желаніе сословій — презрѣть всякое право и справедливость, и былъ бы вынужденъ взяться за такія средства, при помощи которыхъ я былъ бы въ состояніи защитить и сохранить за собой свое королевское достоинство и власть».

Обнародованіе королевскаго воззванія не могло быть пріятно директоріи, тѣмъ болѣе, что на 25 іюня былъ уже назначенъ сеймъ для усиленія средствъ обороны, и потому лишь только директора провѣдали о полученіи Вальдштейномъ патента, потребовали выдачи его. Вальдштейнъ упорно возражалъ противъ выдачи, но когда ему пригрозили сеймомъ, выдалъ. Послѣ этого Штернберкъ былъ взятъ подъ почетный арестъ, а Вальдштейнъ обѣщаль, что присоединится къ защитѣ.

Не смотря на новое воспрещеніе Матвѣя, 25 іюня въ 8 часовъ утра чины сошлись въ сеймовой залѣ на Градчанахъ. Президентъ директоріи открылъ сеймъ рѣчью, въ которой указалъ задачу сейма — дать новыя средства защиты. Послѣ этого было прочтено предложеніе директоріи. Директора жаловались, что король въ послѣднемъ отвѣтѣ, въ противность ожиданіямъ сословій, принялъ сторону «людей безчестныхъ», сословія, которыя платятъ ему болѣе, чѣмъ кто другой, обозвалъ мятежниками, а измѣнниковъ земли объявилъ своими вѣрными и милыми: «дорога сословіямъ къ королю закрыта». Матвѣй далъ знать гетману крумловскому, что онъ посылаетъ въ королевство войска, и потому требуетъ заготовленія припа-

совъ. Враги короля и сословія продолжаютъ интриговать въ землѣ, издають фальшивые мандаты, чтобы раздвоить сословія. «Въ виду великой опасности для нашей родной земли отъ злыхъ людей, своихъ и чужихъ, мы наняли на земскія деньги 3 тыс. пѣхоты и 1 т. конницы; но такъ какъ очевидно, что непріятель собирается вторгнуться въ королевство — уничтожить всѣ права и свободы, стереть съ лица земли славный народъ нашъ чешскій, то чтобы во время приостановить его замыслы, мы вслѣдствіи общаго обсуждения вопроса — какимъ самымъ надежнымъ и полезнымъ способомъ можно бы защитить землю, и пришли къ такому заключенію: сословіямъ вмѣсто затребованнаго земскаго ополченія одѣлать въ теченіе трехъ недѣль денежный взносъ, такъ какъ выставленіе людей при полевыхъ работахъ затруднительно, — высшимъ сословіямъ по 60 копѣ отъ всадника, на три мѣсяца, по 20 отъ десятаго человѣка и по 2 отъ каждаго осѣдлаго крестьянина; городамъ — по 20 копѣ отъ осьмага и шестаго человѣка, и отъ каждаго крестьянина».

Теперь католики были удалены изъ залы, и президентъ сообщилъ подобою, что директора Фиктумъ и Мильнеръ составили «Вторую апологію», обширнѣе «Первой», и потому онъ умалчиваетъ о тѣхъ «грозныхъ утѣсненіяхъ, которыя враги ихъ имъ чинили по-сегодня», что Штернберкъ и Вальштейнъ дали обязательство не выѣзжать изъ королевства и готовы присоединиться къ дефензіи; что отъ силезцевъ полученъ сочувственный отвѣтъ на мартовское извѣщеніе ихъ о событіяхъ въ Гроубъ и Брумовъ — въ немъ они жалуются на свои бѣды и обѣщаютъ ходатайствовать предъ Матвѣемъ о прекращеніи притѣсненій въ Чехіи.

Католики были приглашены обратно въ залу, но засѣданіе, за позднимъ временемъ, было закрыто.

Въ засѣданіи слѣдующаго дня сеймъ рассматривалъ предложеніе директоровъ, и «сословія, подобно и католики, присутствующіе вмѣсто отсутствующихъ, изъ любви къ отечеству, какъ вѣрные сыны короны чешской, вмѣстѣ съ директорами согласились въ слѣдующемъ: земское ополченіе удваивается — земельное имущество въ 5 т. копѣ или 12.500 копѣ

капитала на процентахъ даютъ 1 всадника; вмѣсто десятаго выставляется пятый челоуѣкъ; но взаимнѣ земскаго ополченія въ этомъ размѣрѣ вербуется 6 т. пѣхотныхъ и 2 т. конныхъ солдатъ, испытанныхъ въ военномъ дѣлѣ». На содержаніе вновь вербуемаго войска въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ гетманы на королевскихъ помѣстьяхъ, всѣ три сословія, всѣ принятыя въ землѣ, аббаты, священники, монастыри, словомъ, всѣ люди духовныя, мистры, коллегіаты, всѣ, которые только имѣютъ свободныя или записныя земли или имѣютъ деньги въ векселяхъ, записяхъ, купцы, свои и иностранныя — вносятъ по 60 златныхъ отъ всадника и 15 копѣ отъ пѣхотинца; взносы производятся по третямъ, т. е. въ три срока; послѣдній срокъ 8 сентября. Затѣмъ сеймъ заслушалъ отвѣтъ Матвѣя на записку и декретъ о воспрещеніи сейма, отъ 23 іюня. На другой день, 27 іюня, былъ готовъ отвѣтъ сейма на всѣ эти требованія короля. Сословія выражали удивленіе, что Матвѣй, обвиняя ихъ въ тяжкихъ проступкахъ, объявляетъ враговъ ихъ своими вѣрными людьми и требуетъ распущенія войска; просили не слушать совѣтовъ чеховъ, находящихся теперь при дворѣ; въ опроверженіе увѣренія Матвѣя, что у него и въ мысляхъ не было нарушать маестатъ, припоминали ему протестъ 1615 года, брандыскій отвѣтъ; вербовку и объявленіе рушенія извиняли тѣмъ, что недруги ихъ уговорили самого короля вербовать войско, искать помощи у другихъ и объявить ихъ мятежниками, и въ заключеніе повторяли надежду, что Матвѣй, наказавъ главнѣйшихъ ихъ враговъ, исправитъ все то зло, что было сдѣлано послѣдними: они же не злоумышляютъ противъ короля, и если собрали войско, то для самозащиты и остаются вѣрноподанными.

Лишь только былъ заслушанъ отвѣтъ, сословія получили изъ Вѣны объявленіе отъ Матвѣя (отъ 24 іюня), что такъ какъ Турнъ тѣснитъ Будеевицы и Крумловъ, то онъ приказалъ своимъ войскамъ вступить въ королевство. Король просилъ еще разъ сословія образумиться. 30 іюня директорія отвѣчала въ Вѣну, что Турнъ приказалъ выйти стоявшимъ въ тѣхъ городахъ гарнизонамъ съ воли сословій, что это обстоятельство не должно бы быть поводомъ къ войнѣ; но если войска вторгнутся въ

землю, то директорія не отвѣчаетъ за возможное возмущеніе народа — за грабежъ католическихъ монастырей, а сословія возьмутся за оружіе и будутъ искать помощи у сосѣдей. Въ тотъ же день директорія обнародовала королевское объявленіе въ землѣ и просила спѣшить со взносами⁽¹⁾.

Война такимъ образомъ открылась.

Здѣсь намъ необходимо остановиться и указать отношенія земель-сосѣдей къ Чехіи въ минуту объявленія войны.

Мы видѣли, что еще въ 1611 году подобои предусматривали возможность войны съ габсбургами и мечтали о военной конфедерации Чехіи, обѣихъ Австрій, Венгрии, Моравіи и Силезіи; но мечты ихъ на сеймѣ 1615 года оказались неосуществимыми: земли-сосѣди не пожелали союза, за исключеніемъ Силезіи. Теперь, въ виду только что объявленной войны, эти желаніи подобоими сосѣди отнеслись къ ихъ дѣлу различно.

Матвѣй еще только стягивалъ войска къ границѣ Чехіи, когда сословія верхней Австріи объявили себя за невмѣшательство. Фердинандъ желалъ было передвинуть изъ Штирії къ Линцу на помощь Матвѣю два своихъ полка и просилъ сословія верхней Австріи о свободномъ пропускѣ, — но сословія отказали въ просьбѣ и заняли своими войсками все переходы. Черезъ недѣлю, 30 іюня, Матвѣй обратился къ нимъ съ вопросомъ: что они думаютъ о войнѣ, — отвѣчали, что помогать не будутъ, и посовѣтовали оставить войну и обратиться къ мирнымъ средствамъ. «Въ теченіе 19-лѣтней войны съ турками мы — писали австрійцы — обнищали; судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, можно съ вѣрностью полагать, что чешская война много серьезнѣе и опаснѣе турецкой: война предвидится религіозная, а недавній опытъ показалъ, что войны между христіанами жестока и кровопролитнѣе войнъ съ наслѣдственнымъ непріателемъ. Королевство чешское богато и имѣетъ два плеча — силезцевъ и мораванъ. Слѣдуетъ еще весьма опасаться, что турокъ, бди-

---

(1) О событіяхъ отъ 26 по 30 іюня — Skala. II. 178—230. Отвѣтъ Матвѣя, патентъ, объявленіе отъ 24 іюня и отвѣтъ директоровъ отъ 30 іюня въ подлинномъ нѣмецкомъ текстѣ — «Acta bohémica», 14—27.

тельный и хитрый врагъ, видя, какъ земли гибнутъ, вторгнется и покорить ихъ. Наконецъ, еще не достаточно ясно, дѣйствительно ли вышли чехи изъ должнаго повиновенія». Въ слѣдствіе этихъ соображеній австрійцы предлагали Матвѣю передать свое дѣло съ чехами на третейскій судъ Максимилиана, курфирстовъ или кого-либо другаго⁽¹⁾.

Сочувствіе, хотя въ слабѣйшей степени, нашли чехи и у венгровъ-протестантовъ. Мы видѣли, что еще майскій съѣздъ постановилъ отправить въ Венгрію къ чинамъ, тогда собравшимся въ Пресбургъ для избранія Фердинанда, посольство съ просьбой — прислать двухъ уполномоченныхъ въ Прагу. Чехи надѣялись, что удастся убѣдить венгерскія сословія соединиться съ ними и не избирать Фердинанда. Посольство въ Венгрію принялъ Янъ Есенскій, *rector magnificus* пражскаго университета. Но когда Есенскій прибылъ въ Прагу, Фердинандъ былъ уже избранъ (16 мая) и коронованъ. Сеймъ расходился; только у нѣкоторыхъ протестантскихъ членовъ сейма Есенскій нашелъ сочувствіе чешскому дѣлу, но скорѣ былъ арестованъ и отправленъ въ Вѣну. Не смотря на эту неудачу посольства, обращеніе чеховъ къ венграмъ имѣло тотъ результатъ, что протестанты потребовали прекращенія вербовки солдатъ для Матвѣя въ Венгрію, а въ концѣ іюля объявили въ Вѣнѣ, что въ слѣдствіе нѣкоторыхъ «уважительныхъ» причинъ они не могутъ помогать императору противъ чеховъ⁽²⁾.

Но, къ удивленію, далеко не съ той симпатіей отнеслась къ чешскому дѣлу земля, которую австрійцы называли «плечомъ» Чехіи, и на которую всего болѣе могли рассчитывать въ Прагѣ — Моравія, родная по крови, родная по вѣрѣ, вторая представительница братской общины.

Еще мартовскій съѣздъ просилъ сословія Моравіи о защитѣ предъ Матвѣемъ, но отвѣта не было. Братъ Карлъ Жеротинъ, вождь Моравіи, былъ равнодушенъ къ дѣлу чеховъ. Когда вспыхнуло въ Прагѣ возстаніе, мы встрѣчаемъ Жеротина въ Вѣнѣ, при дворѣ, съ совѣтами правительству — какъ помириться

(1) ib. 199—200. 270—276. (2) ib. 325.

съ чехами. Уѣзжая изъ Вѣны, онъ общалъ Матвѣю поддержку его предложеній на моравскомъ сеймѣ, который имѣлъ собраться въ Оломуцѣ 26 іюня, въ одно время съ чешскимъ революціоннымъ. На сеймъ въ Оломуцъ прибыло посольство изъ Праги съ просьбой о помощи, но сеймъ отклонилъ эту просьбу и отправилъ Жеротина, кардинала Дитрихштейна и Карла Лихтенштейна въ Вѣну посредствовать примиренію, постановивши впрочемъ собрать на всякій случай войско. Но въ Вѣнѣ и слушать не хотѣли о предложенномъ моравскимъ посольствомъ примиренію, а въ началѣ августа прибылъ въ Берно на новый сеймъ самъ Фердинандъ и потребовалъ у него свободнаго пропуска чрезъ Моравію императорскаго войска и подмоги людьми. Сеймъ далъ согласіе на оба требованія, обѣщавъ подмогу въ пять тысячъ человекъ подъ командой кардинала Дитрихштейна (1). Но, помимо этого, сеймъ избралъ новую депутацію въ Вѣну для посредничества между императоромъ и чехами, въ которую снова попалъ Жеротинъ, поддерживавшій, согласно обѣщанію, требованія Матвѣя на сеймѣ.

Не такой поддержки ждали въ Прагѣ отъ своей первой соединенной земли: чехамъ пришлось ждать вторженія врага со стороны Моравіи.

Силезія, вторая соединенная земля, была много искреннѣе Моравіи, — она близко приняла къ сердцу дѣло чеховъ.

22 іюня воротились изъ Силезіи послы майскаго съѣзда — Альбинъ Шликъ, Фрувейнъ, Билый, и принесли такой отвѣтъ: силезцы, и во главѣ ихъ князь Легницеій и Брегскій, выражаютъ свое полное сочувствіе чехамъ, но на просьбу о подмогѣ въ 3 т. человекъ они могутъ дать отвѣтъ только на сеймѣ всѣхъ сословій, а таковой сеймъ имѣетъ быть черезъ двѣ недѣли. 27 іюня чешскій сеймъ просилъ снова силезцевъ поспѣшить съ подмогой, такъ какъ непріятель уже у границы, а «съ своими силами въ рядъ-ли намъ устоять». 3 іюля собрался сеймъ въ Вратиславѣ. Изъ Вѣны былъ присланъ комиссаръ Штралендорфъ. Въ рѣчи своей къ сейму онъ тяжело обвинялъ чеховъ за воз-

(1) ib. 325. Но ср. Gindely. «Dějiny». I. 311.

станіе, за приглашеніе Силезіи дѣйствовать за-одно съ ними противъ императора и требовалъ отъ сейма — отказать имъ въ подмогѣ и предложить сложить оружіе, а въ случаѣ отказа двинуть противъ нихъ войска. Въ отвѣтѣ Матвѣю чины увѣрили въ своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ, но выговаривали за событія въ Гросѣ и Брумовѣ, за принятый въ Вѣнѣ планъ дѣйствій — силою унять возстаніе, жаловались на свои бѣды отъ католиковъ и объявляли, что, въ силу обязательства 1609 г. чехамъ — стоять всѣмъ имъ за-одно противъ каждаго рущителя правъ, они высылаютъ двѣ депутаціи — одну въ Прагу, другую въ Вѣну, чтобы уладить дѣло, а для защиты своихъ границъ формируютъ 6 т. войска.

Дѣйствительно, въ слѣдъ за этимъ сеймъ отправилъ въ Вѣну князя Христіана Легницкаго, чтобы всячески удержать Матвѣя отъ войны, но въ Вѣнѣ, подъ вліяніемъ вѣстои изъ Моравіи, были глухи теперь къ словамъ мира (1).

Намъ остается теперь коснуться отношеній имперіи къ возставшему королевству: на протестантскую половину имперіи надѣялись въ Прагѣ.

Во главѣ протестантской Германіи, стоялъ Фридрихъ, курфирстъ пфальцскій. Уже давно существовали самыя пріятельскія отношенія между Пфальцомъ и братской общиной. Еще въ 1600 году Карлъ Жеротинъ обвинялся католиками, что онъ готовится престолъ чешскій пфальцграфу рейнскому (2). Въ 1609 году пфальцграфъ пособляетъ оппозиціи добыть маестатъ. Въ 1618 году, сейчасъ же по вылетѣ намѣстниковъ, авторъ одной анонимной брошюры предостерегаетъ Матвѣя, что чехи готовятъ престолы королевскій и императорскій пфальцграфу Фридриху, а ему весьма пахнетъ титулъ императорскій (3). Второй съѣздъ подобоевъ послалъ 26 мая въ имперію князьямъ объяснительную записку и «Первую апологію» и, несомнѣнно, и Фридриху. Когда война была уже рѣшена въ Вѣнѣ, въ началѣ іюля директорія отправляетъ пословъ къ Фридриху, Максимилиану ба-

(1) Skala. II. 196—199. 311—319. 326. (2) Brandl. «Spisy Žerotina». II. 2. 278. (3) Skala. II. 183.

варскому и другимъ князьямъ и просить ихъ ходатайствовать предъ императоромъ, а въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта помочь. 9 июля прибылъ въ Прагу ближній человекъ Фридриха, графъ Сольмсъ, съ порученіемъ — узнать на мѣстѣ объ истинныхъ цѣляхъ чеховъ. Въ частныхъ бесѣдахъ съ членами правительства онъ узналъ, что только немногіе директора требуютъ войны — президентъ, Будовець, Смирицкій, что большинство охотно пошло бы на переговоры съ императоромъ; поэтому въ первые дни Сольмсъ былъ сдержанъ, и только когда директорія прислала къ нему депутатовъ, онъ откровенно признался имъ, что чехи могутъ полагаться на Фридриха: онъ уже вошелъ въ сношенія съ другими протестантскими князьями, и всѣ сообща согласились — не допускать вербовки для Матвѣя, не дозволить прохода войскамъ и сдержатъ баварца; кромѣ того, есть надежды на Савойю и Венецію. Въ то же самое время Фридрихъ писалъ въ Вѣну — поудержаться отъ войны (1).

Естественно, чехи были очень обрадованы этими сообщеніями Сольмса и смѣлыми глазами взглянули на предстоящую борьбу съ императоромъ, тѣмъ болѣе, что Сольмсъ былъ еще въ Прагѣ, когда возвратились послы изъ Дрездена съ извѣстіемъ, что курфирстъ саксонскій принялъ посольство весьма радушно, похвалилъ дѣло чеховъ и обѣщаль свою особенную помощь и ходатайство въ Вѣнѣ (2).

Было ясно, что Матвѣй могъ рассчитывать на католиковъ Венгріи, Моравію, Баварію да на земли патентованныхъ католиковъ — Испанію и Польшу. Объ Испаніи не чего говорить: она давно уже впуталась въ религіозныя неурядицы габсбургскихъ земель; что же касается до Польши, то Сигизмундъ III поспѣшилъ тотчасъ же заявить чехамъ свое негодованіе, какъ-де они смѣютъ бунтовать противъ своего государя. Въ концѣ сентября получено было въ Прагѣ въ высшей степени бранчивое посланіе отъ Сигизмунда: «мы никогда не надѣялись, чтобы сословія, завязтые и непослушные мятежники, осмѣлились воз-

(1) О Сольмсѣ — Skala. II. 299. Gindely. «Dějiny». I. 292—296.

(2) Skala. II. 194—195.

стать противъ своего императора и короля, чтобы осмѣлились пойти открытою войною противъ своего законнаго государя, и, что есть верхъ сумашествія и дерзости, гнусно отвергнуть всё предложенныя имъ средства къ соглашенію недоразумѣнія; трубить — «въ оружію», противиться приказаніямъ своей власти, расправляться съ вѣрноподданнѣйшими своего короля, — значитъ бунтовать, съ корнемъ выворачивать права королевской власти и тѣмъ самымъ идти противъ Бога, а все это — знакъ высшей глупости». Сигизмундъ требовалъ сложенія оружія, иначе грозилъ войною съ своей стороны (1). Излишне упоминать, что люди, которые пошли противъ католическаго міра, оставили безъ вниманія неприличное посланіе польскаго короля.

Таковы были отношенія обѣихъ враждующихъ сторонъ къ своимъ сосѣдямъ, когда 12 августа открылись военныя дѣйствія на югѣ Чехіи вторженіемъ графа Дампіера съ 6-тысячнымъ войскомъ у Быстрицы, на границѣ нижней Австріи и Моравіи.

Начало войны было благоприятно чехамъ. Дампіеръ напалъ на Индриховъ Градецъ (Neuhaus), но не могъ взять; kota городъ защищали всего три батальона земскихъ мушкетеровъ; второй приступъ былъ также отбитъ, а между тѣмъ приближался Турнь отъ Бударвицъ: Дампіеръ вынужденъ былъ отступить и укрѣпиться у Быстрицы, ожидая подмоги. На подмогу шель изъ Моравіи генер. Канъ и въ концѣ августа былъ въ Польной. Сюда 2 сентября прибылъ только что назначенный главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ — графъ Букуа. Онъ рѣшился сейчасъ же соединиться съ Дампіеромъ и со всѣми силами двинуться на Прагу: въ Вѣнѣ были увѣрены, что это движеніе будетъ увѣнчано полнымъ успѣхомъ. 9 сентября соединенныя войска были уже въ Нѣмецкомъ Бродѣ. Въ то же самое время и боевыя силы чеховъ значительно увеличились: 20 августа прибылъ въ Прагу генералъ Мансфельдъ и, приняты на чешскую службу, двинулъ въ королевство изъ баварскаго Пфальца 4 тысячи войска, давно уже свербованнаго имъ въ Германіи. Директорія поручила Мансфельду занять осажденъ

(1) ib. 397—398.

Пильни, второго послѣ Будеевицъ опаснаго города католическимъ синпатизмъ. Въ началѣ сентября осада началась. Такимъ образомъ, чешскія войска, вмѣсто соединиться и вмѣстѣ ударить на имперцевъ, были разбиты на двѣ дѣйствующія арміи, одна — на западъ, на юго-востокъ.

Вербовка новыхъ войскъ продолжалась: такъ было сформировано въ Збраславѣ 1200 человекъ, и дирекція поспѣшила послать этотъ отрядъ подѣ Будеевицъ. Но вербовка шла медленно: денегъ у директоріи не было. Повеленія іюнскаго сейма остались на бумагѣ — сословія не вносили. 6 августа директора напоминаютъ сейму пріятельски ихъ просятъ поспѣшить со взносами, первый срокъ уже прошелъ, а второй (10 авг.) подождите можете знать, что дѣло наше не можетъ быть вынесено денегъ». 16 августа они повторяютъ просьбу — въ ожиданіи третьяго срока. Такимъ образомъ, предложены директорами мѣра — замѣна на время военной повинности взносами, привела къ плачевнымъ результатамъ: решение было приостановлено, вербовка шла туго, за неименіемъ средствъ, и директора признали необходимымъ снова обратиться у земли земскаго ополченія. Въ этомъ смыслѣ былъ изданъ патентъ отъ 16 августа: напоминая еще разъ сословіямъ шить съ недоумками, директорія требовала, сославшись на истеченіе послѣдняго сейма, выставить въ теченіе двухъ недѣль и четвертаго (отъ городовъ) человекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глашала ихъ на сеймъ въ Прагу къ 27 числу текущаго года. «Хотя директорамъ — гласилъ патентъ — пріятнѣе было бы достигнуть мира, полного обезпеченія свободн ствнн вилегій, безъ поднятія земли, но враги не перестанутъ двигать императора противъ всѣхъ сословій, и оны не могутъ уже мѣтежниками, — поэтому надлежитъ, по призыву чеховъ, предковъ своихъ, всѣмъ встать теперь на божіе, на защиту себя» (1).

(1) Skala. II. 332—334.

27 августа собрались чины, а 28 открытъ былъ сеймъ. Директоръ Ричанъ предложилъ собранію пригласить на сеймъ и католиковъ; такъ какъ дѣло идетъ о защитѣ свободы земли, слѣд., касается не однихъ подобоевъ. Чины приняли предложеніе и послали просить Штериберка, Вальдштейна, Деполята Лобковица и Чернина, но тѣ отказались явиться, за исключеніемъ Вальдштейна. Директорія внесла затѣмъ свои предложенія: она просила о выставленіи пятого человѣка отъ обоехъ высшихъ сословій и четвертаго отъ городского, о дозволеніи повторить сборъ съ десятаго человѣка и сокращенія сроковъ для платежей податей, разрѣшенныхъ еще сеймомъ 1615 года. Чины потребовали времени для обсужденія. Послѣ этого были прочтены: патентъ Матвѣя, распространяемый въ землѣ комиссаромъ Каномъ, и два посланія, отъ 10 и 20 августа. Патентомъ Матвѣй предупреждалъ народъ, что кто желаетъ остаться вѣрнымъ королю, долженъ заявить о томъ въ теченіе двухъ недѣль Кану; въ обоехъ же своихъ посланіяхъ онъ объявлялъ, что ни въ какіе переговоры онъ съ подданными своими вступать не думаетъ, а Канъ справится съ тѣми, кто будетъ противъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что не угроза комиссара, а непріятное предложеніе директоровъ объ увеличеніи средствъ обороны принизило воинственный духъ сословій, и они рѣшили — просить императора о мирѣ. Въ изготовленной Шликкомъ просьбѣ сословія заявляли, что они, «вѣрные, послушные и твердые подданные», желаютъ отъ всего сердца «любезнаго мира» и потому просятъ императора удержать войска отъ дальнѣйшаго движенія внутрь страны и начать переговоры.

Сторонники Матвѣя — Вальдштейнъ, Трчка и Ст. Штериберкъ, рѣшились воспользоваться упавшимъ духомъ сословій и произвести реакцію въ пользу Вѣны: уговорить сеймъ оставить сопротивление и отдаться на милость императору. 29 августа Вальдштейнъ вошелъ въ залу въ сопровожденіи многочисленной свиты, съ сверткомъ бумагъ въ рукѣ и сѣлъ на первое мѣсто: его пріатели заняли тутъ же мѣста директоровъ. Самихъ директоровъ въ залѣ не было, — они, согласно этикету, находились у земскихъ досокъ; но въ залѣ присутствовали Турнъ и новый

генераль — Гогенлоэ. Вальдштейнъ перебиралъ бумаги; собраніе шумно говорило о текущихъ событіяхъ; нѣкоторые восхваляли патріотизмъ Трчки. Въ эту минуту подошелъ къ Трчкѣ Турнъ и обратился къ нему съ такою рѣчью: «не прилично порядочному человѣку говорить то, что вы говорили нѣкоторымъ почтеннымъ особамъ, что весьма были бы рады, если бы и директорія и дефензія съ пятымъ человѣкомъ исчезли, и что вы Госнода Бога молитесь объ одномъ — какъ бы поскорѣй пришли императорскія войска и наказали виновниковъ всѣхъ нашихъ сумятицъ». Трчка былъ пораженъ, сталъ было возражать, но Турнъ ему замѣтилъ: «молчите и не отпирайтесь; если нужно, я укажу лицъ. Такъ вотъ достойные сыны отечества!»

Не смотря на это предостереженіе сторонникамъ Вѣны, Вальдштейнъ попросилъ вторичнаго прочтенія предложеній директоріи, и когда просьба его была исполнена, онъ предложилъ — потребовать отъ директоріи всей ея переписки съ императоромъ и имперскими князьями на разсмотрѣніе сейму (1). Сторонники Вѣны поддерживали предложеніе Вальдштейна, но генераль Гогенлоэ возразилъ: «къ чему намъ всѣ эти писанія? писанія воевать не будутъ и непріятеля изъ земли не выгонять; прикажите мнѣ и чрезъ двѣ недѣли я буду на вѣнскомъ мосту». Турнъ прибавилъ къ этому, что двухъ, трехъ дней мало для разбора всѣхъ этихъ писаній, а тѣмъ временемъ непріятель подойдетъ къ Прагѣ, да и сеймъ созванъ не для того: онъ долженъ указать средства обороны. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ генераловъ и рѣшило — приступить къ вопросу объ оборонѣ, для чего пригласить прежде всего директоровъ, не смотря на возраженія Вальдштейна съ пріятели, что можно обойтись и безъ

---

(1) Слѣдуетъ замѣтить, что лишь только Дампьеръ вторгся въ Чехію, граби и пали все по пути, директорія оповѣстила обо всемъ курфюрстовъ пфальцскаго и саксонскаго, прося о защитѣ. Оба курфюрета дали знать въ Вѣну, что если королевство чешское, «имѣющее не малый интересъ для всей имперіи», будетъ разоряемо, они станутъ на защиту его. (Skala II. 345—347). Изъ Праги отправили тогда же пословъ и въ Брандбургъ, но оттуда ходатайство было слабѣе. Очевидно, брандбуржецъ не желалъ вмешиваться: моя хата съ краю. (Ib 348—350).

нихъ. Въ эту самую минуту показалась въ дверяхъ депутація отъ директоровъ, присланная просить собраніе дозволить имъ явиться на сеймъ. Естественно, большинство собранія отвѣчало согласіемъ, и только Вальдштейнъ, Трчка и Штериберкъ повторяли, что директора лишни. Черезъ нѣсколько минутъ вошли директора: на лицахъ ихъ было видно крайнее раздраженіе, нѣкоторые были блѣды, «какъ полотно». Они остановились предъ Вальдштейномъ и его пріятелями, занявшими директорскія мѣста. Указывая на послѣднихъ, Турнъ замѣтилъ директорамъ: «послушайте, какъ говорятъ эти господа!» Президентъ директоріи отвѣчалъ съ гнѣвомъ: «хотѣлъ бы я знать, кто эти панн, что воспрещаютъ намъ входъ сюда». Нѣсколько минутъ царило глубокое молчаніе въ залѣ, пока наконецъ сеймъ приступилъ къ обсужденію предложеній директоровъ.

Когда наступила очередь говорить Вальдштейну, онъ объявилъ, что право вносить предложенія въ сеймъ принадлежитъ одному королю, а директора предлагать не могутъ: пусть сеймъ лишитъ ихъ власти, откажется отъ обороны, распуститъ солдатъ и отдастъ себя на милость императора. Но противъ дерзкаго предложенія Вальдштейна подняли голосъ свой Гогенлоэ и Турнъ: «непріятель въ землѣ, земля должна подняться и именно противъ этого непріятели, а не противъ императора и короля, такъ хорошо извѣстно, что многое дѣлается, о чемъ императоръ и не знаетъ». Старый Вудовецъ замѣтилъ къ этому, что нельзя думать о мирѣ, пока католики у весла⁽¹⁾. Послѣ недолгаго совѣщанія сеймъ единогласно (за исключеніемъ, конечно, Вальдштейна и его пріятелей) постановилъ — объявить рушеніе земли: «хотя наши вербованныя войска представляютъ достаточный отпоръ непріятелю, но должно опасаться дальнѣйшаго нападенія на края, такъ какъ отъ имени его величества пущены въ ходъ всякія средства, чтобы силою завладѣть королевствомъ, насъ, сословія, лишитъ нашихъ свободъ, славный народъ нашъ чешскій стереть съ лица земли». Въ теченіе недѣли люди должны

---

(1) Gindely. «Dějiny». I. 323.

были быть вооружены и представлены въ окружные города: Чаславъ, Нимбуркъ, Рокицаны, Таборъ и Прагу.

Такимъ образомъ, теперь оставалось рассмотреть второе предложеніе директоровъ — о новыхъ налогахъ, но сеймъ опредѣлилъ — отложить этотъ вопросъ на-завтра. Когда же 30 августа собрался сеймъ, то оказалось, что большинство членовъ его еще ночью тайкомъ уѣхало изъ Праги: засѣданіе не могло состояться, важный финансовый вопросъ остался не рѣшеннымъ, и сеймъ самъ собою закрылся (1).

Сеймъ продолжался три дня; если бы даже не было постыднаго бѣгства подобоевъ изъ Праги, сеймъ долженъ былъ поскорѣй кончать свои работы, такъ какъ непріятель былъ близокъ.

Мы оставили императорскія войска 9 сентября у Нѣмецкан Брода. 10 сентября Букуа былъ уже въ Чаславѣ. Сюда же стягивались и чешскія войска. Здѣсь, по расчету Турна, имѣла произойти первая встрѣча съ Букуа, и потому сейчасъ же по закрытіи сейма Турнъ поспѣшилъ въ Чаславъ. Но Букуа рѣшился на нападеніе: солдаты его грабили, жгли села, убивали женщинъ, дѣтей, позволяли себѣ всякія неистовства (2). Очевидно, Букуа ошибся въ своихъ расчетахъ на близкое усиленіе: войска его терпѣли недостатокъ во всемъ, а крестьяне встрѣчали ихъ съ крайнимъ озлобленіемъ и при случаѣ не давали пощады, такъ что 16 сентября Букуа вынужденъ былъ отступить къ Ледчу (3). Но Турнъ не преслѣдовалъ непріятеля, не смотря на то, что войска его не терпѣли лишений, что нѣстное населеніе относилось сочувственно къ нимъ, что не далѣе какъ 17 сентября онъ получилъ подтвержденіе изъ Праги: Турнъ не сумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія.

Первыя, далеко не соответствующія общимъ ожиданіямъ въ Вѣнѣ дѣйствія императорскихъ войскъ имѣли тотъ результатъ, что при дворѣ утихъ воинственный пылъ и Матвѣй рѣшился на мирные переговоры, не смотря на недавнее громкое

(1) Объ август. сеймѣ — Skala. II. 350—371. Cp. Gind. I. 324.

(2) Skala. II. 385. 386. (3) ib. 392.

заявленіе, что у него съ подданными не можетъ быть фракціи.

Мы видѣли, что моравскій сеймъ избралъ депутацію въ Вѣну для примирія Матвѣя съ его мятежными подданными. Ее составляли Жеротинъ, Лихтенштейнъ и нѣкоторые другіе. Въ Вѣнѣ рѣшили воспользоваться услугою мораванъ и дали знать Прагу, что въ половинѣ сентября туда прибудетъ моравская депутація.

По дорогѣ изъ Вѣны въ Прагу, въ лагерѣ Турна, мораване нашли крайне холодный приемъ. Турнъ ихъ встрѣтилъ рѣзкими словами: «благодарю васъ, господа-пріятели, что вы были такъ честны и пустили въ намъ непріятеля въ землю; вспомнимъ мы васъ за это добромъ», и отказалъ имъ въ осмотрѣ лагеря. Еще непривѣтливѣе встрѣтили ихъ въ столицѣ, куда они прибыли 16 сентября.

На другой день начались переговоры. Въ длинной рѣчи Жеротинъ изложилъ предъ директоріей и сеймовымъ комитетомъ⁽¹⁾ цѣль пріѣзда моравскихъ пословъ: оскорбленный императоръ поручилъ посредникамъ сказать чехамъ — пусть смирятся и своею покорностью снова приобрѣтутъ любовь его. «Въ этомъ требованіи — пояснялъ Жеротинъ — нѣтъ ничего необычнаго, такъ какъ и до сихъ поръ сословія признаютъ его величество своимъ королемъ и государемъ, и для нихъ не оскорбительно отказаться отъ нѣкоторыхъ твердыхъ словъ и угрозъ; а такъ какъ необходимо было подумать о посредникахъ, то они, моравскіе послы, получили согласіе отъ его величества, что дѣло примиренія примутъ на себя княжескія особы; если примиреніе не состоится, то можно опасаться гибели цѣлаго королевства, — вѣдь императоръ великій и могущественный потентатъ и въ состояніи вести войну долѣе, чѣмъ сословія; кто же тогда будетъ отвѣчать — понять легко».

(1) Въ слѣдствіе нѣкотораго недовѣрія въ директорію послѣдній сеймъ въ засѣданіи 29 августа избралъ въ подмогу ей комитетъ изъ 27 человекъ отъ пановъ, 26 отъ рыцарей и 22 отъ горожанъ: «слышно, что вскорѣ прибудутъ важные послы отъ моравскихъ сословія». S k a l a. II. 370. Имена ихъ тамъ же.

Какъ ня тяжело было слушать подобную грозную рѣчь моравскаго посла директорамъ и членамъ комитета, но они отвѣчали учтиво, что обстоятельства, на которыя указываетъ посолъ, слишкомъ серьезны и потому требуютъ обсуждения.

Это обсужденіе имѣло мѣсто 18. сентября. Чехи сильно жаловались на мораванъ, что послѣдніе обвиняютъ ихъ въ томъ, въ чемъ ужь нивакъ не слѣдовало, якобы они оскорбили его величество, учредивъ директорію, дефензію и т. д. «Мы не вошли изъ границъ маестата и сеймоваго рѣшенія— говорили чехи; сами мораване сдѣлали больше, когда къ слѣдствіе незначительнаго обстоятельства отступились отъ Рудольфа въ 1608 г. и пристали къ Матвѣю». Президентъ директоріи, Роуповъ, сообщилъ, что онъ имѣлъ частный разговоръ съ Жеротиномъ: Жеротинъ предлагаетъ сложить оружіе и вытребовать отъ императора реверсъ, что если кто въ будущемъ нарушитъ маестатъ или свободы сословій, то они защищаютъ ихъ вооруженной рукой— тогда и мораване съ слезаками были бы ихъ помощниками, а теперь готовы хлопотать о реверсѣ; но онъ, Роуповъ, отвѣчалъ, что къ императору еще могло бы быть отправлено письмо съ извиненіемъ, но отнюдь не такое, которое влекло бы за собой гибель свободъ свободныхъ сословій; что же до реверса, то если представленія курфирстовъ не имѣли силы, то тѣмъ болѣе мораванъ, что мораване пріѣхали въ Прагу просто за тѣмъ, чтобы, подобно Пилату, омыть руки, а если бы они были искренни, то не допустили бы у себя вербовки солдатъ и не дали бы непріятелю свободнаго пропуска. 19 сентября продолжалось обсужденіе отвѣта посламъ, и наконецъ порѣшили отвѣчать письменно: изложить весь ходъ событій, но осторожно, «не объясняя имъ вполнѣ своихъ тайныхъ намереній».

Было ясно, что посредничествомъ моравскихъ пословъ мало дорожили въ Прагѣ и имъ не довѣряли: отвѣтъ долженъ былъ только выяснитъ обстоятельства, вызвавшія возстаніе, и такимъ образомъ оправдать послѣднія; предложенія же пословъ обходились.

Но въ это самое время, какъ готовили отвѣтъ, получены

были крайне неблагоприятны для чеховъ вѣсти изъ Силезіи, и это обстоятельство повліяло на измѣненіе ихъ отношеній къ моравскимъ посланцѣмъ.

Силезскій сеймъ, бывшій въ началѣ іюля, рѣшилъ отправить депутаціи въ Вѣну и Прагу и выставить 6 т. человекъ. То и другое рѣшеніе было вскорѣ приведено въ исполненіе: въ августѣ пріѣхалъ въ Вѣну князь Христіанъ Легницкій во главѣ силезской депутаціи, а въ то же время 6 тысячъ человекъ подъ начальствомъ маркграфа Крневскаго стояли у границъ королевства, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа двинуться на соединеніе съ чехами. Князя, въ началѣ горячо сочувствовавшаго чешскому возстанію, успѣли въ Вѣнѣ переманить на свою сторону; дали ему тайнаго совѣтника, ключъ и наследственное гетманство въ Силезіи, и онъ воротился на родину врагомъ чеховъ. Депутація была еще въ Вѣнѣ, когда въ концѣ августа силезскіе чины получили извѣстіе изъ Праги о грозномъ вторженіи Дамьера съ просьбой о помощи; чины отвѣчали, что надо обождать депутацію изъ Вѣны. Черезъ нѣсколько дней была получена въ Вратиславѣ новая просьба о помощи, и послали отвѣтъ, что на 1 октября назначенъ сеймъ, и онъ рѣшитъ все.

Мы видѣли, что 10 сентября театръ военныхъ дѣйствій перенесся въ Чаславъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ силезской границы, гдѣ стояло войско маркграфа Крневскаго. Нерѣшительный Турнъ опасался дать битву непріятелю съ одними чешскими войсками и потому умолялъ маркграфа спѣшить на соединеніе съ нимъ. Маркграфъ, не дожидаясь приказаній изъ Вратислава, рѣшился самовольно идти на помощь Турну и 13 сентября далъ знать земскому гетману, что идетъ въ Чехію, но отъ князя Легницкаго получилъ приказъ — остановиться. Маркграфъ «*litostí velikou a hněvem plakal*» — говоритъ Скала.

Такия-то малоутѣшительныя вѣсти получены были въ Прагѣ изъ Силезіи, когда директорія и комитетъ имѣли отвѣчать моравскимъ чинамъ.

Директора были опечалены, и Каплиръ въ рѣзкихъ словахъ, «ро бесku», въ новой просьбѣ о помощи къ силезцамъ, напоминалъ имъ объ ихъ обязательствахъ, о той поддержкѣ ко-

торую они нашли въ Прагѣ въ 1609 году при полученіи своего маестата.

Съ уменьшеніемъ надеждъ на Силезію уналь задоръ директоровъ и комитета, и они отвѣчали моравскимъ посламъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. Благодарили мораванъ за «сосѣдскій визитъ и ласковое напоминаніе», повторяли старое завѣреніе, что сословіямъ и въ голову не приходило возставать или оскорблять его величество, но объявляли, что требованія императора — что онъ не вступитъ въ переговоры, пока не будетъ распушено войско, они исполнить не могутъ, если напередъ не получатъ достаточнаго обезпеченія своимъ свободамъ и религіи, какъ это они указали послу саксонскаго курфирета (1), и потому просили, чтобъ императоръ вывелъ свои войска изъ Чехіи и затѣмъ распустилъ.

Передавши этотъ отвѣтъ, директора еще долго совѣщались — какъ дѣйствовать далѣе, и рѣшили: если императоръ распуститъ свои войска и не будетъ посылать на ихъ свободы, они съ своей стороны прекратятъ непріязненные дѣйствія. Миротлюбивое настроеніе стало явно преобладать у людей, стоявшихъ во главѣ возстанія, послѣ того какъ надежда на Силезію почти что исчезла (2). 25 сентября директора отправили въ Вѣну извинительное посланіе, о которомъ вскользь упоминалъ Роуповъ въ своемъ разговорѣ съ Жеротиномъ. Въ немъ они повторяли отвѣтъ моравскимъ посламъ: пусть императоръ отзоветъ свои войска изъ королевства, обезпечить сословія, — они распустятъ солдатъ.

Самъ Матвѣй отъ души желалъ примиренія съ чехами. Въ отвѣтъ на чешское посланіе императоръ обратился къ курфирстамъ майнцскому, пфальцскому и саксонскому, къ герцогу ба-

(1) 15 сентября пріѣхалъ въ Прагу посолъ саксонскаго курфирста Яковъ Гринвальдъ, также для посредничества между чехами и Матвѣемъ. Его посредничество имѣло также мало успѣха, какъ и пословъ моравскихъ.

(2) О переговорахъ съ моравскими посредниками — Skala. II. 381—385. 387—392. 401—415. О силезскихъ дѣлахъ — ib. 393—394. Gindely. «Dějiny». I. 338—346.

ому съ просьбой — принять участіе въ посредничествѣ, но, первое условіе начатія переговоровъ, требовалъ сложенія чехами. Въ томъ же смыслѣ Матвѣй писалъ въ Прагу, ая на извинительное посланіе (1).

Но при обоюдномъ желаніи мира съ той и другой стороны вѣстельное рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ зависѣло отъ положенія, которое приметъ Силезія на сеймѣ 1 октября: идетъ-ли она на сторону императора или чеховъ.

Мы видѣли, что при полученіи вѣсти объ удержаніи сего войска отъ соединенія съ Турномъ директора послали ратиславъ новую просьбу о помощи: но они этимъ не ограничились и отправили посольство изъ Андрея Шлика, Би-и Фрувейна на октябрскій сеймъ. Изъ Вѣны въ свою дѣль были посланы на сеймъ императорскіе комиссары: Лихтейнъ, Бурггаузъ и Цетлицъ.

Въ своихъ предложеніяхъ сейму Матвѣй возражалъ чинамъ къ прежнее ходатайство о чехахъ, что дѣла въ королевствѣ имѣли не религіозный, а чисто политическій характеръ, что былъ правъ, когда послѣ вербовки чехами войска стала появляться съ своей стороны, что какъ обыкновенный человекъ поступаетъ отъ своихъ правъ, такъ и ему нельзя глядѣть на пальцы, когда у него отнимаютъ его достояніе, что, нецъ, онъ готовъ вступить въ переговоры, если чехи сло-жатъ оружіе. Всѣ эти рѣчи клонились къ тому, чтобы убѣдить императора, что имъ не слѣдъ итти помощію къ чехамъ: «мы имѣли — говорилъ императоръ — у сословій одного — не вмѣшались въ чешскія дѣла, войска не посылать».

Сеймъ обсудилъ просьбу императора и чеховъ и «не безъ этого спора» 12 октября опредѣлилъ: признавая, что совершившіяся въ королевствѣ, имѣли религіозный, а не политическій характеръ, спѣшить на помощь чешскимъ сословіямъ-подобоямъ.

Тогда же сеймъ объявилъ земское рушеніе; на границу императорскую отправилъ наблюдательный отрядъ для воспрепятство-

(1) Посланіе 25 сент. и Матвѣя . . З к. II. 417, 418, 419, 422—423.

ванія Сигизмунду напасть на чеховъ со стороны Силезіи. Маркграфъ Крневскій далъ знать въ Прагу, что идетъ соединеніе съ чехами: въ концѣ октября онъ былъ уже въ лагерь (1).

Шансы чеховъ на успѣхъ борьбы увеличились.

Маркграфъ привелъ съ собою 4½ тысячи силезскихъ воиновъ, чтобы общими соединенными силами ударить на Пьера, который стоялъ теперь около Пельгримова, вблизи мораво-австрійской, и выбить его изъ королевства, Турнъ казалъ земскому ополченію разойтись по домамъ и начать оборонительную войну. «Турнъ — говоритъ Скала — боялся отъ нападенія, потому что имѣлъ въ виду перемиріе», но онъ не доразумѣвалъ той простой истины, что бытій Дампіера былъ бы лучшимъ залогомъ успѣха чеховъ, а разбить было нетрудно, такъ какъ войско Дампіера страдало отъ недостатка припасовъ и отъ болѣзней (2). Уже въ началѣ ноября Турнъ рѣшился перейти къ наступленію, императорскія войска стали отступать отъ Пельгримова, предварительно отправивъ свою громадную добычу въ Вѣну. Самъ Дампіеръ былъ въ Вѣнѣ — просилъ поддержанія.

Букуа, послѣ сентябрскаго отступленія изъ-подъ Пельгримова, отдѣлившійся отъ Дампіера, находился теперь въ Будеевицахъ. Не получая извѣстій отъ Дампіера, онъ двинулся отъ Будеевицъ на сѣверо-востокъ, 5 ноября былъ у Индрикова и осадилъ его. Но въ это самое время подходилъ къ Пельгримову Градцу и Турнъ съ своей 14 тысячной арміей, и онъ встрѣтился съ Букуа у Веселаго. Произошла жаркая битва, продолжавшаяся пять часовъ, до поздняго вечера. Букуа былъ разбитъ и бѣжалъ въ Будеевицы, потерявъ около 2 тысячъ воиновъ. Турнъ преслѣдовалъ и осадилъ Букуа въ Будеевицахъ. Далѣе свѣжій войскомъ шелъ на помощь изъ Австріи, но былъ разбитъ и отступилъ въ Моравію (3).

Боевое счастье повезло чехамъ. Не умолкли еще во

(1) О силезскомъ сеймѣ — Skala. II. 407—417. 432—433.
(2) ib. 434. (3) ib. 439—441.

анія и благодарственные молебны по случаю побѣдъ на какъ получено было извѣстіе отъ Мансфельда, что 21 я Пильзень взятъ приступомъ (1).

Такимъ образомъ, къ концу ноября по всѣмъ пунктамъ евства императорскія войска были разбиты; оставались однѣ вѣвицы, гдѣ заперся Букуа съ остатками своей арміи. Ясно, послѣ того какъ по взятіи Пильзния войско Мансфельда было дѣла, чехамъ надлежало общими силами ударить на Букуа зявши Будевицы, въ конецъ очистить землю отъ непріа — но Турнъ не соединился съ Мансфельдомъ: онъ оставилъ деевицы Гогенлоу, чтобы голодомъ принудить Букуа къ з, а самъ съ 4 тысячнымъ войскомъ пошелъ на Вѣну. 25 ноября перешелъ чешскую границу и въ первомъ же австрійскомъ вчкѣ, Свѣтлѣ, настигъ непріятельскій обозъ съ добычей. ѣ слабого сопротивленія обозъ былъ взятъ. Черезъ нѣсколько Турнъ былъ въ 9 миляхъ отъ столицы.

Приближеніе чеховъ навело ужасъ на Вѣну. Жители пред — ий бѣжали въ старый городъ. Мостъ черезъ Дунай былъ пленъ. Столицу защищало слабое войско Дампіера, въ 2 чи человекъ. Положеніе Матвѣя было критическое, и оно вилось еще хуже отъ того, что сословія обѣихъ Австрій были рочъ принять явно сторону чеховъ.

При переходѣ австрійской границы Турнъ издалъ прокла — ю къ сословіямъ: онъ извинялся за вступленіе въ чужую торію безъ оповѣщенія сословіи, ручался за безопасность и жаль надежду на содѣйствіе земли. Надежда не обманула на: австрійцы встрѣтили его не какъ врага, а какъ желан — гостя. Штарембергъ, одинъ изъ вождей верхнеавстрійскихъ естантовъ, поспѣшилъ въ чешскій лагерь для привѣтство — я Турна, а сословія опредѣлили усилить войско и укрѣпили ницу на сѣверѣ, чтобы вредить Букуа. Нижнеавстрійскія овія бунтовали въ Вѣнѣ, а 8 декабря директора «пріа — ски и сосѣдски» просили ихъ соединиться съ чехами сосѣдскую конфедерацію, разрѣшенную самимъ же Мат —

(1) ib. 528 и слѣд.

вѣемъ⁽¹⁾. Но австрійскіе протестанты пока еще медлили: помимо того, что у нихъ былъ свой домашній врагъ — католики, они поджидали — какое окончательное рѣшеніе приметъ Моравія, а извѣстно было, что сословія моравскія крѣпко требуютъ соединенія съ чехами.

15 декабря былъ назначенъ сеймъ въ Бернѣ, по настоянію сословія, которыя остались недовольны результатами моравскаго посольства въ Прагу: моравскіе подобно требовали теперь вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла чешскія, а удачи чешскихъ войскъ въ ноябрѣ еще болѣе поддерживали воинственное настроеніе. Если Моравія объявитъ себя за чеховъ, примѣру ея послѣдуютъ обѣ Австріи, — положеніе Матвѣя было опасное. Понятно, императоръ употребилъ теперь все свое вліяніе на Жеротина, чтобы удержать Моравію въ вѣрности себѣ, и Жеротинъ и на этотъ разъ не отклонилъ отъ себя чести быть адвокатомъ императора. Въ подмогу Жеротину пріѣхали изъ Вѣны комиссары: Лихтенштейнъ, Коловратъ, бѣглець-канцлеръ Лобковицъ и секретарь Михна.

Но не бездѣйствовали и директорія: она послала на моравскій сеймъ трехъ своихъ членовъ: Ричана, Гершторфа, Михаловица, чтобы перетянуть сеймъ на свою сторону. Самъ Турнъ оставилъ армию въ Австріи и поспѣшилъ въ Берно. Наконецъ, на сеймъ прибыли и посланники отъ Австріи, чтобы дѣйствовать въ пользу союза чеховъ и мораванъ, а изъ Силезіи шли письменныя увѣщанія въ томъ же смыслѣ.

Жеротину, такимъ образомъ, предлежала нелегкая задача — сдержать симпатію къ «мятежникамъ» моравскихъ сословія, на которыя дѣйствовали съ разныхъ сторонъ.

Не смотря на всѣ уговоры сторонниковъ Праги, Жеротинъ былъ непреклоненъ: въ поддержкѣ Матвѣя онъ сдѣлалъ залогъ благоденствія земли, какъ своей, такъ и чешской. «Я никогда не былъ — пишетъ Жеротинъ одному пріятелю — врагомъ чеховъ,

---

(1) О походѣ на Вѣну — Skala. II. 443—447. III. 9. Gindely. «Dějiny». I. 360. 361.

но никогда не хвалилъ тотъ способъ, который они употребляютъ при веденіи своей тяжбы» (1).

Сеймъ 15 декабря показалъ, какое громадное вліаніе имѣлъ Жеротинъ на сословія. Лишь только сеймъ былъ отвергъ, сословія категорически заявили, что они требуютъ соединенія съ чехами и слышать не хотятъ ни о чемъ другомъ. Послѣ этого заявленія они прервали переговоры съ своими сотоварищами — католиками и образовали отдѣльный, частный сеймъ. Жеротинъ, какъ сторонникъ правительства, былъ удаленъ изъ среды подобовъ; но онъ не упалъ духомъ и чрезъ два дня добился того, что былъ допущенъ въ собранія подобовъ. Здѣсь силою своего убѣжденія онъ унялъ воинственный задоръ отдѣлившихся сословій и уговорилъ ихъ возобновить сношенія съ католиками, — и сеймъ, обѣщавшій въ началѣ столь много въ пользу чеховъ, ограничился однимъ: онъ отправилъ въ Вѣну жалобу на притѣсненія отъ домашнихъ католиковъ и притрозилъ, что если въ теченіе 3 недѣль жалоба не будетъ удовлетворена, сословія-подобовъ вынуждены будутъ сами подумать о себѣ (2).

Новое объявленіе со стороны моравскихъ сословій своею нейтральностію имѣло то слѣдствіе, что 15 января 1619 года нижнеавстрійскіе протестанты отвѣчали директорамъ, что вступить въ конфедерацію съ чехами они не могутъ, но въ будущемъ они готовы на конфедерацію, съ условіемъ, если она не идетъ противъ его величества или славнаго австрійскаго дома (3).

Такимъ образомъ, Турнъ, не найдя реальной поддержки со стороны австрійскихъ сословій, долженъ былъ отказаться отъ мысли осадить Вѣну, и вся его зимняя компанія въ Австріи ограничилась незначительными стычками съ императорскими войсками. А между тѣмъ времени потеряно было много: Букуа успѣлъ усилить себя свѣжими войсками; чешская же армія подъ Будаевицами не представляла ему серьезной опасности, такъ какъ была крайне ослаблена тяжелыми болѣзнями (4).

(1) Gindely. «Dějiny». I. 364. (2) ib. 366. Skála. II. 552. (3) ib. III. 11. (4) ib. II. 551. III. 23. 24.

Но какъ бы то ни было, ходъ военныхъ дѣйствій показаль, что, не смотря на всѣ ошибки чешскихъ генераловъ, съ «мятежниками» не такъ было легко справиться, какъ это первоначально мечтали въ Вѣнѣ: въ слѣдъ за вторженіемъ императорскихъ войскъ въ Чехію, одна часть ихъ должна была отступить въ Австрію, другая спастись за стѣны Будаевицъ и ограничить свои подвиги нещаднымъ сожженіемъ окрестныхъ селъ; наконецъ «мятежники» едва не осадили столицы. Весьма естественно, если въ виду такихъ обстоятельствъ въ Вѣнѣ стали желать теперь скорѣйшаго заключенія мира, тѣмъ болѣе, что нельзя было не видѣть, что продлится война, и къ чехамъ легко присоединятся Моравія и Австрія. Мира, мы видѣли, Матвѣй желалъ и раньше ноябрьскихъ неудачъ, но онъ предлагалъ предварительно требованіе, на которое не могли согласиться въ Прагѣ — сложить оружіе. «Это требованіе — писалъ директора Матвѣю отъ 29 ноября — не возможное; но тѣмъ не менѣе мы еще разъ осмѣливаемся просить ваше величество приступить къ желаннымъ мирнымъ переговорамъ и представить такія условія, которыя могли бы положить счастливый конецъ опасному и далеко зашедшему обоюдному недоразумѣнію». Съ своей стороны директора повторяли свои старыя условія: выводъ и распущеніе императорскихъ войскъ (1). Очевидно, и чешскія условія были не менѣе невозможны, но они не воспрепятствовали императору продолжать далѣе переговоры.

10 декабря прибылъ въ Прагу уполномоченный Матвѣя. Адамъ Вальдштейнъ, и представилъ на усмотрѣніе директоріи предварительныя условія для заключенія мира: сложеніе оружія, приостановка военныхъ дѣйствій на два мѣсяца, ходатайство чрезъ Фердинанда о помилованіи и обмѣнъ Яна Есенскаго на Вунзона и Тепенца, гетмана мельницеаго. Директора отвѣчали, что относительно первыхъ трехъ пунктовъ они одни, безъ совѣщанія съ сословіями силезскими, «своими конфедерантами», не могутъ сказать ничего; что же касается до обмѣна, то они согласны. При этомъ директора не проминули завѣрить импе-

---

(1) ib. II. 543—550.

раторскаго посла въ своихъ вѣрноподданныхъ чувствахъ и самомъ горячемъ желаніи заключить миръ. Изъ Праги Вальдштейнъ отправился далѣе въ Дрезденъ къ курфирсту саксонскому, который, по желанію Матвѣя, имѣлъ начать мирныя переговоры: онъ пользовался довѣріемъ и въ Прагѣ, и въ Вѣнѣ. Черезъ двѣ недѣли, 25 декабря, прибылъ въ Прагу посолъ курфирста, Яковъ Гринталь, и въ устной бесѣдѣ сообщилъ директоріи условія императора: перемиріе на 2 мѣсяца, въ крайнемъ случаѣ на одинъ; переговоры начнутся въ Хебѣ (Eger) 10 января; въ нихъ примутъ участіе — курфирсты майнцскій, саксонскій, пфальцграфъ и герцогъ баварскій; до сѣзда всѣхъ посредниковъ переговоры ведутъ пфальцграфъ и саксонскій курфирстъ; императоръ не вводитъ новыхъ войскъ; силезцы согласятся на пріостановку военныхъ дѣйствій; императоръ посылаетъ въ Хебѣ «нѣкоторыхъ чеховъ»; желательно, чтобы въ переговорахъ участвовали Силезія и кто-нибудь изъ чешскихъ генераловъ, хоть Гогенлое.

Въ самомъ примирительномъ духѣ писалъ теперь директорамъ и самъ Матвѣй, извѣщая ихъ о хебскихъ переговорахъ⁽¹⁾.

Но прошло 10 января, и уполномоченныхъ отъ директоріи не было. Въ Прагѣ понимали, что Матвѣй ищетъ «переговоровъ съ своими подданными» по тому, что положеніе его затруднительно, но что самый миръ на-долго обезпеченъ быть не можетъ, и необходимо итти далѣе. Отъ переговоровъ удерживалъ директоровъ и пфальцграфъ Фридрихъ: онъ совѣтовалъ внести въ условія — отказъ Фердинанда отъ престола, и совѣтъ былъ принять⁽²⁾.

12 января посредникъ саксонскій упрекалъ директоровъ въ медлительности, въ явномъ нежеланіи начать переговоры и

---

(1) Отъ 31 декабря 1618 и 6 янв. 1619 г. Skala. II. 556—560. III. 1—2. Условія — ib. II. 552—554.

(2) См. требованія, предложенныя директорами. ib. III. 6. Ср. патентъ ихъ отъ 29 февраля. ib. 39. Между этими требованіями характеристичны еще слѣдующія: «король на будущее время не имѣетъ права возбранять высшимъ сословіямъ закупку хлѣба; подати, утвержденыя сеймомъ 1615

послалъ еще разъ Гринталя въ Прагу за «конечнымъ» отвѣтомъ; но конечный отвѣтъ не могъ быть данъ уже по тому, что только въ исходѣ февраля имѣли прибыть уполномоченные изъ Силезіи — отъ «*spolubratíí i konfederantů*». Въ виду послѣдняго обстоятельства директора просили императора назначить другое, болѣе удобное время для переговоровъ. Курфирсть майнцскій и пфальцграфъ просили также объ отсрочкѣ, и курфирсть саксонскій, какъ первый посредникъ, отложилъ переговоры на 14 апрѣля (1).

Но, не смотря на все миролюбіе Матвѣя, въ Прагѣ смотрѣли по прежнему — недовѣрчиво на мирный исходъ «далеко зашедшей борьбы», и на 18 марта былъ назначенъ сеймъ.

Сеймъ былъ открытъ президентомъ Роуповымъ. Секретарь директоріи, Фрувейнъ, читалъ предложенія: мирные переговоры отложены на 14 апрѣля, и потому директора просятъ указаній — какъ защищать землю до переговоровъ и въ томъ случаѣ, если хебская интерпозиція не приведетъ ни къ чему.

По просьбѣ президента, сеймъ прежде всего приступилъ къ вопросу о средствахъ защиты; Роупова поддержалъ генералъ Гогенлоу, прибывшій только что изъ лагеря: «великая опасность валится на чешское королевство», объявилъ онъ. Радславъ Вхынскій старался возбудить патриотизмъ сословій, напоминая имъ «славныя дѣла предковъ-героевъ, которые въ минуту опасности не мѣшкали, не требовали помощи чужой, а сами шли на врага». «Куй желѣзо, пока горячо» — заключилъ ораторъ. По непродолжительномъ совѣщаніи сеймъ постановилъ: кромѣ 20 человекъ отъ селъ и 16 отъ городовъ, объявляется общее рушеніе земли, «такъ какъ у непріятеля 7 полковъ и 6 тыс.

года на пять лѣтъ, считать уплаченными; долги королевскіе выплатить изъ имѣній архіепископа и капитульныхъ доходовъ или изъ продажи некоторыхъ королевскихъ земель; пражскій университетъ поднять на уровеньъ имперскихъ; отбросить новый календарь, какъ поведшій къ большимъ недоразумѣніямъ. ib. 8.

(1) Письмо саксонца отъ 12 января — ib. III. 3—5; силезецъ о послахъ отъ 10 февраля. ib. 29—31; отвѣтъ директороу курфирсту отъ 11 февраля — 32. 33; отвѣтъ курфирста директорамъ отъ 14 февр. ib. 35. 36.

ны, а такому войску трудно было бы противустать съ 20 человекъ и съ навербованными солдатами, да и по-е стоять много». Представители городовъ замѣтили при , что рушеніе земли слѣдуетъ организовать такъ, чтобы край не сидѣлъ сложа руки, въ то время какъ другой гь. Послѣ этого сеймъ слушалъ только что полученное нберкомъ и Лобковицемъ посланіе отъ Матвѣя, въ кото-императоръ напоминалъ сословіямъ о мирныхъ переговорахъ ебѣ⁽¹⁾. Сословія одобрили переговоры: «что касается ин-зиціи — писали они императору 20 марта, то мы весьма мя ей»⁽²⁾, а 23 марта избрали уполномоченныхъ на хеб-конгрессъ: 11 человекъ директоровъ, въ томъ числѣ — ова, Будовца, братьевъ Шликовъ, и 7 — изъ своей среды. Чомоченные имѣли предложить слѣдующія условія: маестать, оглашенія — неприкосновенны, безъ всѣхъ тѣхъ поясненій, ѣвлаютъ католики; мѣры, принятыя императоромъ и като-ли противъ свободы совѣсти, уничтожаются; декретъ объ нніи іезуитовъ, какъ «рушителей общественного спокойствія», вчныя времена изъ королевства остается въ полной силѣ; ре статьи 1611 года имѣютъ быть снова разсмотрѣны; из-ются изъ земли лица, своими интригами нарушавшія свободы ія: канцлеръ Лобковицъ, Мартиницъ, Михна (съ потом-тъ), Фабрицій, Селендеръ и др. (слѣдуетъ списокъ); не жаются къ государственной службѣ: бургграфъ Штернберкъ, мберкъ, Точникъ и др. (слѣдуетъ списокъ)⁽³⁾.

Сейму оставалось рѣшить вопросы о средствахъ: о новыхъ ахъ на содержаніе войскъ и поставкѣ провіанта. Для уве-нія денежныхъ средствъ директоріи сеймъ «не въ томъ на-ніи, чтобы учинить какую либо помѣху всѣми желанной оппозиціи» — опредѣлялъ: собрать всѣ недоимки съ 1615 г.;

(1) Посланіе это, отъ 11(?) марта, вѣроятно, подложное (S k a l a. III. Директора получили секретное извѣстіе 19 марта, что императоръ еще «въ минувшій понедѣльникъ», т. е. 11 марта (ib. 55); дѣйстви-о же Матвѣй умеръ 20 марта отъ удара.

(2) ib. 66. (3) ib. 79—83.

отъ каждой крестьянской души сословія и лица духовныя вносятъ по 30 грошей; города платятъ вмѣстѣ 18.750 копѣ; имѣющіе грунты или дворы — по 3 копы; имѣющіе капиталы — по 6 копѣ съ каждой тысячи; уклонившіеся отъ прошлогодняго ополченія — по 120 гульденовъ отъ всадника и по 60 копѣ отъ пѣхотинца; у лицъ, бѣжавшихъ изъ земли, конфискуются имѣнія (1). Второй вопросъ — о поставкѣ зерноваго хлѣба, овса и ячменя въ проектированныя директорами провіантскіе магазины, поднялъ цѣлую бурю на сеймѣ: онъ снова явилъ наружу знакомый намъ уже эгоизмъ сословій, лишь рѣчь заходила о «штурмѣ ихъ кармановъ»; одни только щедрые взносы на словахъ были имъ любы. Была избрана комиссія изъ 24 человекъ по вопросу о зернѣ, и въ ней паны и рыцари потребовали, чтобы поставку провіанта приняли на себя города: «собранные въ зеленой залѣ лица для обсужденія вопроса о провіантѣ — говоритъ Скала — не много сдѣлали, — каждый перебивалъ другъ друга, кричалъ, не хотѣлъ слушать другаго; но большинство желало взвалить эту обозу на городское сословіе» (2). Высшія сословія требовали, чтобы города внесли: каждый въ отдѣльности — по 200 корцевъ ржи и по-стольку же овса; всѣ сообща — 500 корцевъ ячменя, помимо общаго всѣмъ сословіямъ налога въ $\frac{1}{4}$ корца ржи и $\frac{1}{2}$ корца овса отъ крестьянина. Представители городовъ возстали противъ этого несправедливаго налога и объявили, что никогда не согласятся на него, такъ какъ онъ неравномерно падаетъ на города и высшія сословія, да и города разорены. Послѣ сильныхъ препирательствъ только нѣкоторыя города сдѣлали уступку: они принимаютъ на себя взносъ въ магазины по 50 корцевъ овса и 20 — ржи, кромѣ столицы, которая вноситъ 500 корцевъ овса и 250 ржи. Высшія сословія приняли съ благодарностью рѣшеніе столицы, остальные же города освободили совершенно отъ зерноваго налога, «такъ какъ ихъ рѣшенія слишкомъ жалки». Поставку провіанта, воедѣй — неволей, приняли на себя одни земельные собственники, т. е. главнымъ образомъ паны и рыцари, да и то живообразно:

(1) ів. 83—87. (2) ІІ. 68.

вертелу (1) ржи и по 2 — овса отъ грунта, или осѣдлаго янина (2).

Ще въ началѣ сейма директорія получила темное извѣстіе оти Матвѣя; когда же сеймъ имѣлъ закрыться, бургрэфъ Берекъ сообщилъ ему официальное извѣщеніе Фердинанда, 1 марта, что «Господь Богъ отозвалъ императора, отца га, для вѣчной славы». Утверждая намѣстниковъ въ ихъ, Фердинандъ поручалъ имъ оповѣстить сословія, что онъ лъ на престолъ, помнитъ обязательство о подтвержденіи хъ привилегій и постарается о скоромъ умиротвореніи земли. Сеймъ не отвѣчалъ на это извѣщеніе, а 29 марта дирек- сообщила землѣ о смерти стараго короля и напоминала іямъ — «любителямъ чести, славы божіей и своей ро-, поспѣшить съ земскимъ ополченіемъ, такъ какъ «не- ль теперь накинется съ особенною силою» (3), не смотря бъявленіе Фердинанда лично подобоямъ, что онъ на дняхъ ть комиссаровъ въ Прагу для переговоровъ съ «своими и и вѣрными сословіями» (4). 4 апрѣля Фердинандъ от- лъ новое посланіе къ директорамъ, но они отослали его ь не распечатаннымъ. Черезъ нѣсколько дней Фердинандъ мль въ Прагу утвержденіе всѣхъ земскихъ привилегій и ть намѣстниковъ напомнитъ сословіямъ, что онъ исполнилъ обѣщаніе, — очередь теперь за ними — быть вѣрну данной сѣ. Но въ Прагѣ всѣмъ этимъ присылкамъ изъ Вѣны не вали значенія и поспѣшили обратиться къ курфирстамъ цескому и саксонскому, какъ «викаріямъ священной римской іи», съ просьбой о защитѣ противъ посягательствъ Ферди-, который вмѣсто умиротворенія земли готовъ тѣхъ лицъ, ыя были «главными виновниками всѣхъ ея несчастій», новить въ ихъ прежнихъ званіяхъ. Курфирсты сдѣлали инаніе Фердинанду — дѣйствовать мирными средствами къ оенію земли, а не «слушаться злыхъ совѣтовъ» (5).

(1) Vértel съ нѣм. Viertel четверть засеяннаго поля.

(2) ib. 71—75. 78. 87—88. (3) ib. 89. 96 (4) ib. 93.

(5) О всей этой перепискѣ — ib. 98—103. Ср. Slav, II. 294. 296.

Прошло 14 апрѣля — день, назначенный для открытія хабсбургскаго конгресса, но въ Хабъ никто не пріѣзжалъ: Фердинандъ въ своихъ посланіяхъ изъ Вѣны видимо обходилъ вопросъ о мирныхъ переговорахъ, а еще менѣе охоты къ интерпозиціи, какъ мы видѣли, было въ Прагѣ, — и вопросъ о переговорахъ самъ собою заглухъ, «какъ въ воду канулъ», по выраженію Скалы (1).

Мирные переговоры уступили мѣсто силѣ, оружію, когда не стало старика Матвѣя, отъ природы мирнаго человѣка, но легко поддававшагося «злымъ совѣтамъ» лицъ, ему близкихъ.

4 апрѣля собрался верхнеавстрійскій сеймъ въ Линцъ; Фердинандъ и директора, каждый отъ себя, отправили на сеймъ пословъ, — и чеки взяли верхъ. 15 апрѣля былъ полученъ въ Прагѣ отвѣтъ отъ сейма, въ которомъ чины извѣщали, что они, за исключеніе духовенства, согласны на союзъ съ сословіями чешскими, «принимаютъ его съ открытымъ сердцемъ» и готовы начать переговоры съ другими землями о вступленіи въ общую конфедерацію. Фердинандъ поспѣшилъ отправить въ Линцъ грозное посланіе, объявилъ австрійцевъ «мятежниками», но тѣ отвѣчали протестомъ, что вмѣстѣ съ чехами они бьются «до послѣдней капли крови за честь божью и свободу родной земли».

Въ слѣдъ за верхней Австріей объявили себя на сторонѣ чеховъ и Моравія, столь много вредившая дѣлу возстанія.

Мы видѣли, что большинство моравскихъ чиновъ нельзя было заподозрѣть въ холодности къ чехамъ; но симпатію его сдерживали не многіе, но умные сторонники Вѣны: Керотинъ, гетманъ Лобковичъ, генералы Вальдштейнъ и Находъ. Всѣ усилія директоровъ послѣ декабрьскаго сейма притянуть къ себѣ моравянъ были безуспѣшны; но теперь, когда чины верхней Австріи вступили въ союзъ, директора приказали Турну двинуться отъ австрійской границы въ Моравію и такимъ путемъ поднять землю.

Получивъ изъ-подъ Будевичъ часть земскаго ополченія,

---

(1) іѣ. 92.

Турнь 21 апрѣля былъ уже въ Иглавъ, а 30 въ Зноимѣ, между тѣмъ какъ силезцы сдѣлали диверсію въ Оломуцу. Прибытіе Турна развязало руки сторонникамъ чеховъ. 30 апрѣля завернули въ Зноимѣ нѣкоторые моравскіе паны и рыцари, по дорогѣ въ Берно — на сеймъ, и привѣтствовали Турна. Чешскій генераль предостерегалъ гостей отъ козней католиковъ, особенно — отъ замысловъ Вальдштейна и Находа, и совѣтовалъ имъ не ѣздить въ Берно, въ крайнемъ же случаѣ — явиться туда съ хорошимъ конвоемъ, и тутъ же слегка замѣтилъ о цѣли своего прибытія — предложить союзъ съ чехами. Но предостереженіе было излишне: при первомъ извѣстіи о зноимскомъ свиданіи, тогда же 30 апрѣля, Вальдштейнъ съ подвѣдомственными ему полками моравскаго войска поспѣшилъ очистить Оломуцъ, предварительно ограбивъ земскую казну на 100.000 талеровъ, и, направивши полки къ Скалицѣ для занятія границы Венгріи, гдѣ католики формировали войска для Фердинанда, въ то время какъ противъ него подымались протестанты и Бетленъ Габоръ изъ Трансильваніи, самъ уѣхалъ въ Вѣну. Въ тотъ же самый день оставилъ Берно и Находъ, второй преданный Фердинанду моравскій генераль, не успѣвши переманить на свою сторону земскую конницу, находившуюся у него подъ командой.

Такимъ образомъ, Моравія очистилась отъ двухъ опаснѣйшихъ агентовъ Фердинанда, и чины заявили теперь Турну полную свою готовность войти въ союзъ съ чехами, конечное рѣшеніе о которомъ имѣетъ состояться на подлежащемъ сеймѣ. Турнь сейчасъ же сообщилъ директоріи о результатахъ своего вторженія и просилъ прислать пословъ на сеймъ: «начало дѣла было опасно, но теперь все уже идетъ какъ по маслу».

2 мая собравшіеся у Турна паны и рыцари отправились въ Берно и того же дня были на мѣстѣ. Укрѣпивши на-скоро Берно рейтарскими и казачьими полками, паны, рыцари и горожане тотъ-часъ же собрались на угольномъ рынокѣ и повялились стоять до послѣдняго изнеможенія. Въ слѣдствіе измѣны Вальдштейна и Находа чины приказали кардиналу Дитрихштейну, главнокомандующему земскимъ войскомъ, сложить съ себя на-

чальство, Жеротину и Лихтенштейну сдѣлали строгій выговоръ, а на другой день, 3 мая, отъ кардинала и Жеротина взято было честное слово, что они не выѣдутъ изъ города. Лихтенштейнъ перешелъ на сторону земли. 4 мая чины собрались въ земскомъ домѣ и положили: образовать временное правительство — директорію, обновить всѣ земскія должности, назначить новыхъ генераловъ и изгнать іезуитовъ. Черезъ два дня состоялся декретъ объ изгнаніи іезуитовъ, а 8-го на мѣсто Зальдштейна и Находа были назначены Тифенбахъ и Владиславъ Жеротинъ.

Тогда же, 8 мая, прибыли въ Берно Турнъ и послы отъ директоріи, въ главѣ которыхъ стоялъ самъ президентъ Роуповъ, и встрѣтили радушный пріемъ. Введенные на сеймъ, послы предложили моравскимъ чинамъ вступить въ конфедерацію съ чехами, соединить свои войска съ войсками чешскими и послать отъ себя делегацію въ Прагу для совокупнаго съ директоріей веденія дѣлъ. Сеймъ отвѣчалъ, что онъ не замедлитъ отвѣтомъ. Въ благоприятномъ отвѣтѣ нельзя было сомнѣваться: чтобы показать всю свою ненависть къ Вѣнѣ, чины готовы были съ сторонниками Фердинанда — кардиналомъ, Жеротиномъ и Лобковицемъ, расправиться такъ-же, какъ годъ тому назадъ расправились чехи съ своими двумя намѣстниками, и только заступничество Турна и Роупова спасло ихъ отъ неминуемой смерти. Жеротинъ бѣжалъ изъ залы, а кардиналъ, павъ на колѣни, просилъ сеймъ о милости и обѣщалъ отречься отъ всего и пойти въ Римъ или Польшу.

11 мая отвѣтъ былъ готовъ. Сеймъ извѣщалъ директоровъ, что земля «съ сердечной скорбью» взираетъ на разореніе королевства и, помня свои обѣщанія, принимаетъ конфедерацію, соединяетъ свои войска съ чешскими и уполномочиваетъ Вильгельма Роупова, Криштофа Ричана, Олбрамовица, Медицкаго, Коликрайтера и Леопольда войти на основаніи заключеннаго соглашенія въ «свѣтой союзъ» съ королевствомъ и другими соединенными землями и дѣйствовать сообща къ установленію прочнаго мира ⁽¹⁾.

---

(1) Дѣла австрійскія и моравскія — ib. 115—135.

Такимъ образомъ, силы чеховъ возросли: за нихъ стояли почти всѣ земли, конфедераціей съ которыми такъ до и они еще въ 1611 году. Съ сѣвера, со стороны имперіи, были обезпечены сочувствіемъ протестантскихъ князей и это — курфирста пфальцскаго, который, одобряя ихъ дѣйствія, не переставалъ обнадеживать ихъ, что онъ «поможетъ въ ихъ несчастіи и отвратитъ его». Фердинандъ оставался своихъ наслѣдственныхъ земель и католической части Венгрии надежды были на испанскія войска, на католиковъ чеховъ. Естественно, если всѣ напоминанія эрцгерцога чехамъ знаніи его королемъ, о томъ, что «оттягиванье дѣла весть большимъ и большимъ несчастіямъ», были напрасны. О мирѣ была теперь слишкомъ далека отъ возставшихъ, онъ, счастливо покончивъ свое дѣло въ Моравіи, двинулся съ частью моравской арміи въ нижнюю Австрію, гдѣ, монастыри Эгенфуртъ и Бернекъ, осадилъ мѣстечко Лабъ. Протестантскіе чины нижней Австріи изъявили полную готовность вступить въ конфедерацію и послали уполномоченныхъ въ Турна, прося его только не разорять страны; чины были также не противъ союза, но свое рѣшеніе откла-дали на-послѣ. Присоединивъ такимъ образомъ къ конфедерации послѣднюю, не соглашавшуюся на нее землю, Турнъ 2-го двинулся къ Вѣнѣ, у Фишаминде перешелъ Дунай, взялъ Сдорфъ, а 6-го осадилъ вселоженную столицу. По просьбѣ Фердинанда, осажденные протестантскіе чины послали въ квартиру Турна депутатовъ спросить: что заставитъ его начать враждебныя дѣйствія противъ Вѣны, и если какой какое недоразумѣніе, то не могутъ ли они помочь Турнъ съ сердцемъ отвѣчалъ, что его удивляетъ подобный вопросъ и объявивъ, что пока не уймется безчеловѣчныя жестокости въ королевствѣ, пока не оставятъ землю войска Фердинанда, чехи не сложатъ оружія, потребовалъ отъ вѣнскихъ чинъ категорическаго отвѣта и «безъ всякихъ отлагательствъ», въ тотъ же самый день — какъ они намѣрены дѣйствовать далѣе. Въ виду такого опаснаго запроса протестанты просили эрцгерцога превратить сейчасъ же «кровавыя бани» въ

королевствѣ, угрожая ему поднятіемъ австрійской земли, но Фердинандъ молчалъ. Турнъ, не получивъ отвѣта въ условленный срокъ, приказалъ «гуще обстрѣлива^{тъ} столицу изъ пушекъ и мушкетовъ, и днемъ, и ночью». Положеніе Фердинанда было крайнее, — но его спасли испанскія войска, шедшія съ запада, изъ Бургундіи, подъ начальствомъ Донъ-Балтазара de Magradas.

Поспѣшно шелъ Донъ-Балтазаръ по южной Германіи съ своими солдатами, нанятыми въ Лотарингіи и Эльзасѣ, и въ началѣ іюня соединился съ Букуа. Усиленный свѣжими войсками, Букуа 8 іюня оставилъ Будевицы съ Гогенлое и двинулся къ Тнну противъ Мансфельда, который тогда стоялъ въ Заблатѣ, у Нетолицъ. 9 іюня произошла жаркая кавалерійская схватка. Венгерскіе гусары стремительно ударили на кавалерію чешскую и обратили въ бѣгство; самъ Мансфельдъ едва спасся въ Тннъ. Лѣвое крыло пѣхоты было разбито, правое крѣпко держалось въ садахъ до вечера, но ночью оно сложило оружіе. Пораженіе чеховъ было рѣшительное.

Заблатская битва спасла Вѣну и Фердинанда. Путь въ Прагу былъ открытъ для Букуа, и потому 15 іюня директорія приказала Турну оставить Вѣну и поспѣшить на защиту земли. Турнъ тотчасъ же перешелъ Дунай, а 24 іюня былъ въ Собѣславѣ, гдѣ засталъ армію Гогенлое, который, послѣ пораженія Мансфельда, счелъ для себя опаснымъ оставаться у Будевицъ (1).

Итакъ, разомъ, одной битвой, уничтожены были всѣ еще столь недавнія блестящія надежды чеховъ: и директорія, и чешскіе генералы показали всю свою неукѣлость руководить военными дѣйствіями и пользоваться выгодами минуты. Ни стѣсненное положеніе Фердинанда, лишеннаго почти всѣхъ средствъ защиты, ни многожеланное вступленіе въ конфедерацію Моравіи и Австріи не принесли пользы: вмѣсто того, чтобы соединить всѣ свои силы и сообща ударить на Букуа, и, смявши послѣдній оплотъ Фердинанда, двинуться на Вѣну, Турнъ, Гогенлое, Мансфельдъ дѣйствуютъ врозь, на различныхъ пунктахъ, вяло занимаютъ бесполезными осадами по полу-году, пока своею медлительностью

(1) Осада Вѣны, битва у Заблатъ — ib. 148—159. 159—169.

не дали времени усилиться неприятелю, который, разбивъ на голову одного изъ нихъ, привелъ въ замѣшательство остальныхъ двухъ, — Гогенлоэ снимаетъ полугодовую осаду Будеевицъ, Турнъ — Вѣны, и оба спѣшатъ на защиту земли. Замѣсто наступленія пришлось подумать объ оборонѣ, съ войскомъ, упавшимъ нравственно.

Тридцатиголовая директорія не давала единства дѣйствіямъ, а между тѣмъ несчастныя событія послѣднихъ дней показали, что въ единствѣ — единственное спасеніе. Весьма понятно, если многіе патриоты, видя почти гибель дѣла, «когда генералы съ своими солдатами не въ состояніи защитить даже себя», были недалеко отъ отчаянія: «приходили — говорить Скала — къ дивнымъ мыслямъ — какъ помочь дѣлу» (1).

Директорія рѣшила созвать общій сеймъ и ему предоставить — издѣлать недуги.

Вмѣстѣ съ лихорадочно-торопливымъ укрѣпленіемъ столицы директорія пригласила земли, вступившія въ союзъ, прислать своихъ уполномоченныхъ въ Прагу къ началу іюля для конечнаго опредѣленія конфедераціи.

Въ началѣ іюля съѣхались уполномоченные Моравіи, Силезіи и обѣихъ Лужицъ и на 8-ое назначили открытіе сейма. Депутаты отъ Австріи прибыли нѣсколькими днями позже.

Послѣ торжественной молитвы въ святотроицкой нѣмецкой церкви въ Меньшемъ Мѣстѣ уполномоченные собрались во дворцѣ и здѣсь, по представленіи своихъ вѣрительныхъ грамотъ, получили отъ директоровъ, каждая земля отдѣльно, по копіи сеймовыхъ предложеній. Во дворцѣ было отведено и помѣщеніе посламъ.

Въ своихъ предложеніяхъ директора дѣлали перечень событій съ апрѣля по іюнь, но съ большою долей хвастливости. «Благодаря земскому рушенію и геройской храбрости сословія славнаго народа чешскаго — говорили директора — много добраго сдѣлано и королевству, и землямъ союзнымъ: сословія маркграфства моравскаго вступили въ конфедерацію; за ними послѣ-

(1) ib. 172.

додали чини об'їхъ Австрїї — легче поднялись изъ своего стѣ-
неннаго положенїя; протестанты венгерскїе не дозволили Ферди-
нанду вербовать гайдуковъ противъ королевства, а славные
потентаты и иные народы милостиво приняли извѣщенїе о му-
жественномъ рѣшенїи королевства и прислали въ помощь денегъ,
— ясно, что объявленное рушенїе земли было ненапрасно. Но, съ
попущенїя божїя, за грѣхи наши, Фердинандъ отправилъ
новыя войска въ Чехїю, а тѣ, нечаянно напавъ на Мансфельда,
разбили его, такъ что генералы должны были оставить Ру-
дольфштадтъ и отойти въ болѣе безопасное мѣсто къ Собѣславу:
всякій разумный человѣкъ легко можетъ судить, что въ этомъ
не были виноваты ни директора, ни генералы». Далѣе дирек-
тора сообщали о двухъ посланїяхъ Фердинанда, которыя они
не желали было даже распечатывать: эрцгерцогъ требуетъ безу-
словнаго допущенїя въ управленїю землей, — но «вещь эта сама
по себѣ великая и относится ко всѣмъ землямъ, земли же тогда
еще не были въ союзѣ, — потому мы и не отвѣчали, а курфирсту
майнцскому сообщили, что при избранїи новаго императора не
должны быть забыты сословія королевства, такъ какъ Ферди-
нандъ пока не дѣйствительный король чешскїй». Въ виду всего
этого директора предлагали послать на обсужденїе слѣдующїе
два вопроса: покончить дѣло о конфедераціи и отвѣтить Фер-
динанду отъ общаго имени, предупредивъ ихъ, что на дняхъ
имѣютъ собраться и сословія королевства, «чтобы сообща пораз-
мыслить о путяхъ и средствахъ, какъ помочь землѣ, какъ
добыть прочный миръ» (1). Дѣйствительно, 12 іюля чины были
приглашены «на общее свиданїе».

Итакъ, если полагаться на слова директоровъ, они
правятъ землей прекрасно: чехи покрываютъ себя геройской
славой, а если ихъ и разбили однажды, то «съ попущенїя
божїя, за грѣхи», а директора не виноваты, да и это ничего
не значитъ; что же касается до неотвязчиваго Фердинанда, то
надо же ему когда нибудь отвѣтить. Но въ своей рѣчи къ
сословіямъ королевства, 23 іюля, президентъ директорїи прямо

(1) Текстъ предложенїй — ib. 180—188. Письмо въ Майнцъ — S. I. II. 320.

, что «отечество въ величайшей опасности», а, подъ
ь предложеніемъ объ отвѣтѣ скрывалось иное: директора
, по объявленіи общей конфедераціи, предложить избрать
короля и такимъ образомъ сложить съ себя слишкомъ
ю власть.

3 іюля открытъ былъ чешскій сеймъ. Ему на обсужденіе
редложены два вопроса: 1) отвѣчать-ли Фердинанду и если
тъ, то какъ? 2) откуда взять денегъ на содержаніе
?

Такимъ образомъ, въ то время какъ уполномоченные Мо-

Силезіи и Лужиць обсуждали во дворцѣ вопросъ о кон-
ституціи, не спѣша вырабатывали вмѣстѣ съ директорами текстъ
этого договора, на сеймѣ чешскія сословія занимались отвѣ-
Фердинанду, такъ какъ было рѣшено — отвѣчать, и своими
ними дѣлами.

Но проектъ отвѣта былъ готовъ скоро, а сословія чуть не
ю провозились въ неприличныхъ ссорахъ между собой
и мелкихъ эгонстическихъ счетовъ. Прежде всего сдѣлились
съ другомъ города и рыцари изъ-за права варить пиво,
вать соль и т. д. Рыцари требовали, чтобы привилегіи тре-
сословія не нарушали ихъ правъ и вообще высшихъ со-
фій, такъ какъ на дѣлѣ уже есть нѣсколько такихъ нарушеній;
депутаты отъ городовъ отвѣчали имъ, что если кто вздумалъ
оспуться ихъ правъ, то это будетъ не такъ легко — они
кутся отъ взноса утвержденныхъ сеймомъ налоговъ и оста-
сейчасъ же сеймъ. Города отстаивали свои права противъ
, «которые полагали, что имѣютъ дѣло съ своими холо-
» (1). Но еще большій скандалъ произошелъ на сеймѣ, когда
не папы и рыцари внесли жалобу на отвѣтливаше бога-
, своихъ сотоварищей отъ военной службы. «Великая не-
ведливость — жаловались они — была при рушеніи земли: мы,
дѣйшіе, должны были идти въ поле, тогда какъ болѣе зажиточные
и рыцари оставались дома, сказавшись больными, а между
ь на другой день по выступленіи въ походъ другихъ они

(1) Слова Слова. III. 199.

выздоровливали». Поэтому эти бѣдные паны и рыцари требовали отъ сейма, чтобы онъ освободилъ и ихъ отъ военной службы, грозясь, что въ случаѣ отказа они «вторгнутся въ помѣстья оставшихся дома, расквартируютъ тамъ своихъ солдатъ и не выйдутъ оттуда, пока не выберутъ потраченныхъ въ походѣ денегъ». Съ трудомъ успокоили директора недовольныхъ, что вторгаться не слѣдъ, что тогда силезцы и венгры откажутъ въ помощи, а расходы могутъ быть уплачены. Было еще нѣсколько стычекъ между сословіями, напр. изъ-за варки пива въ Будеевицахъ, когда третье сословіе заявило, что оно не утверждаетъ конфедерации. Что же касается до просимыхъ директоріей денегъ, то сеймъ постановилъ: взывать всѣ недоимки съ 1616 года къ 14 сентября и внести по 6 грошей съ 100 копъ движимаго или недвижимаго имущества (1).

30 іюля явился, наконецъ, въ сеймъ президентъ директоріи съ объявленіемъ, что послѣ долгихъ споровъ дѣло о конфедерации покончено съ уполномоченными Моравіи, Силезіи и Лужиць.

Громкій звонъ колоколовъ во всѣхъ церквяхъ столицы извѣстилъ жителей о наступленіи торжественнаго дня — 31 іюля; священники увѣщевали народъ горячо молиться за счастливое окончаніе конфедерации. По выслушаніи церковной службы, въ 8 часовъ утра собрались чины королевства въ сеймовой залѣ и ждали прихода уполномоченныхъ; только къ 10 часамъ прибыли послы: сначала были введены въ обширную судейскую залу мораване, затѣмъ князь Вацлавъ Минстербергскій съ силезцами, верхнелужицане, наконецъ нижнелужицане, и заняли директорскія мѣста. Когда все утихло, президентъ директоріи открылъ засѣданіе краткою рѣчью. «Съ благословенія божія — сказалъ Роуповъ — дѣло конфедерации приведено къ концу; сегодня имѣетъ быть утвержденіе святаго союза любви и единенія, и потому намъ не остается ничего другаго, какъ, выслушавши еще разъ всѣ статьи конфедерации, съ которыми мы знакомы часто, въ переговорахъ съ послами, приложить къ договору печати

(1) Подробнѣе о взносахъ — Skala. III. 321—322.

всѣхъ трехъ сословій королевства и уполномоченныхъ земель и утвердить его нашими присягами. Падемъ же съ сокрушеннымъ сердцемъ на колѣни и помолимся Господу Богу, да продлится эта святая конфедерація до скончанія вѣка и да останется не нарушимой отъ враговъ вѣры и нашей земли, особенно, въ настоящее опасное время».

Всѣ пали на колѣни и долго молча молились. По окончаніи молитвы, секретарь директоріи, Фрувейнъ, взомель на кафедру и прочель чешскій текстъ договора; за нимъ нѣмецкій секретарь директоріи, др. Лувъ, прочель текстъ нѣмецкій. Чтеніе обоихъ продолжалось около 4 часовъ.

«Давно уже земли моравская и силезская, верхнія и нижнія Лужицы, отчасти по своей доброй, свободной волѣ, отчасти въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, соединились съ чешскимъ королевствомъ, но безъ всякой наследственности, и, какъ вѣрные сочлены, вошли въ такой союзъ и братское соединеніе, что не могло быть и мысли о расторженіи его. Но всегда находились люди непокойные, которые силились внести недоразумѣнія, неудовольствія, разрывъ, и въ 1618 году это единое тѣло едва не расторглось. Вотъ почему означенныя земли признали необходимымъ вступить между собою еще въ болѣе тѣсный союзъ, чтобы при помощи его быть въ состояніи обезсилить всѣ интриги враговъ, сохранять добрыя отношенія между верхностями и крестьянами, добрый миръ между землями, держать охранную руку надъ всѣми землями, сословіями и обывателями ихъ, безъ различія вѣры, наблюдать справедливость въ отношеніи правъ, свободъ, привилегій каждой земли и въ минуту опасности, особенно, при нарушеніи общаго мира въ вопросахъ религіозныхъ или политическихъ, помогать другъ другу». Засимъ слѣдовали условія союзнаго договора, въ числѣ 100 статей. Главнѣйшія условія были слѣдующія. Король признаетъ и хранитъ настоящую конфедерацію; онъ не совѣтуется ни съ іезуитами, ни съ чужими послами о дѣлахъ земли и не допускаетъ иностранцевъ на должности; іезуиты изгоняются на вѣки; отнятыя церкви возвращаются евангеликамъ; Моравія и Лужицы получаютъ маестатъ, подобный чешскому и силезскому; крестьяне на зе-

мляхъ короля, духовенства и католическихъ господъ пользуются свободой вѣры; нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ назначаютъ сословія; за жизнь короля избирается ему преемникъ не иначе, какъ съ общаго желанія земель; король избирается на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ всѣми землями, каковой сеймъ назначаютъ дефензоры; при избраніи первый голосъ принадлежитъ чехамъ, второй — мораванамъ, третій — силезцамъ, четвертый верхнимъ лужичанамъ, пятый — нижнимъ, шестой, заключительный — чехамъ; при нарушеніи королемъ свободы вѣры и настоящей конфедерации чины освобождаются отъ присяги и объявляютъ дефензію; безъ согласія сословій король не объявляетъ войны, набора, не строитъ црпцостей и т. д.; разрѣшаются сѣзды; каждая земля имѣетъ своихъ дефензоровъ; Чехія высылаетъ: Моравіи, Силезіи — 1000 человекъ коннаго и 3000 пѣшаго войска, верхнимъ Лужицамъ — 150 и 300, нижнимъ — 100 и 200 человекъ; въ соотвѣтствующемъ количествѣ высылаютъ подмогу и эти земли Чехіи; на содержаніе войска идутъ: добровольные взносы, конфискаціи имѣній духовныхъ — рушителей мира, контрибуціи, налоги (1).

По окончаніи чтенія каждая земля присягнула на сохраненіе «святаго союза». Пушечная и ружейная стрѣльба, звонъ колоколовъ оповѣстили столицу о счастливомъ окончаніи засѣданія 31 іюля.

Теперь чинамъ королевства и уполномоченнымъ земель оставалось условиться объ отвѣтѣ Фердинанду. 2 августа была отправлена депутація отъ сейма къ посланъ, чтобы начать переговоры объ отвѣтѣ, но мораване объявили, что у нихъ нѣтъ достаточнаго полномочія и потому просятъ разрѣшенія послать курьера въ Берно; сословія разрѣшили послать даже депутацію, и затѣмъ сеймъ былъ закрытъ на время.

---

(1) Чешскій текстъ договора у Славаты — II. 203—212; нѣмецкій въ современномъ оофициальномъ изданіи — «Artickel, welche in aller dreyer Herren Stände dess Königreichs Böheim auffm Präger Schloss gehaltenen Zusammenkunft . . . . beratschlaget und geschlossen worden sein». Prag. (1619?). 7—31.

резъ нѣсколько дней получено было добавочное полное моравскихъ сословій, которыя въ началѣ августа одержать двѣ побѣды надъ Дампьеромъ и выгнать его али, и въ то же время занимались секуляризациею церквѣ имѣній⁽¹⁾, а 15 августа сеймъ возобновилъ засѣданія. По желанію директоровъ вопросъ объ отвѣтѣ былъ отложенъ и сеймъ согласился приступить прежде всего къ заключенію союзнаго договора Чехіи и соединенныхъ земель съ верхней Австріями, послы которыхъ были уже давно въ Прагѣ. На слѣдующій день, 16 августа, были приглашены на сеймъ моченные земель и австрійскіе послы, прочтены были два декрета о «пріятіи давно желанной, необходимой и спасительной конфедераціи и генеральной дефензіи» наследственными ландграфами Фердинанда, и всѣ присягнули⁽²⁾.

Теперь настала очередь отложенному вопросу — объ отвѣтѣ ландграфамъ, значеніе котораго понимали одни директора дамы: чины королевства въ одинъ день было изготовлено, но не такого отвѣта искали директора у земли.

На засѣданіи 17 августа сеймовому обсужденію этого вопроса директоръ предпослалъ чтеніе своего мнѣнія о правахъ ландграфа на престолѣ. Оно было составлено въ самомъ неясномъ для эрцгерцога смыслѣ. «Прежде чѣмъ сословія королевства приступятъ къ обсужденію отвѣта — писали директора прежде чѣмъ рѣшать — отвѣчать и что отвѣчать, надлежитъ въ виду слѣдующее основное положеніе: съ того времени, какъ импер. Фридрихъ объявилъ землю королевствомъ, сословія получили отъ него право на свободное волеизъявленіе короля». Здѣсь директора ссылались на грамоты Фри-

(1) Skala. III. 224—231.

(2) Договоръ съ верхней Австріей изъ 9 статей; съ нижней — безъ ея статей. Оба помѣщены въ «Artickel...», 32—36. 37—44. Содержатъ: забота о мирѣ и благосостояніи земель; неприкосновенность личныхъ и политическихъ привилегій, маестата, правъ, свободъ; оборонительный и наступательный, на вѣчныя времена; взаимная помощь и т. п.

дриха II и др.; на золотую буллу Карла I отъ 1348 года, объясняя ее по своему, маестатъ 1370 года, указывали на избраніе Подѣбрада, Владислава, Фердинанда I, свободное принятіе Максимилиана, Рудольфа и, наконецъ, на избраніе Матвѣя. «Свободное избраніе Матвѣя было утверждено договоромъ 1608 года, сеймомъ, записями, при чемъ былъ водворенъ миръ въ землѣ, установлено полное соглашеніе между религіозными сторонами. Сословія надѣялись, что послѣ этого обновленія стародавнихъ привилегій и религіознаго мира, имъ будетъ возможно въ покоѣ служить Богу и королю. Но, съ наводненія дьявольскаго, прошло немного времени — и снова всплыли наружу тѣ, что уже раньше работали надъ уничтоженіемъ свободы совѣсти и свободы избранія, и открыто продолжали свою работу. Они знали, что Фердинандъ штирійскій, воспитанникъ іезуитовъ, гонитель подобовъ у себя, есть первый врагъ евангелической церкви, и потому уговорили Матвѣя приготовить ему престолы чешскій и вергерскій. Король назначилъ сеймъ; когда нѣкоторые представляли, что принятіе противно свободамъ земли, что на сеймѣ нѣтъ земель соединенныхъ, имъ притрозили: «у васъ вѣдь не двѣ головы», — и Фердинандъ былъ принятъ, объявленъ и коронованъ. Но тѣмъ не менѣе Фердинандъ далъ обязательство, что сословія онъ будетъ держать въ милости, при жизни не будетъ вѣтшиваться въ управленіе, въ противномъ случаѣ сословія свободны отъ присяги, и въ теченіе 4 недѣль по смерти Матвѣя онъ подтверждаетъ земскій уставъ во всѣхъ его частяхъ. Что же оказалось на дѣлѣ? Фердинандъ вѣтшивался въ управленіе землей, побуждалъ Матвѣя къ войнѣ противъ чеховъ, своихъ солдатъ отправилъ изъ Фріуля въ королевство, у Моравіи потребовалъ свободнаго пропуска войскамъ, а по смерти Матвѣя принялъ ихъ къ себѣ на службу. Зла или добра могутъ ждать сословія отъ него, особенно, если они примутъ во вниманіе договоры съ испанскимъ королемъ? Итакъ, сеймъ и послѣ рѣшатъ: отвѣчать-ли Фердинанду и что? Если Фердинандъ будетъ допущенъ къ престолу, сословія теряютъ право свободнаго избранія, платятъ солдатамъ своего врага, имя божіе предается на поруганіе, конфедерація гибнетъ».

По прочтеніи протеста, посланнаго во Франкфуртъ, о недопущеніи Фердинанда къ избранію императора и исторической записки о дѣятельности его до и послѣ коронованія, засѣданіе 17 августа было закрыто: было поздно.

Теперь, по прочтеніи всѣхъ этихъ документовъ, въ засѣданіи 19 августа начались сужденія объ отвѣтѣ: не трудно было предвидѣть, чѣмъ они кончатся. Первый Колонна Фельзескій подалъ голосъ противъ отвѣта Фердинанду: «я служилъ отцу Фердинанда — сказалъ старшій генераль, но ходатайствовать за сына не могу и не желаю, и совѣтую сословіямъ поискать иного господина». За нимъ въ томъ же смыслѣ говорили: Роуповъ, Лобковицъ, Ричанъ, Шликъ, и всѣ остальные директора изъ пановъ и рыцарей. «Я — говорилъ президентъ — не могу совѣтовать отвѣчать Фердинанду, чтобы не подавать ему надежды на возможность еще какой-либо трактации; но необходимо напечатать дедукцію, почему Фердинандъ отстраняется отъ управленія, и подумать объ иной власти, которая, вмѣстѣ съ сердцемъ божіимъ, умѣла бы болѣе уважать и общанія свои, и присягу, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Когда послѣ этого «регентъ сейма», Богухвалъ Берка, обратился къ панамъ и рыцарямъ за ихъ мнѣніемъ, они отвѣчали, что согласны съ мнѣніемъ Роупова. Третье сословіе также объявило, что Фердинанду не отвѣчать, а издать дедукцію.

Собіраніе голосовъ было окончено; Берка заключилъ его объявленіемъ, что такъ какъ всѣ три сословія согласились — не писать Фердинанду, а напечатать объясненіе, и поразмыслить объ иной власти, то остается одно — просить Бога Всемогущаго о благословеніи ихъ дѣла.

Собраніе отвѣчало: аминь!

Тогда же 19 августа рѣшеніе сейма было сообщено моравскимъ посламъ, черезъ день — силезскимъ и лужицкимъ, и отъ всѣхъ полученъ былъ одинъ отвѣтъ: «не желаемъ отдѣляться отъ сословій королевства».

Всѣ пять голосовъ, согласно конфедерации, были отобраны, и всѣ они были противъ Фердинанда; оставалось услышать шестой, заключительный голосъ, принадлежавшій чехамъ, и онъ

былъ выслушанъ въ засѣданіи 22 августа: «такъ какъ — сказалъ президентъ — король Фердинандъ сословіями королевства чешскаго, маркграфства моравскаго, обѣихъ Силезій и Лужицъ лишенъ своего незаконнаго принятія и коронованія, въ слѣдствіе невыполненія записи и присяги, то намъ остается одно — изготовить дедуцїю и пригласить для составленія ея и мораванъ».

Такимъ образомъ, въ засѣданіи 22 августа Фердинандъ былъ низложенъ, по единодушному желанію королевства и земель, которыя объявили себя за избраніе новаго господина, «съ сердцемъ божіимъ», «умѣющаго уважать свое слово». Вѣсть съ этимъ сословія и послы согласились — дѣло избранія не откладывать: «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше» — сказалъ Роуновъ, а мнѣніе его было принято сеймомъ. Вотъ почему Берка въ засѣданіи 23 августа обратился къ сейму съ такимъ напоминаніемъ: «и странѣ нашей, и землямъ опасно быть долго безъ головы, — не угодно-ли будетъ сословіямъ, не теряя времени, пригласить делегатовъ и сейчасъ же заняться избраніемъ короля — въ этомъ все счастье королевства и земель, единственный путь къ достиженію прочнаго мира». На это напоминаніе собраніе отвѣчало единогласно: «единими усты и единымъ сердцемъ да поручать себя всѣ сословія Господу Богу и сокрушенно молятъ Его, да ниспошлетъ на нихъ Духа Святаго для просвѣщенія ихъ мыслей и да укажетъ имъ короля, который сыновне боялся бы его, ходилъ по пути заповѣдей его, любилъ справедливость, порядокъ и право».

Особые депутаты тотчасъ же сообщили это рѣшеніе сейма посламъ земель, а по полуторочасовомъ совѣщаніи директоровъ Берка объявилъ чинамъ, что избраніе короля назначается на понедѣльникъ, 26 августа. Въ виду важности предстоящаго засѣданія регентъ сейма напомнилъ сословіямъ — не развѣзаться и не горевать о расходахъ.

Наступило 26 августа. Собраніе сейма было многочисленное: чины тайкомъ не развѣхались. Послѣ продолжительныхъ пререканій между Фельзескимъ и президентомъ директоріи о порядкѣ и днѣ избранія, вызвавшихъ тяжелое раздраженіе въ сеймѣ, сословія положили — приступить сегодня же къ избранію.

Вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, сеймъ принялъ предложеніе представителей городовъ, и были пропѣты чешскій и нѣмецкій гимны: «Bože otče, sešliž nám pyní ducha svatého», «Gott der Vater, wohn uns bei»! Всѣ пали на колѣни и горячо молились.

По приглашенію регента сейма Фельзескій началъ первый рѣчь. «Сословія — сказалъ генераль — должны выбрать лютеранина, но который не тѣснилъ бы кальвинистовъ, или наоборотъ; лучшимъ кандидатомъ, по моему простому мнѣнію, былъ бы курфиреть саксонскій: онъ богатъ, сосѣдь нашъ, другъ датскаго короля, и у него много пріятелей въ имперіи». Мнѣніе генерала принялъ и Мрацкій, но говорившій третьимъ, директоръ Ричанъ предложилъ иного кандидата, болѣе пріятнаго: «намъ нуженъ король, который выведетъ бы насъ изъ нашихъ бѣдъ и помогъ намъ — разумный, острый, проникательный; такимъ именно я нахожу курфирета гейдельбергскаго, — онъ первый курфиреть, 23 лѣтъ, директоръ униі, имѣетъ добрыхъ совѣтниковъ, многихъ пріятелей — короля авглійскаго, князя Морица и др.» Президентъ директоріи поддержалъ мнѣніе Ричана и къ доводамъ его прибавилъ указаніе услугъ, оказанныхъ уже пфальцграфомъ чешской землѣ: «онъ первый принялъ на дѣлѣ къ сердцу наши тяжелыя обстоятельства» — заключилъ свою краснорѣчивую рѣчь Роуповъ. Подававшіе затѣмъ голоса паны были то за пфальцграфа, то за саксонца, но большинство было на сторонѣ перваго: 36 противъ 6.

Послѣ этого Каплиръ, «первый директоръ отъ рыцарей», пригласилъ второе сословіе приступить къ подачѣ голосовъ: 110 голосовъ получилъ пфальцграфъ и 1 саксонецъ. Когда очередь пришла депутатамъ отъ городовъ, они единогласно объявили себя за пфальцграфа.

Такимъ образомъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ Фридрихъ пфальцскій. Собраніе пропѣло нѣсколько братскихъ гимновъ и пало на колѣни.

По предложенію регента сейма, только что состоявшееся рѣшеніе было сообщено тотчасъ же посламъ земель: явились послы, но было поздно, и засѣданіе было отложено до-завтра.

Въ засѣданіи же слѣдующаго дня, 27 августа, уполномоченные Моравіи, Силезіи и Лужиць, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, объявили, что они принимаютъ рѣшеніе сейма. Тогда президентъ директоріи торжественно объявилъ, что сословія и земли избираютъ и провозглашаютъ королемъ чешскимъ Фридриха V, пфальцграфа рейнскаго.

Общая молитва въ залѣ, пушечная и ружейная пальба на площади, звонъ колоколовъ и пѣнье «Те Деумъ» по всѣмъ церквямъ пражскимъ — заключили избраніе.

1 сентября избраніе было объявлено въ чешскимъ и нѣмецкихъ церквяхъ столицы, а 3-го сеймъ послѣдилъ письменно сообщить свое рѣшеніе новоизбранному королю, между тѣмъ какъ въ Прагѣ снаряжалось въ путь къ Фридриху многочисленное посольство, избранное еще въ засѣданіи 28 августа, отъ королевства и земель: въ него вошли между прочими президентъ Роуповъ, Берка и братья Шлика.

Только 24 октября чешское посольство прибыло въ Вальдсасъ, въ верхнемъ Пфальцѣ, недалеко отъ Хеба, гдѣ въ то время находился Фридрихъ съ своей семьей, и въ тотъ же день послы были приняты на аудіенціи. Андрей Шликъ произнесъ нѣмецкое привѣтствіе пфальцграфу, а президентъ Роуповъ французское — графинѣ Елисаветѣ, дочери Іоакима I англійскаго. На рѣчь Шлика объ избраніи Фридрихъ отвѣчалъ согласіемъ, хотя до-того нѣсколько колебался; графиня благодарила Роупова по-французски. День 24 октября закончился веселымъ обѣдомъ, въ которомъ новая королева «съ Христіаномъ, княземъ Ангальтскимъ, Роуповымъ и другими панами, умѣвшими хорошо по-французски, вела различныя бесѣды до самого вечера». Когда послы изъ дворца возвратились къ себѣ на квартиру, имъ была тогда же прислана королевская записка на сохраненіе всѣхъ правъ свободъ и обычаевъ земель, помѣченная еще 10 октября.

Черезъ недѣлю, 31 октября, новый король съ семьей былъ въ Звѣздѣ, на Бѣлой горѣ, а вечеромъ того же дня имѣлъ торжественный въездъ въ столицу. 4 ноября происходилъ обрядъ коронованія, чинъ котораго былъ заранѣе составленъ нижеконсистоіей, въ присутствіи многочисленныхъ пановъ и рыцарей.

двигателей земель, при чемъ «администраторъ консисторіи, Лирковскій, и братскій старѣйшина, Янъ Цирилль, исполнители обязанности епископа». Предъ выходомъ короля изъ церкви, сенскій привѣтствовалъ его отъ имени университета рѣчью, в которой «препоручалъ милостивой и отцовской защитѣ его пражское и профессоровъ, со всѣми почтенными школами». Этотъ пиръ до ночи въ королевскомъ дворцѣ, веселые тосты и танцы «всѣхъ сословій королевства и земель», за здоровье короля, масса изданныхъ виршей и орацій — закончили веселый ноябрь.

(Злишне упоминать, что низложенный король поспѣшилъ протестъ противъ самовольнаго лишенія его сословіями всѣхъ правъ, — но на него въ землѣ никто не обратилъ вниманія (1)).

(Таковъ, новый король, «съ сердцемъ божіимъ», сидѣлъ на престолѣ св. Вячеслава; по вѣрованію избравшихъ его, онъ, «разумный, проникательный, храбрый», выведетъ чехскую землю изъ ея донинѣшнихъ испытаній: онъ поможетъ чехамъ добудеть прочный миръ. Но оправдались-ли упованія чехов — укажетъ скорое будущее.

На первое время военное счастье снова повезло чехамъ. Въ началѣ августа получено было въ Прагѣ пріятное извѣстіе изъ Венгріи, что князь седмиградскій, Ветленъ Габоръ, готовъ ударить на Фердинанда съ юга, со стороны Штиріи, во главе тысячной арміи и уже вступилъ въ переговоры о прочь избрать его королемъ (2). Директорія поспѣшила послать къ Ветлену нѣкоего Марва воеводу съ просьбой — въ 18 августа тотъ отвѣчалъ чехамъ изъ Вайсенбурга своимъ посломъ, Стефаномъ Гатвана, что обезпеченный со стороны Португаліи, которая «милостиво разрѣшила ему держать надъ

1) Занятія сейма въ июль и августъ, избраніе Фридриха, посольство — Skala. III. 188—213. 233—264. 269—270. 276. 279—300—304. 318. 326—336. 347—361. 369—377. 2 протеста Фердинанда—423. 430. (2) ib. 271.

дѣлами христіанскими свою бдительную и охранную руку», онъ немедля выступаетъ въ походъ, а въ сентябрѣ будетъ у моравской границы и поэтому просилъ директоровъ — ограничиться пока, до соединенія съ нимъ, оборонительной войной. 6 сентября Гатванъ былъ принятъ директорами и сообщилъ имъ, что Бетленъ пойдетъ на Кошицы, 20 тысячъ отдѣлитъ чехамъ и вступить съ ними въ конфедерацію. Въ отвѣтъ Бетлену, посланномъ съ Гатваномъ, директора благодарили за союзъ, просили спѣшить, и Бетленъ тотчасъ же двинулся изъ Клаузенбурга, принимая по пути подъ свою охрану переполошенныхъ венгерскихъ магнатовъ (1).

Извѣстіе о союзѣ чеховъ съ Бетленомъ произвело крайне тяжелое впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и Фердинандъ приказалъ Букуа спѣшить изъ Чехіи на защиту столицы. Въ началѣ октября Букуа оставилъ Чехію. За нимъ шелъ торопливо къ Вѣнѣ и Дампьеръ изъ Моравіи, разбитый у Пельгримова, «съ своими вазками, рацами (сербами) и тому подобною сволочью изъ Венгріи» (2).

Черезъ нѣсколько дней по отступленіи Букуа двинулся изъ Чехіи и Турнъ съ своими чешскими и мораво-силезскими полками. Въ Чехіи остался Мансфельдъ.

19 октября Букуа, по соединеніи съ Дампьеромъ, съ арміей въ 20 тысячъ человекъ укрѣпился у Вѣны. 13 октября Турнъ соединился у Лундесбурга, на полу-пути между Берномъ и Вѣной, съ 12-тысячнымъ войскомъ трансильванскаго генерала Редея и въ то же время получилъ отъ Бетлена изъ-подъ Пресбурга пріятное извѣстіе, что онъ, Бетленъ, препоручилъ полякамъ оставить въ покоѣ Силезію и Венгрію, если они не желаютъ посѣщенія къ себѣ турокъ. 20 октября Турнъ былъ у Никольсбурга, а 23 у Вѣны. Войско Редея поступило въ полное распоряженіе Турна, такъ что у чеховъ подъ Вѣной было 26 тысячъ человекъ — грозная по тогдашнему армія.

Букуа сильно укрѣпилъ лагерь, но послѣ жаркаго арьергарднаго дѣла 24 октября онъ на другой день перешелъ черезъ

(1) ib. 337—341. (2) ib. 342.

Дунай и расположился въ лѣсу, на островѣ Пратерѣ, а 26 октября и послѣдніе полки его оставили укрѣпленную позицію по ту сторону рѣки и уничтожили за собою мостъ. Въ теченіе этихъ немногихъ дней и Турнъ и Букуа понесли значительныя потери убитыми и ранеными, хотя у Скалы на одного чеха показано десять непріятелей. Срывши шанцы, Турнъ расположился лагеремъ не вдалекѣ отъ уничтоженнаго моста, у Корнеубурга. Всѣ его попытки перейти на правый берегъ Дуная были неудачны, и непріятельскія дѣйствія ограничились кавалерійскими стычками; только въ половинѣ ноября союзники успѣли перейти Дунай ниже Вѣны, по пути къ Пресбургу, а затѣмъ началось страшное разореніе окрестностей столицы на пространствѣ отъ Врука до Вадена⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, Букуа держался крѣпко; чехи съ гайдуками Бетлена не могли взять Вѣны, предъ стѣнами которой они бесполезно стояли теперь уже въ третій разъ. А между тѣмъ наступила осень, зима; заготовленій не было; деньги были нужны, а денегъ изъ Праги не присылали, такъ какъ касса правительства была пуста. Правда, августовскій сеймъ много занимался вопросомъ о недоимкахъ, отыскиваньемъ новыхъ источниковъ доходовъ, — директорія предлагаетъ напр. отобрать всѣ золотыя и серебряныя вещи у частныхъ лицъ, распродать королевскія имѣнья, — но всякое увеличеніе расходовъ на содержаніе войска было крайне не по сердцу сословіямъ, и они отклоняютъ предложеніе объ отобраніи цѣнныхъ вещей и жалуются, особенно рыцари и города, что и безъ того уже слишкомъ много тратится на войско⁽²⁾. Если интендантская часть у чеховъ велась дурно на мѣстѣ, когда войска еще были у себя дома: августовскому сейму генералы жалуются, что солдаты мрутъ отъ голода и дезертируютъ; конные полки посылаютъ депутатовъ на сеймъ съ требованіемъ денегъ за 4 мѣсяца и продажи припасовъ изъ провіантскихъ складовъ по болѣе сходной цѣнѣ; рыцари и города негодуютъ, что командиры богатѣютъ на счетъ

(1) іб. 345. 362. 408—409. (2) іб. 273—275.

солдаты, а бѣдные солдаты — нищіе, больные, гибнуть (1), — то понятно, снабженіе арміи сдѣвалось еще неудовлетворительнѣе при выступленіи ея за границу. Турнъ стоялъ подъ Вѣной безъ денегъ, безъ припасовъ, безъ амуниціи; въ чешскомъ лагерѣ обнаружился голодъ и моръ: офицеры по 4, 5 дней не видали куска хлѣба, рядовые мерли страшно, такъ что въ арміи насчитывалось не болѣе 7 тысячъ здоровыхъ людей (2). Въ день рождества король получилъ напоминаніе отъ Турна — послѣшить съ уплатой жалованья «чрезмѣрно обнищавшему войску, иначе солдаты посягнутъ на средства опасныя и гибельныя для королевства и земель», но комиссары опасаются бетленовскихъ гусаръ и задерживаютъ деньги въ Моравіи (3). Наконецъ, силезцы оставляютъ чешскій лагерь и спѣшатъ домой, куда вторглись поляки, не смотря на полученное отъ Бетлена предостереженіе, а самъ Бетленъ вступаетъ въ переговоры съ Фердинандомъ: 26 декабря Фердинандъ принималъ посла Бетленова, графа Форгача, чрезъ нѣсколько-же дней отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Пресбургъ (4). Естественно, этого не ожидали въ Прагѣ отъ своего союзника седмиградскаго, — но Бетленъ устроилъ свои дѣла такъ, что и съ Фердинандомъ помирился, и отъ чеховъ не отсталъ.

Еще 11 ноября пріѣхалъ въ Прагу извѣстный Редей съ предложеніями отъ Бетлена: Чехія и земли съ одной стороны, Венгрія и Седмиградія съ другой — вступаютъ въ конфедерацію; одна сторона не заключаетъ мира, ниже какого обязательства, безъ вѣдома и согласія другой; война союзниковъ съ домогъ австрійскимъ идетъ на общій счетъ; союзники шлютъ пословъ въ Константинополь, сообща дѣйствуютъ противъ Сигизмунда польскаго, въ случаѣ нападенія на одного изъ нихъ и т. д. Но, главное, Бетленъ не забылъ о себѣ: за свое добровольное участіе въ вѣйнѣ чеховъ съ Фердинандомъ онъ потребовалъ уплаты 100 тысячъ гульденовъ, да на увѣщаніе южной границы Венгріи королевство и земли выслзали бы ему, не мѣшая,

---

(1) ів. 271. 272. 277. 278. (2) ів. 424. 425. (3) ів. 421. 424. (4) ів. 424. 426.

300 тысячъ копѣ. Тяжело было слышать въ Прагѣ требованіе о деньгахъ: «не много помощь Бетлена принесла намъ пользы—говорили сословія, а вреда—на много тоннъ золота»; въ конфедерацию-же съ Венгріей, Седмиградіей—какъ не вступить, и потому король Фридрихъ уполномочилъ генерала Гогенлое въ Пресбургъ на венгерскій сеймъ. Въ концѣ ноября посолъ былъ въ Пресбургѣ, но безъ денегъ, и встрѣтилъ холодный приѣмъ отъ сейма. Гогенлое предложилъ отъ имени Фридриха союзъ и просилъ прислать уполномоченныхъ въ Прагу, но сеймъ отвѣчалъ ему: «надо полномочіе не отъ короля Фридриха, а отъ сословій, да и королевство венгерское во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ имѣло доселѣ первенство предъ чешскимъ, а потому сеймъ находитъ неприличнымъ отказываться ему отъ перваго мѣста и дѣлать какія-то прогулки въ Прагу; пусть сословія вышлютъ своихъ уполномоченныхъ не позже 24 декабря и скажутъ ясно—желаютъ-ли они союза или нѣтъ». Эта аудіенція была 1 декабря, а чрезъ нѣсколько дней король Фридрихъ получилъ умоляющее письмо отъ Гогенлое—поспѣшить съ высылкой комиссаровъ отъ сословій въ Пресбургъ. Король и сословія сейчасъ же избрали уполномоченными: Гогенлое, Турна, Фельзескаго, Кацлира и Ешина и оповѣстили союзныя земли: Моравію, Силезію, Лужицы и Австрію, выслать своихъ комиссаровъ въ Пресбургъ. Но не всѣ чешскіе уполномоченные могли участвовать на сеймѣ: Турнъ уѣхалъ въ Моравію, Фельзескій и Бубна остались при арміи, такъ какъ Букуа сталъ готовиться къ наступленію противъ чеховъ, и въ Пресбургѣ на помощь Гогенлое прибыли только большой Кацлиръ да Ешинъ⁽¹⁾.

Въ Пресбургѣ, такимъ образомъ, въ концѣ 1619 года собрались послы Фердинанда, послы Фридриха и одни начали торгъ съ Бетленомъ, другіе трактацию съ венгерскими сословіями.

Мы видѣли, что Бетленъ денежной награды отъ чеховъ не получилъ; 24 декабря прибываетъ отъ него новое посольство въ Прагу и повторяетъ старое требованіе: дадите денегъ или

(1) ib. 413—415.

нѣтъ — отвѣтите ясно (1). Естественно, денегъ въ Прагѣ не дали. А между тѣмъ со стороны цесарскихъ пословъ предлагаются выгодныя условія, если только Бетленъ согласится на миръ: «за доброе сосѣдство Фердинандъ готовъ уступить въ пожизненное владѣніе часть Венгріи, въ своемъ королевствѣ чешскомъ подарить панство въ 300 тысячъ копъ да въ придачу нѣсколько панствъ въ Силезіи, но съ условіемъ — императоръ вступаетъ въ переговоры съ однимъ Бетленомъ и ни съ кѣмъ болѣе». Бетленъ сообщилъ условія чешскимъ посламъ и давалъ видѣ, что онъ не приметъ условій, не пойдетъ противъ предложенной конфедерации, но въ то же время совѣтовалъ чехамъ мириться: «хотя я до послѣдней капли крови буду помогать вамъ, но не гоже пренебрегать никакими средствами для заключенія мира; Фердинандъ жизнью пожертвуетъ, но отъ войны не отстанетъ; вѣдь у него пять миліоновъ наличныхъ денегъ; повсюду нанимаются новыя войска; испанецъ, папа и другіе ему помогаютъ». Гогенлое смѣясь замѣтилъ на это Бетлену: «шутки все это, а на дѣлѣ нѣтъ у Фердинанда и полумилиона; лучше же всего порѣшить этотъ вопросъ на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ». Но сребролюбивый князь не пожелалъ откладывать своего выгоднаго дѣла съ цесарскими послами и заключилъ перемиріе съ Фердинандомъ (2), хотя въ то же время не отказался отъ формальнаго вступленія въ конфедерацию съ чешскимъ королевствомъ и его союзными землями, и способствовалъ вступленію въ нее венгерскихъ сословій: 3 января 1620 года венгерскій сеймъ принялъ чешскій союзъ, а 15 былъ подписанъ договаривающимися сторонами — Бетленомъ и венгерскими сословіями съ одной стороны, чешскими сословіями и союзными землями съ другой — текстъ конфедерации «на вѣчныя времена» (3). Главнѣйшіе пункты

(1) ib. 421.

(2) ib. IV. 80. О сребролюбіи Бетлена см. разсказъ трансильванскаго хрониста, Георга Крауса, о бетленовой экспедиціи подъ Вѣну на помощь Турну. «Siebenbürgische Chronik des Schässburger Stadteschreibers G. Kraus. 1608—1665». въ «Fontes rerum austriacarum». I. Scriptores III. т. 55. (3) ib. III. 426—430.

новаго договора были слѣдующіе: вѣчный, прочный, ненарушимый миръ и свято хранимый союзъ; всё идутъ противъ того, кто попытается бы нарушить миръ либо расторгнуть настоящую федерацію; стороны заботятся о вступленіи въ федерацію новыхъ земель; чрезъ каждые пять лѣтъ назначается общій сеймъ для разрѣшенія могущихъ возникнуть недоразумѣній; безъ общаго рѣшенія не объявляется война; на содержаніе венгерскихъ крѣпостей чехи вносятъ ежегодно 50 тыс. талеровъ, «не какъ повинность, а по доброй волѣ»; миръ съ турками и новое посольство въ Константинополь въ самомъ скоромъ времени; свобода торговли во всѣхъ союзныхъ земляхъ; одинаковость монеты; третейскій судъ для разрѣшенія споровъ между союзниками; изгнаніе изъ всѣхъ земель союза іезуитовъ и недопущеніе ихъ ни къ какимъ дѣламъ; освобожденіе сословія отъ присяги, въ случаѣ если государь какой земли попытается нарушить союзъ (1).

Извѣстіе о заключеніи седмизрадско-венгерской конфедераціи произвело неописанный восторгъ въ Прагѣ: въ церквяхъ пражскихъ благодарственныя службы; въ замкѣ пальба. Чехи, по своей несчастной слабости въ союзамъ — чужими руками жаръ загребать, готовы были считать себя теперь силою несокрушимой, и имъ мало заботы было о томъ, что у Турна подъ Вѣной, у Мансфельда въ южной Чехіи солдаты мерли по-прежнему — отъ голода (2).

Въ мартѣ 1620 г. Гогенлое пишетъ отчаянное письмо въ Прагу — дайте денегъ, иначе дѣло погибло; «но онъ — говорить Скала — былъ успокоенъ сладкими словами, ибо денегъ, ни земскихъ, ни иныхъ, не было, а высшіе чиновники и судьи (т. е.

---

(1) Текстъ договора у Скалы. IV. 16—26; у Славаты (II. 237. сл.) вкратцѣ. Если бы дальнѣйшія событія дозволили этой громадной средневропейской конфедераціи XVII столѣтія войти въ жизнь, нѣтъ сомнѣнія, она могла бы почитаться во многомъ образцомъ устройства международныхъ отношеній нѣсколькихъ сосѣднихъ государствъ различныхъ національностей; но она опередила, по меньшей мѣрѣ, свой вѣкъ и была пустоцвѣтомъ. Нынѣшнія стремленія австрійскихъ федералистовъ направлены къ подобной же конфедераціи, съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями. (2) Скала. III. 433. 434.

значительная часть прежнихъ директоровъ, Роуповъ былъ теперь ванцлеромъ) болѣе заботились о скупкѣ духовныхъ помѣстій, чѣмъ о дѣлахъ общественныхъ, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства, что, наконецъ, насъ всёхъ и погубило» (1). Между тѣмъ Ветленъ отвелъ свой вспомогательный отрядъ въ Кошицы, дѣйствующая чешская армія ослабла, а тутъ — свѣжія императорскія войска подъ командой de Maggadas свѣшаютъ изъ Германіи въ Чехію и Австрію: въ половинѣ января 3½ тыс. прибыло въ Будеовицы, остальные 4 тыс. пошли къ Вѣнѣ. Чехи не могли помѣшать недшему отряду соединиться съ Букуа, ибо въ февралѣ Букуа дѣйствуетъ уже на лѣвомъ берегу Дуная: онъ два раза разбиваетъ чеховъ у Лангенлонса и Егенбурга, а поступившіе къ нему на службу казаки наносятъ поражение Гогенлоу, и цесарцы рассчитываютъ въ 6 недѣль быть въ Прагѣ (2), гдѣ въ то время собирався общій сеймъ, условленный еще въ пресбургскомъ договорѣ.

Это былъ послѣдній сеймъ. Онъ открылся 26 марта. Согласно условію, сеймъ прежде всего выслушалъ договоръ и одобрилъ его (3), а затѣмъ занялся тяжелымъ вопросомъ о деньгахъ. «Отъ денегъ зависитъ все спасеніе дѣла» — постоянно пишутъ теперь чешскіе генералы. Въ королевскихъ предложеніяхъ сейму мрачными красками рисовалось положеніе дѣла въ слѣдствіе истощенія казны. «Понеже налоги, разрѣшенные въ началѣ обороны и на сеймѣ 1615 года, послѣдовавшій затѣмъ цenzъ не могли быть достаточны для войны — эти деньги пошли на посылства, амуницію, на уплату генераламъ, и до настоящаго времени солдаты не были обучены и не получали сполна жалованья; поэтому сеймъ долженъ внимательно обсудить слѣдующую статью: какъ сдѣлать, чтобы денегъ всегда было въ достаткѣ подъ руками, чтобы могли быть устранены въ арміи страшныя недостатки, непорядки, путаница, неполнены полки, удобнѣе организовано земское ополченіе, сдержано своеволие солдатъ, отъ которыхъ страна страдаетъ не менѣе; чѣмъ отъ непріятеля».

---

(1) ib. 480. (2) ib. 430—431. 476—478. (3) Конечное утвержденіе состоялось 25 апрѣля. (ib. IV. 46. сл.).

Сеймъ, увеличивъ содержаніе короля, «въ благодарность за его пожертвованія изъ собственной мощны, на 52 т. копъ для улучшенія стола», сталъ обещать «пути и средства, чтобы денегъ всегда было въ достаткѣ подѣ руками». Паны и рыцари предложили установить налогъ на зерно и домашнее вино по 2 гроша съ копы. Но противъ этого налога завонило третье сословіе: не всѣ мѣщане имѣютъ землю подѣ хлѣбомъ, поэтому должны платить одни земельные мѣщане; что же касается до вина, то пусть останется прежній законъ — 10 грошей съ ведра привознаго вина. Высшія сословія возражали, что тѣ, которые не имѣютъ земли и занимаются исключительно торговлей или промыслами, могли бы согласиться и сообща уплатить извѣстную сумму денегъ замѣсто зерноваго налога, чтобы только не нарушать справедливости между сословіями; вина же привознаго въ настоящее время за войной нѣтъ, а между тѣмъ нужда крайняя въ деньгахъ, «какой прежде не бывало». Вильгельмъ Лобковицъ замѣтилъ, что мѣщане безземельные могли бы принять на себя половину подомнаго налога: «третье сословіе — говорилъ онъ съ сердцемъ — постоянно домогалось равенства съ высшими сословіями — и въ директоріи, и вездѣ, — ясно, оно должно въ равной степени съ ними нести и налоги; въ то время какъ паны и рыцари готовы и рубаху съ себя снять на общее дѣло, мѣщане — плохой помощникъ въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, лишь только рѣчь зайдетъ о деньгахъ». Посовѣтовались между собой мѣщане и снова отвѣтили — не согласны: «мы внесли уже много денегъ; содержали служилыхъ людей, домашнюю гвардію; дѣлали окопы около Праги, не мало денегъ дали въ займы на земскія нужды, а на виноградники имѣемъ пожалованья отъ прежнихъ королей и платимъ и безъ того довольно высокой *pergrecht*». Высшія сословія объявили на это, что такъ какъ города отдѣляются отъ нихъ, то они спорный вопросъ представляютъ на рѣшеніе короля. Депутаты отъ городовъ сдѣлались податливѣе: «въ вопросѣ о зернѣ — объявили они — справедливо, чтобы тотъ, кто не имѣетъ зерна, не несъ налога; что же касается до вина, то можно платить по 2 гроша, но съ чистой, а не съ валовой прибыли». Но паны и рыцари не

приняли этой уступки: будетъ-де путаница. Только на слѣдующій день, 24 апрѣля, города сдѣлали новую уступку, принявъ предложеніе пражанъ, которые поспѣшили на помощь своимъ собратьямъ, когда услышали, что «вышнія сословія тѣснятъ третье»: для соблюденія равенства съ панами и рыцарями мѣщане, имѣющіе посѣвы или торгующіе хлѣбомъ, платятъ зерновой налогъ; на винный налогъ согласны, но, если возможно, уменьшить его на половину. Вышнія сословія поблагодарили пословъ отъ королевскихъ городовъ. Предъ самымъ закрытіемъ сейма сословія избрали старшаго сына Фридриха, Фридриха Генриха, наследникомъ престола: «не смотря на то, что онъ еще младенецъ — сказалъ канцлеръ Роуповъ — въ немъ замѣчается особенная любовь къ чешскому языку, и въ теченіе самаго короткаго времени онъ успѣлъ настолько, что въ состояніи произносить выразительно и свободно эти святыя слова: начало премудрости — страхъ Господень» (1).

Скорбныя прѣвнія о налогахъ послѣдняго чешскаго сейма въ послѣдній разъ показали въ всей ея наготѣ печальную, знакомую картину — насколько своекорыстныя сословія-подобны были малы для выполненія той великой задачи, поднять которую они были достаточны сильны — добыть религиозную и государственную свободу (2). Сословія заботятся объ одномъ, какъ-бы увернуться отъ непріятныхъ взносовъ, и одни вваливаютъ ихъ на шею другимъ; на сценѣ — ссылки на старыя привилегіи, и все это дѣлается въ то время, когда правительство не знаетъ, чѣмъ заплатить голодающимъ войскамъ, какъ исправить чудовищныя недостатки въ арміи, гдѣ солдаты мрутъ, бѣгутъ, а генералы ссорятся изъ-за повышеній, когда сельчане, выведенные изъ терпѣнія неистовствами своихъ солдатъ, тысячами скрываются

---

(1) О послѣднемъ сеймѣ — Skala. IV. 1—28. 39—69.

(2) Фердинандъ ясно понималъ эту задачу и потому работаетъ на охраненіе габсбургскаго права, не щадя ничего. Онъ ясно это выразилъ въ письмѣ къ французскому королю (въ мартѣ 1620 года), проси его о помощи и «předstíraje mu nebezpečnoství veliké, kteréž valilo by se zároveň na všecky vrchnosti řádu a stavu monarchického». (ib. III. 473).

въ лѣсахъ, образуютъ банды и требуютъ отъ правительства прежде всего «освобожденія ихъ отъ ерѣвостной зависимости господамъ и объявленія ихъ свободными людьми» (1), когда непріятель, наконецъ, готовится къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Мы видѣли, что въ февралѣ чешская армія въ Австріи, находившаяся теперь подъ главной командой новаго генерала, князя Христіана Ангальтскаго, была три раза разбита, по частямъ, соединенными войсками Фердинанда. Букуа собирався уже двинуться прямо на Прагу, когда князь Христіанъ одумался и, станувъ свои разрозненныя силы въ числѣ 12 тыс., сталъ у Эгенбурга, чтобы преградить путь непріятелю къ Прагѣ. 7 марта Букуа былъ у Гогенварта, вблизи чешскаго лагеря. Нѣсколько дней тянулись мелкія аванпостныя стычки, но, наконецъ, Букуа рѣшился дать генеральную битву. Чехи занимали сильную позицію: главные силы ихъ были расположены на горѣ; подъ горой — австрійское ополченіе; въ сторонѣ, въ лѣсу, скрыта была засада — 2 тыс. мушкетеровъ. Дампіеръ, съ казаками впереди, атаковалъ князя Христіана; тотъ отступилъ къ Вагу, Дампіеръ пошелъ за нимъ и наткнулся на засаду, въ то время какъ съ горы громили его чешскія батареи: произошла «жестокая битва», и цесарцы были разбиты; раненный Дампіеръ едва спасся на казацкѣй лошади, потерявъ 2 т. человекъ. Особенно пострадали казаки: у нихъ былъ убитъ «набольшій» (2).

Но эта первая неудача не остановила Фердинанда; въ началѣ апрѣля онъ приказалъ Букуа напасть на чешскій корпусъ Фельзескаго и Бубны, стоявшій у Синцендорфа. Букуа повторилъ маневръ князя Христіана. 12 апрѣля казаки сдѣлали фальшивую атаку на чешскую кавалерію и тотчасъ же отступили; Фельзескій, не смотря на предостереженіе своего товарища, Бубны, пустился въ погоню съ 4 эскадронами, но, доскакавъ до лѣсу, наткнулся на Букуа. Произошла отчаянная схватка: самъ фельд-маршалъ Фельзескій и почти вся его конница легли на полѣ битвы, немногіе спаслись бѣгствомъ, горячо преслѣдуемые ка-

(1) Любопытный рассказъ объ этомъ движеніи — ib. IV. 126.

(2) ib. III. 428—429.

заками; казаковъ сдержала выдвинутая впередъ пѣхота Бубни, послѣ чего они занялись грабежомъ убитыхъ. Смерть храбраго фельдмаршала была тяжелой потерей для чеховъ и въ добавокъ «возбудила немалую ненависть между первыми офицерами, когда одни передъ другими старались попасть на вакансію, и не послѣдній между ними былъ Мансфельдъ» (1).

Едва успѣли чехи оправиться отъ пораженія, какъ 8 мая потеряли новую битву у Герста, повше Синцендорфа: часть корпуса Мансфельда была на голову разбита Дампьеромъ (2). Въ то же самое время казацкія шайки наводняютъ Силезію, Моравію, хозяйничаютъ даже въ королевствѣ, не смотря на то, что гдѣ было только можно, съ ними расправлялись безпощадно озлобившіеся мораване и силезцы: въ маѣ у Мезирѣцкаго озера, въ Моравіи, было убито 900 казаковъ, а въ Вратиславѣ повѣшено 30 «на новой висѣлицѣ — все шляхтичи и между ними одинъ ротмистръ, что очень возмутило другихъ поляковъ». Отъ казаковъ особенно приходилось плохо бѣдному сельскому населенію. Въ Силезіи выдвинуто было 25 тысячъ земскаго ополченія къ границамъ польскимъ, чтобы сдержать новыя шайки казаковъ изъ Подоля, шедшихъ на помощь императору, и словія готовы были вторгнуться въ самую Польшу (3).

Недавнія пораженія опять надумили чеховъ, и князь Христіанъ приказалъ снова стянуться разбросаннымъ чешскимъ корпусамъ. Въ то же время онъ получилъ подмогу въ 4 т. отъ Бетлена, при увѣреніи, что въ случаѣ дальнѣйшихъ нествостствъ отъ казаковъ онъ, обязуемый конфедераціей, самъ прибудетъ на помощь. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Христіана было до 20 тыс. человекъ. Съ этими силами онъ готовился дать новый отпоръ Вукуа, имѣвшему 25 тыс. Въ концѣ мая чешская армія расположилась у Эгенбурга; тутъ же не вдалекѣ, у Гейдердорфа, сталъ и Вукуа. Но оба противника избѣгали рѣшительной встрѣчи, и дѣло ограничивалось аванпостными стычками да грабежами: «грабили, какъ кого кто

(1) ib. IV. 78—79. (2) ib. 124.

(3) ib. 124—126. 123. 186.

злѣ, не разбирая — напешникъ онъ или евангеликъ» (1).
Ю, первыми въ грабежахъ были казаки, зерно кото-
авляли извѣстные въ исторіи Россіи лисовщики, пере-
теперь изъ-подъ Москвы къ Вѣнѣ. Они были посланы
Ягизмундомъ, въ числѣ 8 тысячъ, подъ командой Яна
о и Адама Липскаго, и «храбро бились за императора
съ битвахъ» — говорить современнѣй полякъ (2).

видѣли, что Бетленъ въ январѣ заключилъ перемиріе
нандомъ; но это не мѣшало ему въ маѣ послать под-
мъ и общать новыя присылки въ случаѣ продолженія
неистовствъ. Дѣйствительно, въ началѣ іюня Турнъ,
казацкии шайки, занимаетъ два прохода на правомъ
уная и очищаетъ путь шедшимъ къ нему на помощь
Бетлена (3). Но Бетленъ былъ полезенъ чехамъ не
акъ членъ конфедераціи, снабжавшій ихъ своими каза-
цуканами: онъ былъ имъ крайне необходимъ, какъ по-
въ ихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портой,
которой въ чешской войнѣ, къ сожалѣнію, запоздавшее
годъ, дѣйствительно спасло чешскія земли отъ гра-
сазаковъ.

рвѣй Бетленъ присовѣтовалъ въ Прагѣ обратиться къ
Мы видѣли, что въ ноябрѣ 1619 года Редей предло-
хамъ отправить пословъ къ знаменитому султану Осману.
одно изъ отвѣтнаго письма Османа, отъ 30 апрѣля 1620
жорѣ былъ, дѣйствительно, отправленъ изъ Праги по-
мъ въ Константинополь нѣкто капитанъ Генрихъ, съ

ib. 124. 125. 127.

«Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana
za z tekoriama wydal K. W. Wóyciecki». Warszawa. 1815. I. 66. 67.
лъ, въ 1621 года, эти же казаки, покончивъ съ чехами, не менѣ
бились за поляковъ подъ Хотиномъ съ турками, которыми они
пекали: при заключеніи мира великій визирь требуетъ выдачи
, поляки не согласны, и туромъ грозить: «дадите вы за Грыцьна,
у, за Ивана своего королевича». См. «Wojna Chocińska, przez
kiego». Lwów. 1850. стр. 397.

Skala. IV. 183.

жалобой на «тиранство Фердинанда, который много обещалъ, но ничего не сдержалъ». Бетленъ поддержалъ чешскаго посла, и султанъ, одобряя избраніе новаго короля, извѣщалъ чеховъ, что онъ ихъ своею милостію не оставитъ, особенно «милго нашего пріятеля, короля Фридриха, къ которому мы готовы поспѣшить съ людьми и со всѣмъ, что только ему понадобится, на случай, если бы Фердинандъ вздумалъ его обижать». Для узнанія настоящаго положенія дѣлъ Османъ послалъ Магомета-агу, такъ какъ «здѣшній цесарскій посланникъ объявляетъ, что вы, чехи, уже покорились, тогда какъ избрать новаго короля — вещь немалая» и просилъ прислать новое посольство отъ всѣхъ «семи земель». Великій визирь извѣщалъ Фридриха, что уже приказано пашѣ будимскому принять и проводить чешскихъ пословъ⁽¹⁾. Бетленъ предувѣдомилъ Фридриха о турецкомъ посольствѣ, а 5 іюля Магометъ-ага имѣлъ аудіенцію у короля. Повторивши увѣренія въ дружбѣ Османа, онъ прибавилъ, что по первому знаку прибудетъ на помощь королю 60 тыс. отборной конницы изъ Будима, что поляки съ казаками много зла надѣлали и туркамъ; но король можетъ быть покоенъ — султанъ съ весны пошлетъ на поляковъ 400 тысячъ войска, чтобы они знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: получаютъ они вознагражденіе за свои пакости. Послѣ аудіенціи турокъ былъ приглашенъ на банкетъ, много пилъ и увѣрялъ, что на томъ свѣтѣ дьяволъ будетъ печь Фердинанда на рождѣ⁽²⁾.

Безъ сомнѣнія, въ Прагѣ были довольны союзу турецкому, обѣщанному походу на поляковъ, но подмогу отклонили. 14 іюля посолъ былъ отпущенъ обратно, но безъ отвѣта, такъ какъ еще 3 іюля было отправлено въ Константинополь специальное посольство, а 27 — турокъ нагналъ его въ Новой Быстрицѣ у Бетлена. Чешскимъ посламъ было поручено просить Османа — быть въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ и не позволять ни своимъ войскамъ, ни татарамъ помогать Фердинанду или вторгаться въ чешскія земли⁽³⁾. Очевидно, въ Прагѣ опасались

(1) Оба письма у Славаты. II. 241—243.

(2) *ib.* 245—247. Skala. IV. 219—221. (3) *ib.* 216—219.

подмоги турецкой, а между тѣмъ она была бы весьма къ стати, такъ какъ теперь собиралось вторгнуться въ королевство свѣжее императорское войско подъ начальствомъ Максимилиана, герцога баварскаго. Вмѣстительство Максимилиана рѣшило участь войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участь чешскаго королевства.

Въ началѣ сентября герцогъ баварскій былъ на границѣ чешско-моравской. Онъ желалъ овладѣть Индриховымъ Градцемъ, который составлялъ ключъ къ Прагѣ, Моравіи и нижней Австріи, но узнавъ, что вблизи стоитъ 8 тыс. чеховъ подъ начальствомъ Турна и Мансфельда, поворотилъ назадъ, на соединеніе съ Букуа, имѣя на-лѣво отъ себя Дампьера, дѣйствовавшаго противъ князя Христіана Ангальтскаго. У мѣстечка Горна, неподалеку города Кремза, соединились Максимилианъ и Букуа. 12 сентября они порѣшили дѣйствовать такъ: со всѣми силами двинуться противъ главной чешской арміи князя Христіана, стоявшей лагеремъ у Дрозендорфа, отбросить ее оттуда, но не преслѣдовать, а ближайшей дорогой итти на Прагу. Но князь Христіанъ узналъ заранѣе о планахъ непріятеля, отступилъ немедленно изъ Дрозендорфа къ Знойму и далѣе въ Чехію, и Максимилианъ пошелъ безпрепятственно къ Будеевицамъ. 25 сентября соединенныя войска Максимилиана и Букуа оставили Будеевицы и двинулись по направленію къ Прагѣ. 26 были взяты Водняны, 29 — Прахатицы, 30 — Писекъ, Страконицы и другіе города въ прахенскомъ краю. Цесарцы были на полупути къ Прагѣ.

Что же дѣлали въ столицѣ? Въ виду приближенія непріятеля, Фридрихъ собралъ совѣтъ изъ высшихъ земскихъ чиновниковъ и генераловъ и предложилъ имъ на рѣшеніе вопросъ: оставаться-ли ему въ Прагѣ или ѣхать къ дѣйствующей арміи. Совѣтъ высказался за отъѣздъ: «присутствіе короля въ лагерь — говорили приглашенные — ободритъ войско болѣе, чѣмъ одинъ или два генерала, да и будетъ лучшая дисциплина и порядокъ, не говоря уже о томъ, что въ минуты опасныя главнокомандующій затрудняется принять рѣшеніе безъ воли короля, испрашивать же приказанія чрезъ нарочнаго — неудобно». Король согласился съ мнѣніемъ совѣта и тотчасъ же отправилъ изъ Праги въ Брандбургъ своего старшаго сына Генриха, наслѣд-

ника престола. Окрестности столицы — Жижкова гора и другія, были укрѣплены; изъ цейхгауза были взяты пушки. 25 сентября, поручивъ королевство управленію намѣстниковъ и протистившись съ своей семьей, Фридрихъ выѣхалъ изъ Праги и вскорѣ былъ въ арміи, стоявшей у Требоня.

По взятіи Писка, въ началѣ октября Максимилианъ вступилъ въ пильзенскій край и его покорилъ, въ то самое время какъ чешская армія двигалась къ сѣверу по правому берегу Велтавы. При переходѣ на лѣвнй берегъ съ цѣлью пересѣченія непріятелю пути къ столицѣ, король изъ лагеря подѣ Сѣдельчанами отправилъ приказаніе намѣстникамъ навести мостъ чрезъ Велтаву у Збраслава для переправы войскъ Бетлена, избраннаго теперь на быстрицкомъ сеймѣ короля венгерскаго; но забота была напрасна, такъ какъ вспомогательный отрядъ Бетлена не соединился съ чехами: Петси Симонъ, ведшій его, передался Фердинанду (1). Въ Пильзнѣ чехи имѣли еще значительный корпусъ Мансфельда, и Фридрихъ надѣялся на него при своемъ переходѣ на лѣвнй берегъ Велтавы, но Мансфельдъ отказался итти на соединеніе съ главной чешской арміей, которая въ половинѣ октября стояла у Рокницанъ, заперся въ Пильзнѣ и даже вступилъ въ отдѣльные переговоры съ Максимилианомъ. Современники въ дѣйствіяхъ Мансфельда видѣли измѣну, но за него стоялъ горой Турнъ: когда жена бургграфа Берки сообщила мужу во время засѣданія въ канцеляріи, что въ обществѣ начинаютъ говорить объ измѣнѣ Мансфельда королю и сословіямъ, Турнъ съ негодованіемъ замѣтилъ — «лучше бы жени занимались прялкой, а заботы о военныхъ дѣлахъ оставили въ сторонѣ». (2). Дѣйствительно, въ дѣйствіяхъ Мансфельда было что-то странное: когда въ 20-хъ числахъ октября Максимилианъ снялъ осаду Пильзны и пошелъ впередъ, надѣясь отрѣзать Фридриху отступленіе къ столицѣ, Мансфельдъ пропустилъ непріятельскія войска безъ выстрѣла.

Планъ Максимилиана отрѣзать Фридриха не удался: король

(1) «Siebenbürg. Chron.» въ «Fontes r. austr.», I. III. 59.

(2) Skala. IV. 321.

узналъ о немъ заранѣе и отступилъ, а Максимилианъ пошелъ на Тоушково, Пласы, Краловицы и Свѣноеть, гдѣ 28 октября засталъ чешскую армію. Послѣ жаркихъ стычекъ 28 и 29 октября, гдѣ чехи сражались храбро, Фридрихъ отступилъ къ Раковнику, а въ слѣдъ за нимъ потянулся Максимилианъ. У Раковника чехи укрѣпились шанцами; при гористой мѣстности, лагерь ихъ представлялъ сильную позицію, и потому Максимилианъ не рѣшался на штурмъ. Прошла недѣля, а Максимилианъ все медлилъ. Между тѣмъ подступала зима, распутица, запасы истощались; крестьяне жатецкаго края возстали въ числѣ 7 т. человекъ и нещадно убивали баварскихъ мародеровъ; во что бы ни стало, а кампанію надо было кончать. Но Максимилиана вывелъ изъ затруднительнаго положенія самъ Фридрихъ: 6 ноября онъ оставилъ свою крѣпкую позицію у Раковника и подвинулся ближе къ Прагѣ — къ Бѣлой горѣ, намѣреваясь стянуть здѣсь всѣ свои войска и дать генеральную битву. По слѣдамъ чеховъ пошелъ Максимилианъ и сталъ также у Бѣлой горы. Расстояніе между обоими лагерями было не болѣе 800 шаговъ. Не смотря на близость непріятеля, не смотря на свою малочисленность — не болѣе 14 тысячъ, чехи были крайне безпечны, и въ чешскомъ лагерѣ царилъ полный безпорядокъ. Прага была подъ бокомъ, и потому, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ мушкетеромъ, все это спѣшило перебывать въ столицѣ, отдохнуть послѣ долгихъ лагерныхъ лишеній: чехи были убѣждены въ неприступности своей позиціи.

Наступило воскресенье, 10 ноября. Сильная канонада съ ранняго утра по чешскому лагерю предвѣщала, что Максимилианъ что-то затѣваетъ, — но въ лагерѣ не обратили на нее вниманія, и масса офицеровъ гуляла въ столицѣ. Только въ полудню князь Христианъ приказалъ офицерамъ посѣтить обратно въ лагерь и просилъ короля прибыть самому на мѣсто. Баварскіе кирасеры незамѣтной тропинкой поднялись на гору и, не встрѣтивъ сопротивленія, въ минуту овладѣли чешской артиллеріей. Полки генерала Гогенлое, ссылаясь на то, что имъ не дано приказанія вступать въ битву, отступили. Конница обратилась въ бѣгство. Только вспомогательный отрядъ моравскій

— 3 т. пѣхоты и 1 т. кавалеріи, подъ командой храбраго Штубенфолля, смѣло встрѣтилъ баварскихъ кирасировъ батальнымъ огнемъ, пошелъ въ атаку и отбилъ пушки. Въ это самое время казаки ударили на венгерскую конницу чеховъ. Съ обѣихъ сторонъ подоспѣли подкрѣпленія, закипѣлъ жестокій бой, и нѣсколько часовъ битва была нерѣшительная. Мадыры сражались храбро, казаки стали подаваться, какъ вдругъ кавалерійскій отрядъ Гогенлое, посланный на подмогу венгерскимъ гайдукамъ, обратился въ бѣгство. Произошло общее смятеніе: ряды чешскіе стали отступать, и, не получая подкрѣпленія отъ князя Ангальта, бросились опрометью по направленію къ столицѣ. Кавалеристы, пѣхотинцы давили другъ друга, и все вмѣстѣ представляло безобразную картину поспѣшнаго бѣгства.

Король Фридрихъ только что отобѣдалъ, когда получилъ извѣстіе о проигранной битвѣ. Столица готова была встать на защиту; были еще свѣжія войска въ городѣ; моравскіе, венгерскіе солдаты сражались храбро, на нихъ можно было еще положиться; въ Пильзнѣ стоялъ Мансфельдъ; держались еще другіе города; наконецъ въ Силезіи находился храбрый маркграфъ Кривевскій, — но Фридрихъ потерялъ голову, и, бросивъ корону и всѣ королевскія регаліи на старомѣстской площади, постыдно дралъ въ Силезію. За нимъ слѣдовалъ князь Христіанъ и Гогенлое. Турнъ бѣжалъ въ Венгрію. Не было чловѣка, который воззвалъ бы къ мужеству и далъ отпоръ⁽¹⁾.

На другой день, 11 ноября, сдалась столица, а въ теченіе недѣли приведены были къ присягѣ другіе города; держались еще нѣкорое время Таборъ, Пильзень, Требонъ и Индриховъ Градецъ. Ренегатъ братской общины, князь Лихтенштейнъ, получилъ полномочіе очистить страну отъ еретиковъ. 21 іюля 1621 года сложили головы на старомѣстской плахѣ: восьмидесятилѣтній Будовець, Шликъ, Каллиръ, Коханъ, Гоштылекъ, ректоръ Ессенскій и другіе, въ числѣ 28 чловѣкъ. Только крайнее изувѣрство Фердинанда и іезуитовъ могло измыслить тѣ квали-

(1) О послѣднихъ дняхъ чешскаго королевства — Skala. IV. 301—310. 315—328. 336—385. Naberfeld. «Bellum». 30—39.

іонныя казни, на которыя осуждены были несчастные
ти чешскаго возстанія. Ессенскій, напр., какъ дипломатъ,
приговоренъ сначала къ вырванью языка и четвертованью,
томъ послѣдовало «милостивое облегченіе»: отрѣзанъ былъ
) конецъ языка, отрублена голова и повѣшена на башню.
жавшихъ, казненныхъ и даже у умершихъ участниковъ
нія были сконфискованы всѣ имущества — на 5¹/₂ мил. кофъ; у
провинившихся сконфисковано было имущество на половину,
ть и т. д. 13 декабря 1621 года были осуждены на
е изгнаніе «злые, неблагородные, ядовитые и мятежные»
іе предиканты и священники-подобои (1). 30 октября 1622
пражскій университетъ былъ переданъ іезуитамъ и этимъ
тъ отъ разрушенія: въ Вѣпѣ генералы требовали снести
ad signum perpetuae infamiae — или обратить въ инва-
ій домъ, «затѣмъ что королевство покорили не попы, а
ты» (2). Въ 1624 году были воспрещены всякая проповѣдь,
ніе, вѣнчаніе на дому подѣ страхомъ изгнанія и фиска;
аніе подобойскаго священника влекло за собой потерю
(и имущества; покойники-подобои лишались христіанскаго
бенія; дѣти не допускались въ ремеслу, если они не ка-
и. 31 іюля 1627 года, въ день памяти Лойолы, было
лено, что императоръ не желаетъ долѣе терпѣть лицъ
) пола, исповѣдывающихъ «еретическія заблужденія»: въ
сяцевъ паны и рыцари, не возвратившіеся въ лоно като-
кой церкви, должны пойти въ изгнаніе (3), — и пошли въ
ніе 36 тысячъ семействъ, въ томъ числѣ и Жеротинъ мо-
ій (4). Въ землѣ была объявлена реформація: земля подѣ-
была на миссіонерскіе участки; іезуиты, капуцины, паны,

---

(1) Казни, еиски, изгнаніе — Skala. V. 81—142. Komenský. «O
. 168—229. Skala. ib. 66. 239. Kom. ib. 234—240. Sk. ib. 184—187.
. ib. 149—159.

(2) Koloušek. «České st. právo». 400 пр.

(3) Komenský. «O pr.». 257—260; 244—245.

(4) Ооенціальныя данныя. Томан. «Das böhmische Staatsrecht».
1872. 82.

рыцари ходили и обращали крестьянъ въ католичество, а въ 1627 была образована религіозная комиссія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа-кардинала Гарраха. Наконецъ, 10 мая 1627 было издано «Обновленное право и земскій уставъ наследственнаго королевства чешскаго», октропировавшее старую конституцію, маестать Рудольфа и проч. (1).

Фердинандъ въ точности исполнилъ приказаніе, данное ему придворнымъ іезуитомъ въ проповѣди по случаю бѣлогорской побѣды: «упасеши я палицею желѣзною, яко сосуды скудельника сокрушиши я. (Ис. II. 9) — пановъ подложи подъ ноги себѣ, да не подымутъ головы, народъ сокруши, яко сосудъ скудельный; отыми у нихъ все, что только не любо очамъ божіимъ и твоимъ — ихъ свободы и маестать Рудольфа» (2). Вѣковая борьба земли за свободу совѣсти, за сохраненіе жизнью выработанной народной религіи окончилась, и — гибельно для земли: іезуитизмъ восторжествовалъ надъ общиной братской. Слѣдя за ходомъ событій, приведшихъ къ бѣлогорской катастрофѣ — финалу длинной трагедіи, мы видѣли тѣ мелкія и крупныя причины, которыя заставили обстоятельства сложиться такъ, а не иначе: близорукость дѣйствиій братьевъ-подобоевъ, ошибки въ выборахъ, сословный эгоизмъ, взаимное недовѣріе, рознь, мелкіе счеты, безучастіе массы, преобладаніе слова надъ дѣломъ, любовь къ землѣ болѣе всего на словахъ, славянская лѣнь, отсутствіе лицъ выдающихся — вотъ что бросается глазамъ лѣтописца, и великій патріотъ-изгнанникъ имѣлъ право написать, нѣсколько лѣтъ спустя, приведенныя нами въ началѣ книги жесткія слова: «*smе byli, jako na open čas Jeruzalem, holí a podpor svých, to jest, rekú udatných, mužú valečných, sudců a prorokú, mudrcú a radců utipných a vumlvných nemající*». Но чехи пали, бросивъ въ жизнь челоуѣчества идею религіозной свободы — за-

(1) Koloušek. «České st. právo». 411 и сл.

(2) Skála. IV. 387.

горя, къ сожалѣнiю, забывается и забывалась людьми. Мы удивляемся, что люди нашего времени съ оскорбительною холодною относителемъ къ бѣдной родинѣ Гуса, Хельми и Коменскаго, что есть даже люди, злорадствующе еще въ близкихъ современникахъ, нравственно обязанныхъ подобоюмъ многими результатами своей религиознаго жизни, нашли человека, чей благородный голосъ возсталъ бы на нравъ убиваемаго иезуитами народа. Напрасно патриоты ищутъ задобрить мнимыхъ друзей своихъ въ пользу народа; напрасно Коменскій ѣздитъ въ Англiю, Швецию, всюю педагогическою дѣятельностью добыть какое доброе слово чужахъ; напрасно льститъ онъ Оксенштернѣ и умоляетъ ногу лежу твоихъ, а чрезъ тебя у ногъ свѣтлѣйшей царицы, прошу и заклинаю васъ ранами Иисуса Христа — не оставьте насъ, мучениковъ за Христа, взгляните на народъ, раздѣленный между народами европейскими Христосъ возрѣлъ, вырвавъ его изъ тмы антихристовой, который раньше, не народы просвѣтились, вынесъ одинъ въ теченiе дѣятельности всю ярость бѣшенства антихриста⁽¹⁾: вестфальскiй миръ поставилъ чеховъ безъ вниманiя, «въ горлѣ антихристовѣ въ ихъ на вѣчныя времена»⁽²⁾. Принявъ за исходную 1624 годъ, вестфальскiй миръ игнорировалъ, что было⁽³⁾. При вѣсти о заключенiи мира, Коменскiй съ бра-

1) Zoubek. «Život J. A. Komenského». Praha. 1871. 66.

2) Komenský. «Smutný hlas». § 12.

3) «Terminus a quo restitutionis in ecclesiasticis, et quae intuitu in politicis mutata sunt, sit dies 1 Ianuarii anni 1624. Fiat itaque o omnium electorum, principum et statuum utriusque religionis, iensa libera imperii nobilitate, ut et communitatibus et pagis immemorarie et pure». § 2 artic. V. instrumenti pacis Osnabrugensis. Въ эмигрантахъ дозволенъ возвратъ, но подъ условiемъ, уничтожить возможность возврата: «Qui vero subditi et vasalli hereditarii foris et domus Austriacae sunt, eadem gaudeant amnestia, quod is, vitam, famam et honores, habeantque securum reditum in pristinam, ita tamen, ut se teneantur accomodare legibus patriis regnum inclinarum». § 52. artic. IV. instr. p. Osn. — Ghillany. «Diploma-Handbuch». Noerdlingen. 1855. 23. 21.

ТАКИ МОГЪ ТОЛКО СКАЗАТЬ: «НАДЪ НАБОМЪ ЕСТЬ
ЧАХАТЬ, — НО ОНО НАЙДЕТСЯ НА НОБЪ» (1). Но какъ
было, исторія всегда скажетъ о чехахъ: жили и
были дивными людьми.

---

(1) Zoubek. Život. 67.

